

ИЗВЕСТИЯ

**Архитектурно-этнографического
музея «Тальцы»**

Выпуск 6

Иркутск, 2013

УДК 39(57)
ББК 63.5 (2р54)
И 33

Издается по решению Ученого совета
Архитектурно-этнографического музея «Тальцы»

Редакционная коллегия: канд. филол. наук, доц. Г.В. Афанасьева-Медведева, канд. ист. наук, доц. В.М. Ветров, д-р ист. наук, проф. А.В. Дулов, канд. ист. наук Т.А. Крючкова, канд. ист. наук Ю.П. Лыхин, канд. экон. наук, доц. Д.Я. Майдачевский, канд. культурологии В.В. Тихонов, канд. ист. наук, доц. В.П. Шахеров, канд. ист. наук А.И. Шинковой.

Ответственный редактор Ю.П. Лыхин

И 33   Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» / отв. ред. Ю.П. Лыхин. Иркутск, 2013. Вып. 6. 232 с.

ISBN 978-5-91344-349-6

ISBN 978-5-91344-349-6

© АЭМ «Тальцы», 2013

NEWS

of Architectural and Ethnographic Museum «Taltsi»

Issue 6

Irkutsk, 2013

Edition by permission of Scientific Council
of Architectural and Ethnographic Museum «Taltsi»

Editorial board: Candidate of Philological Sciences, Associate Professor G.V. Afanasieva-Medvedeva; Candidate of Historical Sciences, Associate Professor V.M. Vetrov; Doctor of Historical Sciences, Professor A.V. Dulov; Candidate of Historical Sciences T.A. Kriuchkova; Candidate of Historical Sciences Yu.P. Lykhin; Candidate of Economical Sciences, Associate Professor D.Ya. Maydachevsky; Candidate of Culturology V.V. Tikhonov; Candidate of Historical Sciences, Associate Professor V.P. Shakherov; Candidate of Historical Sciences A.I. Shinkovoy.

Executive editor Yu.P. Lykhin

News of Architectural and Ethnographic Museum «Taltsi». Irkutsk, 2013.
Iss. 6. 232 p.

ISBN 978-5-91344-349-6

ISBN 978-5-91344-349-6

© AEM «Taltsi», 2013

ИСТОРИЯ

Г.Б. Красноштанов

В ПОИСКАХ РОДИНЫ ЕРОФЕЯ ХАБАРОВА

В 2008 г. в г. Хабаровске была издана наша книга «Ерофей Павлович Хабаров», в первой главе которой много внимания уделено установлению места рождения знаменитого землепроходца. Поиск исторических документов занял не один год. Ко времени издания книги казалось, что содержание всех сохранившихся документов, имеющих отношение к его жизнеописанию, мне уже известно, за исключением тех, которые не выдали в архиве, сославшись на их ветхость (таких немало).

Уже после издания книги мною было найдено еще несколько документов, в том числе один, который послужил причиной написания этой статьи. Документ дает новое прочтение ранее опубликованных документов. Он позволил установить места проживания отца Ерофея Хабарова, который хотя и упоминался в документах, но был неуловим, так как именовался Меньшичко Хабаров. Теперь стало известно и его отчество — Иванов сын. Кроме того, выяснилось, что кроме Никифора у Ерофея Хабарова был еще один брат, который в документе назван Микиткой Меньшиковым Хабаровым. Назрела необходимость ввести этот документ в научный оборот.

В книге Г.А. Леонтьевой «Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров» написано:

«По вопросу о месте его рождения в исторической литературе долго не было единого мнения. Дореволюционный исследователь Н.П. Чулков писал, что Хабаров родился в Соли Вычегодской. Советский историк С.В. Бахрушин считал, что родиной Хабарова был Устюг Великий или область, лежащая вокруг него. <...>

Не так давно вывод Бахрушина был подтвержден М.И. Беловым, которому по архивным документам удалось выяснить, что до своей первой поездки в Сибирь Ерофей Павлович какое-то время проживал в деревне Дмитриево Вотложемского стана Устюжского уезда. Эта деревня находилась в 80 км от Устюга Великого на берегу Сухоны. Она-то, очевидно, и была местом рождения знаменитого землепроходца. Деревня эта существует и поныне в составе Нюксенского района Вологодской области» [1].

Любознательного читателя, а тем более историка, знакомого с историческими исследованиями по Русскому Северу, не всегда удовлетворяют ссылки на авторитеты, ибо сразу же возникает вопрос: почему Вотложемская волость (стан), западная граница которой проходила по Северной Двине, оказалась вдруг на территории Нюксенского района по берегам Сухоны, откуда взяты такие сведения, где это написано и при каких обстоятельствах, достоверны ли эти источники, а если существует несколько мнений, то какое из них правильное.

М.И. Белов в статье «Ерофей Хабаров в Мангазее и на Таймыре» [2] сделал очередной, но не окончательный шаг по выяснению места рождения Ерофея Хаба-

рова. Он привел выдержки из найденных им документов, в которых сообщаются такие сведения. Однако обстоятельства, при которых давались эти сведения, он привел в изложении. А эти обстоятельства как раз и имеют важное значение, так как они влияют на достоверность сведений.

В данной статье мы приведем полностью документы, которыми пользовался М.И. Белов. Кроме того, приведем документы, найденные нами, с дополнительными сведениями. Эти документы свидетельствуют о том, что заключения М.И. Белова о месте рождения Ерофея Хабарова являются приблизительными, неточными, а кое в чем ошибочными.

О Хабарове написано больше, чем о любом другом деятеле сибирской истории. Обычно принято начинать жизнеописание с сообщения о году и месте рождения, о родителях, семье, детских годах и т. п. К сожалению, эти сведения, относящиеся к Ерофею Хабарову, были неизвестны. Они не интересовали историков. Довольствовались тем, что по месту рождения он называется то устюжанином, то уроженцем Сольвычегодского уезда. Основное внимание было сосредоточено на главном деле жизни Хабарова — амурском походе. Однако и он описывался в общих чертах.

Большую часть своей жизни Хабаров провел в Сибири. Некоторые сведения о заведении им пашни на Лене, об амурском походе были опубликованы еще в середине XIX в. Но, видимо, единственным историком, который держал в руках документы о жизни Хабарова, предшествующей тому времени, когда он перебрался на р. Лену, был С.В. Бахрушин. Именно Бахрушин в статьях «Мангазейская мирская община в XVII веке» и «Андрей Федорович Палицын» [3], описывая скору мангазейских воевод, вскользь упомянул о пребывании Хабарова в Мангазее в то время. Упомянул потому, что от имени Хабарова была составлена челобитная о злоупотреблениях воеводы Г.И. Кокорева, и привел некоторые выдержки из этой челобитной. Однако большинство документов о Ерофее Хабарове, известных Бахрушину, не были введены в научный оборот.

М.И. Белов, занимавшийся историей Мангазеи, предпринял попытку на основе изучения документов Мангазейской приказной избы получить сведения о месте рождения Хабарова. В результате, как пишет он, «посчастливилось найти более надежные документы, из которых видно, кем был и где родился и вырос Хабаров» [4].

Однако же М.И. Белов хотя и добавил некоторые сведения, о которых не сообщалось у С.В. Бахрушина, но дал их в кратком изложении. К тому же эти сведения оказались не столь надежными, как полагал Белов. Более подробно об изысканиях Белова речь пойдет дальше.

Воеводы Григорий Иванович Кокорев и Андрей Федорович Палицын прибыли в Мангазею 28 августа 1629 г. А через несколько дней состоялась их встреча с Хабаровым.

«Лета 7138 [1629] году, сентября в 1 день, извещал государю [титул], а в Мангазейском городе воеводам Григорию Ивановичу Кокореву да Ондрею Федоровичу Палицыну сказывал промышленой человек Микулка Петров сын Собинин лалетин: был де он, Микулка, в Пясице в прошлом во 137 [1628–1629] году для соболиного промыслу. И из Мангазейского де города воеводы Тимофея Бобарыкина да Поликарпа Полтева посылали в Пясицу для государева ясачного збору мангазейского стрельца Ивашка Горохова да целовальника Ярофейка Павлова устюженина.

И как де он, служивой человек Ивашко Горохов, да целовальник Ярофейко поехали ис Пясицы в Мангазею и он де, Микулка, с ними ж ехал. И видял де он у служивого Ивашка Горохова ево, Ивашковых, четыре сороку десять соболей, а у целовальника у Ярофейка з братом с Микифорком восемь сороков соболей. А того де он, Микулка, не ведает: у служивого Ивашка купленые или промышленые соболи.

А целовальник де Ярофейко сказывал ему, Микулке, что были у него з братом с Микифорком покрученики пять человек, и те де соболи с покрученики промыслом добыли. А по государеву указу государевым ясачным зборщиком служивым людем

и целовальником, будучи у государева ясачного збору, торговати и с покрученими своими промышлять соболей не велено.

И воеводы Григорей Иванович Кокорев да Ондрей Федорович Палицын велели того ж часу служивого человека Ивашка Горохова и целовальника Ярофейка з братом с Микифорком в Съезжую избу привесть и порознь их роспрашивали» [5].

Пяси́дой в то время называли Таймыр.

Как было заведено тогда, по Ерофею и Никифору Хабаровым взяли порученную запись в том, что, пока будет вестись сыск, они никуда из Мангазеи не уедут.

«Се яз, Василей Леонтьев сын Дрягин,
да яз, Демид Григорьев сын Фешевкин,
да яз, Офонасей Оврамов устюженин,

торговые люди, поручились есми в Мангазейском городе приставу Ивашку Петрову по промышленых людех по Ярафейке да по Микифорке Павловых устюжанех в том: ставитьца им за нашею порукою в Мангазейском городе в Съезжей избе перед воеводами перед Григорием Ивановичем Кокоревым да Ондреем Федоровичем Палицыным по вся дни по роспросу в пясецком деле, в соболех, и из Мангазейского города без указу и без отпуску никуды не съехать и не збежать.

А буде они за нашею порукою в Мангазейском городе в Съезжей избе перед воеводами ставитьца не учнут и без указу и без отпуску из Мангазейского города съедут или збежат, и на нас, на порутчиках, государева [титул] пеня, а пене, что государь укажет, и наши, порутчиковы, головы в их голов место. А которой нас, порутчиков, в лицах, на том по сей записи и порука.

На то послух Сила Петров сын Садилов.

Поручную запись писал в Мангазейском городе Томилко Перфирьев.

Лета 7138 [1629] года, сентября в 2 день» [6].

Далее в документе описываются расспросные речи. Из речей Ивашки Горохова мы приводим только ту часть, где сказано о Хабарове.

«А про целовальника п[р]о Ярка в роспросе Ивашко сказал, что был с ним промышленой завод, топоры и сети, и он де на то купил сорок пять соболей. А иные де отпускал з братом ужины. И тех де соболей пришло с промыслу у брата его осмь сороков. А ужин было пять тотаринов на покруте. Да брат его ходил ж на промысел. А жил де брат его, Ярков, в ыном зимовье. А иные де и с ним в зимовье.

Ярко целовальник в роспросе сказал, что он наемной целовальник.

А соболей привез с собою сорок пять соболей. А взял де их за долг у Богдашки Белоряса да у Ефимка Федотова за долг по кабале. В опросу в другой ряд сказал, что по двум кабалам.

А про брата своего про Никифорка сказал, что он с ним живет за делом, и промышляли де соболи с покрученими своими в Пяси́де на Хете реке.

А ныне де всего у него, Ярка, осмнатьцать соболей. А в росход де вышло воеводе Поликарпу Полтеву шесть соболей. Воеводам ж Григорию Ивановичю три соболи, Ондрею Федоровичю два соболи. Да десятую взяли в таможне с сорока четыре соболя. А пятого соболя взяли по оценке с пяти соболей. Да паркою челом ударил Ивану Семеновичу Лодыженскому. Кирилу Ружникову да Петру подьячему взаймы дал четыре соболи.

А про служилого человека про Ивашка сказал, что у него четыре сорока соболей. А имал их по кабалам за долг в Пяси́де у промышленых людей. А кабалы де ему давал мангазейской же стрелец Аврамко Михайлов Косой.

Целовальников брат Микифорко в роспросе сказал, что де был он в Пяси́де и ходил на промысел сам с покрученими своими. А покручеников было шесть человек. А промыслу было на ужину по тритцати соболей. А з братом в зимовье не живал. Да и соболи де мои, а не братни. И ныне де от десятые осталось шесть сороков семнадцать соболей.

Ивашко Горохов на очной ставке с Микифорком говорил, что у них де з братом ужины ввопче или не ввопче, того не ведает. А промышлял он, Микифорко, и жил во всю зиму с одным покручеником выше ясачного зимовья. А пять покручеников промышляли и жили во всю зиму ниже ясачного зимовья.

А про то у Ярафейка и у Микифорка слыхал, что они живут не вместе в дому. И соболях Микифорко Ярафейку повытъя не сказывал. А Микифорко говорил: брат де живет с ним за делом, а не вместе.

А целовальник Ярофейко на очной ставке с Івашком говорил, что семь сороков соболей брата его Микифорка, а не ево, Ярофейковы» [7].

Слова «за делом», а далее «в делу» имеют смысл «отдельно, не вместе, в разделе», образованы от слова «делить», а не «делать».

«И октября в 9 день (1628 г. — Г. К.) бил челом государю [титул], а в Мангазейском городе в Съезжей избе воеводе Григорию Ивановичу Кокореву да Ондрею Федоровичу Палицыну подал челобитную Микифорко Павлов. А в челобитной ево пишет:

Царю [титул] бьет чеслом сирота твой государев, Никифорко Павлов.

В прошлом, государь, во 137 [1628] году был я, Никифорко, в Пясиде на соболином промыслу на Хете на реке. И с тем своим промыслишком, с собольми, пришел в Мангазейской город и десятую платил.

И в прошлом же, государь, во 137 [1628] году бил чеслом и извещал на меня, Микифорка, пясидской же промышленой человек Микулка Петров, что будто ся брат мой Ярафейко те соболи промышлял со мной вместе.

И тех соболей брат мой Ярофейко со мной, Никифорком, не промышлял, а живет со мною за делом.

<...> Вели, государь, про тот промысел сыскать. <...>

И вычетчи челобитную, воеводы Григорий Иванович Кокорев да Ондрей Федорович Палицын велели про Микифорка Павлова да про пясидцкого целовальника Ярафейка Святицкого сыскать березовскому казаку Офоньке Зезину, и память ему, Офонасью, дали за своими печатьми. А в ней пишет:

Лета 7138 [1629], октября в 9 день, по государеву указу память березовскому казаку Офоньке Зезину.

Обыскать ему в Мангазейском городе и за городом на посаде по пясидцкого целовальника про Ярафейка Павлова да про брата ево родново про Микифорка Павлова ж, про устюжан, устюжаны торговыми людьми, которые на Русе живут, а от них, Ярафейка да Микифорка, недалеко, и их знают.

И про пясидцкой соболиной промысел знаемыми людьми, которые были в Пясиде в прошлом во 137 [1628] году, по государеву [титул] крестному целованью вправду: в прошлом во 137 [1628] году, как он, Микифорко, был в Пясиде на соболином промыслу, и себе ли промышлял, один ли или з братом своим Ярафейком вместе, и в одном ли зимовье они зимовали, и на Руси Микифорко з братом своим Ярафейком живет за делом ли, иль не в разделе, и вместе хлеб ядят один или порознь.

Да что про их, Микифорков и Ярофейков, соболиной промысел и про их дело в сыску скажут, и ему тем обыскным людем велети к речам своим, которые грамоте и писати умеют, и руки свои приложили, и те их обыскные речи принесть в Съезжую избу перед воеводою перед Григория Ивановича Кокорева да Ондрея Федоровича Палицына» [8].

Здесь Ерофей Павлов сын упомянут со второй его фамилией — Святицкий. Только в документах, относящихся к его пребыванию в Мангазее и на Таймыре, он много раз упоминается с этой фамилией. Эта фамилия поможет нам определить место рождения Хабарова. Некоторые авторы считали, что такая фамилия свидетельствует о набожности Хабарова. Но такое предположение далеко от истины.

«И октября в 13 день березовской казак Офонька Зезин принес в Съезжую избу сыску своему список. А в нем пишет:

Лета 7138 [1629], октября в 12 день, по государеву [титул] указу и по приказу воевод Григорья Ивановича Кокорева да Ондрея Федоровича Палицына березовской казак Офонька Зезин спрашивал в Мангазейском городе на посаде промышленых людей про Ярафейка Светитцкого да про брата его про родново про Микифорка Павлова устюжан торговых и промышленых людей, которые живут на Руси от них, Ярафейка и Микифорка, недалеко, по государеву [титул] крестному целованью вправду: промышленой человек устюжанин Ярафейко Светитцкой з братом своим с родным с Микифорком Павловым в делу ли или не в разделе, и на Руси оне живут вместе ли, и хлеб ядят один ли, или порознь живут, и в прошлом во 137 [1628–1629] году он, Ярафейко Светитцкой, з братом своим с родным с Микифорком Павловым в Пясице на соболином промыслу был ли, и соболи промышляли вместе ли, и в одном ли зимовье в Пясице жили или порознь по своим зимовьям жили» [9].

Далее следуют расспросные речи торговых и промышленных людей.

«Торговой человек Демид Григорьев Фешевкин устюжанин, посадской человек, сказал по государеву крестному целованью:

В прошлом де в 137 [1628–1629] году на Енисейском волоку слышил де я от них самих от Ярафейка и от Микифорка, что оне меж себя в делу. И с Енисейского волоку в прошлом же в 137 [1628–1629] году пошли оне, Ярафейко и Микифорко, в Пясице по своим, не в одном судне.

А живет он, Ярафейко, на Русе в Устюжском уезде в Вотложском стану. А Микифорко живет в Усольском уезде в деревне. А как тое деревню зовут, того не ведаю.

А в Пясице оне промышляли соболи вместе или порознь, и жили в одном ли зимовье или порознь, того не ведаю ж. В Пясице в прошлом 137 [1628–1629] году наперед того не бывал.

Торговой человек Офонасей Аврамов устюжанин, посадской человек, сказал по государеву крестному целованью:

Слышил де я на Устюге от людей, что он, Ярафейко, з братом своим с родным с Микифорком Павловым в делу. И живет он, Ярафейко, в Устюжском уезде в Вотложском стану в деревне Дмитрееве. А брат его Микифор живет Усолья Вычегодского в уезде, в деревне на Ленивице. А от пясидчиков у Тишкы Иванова Усолья Вычегодского олексинца слышил, что он, Ярафейко, в Пясице в прошлом в 137 [1628–1629] году з братом своим с Микифорком соболей вместе не промышлял. А тот Тишк пришел из Пясицы и поехал на Русь в том же 137 году» [10].

Обратим здесь внимание на то, что эти первые два человека, которых спрашивал Афанасий Зезин, были «поручиками» по Ерофею Хабарову. Они были на стороне Хабарова и поэтому стремились выгородить его, показать, что братья Хабаровы жили отдельно и раздельно вели свои хозяйства.

«Промышленой человек Яков Иванов Костромитин сказал по государеву крестному целованью:

Жил де я на Устюге на посаде лет з десять. И то де я на Устюге слышил, что он, Ярафейко, з братом своим с Микифорком в делу. А живут порознь. Он, Ярафейко, живет в Устюжском уезде в Вотложенском стану в деревне Дмитрееве, а брат де его Микифорко живет в Усольском уезде, Соли Вычегодские в деревне на Ленивице.

А в Пясице он, Микифорко, в прошлом в 137 [1628–1629] году соболи с ним, Ярафейком, промышлял вместе или один, тово не ведаю. В Пясице я не был.

Промышленой человек Данилко Микифоров, портной швец, устюжанин, посадской человек, сказал по государеву крестному целованью:

Слышил де я на Устюге, что он, Ярафейко, з братом своим с Микифорком в делу, и живут порознь. Он, Ярафейко, живет в Устюжском уезде в Вотложенском стану в деревне в Дмитрееве. А брат де его Микифорко живет в Усольском уезде, Соли Вычегодские в деревне на Ленивице.

А в Пясиде он, Микифорко, в прошлом в 137 [1628] году соболи с ним, Ярафейком, промышлял вместе или один, тово не ведаю. В Пясиде я не был.

Торговой человек Козьма [?] Ондреев Печенкин устюжанин, посадцкой человек, сказал по государеву крестному целованью:

В прошлом де в 135 [1626–1627] году был челом на Еренском городке по кабале в пятинацати рублех воеводе на него, Микифора, а займовал он, Ярафей, деньги у Матвея Свиязева. И тот Микифор положил в суд деловую, что он с ним, Ярофейком, в делу. И ему де, Матвею Свиязеву, отказали и на нем, Микифоре, за него, Ярафейка, по кабале пятинацати рублей править не велели.

А где оне, Ярофейко и Микифорко, живут, и вместе ли оне в Пясиде в прошлом в 137 [1628–1629] году соболи промышляли, тово не ведаю. В Пясиде я не был. А воеводе, которой был на Яренском, имя пропамятовал.

Промышеной человек Власко Яковлев Мутовкин, Соли Вычегодцкой посадцкой человек, сказал по государеву крестному целованью:

Били де чelом у Соли Вычегодцкие воеводе Ивану Семеновичу Лодыженскому на него, Микифорка, в долгу в ево, Ярафейкове. И тот де Микифорко положил в суде перед Ивана Семеновича Лодыженского деловую. И должником де в его, Ярафейкове, долгу отказал: правити на нем, на Микифорке, за него, Ярафейка, долгу не велел.

А живет де он, Ярафейко, в Устюжском уезде в Вотложском стану в деревне Дмитрееве. А Микифорко де живет в Усольском уезде Соли Вычегодцкие в деревне на Ленивице.

А в Пясиду де оне, Ярафейко и Микифорко, пошли с Енисейского волоку в прошлом во 136 [1628] году по своим, и в судне не в одном. А соболи оне в Пясиде промышляли в прошлом в 137 [1628–1629] году вместе ли, или он, Микифор, один промышлял, тово не ведаю. В Пясиде я в прошлом в 137 году не был.

Промышеной человек Пятунька Иванов устюжанин, посадцкой человек, сказал по государеву крестному целованью:

Слышил де я на Устюге, что он, Ярафейко, з братом своим с Микифорком в делу, и дело де у них на Русе есть.

А живет де он, Ярафейко, в Устюжском уезде в Вотложском стану в деревне Дмитрееве. А брат де ево Микифорко живет в Усольском уезде, Соли Вычегодцкой в деревне на Ленивице.

А в Пясиду де оне, Ярафейко и Микифорко, с Енисейского волоку пошли в прошлом в 136 [1627–1628] году по своим, и в судне не в одном. А соболи оне в Пясиде промышляли в прошлом во 137 [1628–1629] году вместе, или он, Микифорко, соболи промышлял один, тово не ведаю. В Пясиде я не был.

Торговой человек Шестой Савельев Белобород, Соли Вычегодцкие посадцкой человек, сказал по государеву крестному целованью:

Слышил де я на Устюге от отца их, Ярафеева и Микифорова, от Павла, что оне, Микифорко и Ярафейко и Микифорко (так в тексте. — Г. К.) в делу. А живет де он, Ярафейко, в Устюжском уезде на Вотложенском стану в деревне в Дмитрееве, а Микифорко де с отцом своим с Павлом в Усольском уезде в деревне на Ленивице.

И в прошлом де 136 [1627–1628] году ево, Микифора, на Енисейском волоку видял. И пошел он, Микифор, с Енисейского волоку в Пясиду з братом своим с Ярафейком не вместе, по своим, и в судне не в одном. И пошло де с ним, Микифорком, в Пясиду покрученников ево, Микифорковых, казанских татар шесть человек.

И в Пясиде он, Микифорко, соболи промышлял з братом своим с Ярафейком вместе ли, и он, Микифор, соболи промышлял один, тово де не ведаю. В Пясиде я в прошлом в 137 [1628–1629] году не был.

Промышеной человек Мишка Семенов вологжанин, прозвище Конча, сказал по государеву крестному целованью:

Был де я в Пясиде в прошлом в 137 [1628–1629] году с ним, Ярафейком, и з братом ево с Микифорком вместе. И тот де Микифорко покрутил в Мангазейском городе и на Енисейском волоку на себя в прошлом в 137 году казанских татар шесть человек. И с Енисейского волоку он, Микифорко, в Пясиду пошел з братом своим с Ярафеем не вместе, по своим, и в судне не в одном.

А промышлял он, Микифорко, соболи в Пясиде з братом своим с Ярафеем не вместе, один с покрученими своими. А промышлял он, Микифорко, соболи и жил с одним покручеником вверх по Волочанке выше ясашного зимовья. А пять ево, Микифоровы, покрученики промышляли соболи вниз по Волочанке, ниже ясашного зимовья. А он, Ярафейко, жил [с] служилыми людьми в ясашном зимовье.

И то де я от них, от нево, Ярафийка, и Микифорка, в Пясиде слышил же, что он, Ярафейко, с ним, Микифорком, в разделе, и живут не вместе» [11].

На основании приведенных выше документов первую попытку определить точное место рождения Хабарова предпринял М.И. Белов. В статье «Ерофей Хабаров в Мангазее и на Таймыре» он писал:

«С.В. Бахрушин в работах о Мангазее мимоходом отметил, что Хабаров побывал в Тазовском городе, где вел торги и промыслы, участвовал в знаменитой ссоре мангазейских воевод Григория Кокорева и Андрея Палицына, заняв сторону последнего. <...>

В некоторых документах он называется устюжанином, в других — усольцем. <...>

Во время просмотра фондов Центрального государственного архива древних актов (ныне Российский государственный архив древних актов. — Г. К.) посчастливилось найти более надежные документы, из которых видно, кем был и где родился и вырос Ерофей Хабаров. Удалось обнаружить дело Мангазейской приказной избы за 1630–1631 г., где фамилия Хабарова встречается довольно часто» [12].

Хотя Устюг Великий и Соль Вычегодская находятся сравнительно близко друг от друга, во времена Хабарова они были главными городами двух отдельных уездов.

Справедливости ради надо отметить, что номера всех документов давно были указаны еще С.В. Бахрушиным. Но М.И. Белову посчастливилось прочесть то, о чем не писал С.В. Бахрушин. Это — «сказки» торговых и промышленных людей. К слову «посчастливились» не стоит относиться иронически. Сыск по делу Кокорева и Палицына состоит из нескольких десятков тысяч листов. Поиск там документов о Хабарове — это поиск иголки в стоге сена. Поэтому, видимо, никто не отваживался до Белова браться за такое трудное дело. Документы эти надежные в смысле подлинности, но сведения в них, полученные из «сказок» торговых и промышленных людей, не все достоверные. Они могут служить лишь наводкой, где искать место рождения Хабарова. Видимо, понимая это, Белов пошел по правильному пути, пытаясь подтвердить эти сведения при помощи писцовых книг. Однако же подтвердить это ему не удалось.

Как следует из «сказок» торговых и промышленных людей, Ерофей Хабаров должен быть записан в Устюжском уезде в деревне Дмитриева Вотложемского стана, а Никифор Хабаров и его отец Павел — в Усольском уезде в деревне Ленивице Алексинского стана.

Писцовые книги Устюжского и Сольвычегодского уездов находятся в РГАДА в фонде 1209 (Поместный приказ), опись 1.

В книге 446 Сольвычегодского уезда за 1625 г. М.И. Белов нашел Омельку Савельева сына Хабарова и сделал о нем выписку. Но это не тот Хабаров, который нужен. Приведем полностью данную запись.

«**Деревня Ленивица** (здесь и далее выделено нами. — Г. К.), а в ней:

двор — Трофимко Павлов сын Кривошапкин с сыном с Митькою; а владеет по купчей 89 [1580–1581] году,

двор — Тренка Иванов сын казаков з братом с Пашкою; владеет по купчей 112 [1603–1604] году,

двор — Омелька Савельев сын Хабаров; владеет по духовной 115 [1606–1607] году,

двор — Ларька Ондреев сын Пустынников с сыном Лучкою; владеет по купчей 123 [1614–1615] году,

двор — Ларько Федотов сын Павлов; владеет по купчей 131 [1622–1623] году,

двор — Богдашко Иванов с сыном Самошкою; владеет по купчей 131 [1622–1623] году,

двор — Сенька Омельянов сын Березин; владеет по купчей 116 [1607–1608] году,

двор — Пятунька Кривошапкин, а живет в нем половник ево Васка Павлов сын Кривошапкин; владеет по купчей 93 [1584–1585] году» [13].

А далее записана деревенька с похожим названием. Приводим эту запись.

«**Деревня Выставок Ленивцов**, а в ней крестьяне:

двор — Родька да Логинко Петровы дети Судницына,

двор — Пронька Игнатьев сын Дерягин з братьею с Лучкою да с Сенкою.

А Родька да Логинко владеют по купчей 126 [1617–1618] году» [14].

Не найдя здесь ни Павла, ни Ерофея, ни Никифора Хабаровых, М.И. Белов делает следующий вывод:

«Из материалов переписи явствует, что Хабаровы в 1623–1625 гг. находились в деревне Ленивице Сольвычегодского уезда, но проживал ли во дворе Емельяна Хабарова Павел Хабаров и его сын Никифор, неясно. Скорее всего, эти двое прибыли в Ленивицу позже.

На данном этапе изучения вопроса предпочтительнее считать деревню Дмитриево или селения Дмитриева стана родиной Ерофея Хабарова» [15].

Но это ли «надежные документы, из которых видно, ком был и где родился и вырос Ерофей Хабаров», как утверждает М.И. Белов? На самом же деле, как мы покажем далее, ни Павел Хабаров, ни его сыновья в д. Ленивице не жили никогда, а д. Выставок Ленивцев Павел Хабаров купил в 1626 г.

М.И. Белов исследовал не все возможные документы. По Сольвычегодскому уезду есть еще более ранняя книга за 1620 г. Запись в ней более краткая, чем в книге за 1625 г., и есть отличия в именах. Приводим эту запись:

«**Деревня Ленивица**, а в ней:

двор — Трофимко Павлов сын Кривошапкин,

двор — Тренька Иванов сын Казаков,

двор — Омелька Савельев сын Хабаров,

двор — Харитонко Ондреев сын Пустынников,

двор — Федька Устинов сын Рогово,

двор — Богдашко Иванов,

двор — Сенька Омельянов сын Березин,

двор Пятка Кривошапкина, а живет в нем половник ево Ивашко Фатеев» [16].

Опять нужных Хабаровых не оказалось.

Более позднюю книгу 451 по Сольвычегодскому уезду за 1645 г. Белов смотреть не стал, видимо, полагая, что записей о Хабаровых там не должно быть, так как они уже более десяти лет находились на р. Лене. Но как раз в этой книге есть запись о братьях Хабаровых. Вначале идет запись о д. Ленивице:

«**Деревня Ленивица**, а в ней крестьяне:

двор — Завьялко Трофимов Кривошапкин з братом с Петрушкою да с племянником с Емелькою; владеет по писцовым книгам,

двор — Сенька Павлов с племянником з Дениском; владеет по деловой дяди своего Третьяка Казакова 146 [1637–1638] году,

двор — Омелька Савельев Хабаров да половник Пятунька Харитонов,

двор — Васка Карпов с племянником с Івашком Савиным; владеет по купчей Ларьки Пустынникова 149 [1640–1641] году,

двор — Гришка Карпов Новинской з детьми с Ортюшко да с Івашком; владеет по купчей Федотка Павлова 136 [1627–1628] году,

двор — Игнашко Самилов владеет по купчей деда своего Кондрашки вилегженина 113 [1604–1605] году да Устюжского уезда Вондокурского стану деревни Князевой крестьянина Спиридонка Березина,

двор — половник Ортюшка Баженов,

двор — Мишка Михайлов Кривошапкин з братом с Васкою, владеет по стариине, да устюженина, посадцкого человека Богдашка Иванова Барсукова,

двор — половник Микифорко Ларионов Чюпанов владеет по закладной Микифорка Ларивонова 154 [1645–1646] году,

двор мирской Олексинского стану, а в нем живет дворник Васка Кривошапкин, да две кельи пустые» [17].

Опять искомых Хабаровых здесь не оказалось. А далее в этой же книге идет важная запись:

«Деревня **Выставок Ленивцев**, а в ней крестьяне:

двор — **Микифорко Павлов Хабаров з братом с Ерофеем**, да с ними половники Куземка Терентьев да Васка Иванов, владеют по купчей Натальи Аникиевы дочери Гусева 134 [1626] году.

Пашни паханые, середние. Земли две чети с осминою и с четвериком, да перелогом шесть чети с четвериком в поле, а в дву по тому ж.

Сена тритцать копен, в живущем полчети и полполчети выти, а впусте ползыти без полполчети выти, и полосмины пашни, да старые примерные пашни десять чети.

Оброку — пятнадцать алтын. Поскотины пять десятин, лесу тож» [18].

Из предыдущих и из этой записи следует, что ни Ерофей, ни Никифор в д. Ленивице в 1620 и в 1625 гг. не числились, а появились в д. Выставок Ленивцев лишь в 1626 г. Их отец Павел Хабаров в этой деревне не упоминается, видимо, умер. В 1645 г. за братьями Хабаровыми числилась земля в д. Выставок Ленивцев, а обрабатывали ее их половники. Сами же братья давно уже были на Лене.

А как же быть со «сказками» торговых и промышленных людей, которые по государеву крестному целованью единодушно утверждали, что братья Хабаровы живут не вместе? Они, возможно, дали ложные показания, чтобы выгородить братьев Хабаровых. В своей отписке Григорий Кокорев сообщал, что этих людей указал сам Никифор Хабаров: «слался из виноватых (свидетелей, которых указал сам обвиняемый. — Г. К.) на близких сосед своих, которые неподалеку их живут, что он, Микифорко, з братом своим Ярафейком живет за делом, не вместе и не в одном уезде, Ярафейко де живет в Устюжском уезде, а он де, Микифорко, в Усольском уезде» [19].

Либо действительно сначала в д. Выставок Ленивцев поселился Никифор Хабаров, а через некоторое время и Ерофей.

Таким образом, уверенность М.И. Белова в том, что он нашел надежные документы, была необоснованной. Не всякому документу можно верить, тем более если эти документы относятся к сыскному делу. Здесь каждый дает такие показания, которые ему выгодны, искажая правду.

Запись в писцовой книге 451 Сольвычегодского уезда за 1645 г. хотя и прояснила кое-что, но не дала ответа на вопрос, кто такая Натальица Аникиева дочь Гусева. А ответ содержится в купчей на д. Выставок Ленивцев.

«Список с купчие слово вслово.

Се аз, Наталья Аникиева дочь Гусева, да со своими детьми, яз, Родион да Логин, да Иван, да Улита, Антонида да Устинья Петровы дети, Ваганского Алексинского стану продали есми **Павлу, а по прозвищу Меньшику, Иванову сыну Хабарову** Устюжского уезда Вотложемские волости в Усольском уезде в Олексинском стану в Удимской волости Ленивской жар, чистую землю орамую и под лесом, и з двором, и з дворищем.

А во дворе хором — две избы, да три сенника с подклеты и з заплоты, и сараи кругом, и со всеми хоромы, что в том дворе хором стоит, и з житницею, что вне двора

стоит, и з банею, и з гумнами, и с овинами, и с мякинници, и з гуменники, и с путики, и с притербы, и с ловищи, и с ездовищи, куда топор и коса, и соха ходила по старым межам, и со всеми угоды, и что к тому Ленивицкому жару изстари по тягло, чем есми сами владели по купчей отца своего, а яз Наталья мужа своего Петра благословенье, что отец наш Петр тое землю купил у Андрея з братьею Яковлевых детей Варынавина.

А межи той земле по старым межам, по речке по Ленивице, а сверх речки Ленивицы от Исаихи по старому окладу, по огороду, до Мороженово болота, а с Мороженово болота по Петриловской ручей, по старому окладу, по огороду.

А продала есми яз, Наталья, з детьми своими, а яз, Родион, з братьею и с сестрами, тому Павлу, а по прозвищу Меньшику, тот Ленивицкой жар с посеяною рожью, что сияна ко 135 [к 1 сентября 1625] году, и с парами, и с пожнями тое земли, и с поскотиною.

А взяли есми мы, яз, Наталья, и яз, Родион, з братьями своими и з сестрами, у Павла на той деревне Ленивицком жару на землю и на пожнях, и на поскотине, и на хоромех, и на всем без вывода, что в сей купчей писано, сорок рублев денег московских ходячих. А пополнок в той же цене. А деньги есми взяли мы все у сея купчие сполна.

А где будет та деревня, Ленивицкой жар, до сея купчие земля или пожни, или которые угодья в закупе, или в закладе, или в каких крепостях ни буди, и мне, Наталье, и мне, Родиону, з братьею и с сестрами, выкупати и очищати своими деньгами. А выкупя и очистя, отдали Павлу с чистого пути.

А дань и оброк, и всякие государевы подати платить с тое земли в Олексинской стан нынешнаго 134 [1626] году мне, Наталье, да Родиону з братьею и с сестрами до Ильина дни. А после Ильина дни вново, что ни разрубят, всякие государевы подати платить мне, Павлу, своими деньгами. А старые невыплаты, что разрублено, а не плачено, и то платить нам же, Наталье и Родиону з братьею и з сестрами старины все. А к Павлу убытки в стариине не привести на котораго.

Да и старую купчию мы, яз, Наталья, и з детьми своими отдали Павлу, что купил мой. Натальин, муж, а наш, Родионов и моих братей и сестр, отец Петр. Да мирскую данную на тоеж землю что отдали Алексинского стану крестьяне Якову Варынавину.

А судной список по купчей отца нашего у Андрея з братьею Яковлевых. И буде тот список понадобитца Павлу к делу, и ему по той отца нашего купчей тот список у Ондрея з братьею к делу взять. А буде понадобитца купчая старая и мирская даная к делу Наталье и Родиону з братьею и з сестрами, и Павлу тое купчие и даные не таить, к делу выкладывати.

А что на ту землю поряжены половники, Аникей Игнатьев з дядею и з братом Семеном, и тех половников мне, Павлу, их в той деревне до осени 135 [1626] году до Егорьева [Юрьева] дни [26 ноября] у себе в половье держати по нашей порядной. А по ряде им никоторого на тот год не делати.

А хлеб делити всякой за симены половником с ватаманом пополам. А солома яровая и сена на пожнях по тому ж, пополам. А мякины половником все на себя. А ватаманские соломы яровые не кормити.

А Родиону подможные деньги и хлеб по порядной на половниках взяти ему.

Послуси на то Коземка сын Шарапов да Мартын Мартемьянин сын Ваганская.

Купчию писал Ларька Герасимов.

Лета 7134 [1626], марта 22 день.

А по другой стороне купчие пишет:

Послух Коземка Шарапов руку приложил.

Список с купчие списан слово вслово» [20].

Эта купчая ценна тем, что в ней упомянуто отчество отца Ерофея Хабарова — Павел Иванов сын Хабаров. В нашей книге «Ерофей Павлович Хабаров» было высказано предположение, что Меньшичко Хабаров — это Павел Хабаров. Теперь это предположение подтвердилось документально.

Следует также обратить внимание на описание межей. Здесь упомянут Петриловский ручей. Видимо, где-то рядом была д. Петрилово, в которой жил племянник Ерофея Хабарова Артемий Филиппов Петриловский.

В приведенной ранее записи о крестьянах, живших в д. Выставок Ленивцев в 1625 г., числятся «Родька да Логинко Петровы дети Судницына». Наталья Аникеева дочь Гусева называет их своими сыновьями, но фамилии почему-то разные.

Следующая книга по Сольвычегодскому уезду от 25 марта 1646 г. за номером 15058. И хотя прошел всего лишь один год, запись в ней в корне отличается от предыдущей.

«Деревня **Выставок Ленивцов**.

Двор — крестьянин Никифорко Хабаров с племянником с Васкою Яковлевым шти лет.

На том же дворе в другой избе его ж половник Коземка Терентьев з детьми с Івашком да з Давыдком, да с Якушкою шти лет.

В той же избе другой половник Васька Малышев сыном с Пашкою пяти лет» [21].

Здесь Ерофей Хабаров уже не записан.

Далее следует книга 15052 от 12 сентября 1647 г.

«Деревня **Выставок Ленивцов**, а в нем:

двор — крестьянин Ярофейко Павлов сын, прозвище Хабаров, с племянником с Васкою Яковлевым.

Да у него ж половник Спиридонко Емельянов сын прозвище Заплатин з братом сродным с Васкою.

Да на том же дворе в другой избе половник Коземка Терентьев сын Зескин. У него детей Ивашко да Якушко, да Давыдко, да Ивашко дву лет» [22].

Здесь уже не записан Никифор Хабаров.

Еще раз обратим внимание на важное обстоятельство: хотя братья Хабаровы давно уже жили на р. Лене, они продолжали числиться в Усольском уезде. Но записывали только одного из них, именно потому, что они здесь долго не появлялись.

В последних двух записях не упоминаются лица женского пола. Поэтому обратимся к членитной Ерофея Хабарова, которую он писал в 1650 г.

«А женишко, государь, моя Василиска з дочеришко мою с Наташкою и со внуком, и с племянницею живут на Устюге бес приюту.

<...> Вели, государь, ту мое женишку Василиску и з дочеришко мою с Наташкою, и со внуком, и с **племянником**, и с племянницею отпустить с Устюга ко мне, холопу твоему, в Якутской острог» [23].

Здесь Хабаров местом жительства жены написал Устюг вместо Соли Вычегодской, потому что жена не жила в д. Выставок Ленивцев. А в заключительной части членитной Хабарова добавлен племянник. Имя племянника в писцовых книгах указано: Васька Яковлев, но неясно, сын ли он сестры Ерофея, о которой Хабаров в членитной не упоминает. Слово «племянник» в те времена часто употреблялось в смысле «родственник». А о внуке Хабарова в писцовых книгах упоминаний нет. Может быть, он родился после 1647 г.

Интересно было бы знать, когда исчезают записи о Хабаровых в д. Выставок Ленивцев. К сожалению, следующая сохранившаяся писцовая книга относится к 1678 г. В ней написано:

«Деревня **Выставок Ленивцов**.

Двор — половник Усольского уезду Зaborской волости крестьянина Бориска Павлова сына Новосельцова Игнашка Иванов сын Низовцов. У него сын Елфимко. У него ж племянник Гаврилко Михайлов» [24].

О д. Дмитровой нужно искать сведения в писцовых книгах Устюга Великого в Вотложемской волости. В самой ранней сохранившейся книге Устюга Великого за 1626 г. записано:

«Деревня **Дмитрова на реке на Двине**. А в ней крестьян:

двор — Микитка Меньшиков Хабаров да троецкого церковного дьячка Ортюшки Микитина,

двор — половник Сенка Елисеев. Да в том же дворе тое же волости крестьянина Оничкиново сельцова половник Васка Другов.

Пашни паханые, середние. Земли четырнадцать чети да перелогом три чети с осминою в поле, а в дву по тому ж. Сена меж поль и по оврагом — девяносто копен. Лесу пашенного — семь десятин, а непашенного тринадцать десятин; в живущем — выть, а впусте — четь выти. А за остальное сено, за сорок копен, оброку три алтына две деньги» [25].

Согласно «сказкам» промышленных людей, здесь должен быть записан Ерофей Хабаров. Но, как видим, он не упоминается. Однако не стоит разочаровываться, так как здесь записан Микитка Меньшиков Хабаров — неизвестный ранее родной, видимо, старший брат Ерофея Павлова Хабарова.

А далее опять следует важная запись:

«Пустошь, что была деревня Святыца на реке на Двине. А дворы и треть ее поль сметало рекою Двиною.

Пашут наездом тое же волости крестьяне из деревни Часовницкое Васка Хабаров да из деревни Наумовской Федосейко Васильев, да **из деревни Дмитрова Меньшичко Хабаров.**

Пашни паханые, середние. Земли — две чети и полтора четверика в поле, а в дву по тому ж. Сена меж поль и по оврагом — сорок копен. Лесу пашенного — четыре десятины, а непашенного восемь десятин в живущем, полчети и полполплечети [$\frac{1}{8}$] выти. А за остальное сено, за тритцать за три копны, оброку — два алтына полпяты [4,5] деньги» [26].

На карте 1910 г. д. Часовина обозначена на правом берегу Двины, на северо-восток от Приводино. Таким образом, д. Святыца была на правом берегу Двины, недалеко от д. Часовиной (Часовницкой).

В д. Святыце Ерофей Хабаров и его брат Никифор не упомянуты потому, что деревни уже не было, ее смыло рекой, а братья в это время уже жили в Усольском уезде.

Несмотря на то что здесь ни Ерофей Хабаров, ни Никифор Хабаров опять не упомянуты, тем не менее ясно, что д. Святыца — родная их деревня. Теперь понятно, почему на Таймыре и в Мангазее Ерофея Павлова писали по фамилии Святыцкий. Этот случай не единственный. К примеру, настоящая фамилия известного племянника Ерофея Хабарова Артемия Филиппова Петриловского была Кривошапкин, а его родиной — д. Петрилово Сольвычегодского уезда.

К сожалению, книга за 1626 г. недостаточно подробная. Хотя и указано, что в д. Святыце пашет наездом из д. Дмитровой Меньшичко (Павел) Хабаров, почему-то записи о его дворе в этой деревне нет, не записан он и на подворье у сына.

Хотелось бы выяснить, кто из Хабаровых жил в д. Часовницкой, но Часовницкая деревня почему-то не упомянута. Наумовская деревня упомянута, но Хабаровых там нет.

Эту книгу М.И. Белов не просматривал, а пытался найти деревню Дмитриево на старинных картах. Об итогах этого поиска он написал следующее:

«Так, на карте Поморского края XVII века это селение показано в 80 км к юго-западу от Устюга Великого на левом берегу Сухоны (примечание: изучались карты, собранные в отделе картографии Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина).

В писцовой книге 484 от 1623 г. Дмитриево, или Дмитриев стан, отмечено в соседстве с д. Нюксеницей (впоследствии ставшей главной) в качестве волости, состоящей из девяти деревень (по 25 дворов), очевидно, слившихся в одно село под названием Дмитриево.

Дмитриево отмечено на генеральной карте Архангельской губернии, выполненной академиком Я.В. Шмидтом в 1773 г., а также на картах Российского атласа

1792 г., на карте Вологодской губернии Географического атласа Российской империи 1823 г. В наше время эта деревня входит в состав Нюксенского района.

В то же время может возникнуть сомнение, какая из деревень родина Ерофея Хабарова. Ведь в Дмитриево он мог проживать, а его родной деревней могла быть Ленивица, где проживали его родные» [27].

Но здесь М.И. Белов ошибся, отклонился куда-то в сторону. Под номером 484 в описи значится писцовая книга Тотемского уезда за 1676–1679 гг. Естественно, что в этой книге упоминаний о Хабарове он не нашел. А по Устюжскому уезду в описи 1 фонда 1209 никакой книги за 1623 г. нет. Родная же деревня Хабарова Святыца и соседняя с ней деревня Дмитрово, как следует из писцовой книги 506, находились не на Сухоне, а на Двине. В книге написано:

«Волость Вотложемская на реке на Двине, а в ней: <...>» [28].

Далее на листах 381–392 перечисляются деревни, расположавшиеся на Двине, на речках и ручьях, впадающих в Двину.

В писцовой книге по Устюжскому уезду за 1646 г. в Вотложемской волости по-прежнему записан брат Ерофея Хабарова Микитка, как и в книге за 1626 г.:

«Деревня Дмитрово на реке на Двине. А в ней крестьян:

Двор — Микитка Меньшиков Хабаров.

Двор — половник Сенка Елисеев да Васка Другов» [29].

Теперь же на основании приведенных выше документов можно определенно сказать, что родился Ерофей Хабаров в д. Святыце, недалеко от д. Дмитрово на Двине, а не на Сухоне, в Вотложемской волости Устюжского уезда. Деревня эта не существует в настоящее время, ее смыло наводнением до 1626 г. После этого Ерофей и Никифор Хабаровы переселились в деревню Выставок Ленивцев Алексинского стана Сольвычегодского уезда. Видимо, в этой деревне, а не в Дмитриевой, проживал Ерофей Хабаров до своей первой поездки в Сибирь.

В настоящее время места, в которых когда-то были деревни Святыца и Выставок Ленивцев, находятся в Котласском районе Архангельской области.

Что же касается д. Ленивицы, то она обозначена на карте 1910 г. по левую сторону Двины, южнее р. Удимы. Чуть севернее Ленивицы обозначена Выставка. Это и есть, видимо, Выставок Ленивцев. Еще чуть севернее обозначена деревня Дмитриево. А севернее р. Удимы обозначена еще одна деревня Дмитриево. Но эти две деревни к Хабаровым отношения не имеют, так как не расположены на берегу Двины.

Чтобы привязать карту 1910 г. к карте 1991 г., необходимо найти на обеих картах пункт с одинаковым названием. Таким пунктом является Курцево, обозначенное на карте 1910 г. чуточку севернее Выставки. Там, где сейчас стоит Курцево, и жили братья Хабаровы после того, как их родную деревню Святыцу смыло наводнением.

В 2006 г. кандидат исторических наук Сергей Александрович Гладких, проживающий в г. Котласе Архангельской области, ознакомленный мною с архивными документами, приведенными в настоящей статье, изъявил желание провести поиск местонахождения бывшей деревни Святыцы. Поиск состоялся в 2007 г. По результатам поиска был составлен научный отчет, который прилагается.

Научный отчет по итогам историко-краеведческой экспедиции «Путем великих котлошан»

Историко-краеведческая экспедиция «Путем великих котлошан» состоялась 27–29 июня 2007 г. В экспедиции приняли участие 11 человек: 4 преподавателя и 3 студента Котласского филиала ФГОУ ВПО «СПГУВК», учитель истории и трое учащихся общеобразовательных учреждений города Котласа. Помимо просветительских задач (знакомство с малой родиной, жизнью и деятельностью знаменитых земляков: Н.Г. Кузнецова, Б.М. Зимина, З.А. Шашкова и В.И. Щел-

кунова), экспедиция имела конкретную научную цель: поиск точного местонахождения бывшей деревни Святыца – родины выдающегося русского землепроходца Е.П. Хабарова (согласно гипотезе Г.Б. Красноштанова).

Для подготовки экспедиции 5 сентября 2006 г. был создан организационный комитет в составе преподавателей Котласского филиала ФГОУ ВПО «СПГУВК»: Гарварт А.Э. – ответственный за непосредственное руководство экспедицией, Гладких С.А. – ответственный за научную работу, Черткова Т.В. – ответственная за финансовое и материальное обеспечение. На проведение экспедиции были выделены средства Котласского филиала ФГОУ ВПО «СПГУВК» и выигран грант администрации муниципального образования «Котлас» на сумму 13 500 руб. Был заранее разработан маршрут экспедиции, подготовлено необходимое снаряжение и размножены научно-методические материалы: список деревень Вотложемской волости за 1626 г. (предоставлен Г.Б. Красноштановым), крупномасштабные карты местности, бланки опросных листов. 25 июня 2007 г. члены организационного комитета провели предварительный инструктаж участников экспедиции.

27 июня основная часть экспедиции (7 человек) выехала из Котласа в исходный пункт – деревню Пустошь и осуществила переход по маршруту Пустошь – Медведки – Заухтомье – Бурмасово – Кудрино – Варавино – Боровинка – Выставка – Вотложемский луг. В районе бывшей деревни Часовино (Часовницкая) был разбит лагерь. Утром 28 июня был совершен переход в деревню Борисовскую, где к экспедиции присоединилась прибывшая из Котласа вторая группа (4 человека). В 15 часов состоялась переправа на левый берег Северной Двины, где был разбит второй лагерь, и 29 июня экспедиция завершила работу на заключительном отрезке маршрута: Минина Полянка – Красная Заря – Выставка – Сакушево – Погосево – Новинки – Большой Прислон – Курцево.

Научная часть экспедиции была завершена к полуночи 28 июня. В ходе экспедиции в пяти деревнях правобережья Северной Двины было опрошено 11 респондентов 1926–1961 гг. рождения – коренных жителей данной местности. Наиболее ценная информация была получена от Е.П. Быковской, Ф.П. Поломодовой и В.Н. Шехирева. В результате с различной степенью точности было локализовано 5 гидронимов (Боровской и Городецкий ручьи, речка Беседная, Чёрная и Пустошница) и 8 топонимов (Вотложемский погост, деревни Голявинская, Ефимовская, Щёлково, Тарутино, Часовницкая, Ивоиловская, Святик), упомянутых при описании земель Вотложемской волости в писцовой книге 1626 г. и не зафиксированных на современных картах Котласского района.

При сопоставлении с материалами Российского государственного архива древних актов и картами Велико-Устюжского уезда из научного архива Великоустюжского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника эти данные позволили в целом восстановить маршрут писцов XVII в. по территории Вотложемской волости: переход вдоль правого берега Северной Двины в направлении с севера на юг по высокому коренному берегу, затем спуск на Вотложемский луг к деревням пойменной зоны, вновь подъем на коренной берег близ устья реки Ухтомки, проведение описи близлежащих деревень и возвращение в северо-западном направлении (видимо, рекой) к дальним деревням Вотложемского луга: Святку и Борисовской.

Исходя из этого следует, что искомая деревня Святыца располагалась в юго-восточной части Вотложемского луга, ориентированочно на пересечении линий Борисовская – Бурмасово и Приводино – Боровинка. В настоящее время в связи со смещением русла реки Северной Двины к северо-востоку территории, на которой находилась Святыца и окрестные деревни (Оксеновская, Дмитрово, Потокино), видимо, частично находится на дне Северной Двины, а частично сместилась с правого на левый берег. Никаких следов этих деревень не сохранилось ни на исследо-

думой местности, ни в памяти старожилов. Вместе с тем расположение бывшей деревни Святыца — малой родины Е.П. Хабарова на территории современного Котласского района отныне не вызывает сомнений.

Ответственный за научную работу экспедиции, к. и. н. С.А. Гладких.

Примечание. Котлошанином Ерофея Хабарова называть нельзя, потому что Котласа во время его жизни не существовало.

Словарь старинных слов и выражений

Без вывода — без исключения.

Братья (братия) — люди, равные между собой по правам и обязанностям.

Ватаман — старшина.

В делу — отдельно, не вместе, в разделе.

В живущем — о пашне, находящейся в обработке и обложенной налогом.

Воевода — начальник уезда, города.

Выть — часть, доля.

Грамотка — письмо.

Гуменник — место вокруг гумна.

Даная — документ на отведение пашни.

Двор — место под избой и хозяйственными постройками, обнесенное оградой.

Дворище — место вокруг двора.

Деловая — документ о разделе имущества.

Десятая (десятинная) пошлина — десятипроцентная пошлина, взимаемая с денежной оценки мягкой рухляди (пушнины).

Духовная — письменное завещание.

Ездовищи (езовищи) — места, где устанавливают езы (язы), частоколы по-перек речки, ручья, для ловли рыбы.

Жар — участок леса, выжженный под пашню.

За делом — отдельно, не вместе, в разделе.

Закладная — документ о закладе.

Заплот — изгородь из досок, положенных горизонтально.

Извет — донос.

Кабала — письменное долговое обязательство, вексель.

Копна — мера сенных покосов площадью в десятую часть десятины.

Купчая — документ, удостоверяющий покупку.

Ловищи — места ловли рыбы, зверя или птицы.

Очищать — оправдаться перед законом или расплатиться с долгами.

Память — документ с приказом начальника подчиненным людям или документ, которым сносились равностоящие учреждения.

Парка — верхняя меховая одежда северных народов в виде куртки с капюшоном.

Перелог — участок земли, оставленный без обработки на несколько лет.

Повытье — часть, доля.

Подать — налог, пошлина.

Подклет — нижний ярус избы, иногда жилой, иногда нежилой.

Пожня — сенной покос.

Покрута — наем покручников.

Покрученик — нанятый на соболиный промысел работник с хозяйствским содержанием и промышленным снаряжением.

Половник — арендатор за половину урожая, живущий постоянно, имеющий свой двор.

Половье — мякина.

Пополнок — придана к плате за покупку.

Посад — торгово-промышленная часть поселения, обычно неукрепленная.

Послуси — свидетели.
Послух — свидетель.
Править — взыскивать долг.
Примерная пашня — вновь прибавленная.
Притеребы — места, расчищенные под пашню или покос.
Промышленный завод — снаряжение для соболиного промысла.
Пустошь — место, где была исчезнувшая деревня.
Путики — звериные тропы.
Разрубить — разделить.
Рост — проценты, выплачиваемые заемщиком.
Сенник — сарай для хранения сена.
Список — копия документа.
Сорок — связка из сорока шкурок соболей.
Стан — волость.
Статки — нажитое имущество.
Съезжая изба — канцелярия воеводы или приказчика.
Ударить челом — преподнести в дар.
Ужина — установленное договоренностью количество охотничьего инвентаря и продовольствия в промысловой ватаге, в соответствии с которым делится добыча.
Хоромы — жилые постройки.
Целовальник — выборный сборщик податей или хранитель казенной собственности, дающий клятву (крестное целование) не заниматься хищениями.
Ясак — подать пушниной, взимаемая с местного населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Леонтьева Г.А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М., 1991. С. 17.
2. Белов М.И. Ерофей Хабаров в Мангазее и на Таймыре // Летопись Севера. М., 1975. Вып. VII.
3. Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. I.
4. Белов М.И. Указ. соч. С. 107.
5. РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1628 г. Ед. хр. 28. Л. 68–69.
6. Там же. Л. 98.
7. Там же. Л. 71–74.
8. Там же. Л. 75–79.
9. Там же. Л. 80–81.
10. Там же. Л. 81, 81 а.
11. Там же. Л. 81 а, 82–86.
12. Белов М.И. Указ. соч. С. 107.
13. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Соль Вычегодская. Кн. 446. Л. 213 об.–214.
14. Там же. Л. 214.
15. Белов М.И. Указ. соч. С. 109.
16. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Соль Вычегодская. Кн. 15039. Л. 163–163 об.
17. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 541. Л. 250–250 об.
18. Там же. Л. 250 об.
19. РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1630 г. Ед. хр. 55. Л. 164.
20. РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. № 99. 1645 г.
21. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Соль Вычегодская. Кн. 15058. Л. 49.
22. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Соль Вычегодская. Кн. 15052. Л. 248 об.–249.
23. РГАДА. Ф. 214. Ст. 381. Л. 92.
24. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Соль Вычегодская. Кн. 15053. Л. 93.
25. РГАДА. Ф. 1209. Устюг Великий. Кн. 506. Л. 388–388 об.
26. Там же. Л. 388 об.
27. Белов М.И. Указ. соч. С. 108.
28. РГАДА. Ф. 1209. Устюг Великий. Кн. 506. Л. 381.
29. РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Устюг Великий. Ед. хр. 214. Л. 116 об.

Ю.П. Похабов

ЯКОВ ИВАНОВИЧ ПОХАБОВ, ЕНИСЕЙСКИЙ СЫН БОЯРСКИЙ

Как известно, затянувшийся вопрос по дате основания Иркутска был окончательно разрешен советским историком А.Н. Копыловым к 1960 г. [1], однако до сих пор мы мало что знаем о человеке, основавшем в 1661 г. Иркутск, — енисейском сыне боярском Якове Ивановиче Похабове.

Информация о Я. Похабове скучна, разрозненна и однобока. В источниках широко освещен лишь эпизод, связанный со строительством Иркутского острога. Попытка в 1963 г. бывшего научного сотрудника Иркутского областного краеведческого музея А.З. Багаутдинова [2] раскрыть образ Я. Похабова не нашла дальнейшего развития. Многие современники просто путают его с енисейским сыном боярским Иваном Ивановичем Похабовым. Начало путаницы заложил летописец истории освоения Сибири И.Э. Фишер, приписавший лавры строительства Иркутского острога в 1661 г. Ивану Похабову [3]. Существует достаточно причин восприятия Ивана Ивановича Похабова и Якова Ивановича Похабова как одной и той же личности: оба енисейские сыны боярские, оба одновременно служили в гарнизоне Енисейского острога, оба несли службу годовальщиками в Прибайкалье и Забайкалье. Мало того, оба снискали славу основателей Иркутска, так, например, в 1902 г. в Иркутске были проведены официальные торжества в честь 250-летия основания города енисейским сыном боярским Иваном Похабовым [4].

Подготовка к празднованию 350-летия Иркутска в 2011 г. и мероприятия по увековечению имени Я. Похабова являются хорошим поводом разобраться наконец в судьбе человека, который дал жизнь городу. Я не занимался целенаправленными исследованиями биографии Якова Ивановича Похабова. Все, что мне стало известно об этом человеке, я узнал, изучая собственную родословную, работа над которой не завершена и продолжается. Однако часть выводов, касающихся Я. Похабова, способна в какой-то мере восполнить недостаток знаний об этом человеке.

Годы жизни Якова Похабова

Архивных данных о досибирском периоде жизни Я. Похабова обнаружить пока не удалось.

Службу в Енисейском гарнизоне «Якунка Похабов» начал после 1643 г., но не позднее осени 1647 г., что согласуется с упоминанием Я. Похабова как участника похода Ивана Галкина в долину р. Баргузин летом 1648 г., возможностью осуществления навигации в Сибири и данными сохранившихся окладных книг жалованья Енисейского острога за 1642–1643 и 1649 гг.

Дата смерти Я. Похабова указана в окладной книге жалованья за 1674 г.: «Яков Иванов сын Похабов в прошлом во 181 [1672–1673] году умре и тот ево Яковлев оклад Похабова по указу великого государя и по грамоте заверстан будет енисейскому сыну боярскому Афонасию Бойтону во 183 году» [5].

Карьера Якова Похабова

Службу в Енисейском остроге Я. Похабов начал «по прибору». Имя Я. Похабова впервые упоминается в списках рядовых казаков в окладной книге 1649 г. [6]. Примечательно, что в том же году Я. Похабов исполняет обязанности десятника в походе под предводительством И. Галкина, пославшего «Якунку Похабова с 15 служилыми людьми на Буженей озеро (ныне оз. Бусани. — Ю. П.) „для присыку новых землиц“» [7].

Сохранившаяся челобитная Сибирского приказа, датированная 1654 г., принадлежит уже «енисейского острогу пятидесятнику казачьему» Я. Похабову, который

«бьет челом» царю Алексею Михайловичу и просит за «службишко» «пожаловать» его [8].

Чин сына боярского Яков Похабов получил в период воеводства Максима Григорьевича Ртищева (17. 02. 1656–1659) [9], о чём говорится в переписной книге 1669 г.: «...а поверстан он Яков в дети боярские по государевой грамоте при воеводе Максиме Ртищеве» [10].

Послужной список Якова Похабова

В 1648–1650 гг. Я. Похабов принял участие в походе отряда служилых людей под командованием енисейского сына боярского И. Галкина. В 1648 г. отряд обогнул Байкал с севера и в начале лета проник в долину р. Баргузин. Поднявшись вверх по течению, в 40 верстах от устья, в месте впадения в Баргузин горной речушки (впоследствии названной Банной), Галкин заложил острог, ставший первым опорным пунктом русских казаков в Забайкалье [11].

В 1649 г. И. Галкин, оставив в Баргузинском остроге небольшое количество людей, послал отряд казаков под предводительством Я. Похабова на р. Витим и к оз. Буженей, а сам двинулся с отрядом к Еравнинским озерам [12]. Выполнив задание, Я. Похабов прошел в долину р. Муи [13] и обложил ясаком «князцова сына Чинкатирского рода Чубугу да Килдигирского рода князцова ж сына Муланю...». Далее, как пишет сам Яков Похабов, «на низ государь пловучи по верхней Ангаре реке поимал я холоп твой мужика князыца Шинегу Килдигирского рода... Шинега прежде сидел тебе государь ясаку не плачивал и на Лене реке и по иным сторонним рекам побивал твоих государевых служилых и промышленных и ясачных людей...» [14]. На р. Муе отряд Я. Похабова встретил ленских промышленных людей, которые собирали ясак и брали аманатов царским именем на себя, и ему пришлось силой отбирать у них добычу [15].

С 1652 г. Я. Похабов участвует в походе под предводительством И. Похабова на Байкал, о чём сам Я. Похабов в своей челобитной пишет так: «Да в прошлом во 160 году послан был я холоп твой на тое ж твою государеву службу на Байкал озеро с сыном боярским с Ываном Похабовым. А з Байкала озера послал меня холопа твоего тот Ыван Похабов для твоего государева ясачного збору на Баунт озеро и на Баунте озере во 162 году прибрал я холоп твой тебе государю вновь твоего государева ясачного збору два сорока семь соболей с пупки и с хвосты» [16].

Во многих источниках утверждается, что в этом же походе Я. Похабов в 1652 г. строит Баунтовский острог, который через два года был сожжен эвенками [17]. Остатки острога, возведенного Я. Похабовым, были найдены в 2008 г. в 3 км от истока р. Верхняя Ципа, которая впадает в оз. Баунт [18].

Таким образом, уже в первые годы службы в Енисейском остроге Я. Похабов участвует в двух походах на Байкал, где руководит строительством Баунтовского острога, вместе с Иваном Галкиным строит Баргузинский острог, самостоятельно «проводывает» новые земли в долинах рек Витим, Муя, Верхняя Ангара, на озерах Буженей и Баунт, объясачивает непокорных прежде князцов, пресекает попытки промышленных людей незаконного сбора ясака, проявляет себя как умелый командир казачьих отрядов в столкновениях с племенами местных народов, присоединяя их к русскому государству. Все это позволяет судить о выдающихся личных качествах Я. Похабова, что по достоинству отмечалось современниками — опытными И. Галкиным и И. Похабовым, доверявшими ему ответственные задания во главе отрядов казаков, и енисейскими воеводами, оценившими его особые заслуги перед государством ускоренным продвижением по службе. Как известно, лишь в особых случаях «приборный» служилый человек «мог быть повышен в чине до десятника, пятидесятника, иногда сотника или атамана, а отдельные лица за особые заслуги получали чин сына боярского и, следовательно, переводились в разряд служилых людей «по отечеству»» [19].

Не менее славным было продолжение службы Я. Похабова в чине сына боярского.

В июле 1660 г. Я. Похабов назначается приказчиком в Братский острог: «...мне Якушку велено быть приказным в нижнем Братском остроге» [20]. К этому времени уже предпринимались неоднократные попытки найти и вернуть беглых бурят, ушедших в 1658 г. в Монголию из-за произвола сына боярского И. Похабова [21]. Один из таких отрядов по розыску беглых бурят было поручено возглавить Я. Похабову, о чем енисейский воевода Иван Ржевский в своей отписке писал царю: «И я холоп твой, по твоему великого государя указу, ныне шлю в те Братские остроги для подлинного ведома про беглых Братских людей Енисейских сына боярского Якова Похабова да пятидесятника Олешку Олена да с ними людей сто человек» [22].

В сентябре 1660 г. Яков Похабов отправился в двухмесячный поход на Иркут для поиска беглых бурят, где встретил и обложил ясаком «новых ясашных людей князца Яндаша с иво улусными людьми». По предположению А.П. Окладникова, это были сойоты [23], кочевавшие в верховьях Иркута и оз. Косогол. В декабре 1660 г. от вновь объясченных яндашских татар в Балаганский острог прибыл гонец и просил поставить в устье Иркута острог для сбора ясака и защиты от притеснений со стороны красноярских казаков. Воевода Ржевский 22 июня 1661 г. отправил Якову Похабову подмогу в количестве 60 казаков во главе с пятидесятником Дружиной Поповым-Даурским с распоряжением «отыскать на устье Иркута реки или вверх Иркута самого угожево места... и на том месте поставить острог». Однако Яков Похабов, не дожидаясь ответа из Енисейска, сделал это сам 6 июля 1661 г. [24], о чем сообщил в своем донесении воеводе И. Ржевскому [25]. Сам Яков Похабов назвал новое поселение Яндашским, по имени князца Яндаша Дороги, но это название заnim не закрепилось, во всех последующих документах оно стало именоваться по своему местоположению — Иркутским [26].

В 1662 г. Яков Похабов построил Кучидский острог, в устье р. Кидымит, притока Витима [27].

Своеобразным свидетельством высокого авторитета Я. Похабова среди служилых людей Енисейского острога является сохранившаяся коллективная челобитная, поданная в июле 1665 г. с жалобой на воеводу Афанасия Пашкова, который, по мнению енисейских служилых людей, «не дошел до Даурской земли, остановился на великой реке Шилке и на Иргене озере и остроги поставил новые в тех же местах, в которых местах мы, холопи твои, преж ево, Офонасья, остроги поставили». Таким образом, Пашков «отнял ту службу от Енисейского острога» и обманывал Москву, именуя район своих действий «новой Даурской землей и китайской границей» [28]. Челобитная была подписана И. Галкиным, И. Максимовым, Я. Похабовым, Н. Кольцовым и др.

В 1668–1669 гг. Я. Похабов служил приказчиком Баргузинского острога и к нему за помощью обращался нерчинский воевода Л.Б. Толбузин из Телембинского острога, о чем писал в Москву в 1669 г. илимский воевода С.О. Оничков: «В нынешнем, государь, во 177 [1669] году... генваря в 27 день, писал из Даурские земли ис Телембинского острошку тобольской же сын боярской Ларион Толбузин в Баргузинской острожек к енисейскому сыну боярскому к Якову Похабову, что в Даурской де земле идут войною на Нерчинской острожек и на ясачных людей бодйские люди на две дороги, по Кайларе озеру и по Аргуне реке, семь тысяч войска, и чтоб к нему, Лариону, прислать служилых людей и зелья» [29].

Записи в окладных книгах жалованья 1662–1670 гг. говорят о том, что до 1670 г. Яков Похабов получал хлебный, денежный и соляной оклады, однако недолго до смерти он в счет хлебного оклада начал обрабатывать пашню: «в 1676–77 г. „енисейских посадских людей Андрею Пелевину“ заложила свой „пай“ пахотной земли, покосов и выпуска и „четверть“ земли на Самоделовском острове вдовы сына

боярского Я. Похабова Арина. Этими участками Я. Похабов владел по «поступной» казака С.И. Новикова» [30].

Происхождение Якова Похабова

Из генеалогической информации известно лишь то, что Яков Похабов был женат на Арине Федоровне, но «детей у него Якова нет» [31].

По вопросу родственных отношений Якова и Ивана Похабовых советские историки А.П. Окладников и А.Н. Копылов единодушны и категоричны, они считают их однофамильцами [32]. Логика ученых понятна, начало службы Я. Похабова «по прибору» и служба И. Похабова «по отечеству» формально разводят их по разным сословным группам и не предполагают близкого родства. Косвенно подтверждает это и челобитная Я. Похабова 1654 г., где он ни единым словом не намекает на родственную связь с И. Похабовым. Тем не менее генеалогические аспекты фамильного рода Похабовых позволяют думать иначе.

Первое известное упоминание фамилии «Похабов» в источниках связано с подьячим Федором Похабовым, автором писцовой книги Ярославского уезда 1513 г. [33]. К этому времени слово «похаб» в древнерусском языке существовало исключительно как технический термин для определения юродивого по образцу византийских святых Симеона Эмесского и Андрея Юродивого. Термин появился в XI в. для перевода Жития Андрея Юродивого с целью максимально точного доведения до древнерусских читателей культуры и традиций византийских юродивых в форме притворного безумия в театрализованном виде во имя достижения сакральной цели. Вплоть до XIV в. слово использовалось как книжный термин, а перенос слова в устную речь связан с визуализацией образа юродивого на пике массовости появления юродивых во времена правления Ивана Грозного и Федора Ивановича. Столь привычное сегодня этически негативное восприятие фамилии не имеет ничего общего с ее первоначальным значением, которое было грубо искажено вначале в результате борьбы с юродством Петра Великого, лично ненавидевшего юродивых, а затем — в результате искоренения большевиками старых устоев и православной церкви. В этой связи нужно иметь в виду, что вплоть до XVII в. слово «похаб» зачастую использовалось в звательном падеже — похабе [34].

Исходя из первого документального свидетельства существования фамилии, ее возникновение может быть датировано не позднее конца XV в. Это был период, когда слово «похаб» не означало ничего иного, кроме понятия «юродивый» по византийскому образцу. Поскольку похабами не рождались, а становились добровольно, отказываясь от всего в этом мире, в том числе и от собственных детей, то происхождение от похаба просто обязано было найти свое отражение в форме принятого тогда делового письма: «Имярек похабов сын». В дальнейшем прозвание «по отцу» — юродивому закрепилось в виде именования фамильного рода, имевшего высокую степень персонификации.

Таким образом, принадлежность к единому фамильному роду дает понимание происхождения Я. Похабова — енисейские сыны боярские Иван и Яков Похабовы не были просто однофамильцами, поскольку имели общего предка.

Интересно, что происхождение фамилии от юродивого указывает на то, что Похабовы изначально должны были быть городскими жителями северной части Московского государства. Именно это в точности подтверждается литературными сведениями о подьячем Федоре Похабове из Ярославля 1513 г.; городовом сыне боярском Федоре Похабове из Устюжны Железопольской 1615–1632 гг. [35]; стрелецком сотнике Иване Александровиче Похабове из Великого Устюга 1623–1626 гг. [36] (хотя его сын Иван, тот самый енисейский сын боярский, хорошо известный иркутянам, назван в окладной книге жалованья «новгородцем» [37]); Андрее По-

хабове из Сузdalьского уезда, упомянутом в 20-е гг. XVII в. условном владельце вотчинных земель князя И.И. Хованского [38].

Учитывая крайне низкую сословную мобильность населения Руси в XVI в., можно утверждать, что Похабовы на рубеже XVI–XVII вв. принадлежали к неродовитому служилому роду с локализацией ареалов проживания в границах территории: Новгород – Устюжна Железопольская – Ярославль – Сузdalь. Именно в указанном географическом районе будущим биографам следует искать сведения о досибирском периоде жизни Я. Похабова.

Ключ к пониманию различной сословной принадлежности Ивана и Якова Похабовых может лежать в судьбе моих предков, потомков стрелецкого сотника из Великого Устюга И.А. Похабова, сыновьями которого были енисейский сын боярский Иван, подъячий Григорий и младший неверстанный сын Семен. Старший сын Семена – Иван приехал гулящим человеком около 1682 г. в Кемский острог Енисейского уезда к своему двоюродному брату – неверстанному сыну боярскому Ивану Ивановичу Похабову. Иван Семенович Похабов, будучи по происхождению из рода служилых «по отечеству», в 1691 г. стал пашенным крестьянином. Точно так же, по причине неверстанности своего отца, мог оказаться за рамками своего сословного происхождения и Яков Иванович Похабов, что обязывало его начинать жизненный путь с чистого листа, и ему это удалось в полной мере на поприще землепроходца Сибири.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Копылов А.Н. Затянувшийся вопрос // Ангара. 1960. № 4 (49).
2. Багаутдинов А.З. Находка в архиве // Восточно-Сибирская правда. 1963. 13 сент.
3. Фишер И.Э. Сибирская история с самого начала открытия Сибири до завоевания сибирской земли российским оружием. СПб., 1774. С. 553.
4. Копылов А.Н. Затянувшийся вопрос. С. 143; Иркутск основал боярский сын // Енисейские губернские ведомости. 1900. 27 июня.
5. Окладная книга жалования 182 г. // РГАДА. Ф. 214. Кн. 618. Л. 7.
6. Окладная книга жалования 157 г. // РГАДА. Ф. 214. Стб. 313. Л. 101.
7. Баргузинский острог // Города и остроги земли Сибирской [Электронный ресурс]. URL: http://ostrog.uscoz.ru/ostrogy/2_7.htm (16. 09. 2010); Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток, 1999. С. 40.
8. Багаутдинов А.З. Указ. соч.
9. Список глав города Енисейска [Электронный ресурс] // Официальный сайт администрации города Енисейска. URL: <http://wwhp.ru/eniseisk.htm> (02. 06. 2010).
10. Переписная книга Енисейского уезда 177 г. // РГАДА. Ф. 214. Кн. 527. Л. 288–288 об.
11. Копылов А.Н. Затянувшийся вопрос. С. 144; Галкин Иван Алексеевич – березовский казачий атаман [Электронный ресурс] // Города и остроги земли Сибирской. URL: http://ostrog.uscoz.ru/pervoprophodcy/0_34.htm (02. 06. 2010).
12. Галкин Иван Алексеевич – березовский казачий атаман.
13. Румянцев Л.И. Русские источники XVII в. о Байкале: краевед. сб. / под ред. Л.Е. Элиасова. 1958. Вып. 3. С. 3–12.
14. Багаутдинов А.З. Указ. соч.
15. Андреевич В.К. История Сибири. СПб., 1889. Ч. 1. С. 79, 166.
16. Багаутдинов А.З. Указ. соч.
17. Жалсараев А.Д. Православие в Бурятии: даты и факты [Электронный ресурс] // Читинская и Краснокаменская епархия. URL: <http://chita.eparhia.ru/eparhx/hist/nov/histbur/> (02. 06. 2010).
18. Зотов А. Нашли острог и, возможно, могилу шамана: (В поисках прошлого) // Витимские зори. 2008. 9 авг.
19. Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII в.: Земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда. Новосибирск, 1965. С. 199.
20. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссию. СПб., 1851. Т. 4. С. 238.
21. Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л., 1937. С. 127–130.
22. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссию. СПб., 1848. Т. 3. С. 200.
23. Окладников А.П. Указ. соч. С. 130.
24. Шахеров В.П. Форпост в Прибайкалье // Земля Иркутская. 2001. № 16. С. 4.

25. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиою. СПб., 1851. Т. 4. С. 249–250.
26. Шахеров В.П. Указ. соч. С. 4.
27. История Северобайкальского района [Электронный ресурс] // Республика Бурятия: официальный портал органов государственной власти Республики Бурятия. URL: http://egov-buryatia.ru/obur/adm_terr/content/sev_baik/evenki.html (02. 06. 2010).
28. Вершинин Е.В. Землепроходец Петр Иванович Бекетов // Отечественная история. 2003. № 5. С. 35–49.
29. Красноштанов Г.Б. Никифор Романов Черниговский: Документальное повествование. Иркутск, 2008. С. 148.
30. Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М.: Наука, 1964. С. 192.
31. Енисейская переписная книга 177 г. // РГАДА. Ф. 214. Кн. 527. Л. 288.
32. Копылов А.Н. Затянувшийся вопрос. С. 144; Окладников А.П. Указ. соч. С. 129.
33. Исторические акты Ярославского Спасского монастыря / изд. И.А. Вахромеевым. Т. 1: Княжие и царские грамоты. М.: Синод. тип., 1896. С. 21.
34. Житие Андрея Юродивого // РГАДА. Ф. 381 (Библиотека Московской Синодальной типографии). № 182. 66 л. Конец XIV в. — Опубл.: Молдован А.М. «Житие Андрея Юродивого» в славянской письменности. М.: Азбуковник, 2000. С. 159–450; Житие и подвизы святаго праведнаго Прокопия, иже Христа ради Устюжского чудотворца. О втором пророчестве блаженнаго Прокопия и о Марии, матери святаго отца Стефана, Архиепископа Великопермскаго [Электронный ресурс] // Клуб практической философии «Честь и Свет». URL: <http://pravoslavie.chestisvet.ru/index.php4?id=148> (03. 06. 2010).
35. Писцовая книга станов и волостей Устюжны Железопольской 1628–1630 годов. (Публикация Пугача И.В.) [Электронный ресурс] // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: www.booksite.ru/fulltext/3us/tuz/hna/13.htm; <http://www.booksite.ru/fulltext/usty/uzh/na2/index.htm> (03. 06. 2010); Пугач И.В. Устюжна Железопольская и уезд в XVI – первой половине XVII в.: территория, население, хозяйство: дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 1999. § 3. С. 262. Ссылка 591.
36. Устюжская писцовая книга «Письма и меры Микиты Вышесловцова да подъячего Агеля Федорова 131 и 132 и 133 и 134 гг.» // РГАДА. Ф. 1209 (Московский архив министерства юстиции). Кн. 506. Л. 3–3 об. — Опубл.: Быть на Устюзе [Электронный ресурс]: ист.-краевед. сб. // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: www.booksite.ru/fulltext/byi/sty/nau/sty/uze/13.htm (26. 10. 2010).
37. Окладная книга жалования 150–151 гг. // РГАДА. Ф. 214. Кн. 153. Л. 435 об., 436 об.
38. Готье Ю.В. Замосковный край в XVII веке: Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М.: ГСЭИ, 1937. С. 290–291.

A.A. Павлов

**БРАТСКИЙ ОСТРОГ В XVII ВЕКЕ
(ИЗ ИСТОРИИ ТРЕХ КРЕПОСТЕЙ)**

Братский острог был первой русской крепостью, заложенной на территории расселения бурят. По определению одного из исследователей начала XX в., «заложение Братского острога есть красноугольный камень начала завладения местностью, занимаемой нынешней Иркутской губернией» [1].

Острог за свою историю сменил несколько мест расположения. В дореволюционной литературе сведения о местах и времени постройки братских острогов основывались на данных И.Э. Фишера, считавшего, что первый острог был построен в 1631 г. у Падунского порога, второй — на правом берегу Ангары в 1648 г., третий — на правом берегу Оки, а затем на ее левом берегу [2].

В 1937 г. вышла книга А.П. Окладникова, в которой, на основе документов, определено говорилось о трех острогах: первый был построен в 1631 г. отрядом Максима Перфильева ниже Падунского порога, второй летом 1635 г. — отрядом Н. Радуковского (Радуновского) на правом берегу устья Оки, он был перенесен Дмитрием Фирсовым в 1654 г. на левый ее берег [3]. Несмотря на это, некоторые советские историки почему-то продолжали использовать данные о Братском остроге из дореволюционных изданий, что привело к неверному изложению его истории [4], парадоксальному утверждению, что одна из двух сохранившихся до наших дней башен была построена в остроге у Падунского порога [5], а утверждение, что в документах нет упоминания о перестройке острога, не позволило рассматривать его историю позднее 1654 г. [6].

В 2005 г. вышел третий том «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера, рассказывающий о продвижении русских в Восточную Сибирь. В этом труде подробно освещаются события, предшествовавшие основанию острога, и его постройка отрядом Максима Перфильева в 1631 г., а также дана ссылка на документы XVII в. [7]. Тем не менее братский краевед Ю.В. Попов в своей работе об истории Братска, следуя за известными в научных кругах авторами, считавшими основателем первого острога Петра Бекетова [8], утверждал, что первый Братский острог был построен в 1629 г. в устье Оки [9].

В связи с вышеизложенным имеет смысл снова обратиться к истории Братского острога XVII в. с использованием как имеющихся публикаций по этой теме, отдельные из которых уже стали библиографической редкостью, так и ранее малоизвестных и неизвестных архивных материалов.

В 1628–1629 гг. Петр Бекетов, отправленный для сбора ясака в зимовье под Шаманским порогом, по собственной инициативе с частью отряда прошел вверх по Ангаре и в устье Оки взял первый ясак (87 соболей) с бурятских князцов, а затем совершил поход по Ангаре до Уды [10].

Доказательством строительства в этом походе острога в устье Оки считают две челобитные Бекетова 1651–1652 гг. и справку Сибирского приказа о его службах [11]. Однако внимательное прочтение документов этого не подтверждает.

В челобитных П. Бекетов, ходатайствуя о возвращении ему чина казачьего головы и установлении прежнего годового жалованья, перечислял свои заслуги в деле приведения «под царскую высокую руку» тунгусов, бурят, якутов и писал, что «по Тунгуске реке и на Рыбной и на Усть Оки и на Илимском волоку и верх Лены реки и на низу реки Лены... острошки и зимовья поставил многие...» [12]. В справке Сибирского приказа от 22 февраля 7159 (1651) г. на основании ясачных книг Енисейского острога и донесений воевод подтверждается строительство острожка на Рыбной ловле и двух острогов на Лене, а в отношении острога в устье

Оки сказано буквально следующее: «Да Петр же Бекетов к сей выписке подал письмо, а в письме пишет: в прошлых годах из Енисейского острога сын боярский Петр Бекетов посыпан для ясаку на Тунгуску реку и на Ангаре де на усть Оки реки поставил Брацкой острожек» [13]. Очевидно, что составитель справки не нашел подтверждения строительству острога в отписках енисейского воеводы, потому и ссылается на самого Бекетова.

Наконец, два факта указывают на то, что П. Бекетов не зимовал в устье Оки, а значит, не строил ни острога, ни зимовья. Во-первых, преодолевая Ангарские пороги, отряд потерял половину запасов и служилые люди, «ходя по Братской земле, терпели голод — ели траву и коренье» [14]. Во-вторых, как следует из выписки из приходных ясачных книг, составленной после возвращения Бекетова в Енисейск, весь ясак, собранный с бурятских князцов, составил 87 соболей [15], т. е. то количество, которое было собрано в устье Оки перед походом вверх по Ангаре. Очевидно, что зимовки не было, иначе размер ясака был бы больше.

Непонятно, почему известный землепроходец приписал себе строительство первого Братского острога. Об одном предположении будет сказано далее.

Строительство первого Братского острога связано с именем другого известного землепроходца — Максима Перфильева, которому было предписано поставить острог, как советовал П. Бекетов, против устья Оки на другом берегу Ангары. Опасаясь бурят после разгрома их улусов отрядом Я. Хрипунова в 1629 г., Перфильев поставил острог в 1631 г. у Падунского порога в 40 км от устья Оки и 18 июля (28 июля по н. ст.) прибыл в Енисейск [16].

По «Росписи имянная рекам и землицам и князцом, с которых государя ясак збирается в Енисейский острог» 1630 г., для преодоления порогов от устья Илима до Вихоревой требовалось 6 дней, от последней до Оки еще две недели [17], а путь от Братского (Шаманского) порога до р. Тасеевой в низовьях Верхней Тунгуски занимал две недели [18]. Таким образом, чтобы прибыть в Енисейск, Перфильеву нужно было не менее месяца. Следовательно, постройка острога завершилась к концу июня 1631 г.

Расположение острога у Падунского порога на правом берегу Ангары определяется как намерениями Перфильева построить его именно там [19], так и отпиской из острога, после его постройки, пятидесятника Василия Москвитина, сообщавшего о намерениях бурят «как... река станет» сжечь острог [20].

Поставив острог, атаман Перфильев сразу же отправился в Енисейск, поэтому донесения о постройке крепости, вероятно, не было. В отписке в Москву енисейского воеводы С. Шеховского, написанной после прибытия Перфильева в Енисейск на основании расспросов атамана, об остроге сказано кратко: «...и острог де в самой Брацкой земле поставил в крепком и ухожем месте, и укрепил де всякими крепостьми и впредь де в том остроге твоим государевым служивым людем от брацких людей седеть и ясак збирать будет бестрашно» [21]. В челобитной самого М. Перфильева от имени казаков своего отряда и отряда Василия Москвитина, кроме сведений об укреплении острога «всякими крепостьюми», также ничего больше нет [22].

Братский острог у Падунского порога был одним из многих укреплений, которые служилые люди ставили для сбора ясака с местного населения на новых землях. Такие укрепления должны были обеспечивать зимовку гарнизона и оборону его небольшими силами, поскольку часть из прибывших на годовую службу служилых людей отправлялась собирать ясак либо на поиск новых неясачных земель.

Историки оборонной архитектуры Сибири выделяют несколько типов укреплений: зимовье, острог, город [23]. Зимовье представляло собой избу с нагородней, т. е. парапетом из бревен высотой 1–1,2 м, являвшимся продолжением стен выше уровня перекрытия избы [24], который обеспечивал прикрытие для стрелков. Вероятно, нагородня входила в упоминаемые в донесениях «всякие

крепости», помимо рвов и надолбов, и была тем оборонительным элементом, который отличал избы служилых людей от зимовий охотников-промысловиков. Петр Бекетов в 1631 г., принимая у Ивана Галкина острог в устье Куты, отмечал, что на самом деле это зимовье с сенями, срубленное по-промышленному, не имеющее никаких укреплений [25]. В 1653 г. он же, застигнутый ранней зимой в Забайкалье, приказал «срубить три избы казачьих, а в зимовье и около зимовья велел крепости учинить» [26].

Избы с нагороднями повсеместно в Сибири, как отмечал С.Н. Баландин, встраивались в тыновые стены из заостренных бревен, врытых в землю [27], и занимали место, как показывают документы, на углах небольших, прямоугольных в плане, острогов.

В 1641 г. строители Верхоленского острога сообщали, что в 4 верстах от устья Куленги «острог и башни и избы в остроге поставили», а в 1646 г. пятидесятнику Курбату Иванову было предписано поставить новый острог «в длину в одну сторону... мерою 20 саж. печатных, а в 3 стороны по тому ж, а на углах поставить... избы... и с нагороднями» [28]. Избы с нагороднями со временем могли превращаться в башни. Как видно по сохранившимся до наших дней угловым башням Братского острога, для этого достаточно было срубить облам и сделать крышу.

Имеющиеся сведения по острогам XVII в., поставленным для сбора ясака, показывают, что они были, подобно Верхоленскому, небольших размеров, имели по четыре башни, рвы и надолбы: Осинский острог имел 80 саженей в периметре, Селенгинский – 60 [29], а Иркутский – 46 саженей [30]. Судя по всему, Братский острог 1631 г. был такой же небольшой крепостью, скорее всего, с избами с нагороднями по углам.

Об обстановке в остроге после его строительства и ухода отряда Максима Перфильева рассказывают донесения 1631–1632 гг. пятидесятника В. Москвитина, в которых он сообщал об ограблении тунгусами ясачных сборщиков и намерениях бурят идти под острог, поэтому служилые люди «жили в остроге бережно и усторожливо накрепко» [31]. И в последующие годы обстановка оставалась напряженной: буряты отказывались платить ясак, забрали в свои кочевья кыштымов-тунгусов и, по словам последних, хотели «взять острог обманом» [32].

В 1634 г. в Братский острог был послан отряд Дунайки Васильева, в задачу которого входило склонить бурятских князцов к уплате ясака, которую отряд выполнить не смог. Видимо, исполняя наказ в случае неповинования бурят учинить над ними такое же разорение, какое учил Я. Хрипунов, отряд вышел из острога, попал в засаду в 8 верстах от устья Оки и был полностью уничтожен, а острог сожжен. Эта трагедия, отразившаяся в названиях речки Дунаевой и Кровавой протоки Оки [33], заверила первый период истории острога.

Следующий его период связан с экспедицией Николая Радуковского. В 1635 г., прибыв с отрядом в 100 чел. к Падунскому порогу и установив, что острог сожжен, он отправился в устье Оки, где разгромил несколько юрт бурят и безуспешно гнался за ними вверх по Оке. Спустившись на плотах в низовье Оки, служилые присмотрели в ее устье место для строительства острога [34]. В октябре 1635 г. Радуковский сообщал в Енисейск, что зимует под Шаманским порогом [35], поэтому острог, видимо, был поставлен в следующем 1636 году.

В 1927 г. жители Братска указывали А.И. Михайловской место на правом берегу Оки, в 1,5–2 км от впадения ее правой протоки в Ангару, с которым предание, известное еще с XVIII в., связывало расположение острога [36]. Очевидно, этот острог был небольшим укреплением, поскольку Иван Похабов в 1644 г. вокруг старой крепости поставил новый острог, сделал новые надолбы и рвы, так как старый острог «был мал и худ» [37].

Обследуя место расположения острога, А.И. Михайловская предположила по наличию пяти ям, что острог состоял из четырех башен и ворот, а длина стен

составляла 100 м [38]. Такое предположение вполне соответствует представлению о передовых острогах для сбора ясака как о небольших крепостях с башнями или избами с нагороднями, данные о которых были приведены выше. Кроме того, изучение башен уже третьего острога выявило конструктивные особенности одной из них и породило предположение о ее переносе с прежнего места [39], каковым мог быть только правый берег Оки, поскольку острог у Падунского порога был сожжен. Сомнения вызывает только привязка Михайловской ворот к одной из ям.

Из документов известно, что в остроге на правом берегу Оки была часовня, построенная, вероятно, до 1649 г. В 1649–1650 гг. енисейский воевода Ф. Полибин обращался к архиепископу Сибирскому и Тобольскому Герасиму в связи с челобитной царю енисейских служилых людей, которые просили разрешить построить в Братском остроге на месте часовни церковь во имя Сретения Пресвятой Богородицы и прислать священника, чтобы служилые люди от ран и болезней «без отца духовного, без покаяния и причастия в брацком острожке не помирали» [40].

К этому времени население острога составляли уже не только служилые люди. В отписке упоминаются посадские, пашенные крестьяне. В 1648 г. в Братский острог был послан крестьянин Роспута Потапов Степанов [41]. В октябре 1649 г. он привез в Енисейск «с новые брацкие земли своей пахоты» ячмень и коноплю [42]. Пятидесятник А. Евдокимов писал, что вымолоченный с государевой десятины служилым человеком Исачко Павловым хлеб спас гарнизон острога от голодной смерти зимой 1650–1651 гг., поскольку служилым людям его было недодано на годовую службу по две четверти на человека. В этой же отписке пятидесятник упоминал в числе пострадавших от набега бурят кузнеца Терешку Шаверу [43].

Интересно, что А.И. Михайловская нашла недалеко от предполагаемого места острога несколько ям, в некоторых из них жгли уголь [44]. Возможно, возле острога в это время складывался посад. В грамоте от 20 августа 7158 (1650) г. царь велел воеводе Пашкову «брацкого острожку годовальщикам и всяkim жилецким людям ... острожке церковь устроити собою» [45].

Однако церковь в этом остроге так и не была построена. После неудачи с постройкой Осинского острога в 1646 г., который служилые люди покинули, оказавшись без хлебных запасов [46], Братский острог продолжал оставаться единственным острогом на Ангаре.

В 1651 г. А. Евдокимов сообщал о недобранном ясаке, намерении бурят напасть на служилых людей на рыбных ловлях, о вытоптанных посевах, осаде острога. В заключение он писал, что без похода на бурят «ясаку впредь не будет» и «пашенными крестьянами пахать не мошно» [47]. К тому же обострились отношения с красноярскими казаками, которые стали собирать ясак сначала с окинских, а затем с унгинских бурят. Еще в 1647 г. Дмитрий Фирсов привез в Енисейск ясачного князца Долонка, который сказал, что он все годы платил ясак в Братский острог, а теперь с него собирают второй ясак красноярцы [48]. Возможно, упоминание в челобитной П. Бекетова о строительстве им, в числе других острогов, острожка в устье Оки было сделано с подачи енисейской администрации, чтобы иметь дополнительный аргумент в отстаивании перед красноярцами прав на ясачный сбор с окинских бурят.

К попыткам сбора ясака с бурят Братского острога красноярцами присоединились и казаки Илимского уезда. Как сообщали князцы унгинских бурят в Братский острог, «с волоку у нас ясаку просят, а с Красного Яру воиною грозят...» [49]. Чтобы не потерять ясачных плательщиков, защитить ясачных бурят и пашенных крестьян на левом берегу Оки, в 1653 г. из Енисейска был послан отряд Дмитрия Фирсова, имевший задачу построить Балаганский острог в устье Унги и перенести Братский острог на новое место [50].

Отряд Фирсова зазимовал в Братском остроге, не дойдя до Балаганской земли из-за мелкой воды и раннего ледостава. В начале 1654 г. Фирсов писал, что острожный лес готовится ниже Кровавой протоки, а на церковный лес, на 600 бревен и 400 тесниц, дано 20 р. [51].

В мае 1654 г. Фирсов послал в Енисейск донесение, в котором писал: «И в нынешнем во 162 году брацкой нижной острог поставили весной четыре башни высокие, под тремя башнями три избы, четвертая порозжая, да ворота проезжие. На воротах поставлена часовня да анбар новой срублен с перерубом трех сажен печатных. Острог ставили служилые люди двадцать три человека... да пашенные крестьяне и промышленные ставили двенадцать человек. Острог мерою поставлен круг ево сто двадцать сажен, а в работе был у острогу Иван Кузмин да Василий Хорошай с товарищи». Оставив в остроге 15 чел. с Иваном Кузминистым, которые, вероятно, построили церковь, Фирсов 14 мая 7162 г. ушел вверх по Ангаре строить Балаганский острог [52].

Новый Братский острог строился, в отличие от первых двух, не только для сбора ясака, но и как центр земледельческой волости. Некоторое время в его управлении находился Балаганский острог.

О внутриострожных постройках 50-х гг. XVII в. можно судить по отдельным сведениям: в остроге были приказная изба, хоромы приказчика, церковь, в которой служил священник [53]. Протопоп Аввакум писал, что в Братском остроге он сидел сначала в «студеной башне» (т. е. в порожней, по донесению Дм. Фирсова), а затем его перевели в теплую аманатскую избу [54].

Вопреки существующему до настоящего времени утверждению, что в архивных документах после 1654 г. не встречается упоминаний о перестройке Братского острога [55], это не так.

В 7177 (1668–1669) г. енисейский воевода, в связи с ожидавшимся набегом монгольских отрядов, получил донесения из Иркутского и Братского острогов о том, что остроги «погнили и худы», после чего в 7178 (1669–1670) г. отправил в остроги А. Барнешлева и И. Перфильева с задачей осмотреть их и принять меры. В 7179 (1670–1671) г. Иван Перфильев сообщал в отписке воеводе, что он построил острог «новой мерою сто двенадцать саженей», а башни «велел перебрать и построить со всяким боевым строением» [56].

Братский острог, построенный в 1654 г., был мерою 120 саженей. Иван Перфильев перебрал башни, заменив, очевидно, негодные бревна. Башни были собраны в другом месте, в результате уменьшился периметр крепости. Возведение новых острожных стен подтверждается нахождением при раскопках двух рядов тыновой стены на расстоянии друг от друга [57].

По результатам дендрохронологических исследований, одна из сохранившихся башен (юго-западная) датируется 1685 г., и авторы исследования предполагают, со ссылкой на археологические раскопки, что башня сгорела и была построена заново [58].

Но, во-первых, автор статьи о раскопках Братского острога писал об обгоревших бревнах в шурфах, примыкающих к северо-западной башне. Во-вторых, в шурфе, примыкавшем к юго-западной башне, обнаружены обгоревшие половицы, что автор объяснял наличием печи в жилище. В-третьих, в шурфе, отстоявшем от башни, обнаружены остатки обгоревших бревен тыновой стены, которую автор связывал с остатками острога, предшествовавшего, по его мнению, Братской крепости 1654 г. [59].

В донесении (без даты) из Братского острога в Енисейск А.П. Салтыкову, бывшему в 1681–1683 гг. воеводой, сообщалось, что построенный в прошлых годах острог «весь подгнил и башни и изба тако же погнули и розвалились...» [60].

Из вышеприведенных документов следует, что история крепостных сооружений Братска не закончилась постройкой острога в 1654 г. Очевидно, переборка башен (не обязательно всех сразу) с заменой бревен и строительство новых острожных стен

производились неоднократно. Сборка башен, с изменением места их расположения во внутреннюю или внешнюю сторону крепости, изменяла ее периметр. В.Н. Шерстобоев приводит архивные сведения об изменении периметра острога в XVIII в.: в 1724 г. при двух оставшихся башнях мера в стенах составляла 120 саженей, в 1736 г. — 105 саженей и 2,5 аршина, в 1769 г. — 124 сажени [61].

В истории Братского острога XVII в. было три этапа. В 1631–1635 гг. он располагался на правом берегу Ангары у Падунского порога и представлял собой небольшую крепость, предназначенную для сбора ясака, с ежегодно сменяемым гарнизоном. В 1636 г. острог заново был построен на правом берегу Оки. Он также предназначался для сбора дани, но уже развивался в поселение с постоянным населением. Перенесенный в 1654 г. на левый берег Оки, где он оставался в течение всего XVII в., острог стал центром ясачной и земледельческой волости.

После 1654 г. постройки острога неоднократно обновлялись: строились новые тыновые стены, перебирались башни. Только неоднократной переборкой и ремонтом можно объяснить сохранение двух башен Братского острога на своих местах до середины XX в., особенно северо-западной с выборкой чащ в верхней части бревен сруба, не способствовавшей его сохранности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Султанов Н.В. Остатки Якутского острога и некоторые другие памятники деревянного зодчества в Сибири // Известия Императорского Археологического общества. СПб., 1907. Вып. 24. С. 16.
2. Михайловская А.И. Братский острог: историко-археологический очерк // Известия Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества. Иркутск, 1928. Т. 53. С. 96–98.
3. Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л., 1937. С. 64, 76, 90, 396.
4. Никитин А.В. Братский острог // Советская археология. 1961. № 2. С. 214–216; Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. М.: Стройиздат, 1978. С. 28, 40.
5. Маковецкий И.В. Деревянное зодчество Среднего Приангарья (XVII–XX вв.) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. I: Приангарье. Новосибирск: Наука, 1971. С. 118.
6. Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. М.: Искусство, 1988. С. 121.
7. Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2005. Т. III. С. 46–50, 137–140, 163–166, 168–172, 185–190.
8. Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий: история Сибири в биографиях и родословных. Новосибирск: Наука, 1993. С. 28; Полунина Н.М. Хроника оснований сибирских острогов // Талъцы. 1999. № 2 (6). С. 7.
9. Попов Ю.В. Истоки Братска. Братск, 2006. Ч. 1. С. 45.
10. Окладников А.П. Указ. соч. С. 35; Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 41–42.
11. Попов Ю.В. Указ. соч. С. 45–46.
12. Цит. по: Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Улан-Удэ, 1960. С. 176–177.
13. Там же. С. 182–183, 186.
14. Цит. по: Вершинин Е.В. Землепроходец Петр Иванович Бекетов // Отечественная история. 2003. № 5. С. 38.
15. Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 139.
16. Окладников А.П. Указ. соч. С. 63–64; Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 182.
17. Сборник документов по истории Бурятии... С. 22.
18. Окладников А.П. Указ. соч. С. 49.
19. Там же. С. 64.
20. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее — ПФА РАН). Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 68.
21. Цит. по: Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 173.
22. Попов Ю.В. Указ. соч. С. 93.
23. Кочедамов В.И. Указ. соч. С. 35; Крадин Н.П. Указ. соч. С. 74.
24. Баландин С.Н. Оборонная архитектура Сибири в XVII в. // Города Сибири: экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1974. С. 11.
25. Красноштанов Г.Б. Когда основан Киренск? // Известия Архитектурно-этнографического музея «Талъцы». Иркутск, 2002. Вып. 1. С. 43.
26. Цит. по: Артемьев А.Р. Из истории Нерчинска // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв.: (историко-археологические исследования). Владивосток, 1995. Т. 2. С. 91.
27. Баландин С.Н. Указ. соч. С. 30.
28. Сборник документов по истории Бурятии... С. 70, 75.
29. ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 196, 198; Сборник документов по истории Бурятии... С. 232.

30. ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 23. Л. 240 об.; Шахеров В.П. Форт в Прибайкалье: (внешнеполитический аспект становления Иркутского острога) // Иркутск: события, люди, памятники: сб. ст. по материалам журнала «Земля Иркутская» / сост. А.Н. Гаращенко. Иркутск: Оттиск, 2006. С. 13.
31. ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 67 об., 68 об.
32. Окладников А.П. Указ. соч. С. 68–69.
33. Там же. С. 71–76; Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 50, 222–226.
34. Окладников А.П. Указ. соч. С. 76–77.
35. Сборник документов по истории Бурятии... С. 29.
36. Михайловская А.И. Указ. соч. С. 98.
37. Окладников А.П. Указ. соч. С. 83; Сборник документов по истории Бурятии... С. 133.
38. Михайловская А.И. Указ. соч. С. 99.
39. Маковецкий И.В. Указ. соч. С. 117–118.
40. ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 220–221.
41. Копылов А.Н. Государевы пашенные крестьяне Енисейского уезда в XVII в. // Сибирь XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1962. С. 39.
42. ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 236.
43. Там же. Л. 239–239 об.
44. Михайловская А.И. Указ. соч. С. 100.
45. ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 229–229 об.
46. Там же. Л. 195–197.
47. Там же. Л. 238–240.
48. Там же. Л. 168 об.
49. Там же. Л. 325 об.
50. Там же. Л. 291 об.–292, 336.
51. Там же. Л. 325–325 об.
52. Там же. Л. 336 об.–337.
53. Окладников А.П. Указ. соч. С. 103–104.
54. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1979. С. 33–34.
55. Мыглан В.С., Жарников З.Ю., Майничева А.Ю., Лыхин Ю.П. Результаты дендрохронологического обследования Братского острога // Российская археология. 2010. № 3. С. 167.
56. ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 23. Л. 240 об.–241.
57. Никитин А.В. Указ. соч. С. 218.
58. Мыглан В.С., Жарников З.Ю., Майничева А.Ю., Лыхин Ю.П. Указ. соч. С. 167–168.
59. Никитин А.В. Указ. соч. С. 222–223.
60. ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 24. Л. 195.
61. Шерстбоев В.Н. Илимская пашня. Иркутск, 1949. Т. I. С. 72–73.

A. П. Ярков

ПОЛИЭТНИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СИБИРИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ НЕМЕЦКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Каждый регион мира уникален. И это своеобразие сложилось под влиянием многих факторов, а чтобы понять причинно-следственную связь, необходимо пройти путь от сбора (или даже систематизации) эмпирического материала до анализа социокультурной ориентации человека (групп людей) в мире.

Историография как наука, изучающая историю накопления знаний об объекте исторического процесса — человеке и социальных группах, объединенных различными социальными связями (в нашем случае религиозными), предполагает определенный уровень объективизации знаний. В вопросе об изучении истории акумуляции знаний об исламе он, конечно, зависит от отношения индивида, социума, государств к этой религии, как и к ее вероучительным основам и региональным особенностям, состоянию и направленности в развитии коллективной памяти.

На рубеже XVII–XVIII вв. благодаря активному включению европейцев (и европейского типа мышления) в процесс познания края происходили качественные изменения, в том числе связанные с возможностью в печатной форме на разных языках донести знания до читателя. К тому времени Западная Европа, пройдя период Возрождения, уже вступила в эпоху Просвещения, изменив и логико-теоретические принципы мышления ее жителей. Но при этом, как справедливо заметил А. Каппелер, идеология Просвещения позволяла признать равным европейцам только оседлых мусульман, а остальных еще нужно цивилизовать [1]. Естественно, что кочевники или исторически недавно ставшие оседлыми другие группы сибиряков европейцами ставились на низкую ступень цивилизационного развития.

Но в условиях Сибири западноевропейское мышление могло измениться, если видело в рядом живущем человека равного себе. Людьми Нового времени в kraе, кардинально отличавшимися от «человека Средневековья» представлениями о мире и причинно-следственных связях, были немногочисленные европейцы, оказавшиеся здесь: служащие, путешественники, ссыльные. Их статус мог существенно меняться под влиянием обстоятельств и местных потребностей. Например, еще с XVII в. к гарнизонам «причисляли и пленных немцев, сосланных в Сибирь и поверстанных там на службу» [2]. Парадокс состоял в том, что к немцам русское традиционное мышление относило тогда почти всех европейцев, а «путешественником поневоле» оказался и сосланный как иноземец-католик хорват Ю. Крижанич. Но и до Крижанича, и при нем в Сибири жило немало иностранцев, судя по их статусу, — образованных дворян и буржуа (крестьяне как в Европе, так и в России оставались в массе безграмотными), не чуждавшихся на чужбине и «писательства». Точно известно, что в 1666 г., когда Крижанич был здесь, в kraе уже служило 46 иностранных офицеров, посланных для организации сибирских полков, но не все из этих офицеров ограничивались исполнением своих прямых обязанностей. Воспитанные в Западной Европе и находившиеся вне устоявшейся среди русских сибиряков «конфигурации коллективного опыта», при анализе прошлого Сибири они смогли непредвзято посмотреть на жизнь местных мусульман, а по возвращении на родину, не боясь наказания, обнародовать впечатления. Например, один из офицеров в том же 1666 году вел подробные этнографические наблюдения о сибирских татарах и бухарцах. Автор хранящейся в публичной библиотеке Копенгагена рукописи на немецком языке неизвестен, но, по всей вероятности, он был немцем или проезжавшим через немецкие земли, поскольку отметил, что прекрасно построенные деревянные дома бухарцев имеют большие окна и двери «на немецкий образец». Неизвестный автор относительно православных коллег более беспристрастно и, заметим, под-

робно описал жизнь здешних татар и бухарцев, зафиксировав, что в Тобольске в то время не было разделения по конфессиям: «Нижний город совсем открыт <...> и населен русскими, бухарцами и татарами». Отдельное упоминание есть о воззрениях мусульман: богослужении, культовых учреждениях, одежде служителей культа, порядке совершения молитв и т. п. [3]. В работе не содержалось объяснительных схем ислама и региональных отличий, но она все же являлась прорывом в объективизации знаний, хотя и поздно дошла до читателя.

Живший в крае в 1661–1673 гг. другой офицер — А. Доббинс (Доббин) составил рукопись «Генеральное описание Сибири», переданную в Москву в 1673 г. И.А. фон Бранду, который (что значимо!) и напечатал ее в 1697 г. [4]. Доббинс оценил культуру сибиряков, следовавших требованиям ислама и знавших арабское письмо. Эта работа, отметим, стала известным в Западной Европе печатным словом о мусульманах края [5].

Сочинения Г.А. Шлейссингера, вряд ли бывавшего в Сибири, представляют собой переработку рукописи «Die gantze Beschreibung Reusslandts, wie sich dieselbige anjetzo unter den beyden Regierenden Zaaren Iwan Alexewitz und Peter Alexewitz befindet» («Полное описание России, находящейся под властью двух царей-соправителей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича»), послужившей основой для всех его последующих сочинений, в частности «Anatomia Russiae deformatae, oder historische Beschreibung der Moskowiter oder Reusslandts, wie es sich anjetzo unter Regierung zweener Zaaren oder Gross-Fuersten Iwan und Peter Alexewitz eigentlich befindete anno MDCLXXXVIII» и более позднего сочинения — «Neu-entdecktes Sybirien, oder Slowerien, wie es anitzo mit allen Staedien und Flecken angebauet ist» и др. [6]. Независимо от названий, в каждую из указанных книг почти целиком вошли сведения из первого издания, имеется в виду «Полное описание России», а остальное представляет собой либо плод авторской фантазии, либо данные, заимствованные из иных работ, либо передачу рассказов, услышанных от других лиц [7]. Отсюда и весьма поверхностное суждение Шлейссингера: «Что касается жителей Сибири, то это почти исключительно русские, за исключением немецких офицеров, стоящих на границах со своей стражей (Milice), затем немного армян и татар, исповедующих греческую религию [?! — прим. ред.] и подчиненных русским законам, как я уже выше упоминал». И хотя в тексте рукописи «Вновь открытая Сибирь» нашли отражение мировоззрение и политическая позиция немецкого журналиста (типичные для его эпохи и среды), стоит заметить: автор специально остановился на изменениях, что произошли в России накануне петровских реформ.

Да и среди православных по происхождению ученых прорыв по части научного познания предмета исследования произошел только в Петровскую эпоху, которая иногда воспринимается как время вестернизации отечественной науки, но на самом деле был связан с западноевропейской рационалистической традицией Нового времени, «добрашнейся» и до изучения истории религий. Причина кроется во внутренних и внешних обстоятельствах, обусловивших расширение тематики, создание ячеек и учреждений науки и их кадрового потенциала, расширение методологии исследований. И здесь очень точно заметил В.Г. Мирзоев: «Наука перестала быть областью бесплодных схоластических мудрствований. От нее стали требовать ответов, выдвигаемых жизнью» [8].

В этой связи отметим ошибочность позиции Мирзоева, утверждавшего уже называнием первой главы своей монографии «„Отписки“ и „скаски“ землепроходцев как исходная основа сибирской историографии» о приоритете носителей православного мировоззрения из числа крестьян, казаков, чиновников в объективизации знаний о Сибири и его населении. Но их познания (что подтверждал и сам Мирзоев) не выходили за пределы примитивно утилитарных потребностей, хранились в секрете и лишь «постепенно (хотя и медленно) становились достоянием значительного круга людей» [9]. Это «постепенно», заметим, заняло два столетия — после их публикации

и тогда, когда появилась значительная масса их потребителей — грамотных людей из простолюдинов, способных непредвзято смотреть на другую культуру (природа Сибири уже стала своя).

Западная Сибирь к началу XVIII в., по мнению ряда ученых, стала мощным геополитическим градиентом продвижения России в районы Средней Азии, который значительно облегчался фактическим «демонтажом» тюркско-мусульманского геополитического «центра силы» и поэтапной интеграцией его разрозненных фрагментов в административно-политическую систему Российской империи [10].

Петровская эпоха, как известно, отмечена и интересом к Востоку. Это определялось, безусловно, амбициозными (во многом нереализованными) планами Петра I по расширению российской территории в Азии и политическому влиянию. В 1710–1730-е гг. начинают давать результаты преобразования, проведенные царем в области культуры и образования, в связи с чем наметилась определенная рационализация сознания под влиянием секуляризации общества. Именно тогда и делает первые шаги российское религиоведение, в рамках которого и развивалось отечественное исламоведение.

Существенный вклад в регионоведение внесла группа европейских ученых и путешественников (вольных или невольных) по региону, в том числе Я. Линденгау. Важно и то обстоятельство, что эти уроженцы Западной Европы выполняли в России культуртрегерские функции, внедряя инновационные технологии, европейский образ мышления и иную трудовую этику. Немаловажно, что в основном это были жители тех земель, где протестантская религия (и соответствующий тип морали) в борьбе с католицизмом уже «отвоевала место под солнцем», внедряя в умы верующих идею построения «райя» не только на небесах, но и на земле. Отсюда и новый характер деятельности протестанта, стремившегося расширить границы познаваемого мира. Поэтому логично, что немало протестантов оказывалось среди тех, кто стремился «Drang nach Osten».

Будучи разносторонне образованными людьми, европейские ученые внесли существенный вклад в развитие российской науки, которая «создавалась не только корифеями, но и тысячами людей — историками и неисториками, писателями и учеными, лицами гражданского, военного и духовного звания <...> разрабатывались в Москве и Петербурге, Оренбурге, Архангельске, Казани, Астрахани, в Сибири» [11]. Города региона, очевидно, стали в тот период мощными аккумуляторами различных культурных ценностей, импульсами в развитии образования и изменений в поведенческой культуре, как и города европейской части России.

Уже в 1720–1730 гг. Сибирь активно включается в сферу интересов российских (как правило, иностранцев по происхождению) ученых. Они существенно расширили источниковую базу за счет использования таких методов, как сбор письменных (в т. ч. архивных) источников, опрос местного населения, послов, купцов, полевое обследование. Но вряд ли стоит соотносить эти попытки объективизации знаний о регионе (не говоря уже о культуре его коренного и аборигенного населения) с той классификацией историографии, которую предложил В.Г. Мирзоев: «народная, официальная и зарождающаяся буржуазная», даже говоря об историографии XVIII в., а не XVII в. [12].

Первой с научными целями ушла в 1720–1727 гг. за Урал экспедиция Д.Г. Мессершмидта, которого (согласно заключенному с правительством договору) обязали «изучить географию страны, ее естественные произведения, этнографию, исторические памятники и древности». Заметим особо, что Мессершмидту принадлежит первенство в исследовании древнетюркской письменности, которую он назвал «рунической» по сходству с рунами Скандинавии. Результаты работы зафиксированы в его дневниках, хранящихся в архивах [13], и публикациях.

Спутником Мессершмидта в 1721–1722 гг. был пленный офицер, уроженец Померании Ф.И. фон Страненберг (Таберт) [14], еще до экспедиции собрав-

ший значительный материал — в 1719 г. он самостоятельно составил «Карту путешествия от Москвы до главного города Сибири Тобольска и всего того, что лежит по обе стороны дороги» с соответствующими описаниями и комментариями. Таберт указал на миссионерскую деятельность РПЦ по распространению «греческой веры» в крае, но заметил: «Коренные народы — естественные, искренние и благочестивые люди, которые мало знают о ложных клятвах, воровстве, блуде, чревоугодии, обмане и тому подобных пороках». В Тобольске в 1720 г. Страленберг познакомился с В.Н. Татищевым, а встречаясь с ним в Швеции в 1724–1726 гг. [15], подарил ему свои труды. К тому моменту собранный в Сибири материал Таберт уже опубликовал в изданной первоначально в Нюренберге, а затем в Стокгольме книге [16], вызвав такой интерес в Европе, что вскоре она была переведена на английский [17], французский и испанский языки [18]. Таберт таким путем ввел в научный оборот средневековое зеркало и амулет с арабскими надписями (а их атрибутировал ориенталист Г.Я. Кеер), которые могли относиться к периоду существования Сибирского ханства.

Заслугой Таберта-Страленberга является и приобретение у ахуна Тобольска Азбакевича (с которым он состоял в дружеских отношениях) и введение в научный оборот сочинения XVII в., написанного Абу-л-Гази Бахадур-ханом, «Шаджара-и турки». Рукопись, якобы привезенная в Тобольск бухарским купцом, принадлежала Азбакевичу, который, по словам Страленберга, «показал мне, кроме всех других документов, которые у него имелись, две рукописи. Одна из них касалась Персии, а другая Татарии, причем эту последнюю он называл Чингиз Китап, т. е. Книга Чингиза» [19]. Первоначально она была переведена на русский язык плебяными шведами с помощью знакомого татарина.

Носителям европейского типа мышления и представителям европейской науки (где уже складывались школы ориенталистики) оказалась по плечу сложная задача объективного анализа региональной истории ислама. Не случайно, что и «...для миссионерской исламистики главными врагами из стана немусульман были западные ориенталисты» [20], поскольку применяемые ими методики и техники исследования сибирского ислама прямо свидетельствовали о региональных отличиях, иногда вступавших в острые противоречия с формами этой религии, присущими, например, Ближнему Востоку или Средней Азии.

Иногда трудно определить степень достоверности тех или иных источников, если принимать во внимание дистанцию текста и интерпретатора, особенно из числа немусульман, по отношению к текстам с мусульманской составляющей во времена, когда господствовало православие в качестве официальной идеологии. В данном случае перевод татарских источников на русский язык можно рассматривать как важный показатель развития культурных связей, поскольку это не было технической работой. На этом фоне материалы Г.Ф. Миллера более научно доказательны, поскольку подтверждаются и иными сведениями, а не только полученными по рассказам татар и бухарцев: «Один старый шейх, признававшийся ими святым, пришел во времена Кучума из Бухары в Сибирь и стал рассказывать: господь ему открыл, что в Сибири покоятся много святых, которые мученически покончили свою жизнь за распространение истинного учения о боге, и что они заслуживают того, чтобы ежегодно в их память устраивали поминовения. Он ходил по всем мазаретам, или кладбищам, и в разных местах показал могилы семи таких святых, называя их по именам. Они были с этих пор признаны таковыми, и их память еще до сих пор почитается татарами» [21].

Это сообщение Миллер сравнивал с натурными ощущениями, находя подтверждение в предании о загадочном культе «семи святых братьев» — ети-огайни, широко распространенном как в изустных версиях, так и в письменных сочинениях («семь святых чудотворцев» — хавтан, или «семь Мухаммедов») по всей Средней Азии и за ее пределами (Северный Афганистан, Пакистан, Индия, Синьцзян),

выполняющем, как и в Западной Сибири, примерно одну и ту же функцию — «сакральными средствами объединять (и, добавим, охранять) эту землю» [22].

Именно с Г.Ф. Миллера [23] в сибиреведческой литературе утвердилось мнение, что так называемые татарские летописи, упоминавшиеся авторами сибирских исторических сочинений (Строгановская, Есиповская, Ремезовская летописи), являлись устными преданиями сибирских татар, которые слушались, фиксировались и использовались русскими летописцами [24].

До наших дней остаются актуальными слова К.Н. Бестужева-Рюмина: «Неутомимый собиратель, строгий и точный в своих ученых работах, Миллер был настоящим отцом русской исторической науки, которая до сих пор еще не исчерпала своего богатства собранного им материала» [25]. Подчеркнем, что Миллер был прекрасным методологом, использующим различные приемы (как принято было называть — внешней и внутренней) критики источников, к которым он обращался, внимательной их дифференциации. Важно отметить, что как Миллер, так и впоследствии другие зарубежные путешественники и участники экспедиций кроме прямых наблюдений при составлении дневников, список учитывали сведения первых летописей, высказав свое мнение по спорным вопросам. Стало понятным, что описание таких источников возможно и «снаружи», но «адекватной» трактовки событий ждать от них трудно. «Изнутри» же они не представляют собой строго научных сочинений.

Столь же очевидно, что оценочным критерием для Г.Ф. Миллера была принадлежность той или иной группы населения к религии или этносу. Допускаем, что идентификация мусульман — всякий другой была не его собственной позицией (он оставался лютеранином), а отражением мощной идеологемы, основанной на противопоставлении русского иноверцам (куда включали и собственных инородцев) [26]. В то время для русских по происхождению татарин — всегда бусурманин, а для дворян — еще и олицетворение азиатчины.

Не будем заблуждаться, утверждая, что европейские путешественники и исследователи уже в начале XVIII в. были объективны при анализе мусульманских «страниц» — все-таки они были христианами (католиками, протестантами) по воспитанию (большинство и по убеждениям) и ислам оценивали как совсем чужой, культивируя в трудах европейский повествовательный исторический шаблон, лишь в деталях и формах отличавшийся от православной интерпретации. К тому же не все материалы являются результатом глубокого и цельного изучения, а некоторые дают довольно случайные, разрозненные, а порой и противоречивые сведения об исламе. У многих авторов не было соответствующей научной подготовки, они мало знали об особенностях уклада жизни сибиряков. Кроме того, иностранцы не всегда могли отделить мусульман от «язычников». Так, пройдя по регионам, населенным мусульманами, В. Беринг по возвращении в 1730 г. в Санкт-Петербург из экспедиции причислил и якутов к тем, кто «веру имели от старины махаметскую» [27]. Не только отсутствие необходимой базы исследования, но и труднодоступность отдельных районов способствовали необъективности и неполноте наблюдений европейских путешественников. Но собранные сведения и материалы (в т. ч. археологические, нумизматические, археографические) аккумулировались в созданной по указу Петра I Кунсткамере [28], а затем и в Азиатском музее.

Г.В. Стеллер не писал об исламе в Западной Сибири (хотя и проводил здесь исследования), но, как справедливо отметил В.Г. Мирзоев, его заслугой являются прогрессивные взгляды на этнографию: для него население края было не только объектом этнографического исследования, но и субъектом культурно-исторического развития [29].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Каппелер А. Две традиции в отношении России к мусульманским народам России // Отечественная история. 2003. № 2. С. 132.
2. Гезенвинкель К.Б. Книги разрядные в официальных списках как материал для истории Сибири XVII в. Казань, 1892.
3. Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII–XVII вв. Иркутск, 1941. С. 349–351.
4. Эйхельберг Е.А. Немцы в Тюменской области: история и современное положение. Тюмень, 1999. С. 7; Ямал: энцикл. Ямalo-Ненецкого автономного округа: [в 3 т.]. Салехард; Тюмень, 2004. Т. 1. С. 271.
5. Eine seltsame und sehr anmerkliche Beschreibung von Siberien // Brand J.-A. Reysen durch die Marck Brandenburg, Preussen, Churland, Liefland, Plescovien, Gross Naugardien, Tweeren und Moscovien etc. Wesel, 1702.
6. Schleussinger G.-A. Anatomia Russiae deformatae, oder historische Beschreibung der Moskowiter oder Reusslandts, wie es sich anjetzo unter Regierung zweener Zaaren oder Gross-Fuersten Iwan und Peter Alexewitz eigentlich befindete anno MDCLXXXVII; Neu-entdecktes Sybirien, oder Slowerien, wie es anitzo mit allen Staedien und Flecken angebauet ist, etc. Jena, 1690; Die gantze Beschreibung Reusslandts, wie sich dieselbige anjetzo unter den beyden Regierenden Zaaren Iwan Alexewitz und Peter Alexewitz befindet. Zittau, 1693.
7. Лаптева Л.П. Рассказ очевидца о жизни Московии конца XVII в. // Вопросы истории. 1970. № 1. С. 104.
8. Мирзоев В.Г. Историография Сибири (XVIII в.). Кемерово, 1963. С. 8.
9. Мирзоев В.Г. Историография Сибири: (домарксистский период). М., 1970. С. 11, 15.
10. Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В. Азиатская Россия в geopolитической и цивилизационной динамике XVI–XX вв. М., 2004. С. 40.
11. Пештич С.Л. Русская историография XVIII в. Л., 1971. Т. 3. С. 77.
12. Мирзоев В.Г. Историография Сибири: (домарксистский период). С. 16.
13. Архив РАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1. (Т. 1, 1721); Д. 2. (Т. 2, 1723), Д. 3. (Т. 3, 1724); Д. 21. Л. 102–108.
14. На протяжении всех 13 лет плены проводил научную работу. См.: Катанов Н.Ф. Швед Филипп Иоганн Страленберг // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Казань, 1903. Т. 19, вып. 2. С. 105–128.
15. Шольц Б. Варяжский вопрос в записках Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии России // Скандинавские чтения 1998 года. СПб., 1999. С. 195–196.
16. Stralenberg. Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730.
17. An historical, geographikal descripton, of the North and Eastern parts of Europa and Asia, but more particulary of Russia, Sibirie and Great Tatary. Transl. into English. London, 1738.
18. Последнее по времени издание на рус. яз.: Страленберг Ф.И. Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого: северная и восточ. часть Европы и Азии / сост. Е.А. Савельева, Ю.Н. Беспятных, В.Е. Возгрин. М.; Л., 1985–1986. Вып. 1–2.
19. Кононов А.Н. История приобретения, переводов, изданий и изучения соч. Абу-л-Гази «Родословная тюрок» // Советская тюркология. Баку, 1971. С. 3–12.
20. Батунский М.А. Россия и ислам. М., 2003. Т. 3. С. 10.
21. Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. I. С. 198–199.
22. Абашин С.Н. «Семь святых братьев» // Подвижники ислама: культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. М., 2003. С. 27–28.
23. Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 161.
24. Бахрушин С.В. Туземные легенды в «Сибирской истории» С. Ремезова // Исторические известия, издаваемые историческим обществом при Императорском Московском университете. 1916. Вып. III–IV; Белич И.В. Легенда о «Таштаканском камне» // Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур. Новосибирск, 1995. Т. II; Belich I. The folklore of the siberian tatar in «The History of Siberia» by Remezov S. and relics of shamanism // The International conference on shamanism. Nara, 1995; Окладников А.П. Туземные легенды о Ермаке // Сибирские огни. 1981. № 12.
25. Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история от древнейших времен. М., 1986.
26. Д.Г. Месссершмидт, П.С. Паллас, Г.В. Стеллер получили образование в протестантской Franckesche Stiftungen и в университете в Галле, который стал центром россииеведения, но при этом издержки православного воспитания (характерные для российского образования того времени) учащихся «не задели».
27. Вторая Камчатская экспедиция: Документы. 1730–1733. Ч. 1: Морские отряды / сост. Н. Охотина-Линд, П.-У. Меллер. М., 2001. С. 19, 90.
28. Palas des wissens. Die Kunst- und Wunderkammer Zar Peters des GroBen. Munchen, 2003. B. 1–2.
29. Мирзоев В.Г. Историография Сибири: (домарксистский период). С. 50.

Н.Д. Игумнова

ЗАПИСИ НА КНИГАХ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

При описании книжных памятников книговеды всегда обращают внимание на признаки их использования — следы многолетней жизни среди людей, не являющиеся органической частью книги или рукописи. Эти детали имеют неоценимое значение для научных исследований. Как правило, фиксация помет и записей — это неотъемлемая часть каталога любого книжного собрания. Тем не менее работ, посвященных данной теме, немного. Нам удалось обнаружить лишь две. Первая была опубликована А.Н. Лебедевым в 1896 г. [1]. В ней систематизированы надписи и пометы на книгах, упомянутые в каталогах, напечатанных к тому времени. Долгие годы эти пометы изучались лишь как книговедческий источник, помогающий воссоздать историю отдельной книги, обстоятельства ее приобретения, судьбы владельцев, их отношение к прочитанному.

Еще одна работа принадлежит видному советскому книговеду А.С. Зерновой (1883–1964). Она анализирует надписи на книгах московской печати XVI–XVII вв. В статье рассмотрены более 800 книг из редкого фонда Государственной библиотеки СССР, содержащих разного рода пометы, приводятся и записи, которые расцениваются и комментируются как исторический источник. Они несут дополнительные сведения о социальном составе населения, особенностях административного устройства государства, психологии русского общества в рассматриваемый период [2]. По подсчетам А.С. Зерновой, большая часть записей (около 90 %) — владельческие, они указывают на принадлежность книги церкви, учреждению или частному лицу, и только 10 % помет представляют собой информацию политического, исторического, бытового или биографического характера. Это соотношение сохраняется и у нас.

Мы считаем, что записи на книгах нашего собрания также могут представлять интерес для ученых. Ведь Научная библиотека Иркутского университета — это одно из крупнейших книгохранилищ Восточной Сибири. Ее фонды отражают историю книжной культуры огромного региона со времен освоения до наших дней. Более 20 тыс. книг, периодических изданий и рукописей, хранящихся в редком фонде библиотеки, представляют собой не просто собрание книжных редкостей — это свидетельство богатой духовной жизни сибиряков, их любознательности, научных интересов, экономических и культурных связей. Еще и сегодня они хранят множество тайн и загадок, ждущих своих исследователей.

Ценность собранию Научной библиотеки ИГУ придает тот факт, что история его формирования тесно связана с историей Иркутска и Иркутской губернии. Писцовые, владельческие, вкладные и дарственные записи хранят обширную информацию о жизни книг, переживших своих владельцев.

Примером подробного воссоздания судьбы книги по записям может послужить экземпляр «Евангелия учительного» Кирилла Транквилиона (Рохманово, 1619). Скрепа, выполненная в 1705 г., свидетельствует о том, что книга принадлежала «Сытного двора стряпчему Михаилу Андрееву сыну Юдину». Впоследствии, в 1719 г., владелец вынужден был расстаться с ней: «для сущих нужд своих, что великого государя денежного жалованья не имею десять лет», — пишет владелец. «Зачисто» (за наличные деньги) «Евангелие» перешло к некоему Федору Матвееву. Вскоре, по-видимому, книга вновь сменила хозяина и уже в 1721 г. была им продана «посольскому игумену Иову». Настоятель Посольского монастыря обладал значительной библиотекой, которая была реконструирована во многом благодаря его подробным записям на сохранившихся книгах [3].

По владельческим пометам, или экслибрисам, можно восстановить библиотеки свт. Софрония, епископа Иннокентия Неруновича и других деятелей Иркутской

епархии. По одному характерному признаку — строке тропаря «Помощь моя от господа...» — мы атрибутируем книги, принадлежавшие библиотеке свт. Иннокентия Кульчицкого.

Часто книга хранит сведения, на первый взгляд никак не связанные с ее «легендой», содержанием или судьбой владельцев. Это фиксация исторических событий, отражающая отношение к ним владельцев книг, описания необычных астрономических, метеорологических или других экстремальных природных явлений, очевидцем которых довелось быть сибирскому жителю. Не имея привычки вести дневник или записки, но сознавая необходимость запечатлеть происходящее, обыватель прибегал к свободным листам имевшейся у него книги и описывал событие. Эти заметки бывали сбивчивы, эмоционально окрашены, не всегда внятны, но писавший почти всегда был уверен, что его наблюдения дойдут до потомков.

Так, на форзаце книги «Наставление о собственных всякого христианина должностях» (М., 1794), принадлежавшей тарскому иерею Алексею Попову, находим описание такого «знамения»: «1799-го года июня 1-го дня на Сунтаре с полдни в 6 часов. Было. Знаменитое явление таковое что... в Западной стороне явились два цолнца. После тучи темной и дожа покрылось небо тонким облаком и стояли с обыкновенным солнцем, но на полуденной стороне отделилось на сажень ручной таковым отличием немного поменьше <...>. Зело было приятно которое удостоились зреши Богу изволишу той сунтарской введенской церкви священник алексий васильев сын попов и крестьянин олекминской волости Эмельян рыбников и в тож время объявлено того урочища жителям и продчим разного звания людям продолжалося минут пятнадцать, потом опять чудным образом сошлися и зделалось одно цолнце. Аминь».

Некоторые книги не содержат никаких помет, кроме владельческих, другие же буквально испещрены памятными записками всевозможного содержания. Можно предположить, что, переходя из рук в руки на протяжении столетий, книги с пометами несли в себе и своеобразную подсказку о возможности таким путем сохранять необходимую информацию и передавать сведения из поколения в поколение. Записи на книгах имели самый разнообразный характер, включая описания семейных событий, памятки бытового характера, рецепты, упоминания о значимых исторических событиях. Среди них представляют интерес пространные описания климатических особенностей местности. При всей их отрывочности они доносят свидетельства того времени, когда еще не проводилось систематических метеорологических наблюдений.

Много интересных сведений содержат записи на четырехтомном собрании «Четырех Миней» Димитрия Ростовского, принадлежавшем семейству Басниных. Вначале пометка о приобретении книги: «Куплена в царствующем граде Москве у спасских ворот. Пред приходом в Москву разбойнического атамана Наполеона бона-партия в 1812 Году июня дня». Далее сведения о доставке товаров через Байкал по зимнику: «1822 года декабря 27 числа покрылось море и чрес оное переехали 1-го января 1823 года. Первые клади прошли через море и в Ыркутск пришли января 8 числа 1823 года: и морем шли хорошо: 1822 года декабря 29 числа покрылась Ангара спокойно. 1823 года марта с 19 числа сделалась опасною ангара и настоящим образом очистилась 25 марта».

На свободном листе 2-го тома помещено подробное описание паводка 1816 г.: «1816-го на 25 число марта выпал небольшой снег. Ангара река имеет прохождение свое всякой год по большой части в марте с 20-х чисел и не далее простояивает до 18 апреля и то весьма редко, лед по быстрому стечению обыкновенно середину реки проламывает и подвертывает подлед, против города Иркутска менее суток река очищается и никогда запорами не проходит, в 1816 году река ангара с вершины своей в ее ходе февраля лед линию (?) и паки (?) покрывавше до самого города проходила запорами, и напротив него в разных местах учинила разливы <...>, 25 марта <...> запорами проходя город и 29-го после полдень совершенно очистилась и прошла

ниже города почти до Вознесенского монастыря того же 29-го, в реке понесло свежий лед, и к вечеру река покрылась и пройдя чудотворскую церковь до проулка называемого Троицкого — простояла до 11-го часу 30 числа потом река тронулась и лед подвинуло вниз до <...> бору и опять поднялась до высказанного места и в 3-м часу того же числа лед весь двинуло и река снова вскрылась, воды же более уводило кверху на 8-е (?) сие редкое событие стариками <...> припомнят. Назад тому 70 лет подобное происшествие было.

На 6-е число апреля 1816-го т. е. на Великий Четверг выпал снег. На Великую Субботу т. е. 8-го числа выпал большой снег, с вечера на 16 число апреля снег пошел небольшой и в 12 часу ночи был пожар у купца Гр. Никитина <...> предохранили распространиться <...> и тем избегли предстоящей опасности а 16 числа снег увеличился и был вечер».

Таких подробных описаний природных явлений конечно немного. Но и более лаконичные записи, на наш взгляд, представляют ценность для исследователя.

В рукописном «Сборнике слов и поучений» XVIII в. из фонда библиотеки Иркутской духовной семинарии находим помету: «1760 года июня 20 дня был паводок, и огорот и луга потопила», здесь же другой рукой и более поздним почерком: «Император Павел Первый скончал жисть свою 1800-го года в 11 день», — как видим, листы книги использовались в качестве дневника разными поколениями владельцев.

«Молитвенник» (Иркутск, рукопись XIX в.) содержит множество памятных записок. Среди имен почивших и родившихся родственников владельца книги находим народные приметы: «На Егорьев день не надо скота отпускать на волю, а надо запирать во двор коней и коров»; памятные для семьи события: «Новой дом построен в старом остроге 1826-го года в июне месяце»; сведения о ледоходе: «1848-го года Илим пошол мая 8 числа 7 поутру» и о грозе: «1856-го года июля 24 числа в Борисов день после заката солнца была гроза, страшной гром и молния беспрестанская, и дождь, и град, и погода страшная, и вывалила по хребтам все леса и завалила дороги»; здесь же частное событие: «Гнедка принесла кобылку 1858 года апреля 29 числа». На тех же листах находим упоминания о крещении Руси и о введении Петром I празднования Нового года с 1 января 1700 г.

«Псалтирь с восследованием» (Киев, 1770) также хранит свидетельства о природных явлениях, правда, трудно сказать с уверенностью, к каким территориям они относятся: «1792 года августа 20 был хороший мороз»; «1793 года Сентября 9 числа в день Анисима и Анны был очень великий мороз, так что в караге где лошадей напаивают вода замерзла»; «1793 года 1 Сентября с полуночи в 3 часу в каза[чин?] ске было землотрасение сильное»; «1802 года октября 14 дня в Чаре пополудни и двадцать пять минут было землетрясение, продолжалось минут три». Хотя географические названия, упомянутые в записях, похожи на сибирские, владельческая помета Евдокии Кулябковой свидетельствует о том, что книга была куплена в Киеве в 1873 г. Поэтому можно усомниться, что в конце XVIII – начале XIX в. книга могла находиться в Сибири. С другой стороны, трудно предположить, что на Украине в августе и сентябре случались такие «великие» морозы, о которых идет речь в записках. Возможно, действительно книга находилась где-то на севере Сибири, затем была вывезена на Украину и там продана. А позже, по воле обстоятельств, ее новый владелец тоже оказался в наших краях. Кстати, в конце XIX в. в Иркутске жил ссыльный Алексей Кулябко, возможно родственник Евдокии Кулябковой, до наших дней сохранились рукописные сборники его стихотворений, некоторые из них были написаны на Украине и датируются 1875 г.

Часто записи на книгах содержат дополнительную информацию о некоторых событиях и персоналиях российской и сибирской истории. Очень важны для нас пометы, оставленные Модестом Стрельбицким на книгах и рукописях из фондов библиотеки Иркутской духовной семинарии. Так, на рукописи «Алфавит духовный» (начало XVIII в.) находим его запись: «Митрополит Киевский Иоасаф Кроковский

умер в 1718 г. на пути из Киева в Петербург. В ректорство архимандрита Иоасафа в Киевской академии, учился в академии Иннокентий Кульчицкий, святитель Иркутский». Еще одна его помета на книге Иоасафа Хотунцевского («Объяснение на Аввакума пророка» — рукопись XVIII в.): «Эта книга есть сочинение архимандрита и начальника Камчатской миссии Хотунцевского, который, будучи вызван в Петербург для рукоположения в епископа Иркутского, проездом оставил здесь две книги, чтоб духовенство их списывало... Это видно из консисторских документов за 1748–1750 гг.». Большую ценность представила для нас запись архимандрита Модеста на рукописи «Тунгусских переводов» охотского протоиерея Стефана Попова. Именно в ней мы нашли основные сведения о переводческой деятельности малоизвестного миссионера, автора первых словарей и учебников тунгусского языка [4]. На рукописном конволюте XVIII в. кроме сведений о Сильвестре Гловацком, рукоположенном в 1749 г. в митрополита Тобольского, находим сведения и о самом Модесте: «Читал в 1869 г. ректор семинарии архимандрит Модест Стрельбицкий, родом из Подольской губернии, воспитанник Киевской академии XVI курса».

Ценные сведения содержит запись одного из Басниных на книге «Сочинений» Д. Ростовского: «преосвященный Вениамин епископ Иркутский и Нерчинский и ковалер 1-й степени Свят. Анны. Во епископа посвящен 1789-го года декабря 9-го дня. На Епархию прибыл 1790-го года марта 9-го [в] Вознесенский монастырь. В город 10 числа. Белическое его имя Василий Иванович Багрянский, представился 1814 года июля в 8-й день пополудни в 6-м часу, поживе от рождения своего 73 год. Эпархию управлял 24 года и 4 месяца без двух дней, погребен в Кафедральном соборе в пределе Казанской божией матери того же июля 12-го при многочисленном собрании обоего пола».

Авторские пометы на страницах рукописного сборника проповедей, прочитанных архимандритом Михаилом Миткевичем в Иркутске в 50-е гг. XVIII в., говорят о том, где, в каком храме и по какому поводу они были прочитаны: «Проповедано в Троицкой приходской церкви», «1756 года на Страсти Христа Господа, проповедданное в Соборе дому архиерейского» и т. д. По этим записям мы можем судить о характере архимандрита и о его нравственных правилах: «Старайся быть важным. Богатство хвали для двух причин, первая, чтобы в случае убыток снести мог, вторая чтоб верному другу помочь подать в бедности», здесь же: «Равномерно безчестно от неприятелей быть побеждену злодеяниями, а от друзей благодеяниями». О том, что Михаил Миткевич отличался веселым нравом, можно судить по шутливым рисункам, размещенным в тексте книги. Это: звонарь на колокольне, коза, голова мужчины, повозка с седоком с подписью «Катай» и др. Позже, с 1772 по 1789 г., Михаил (Мафей) Миткевич был епископом Иркутским, в годы его правления была открыта духовная семинария. Поэтому эпизоды из ранних периодов его биографии могут представить интерес для исследователей.

Интересны записи на полях старообрядческих книг и рукописей. Почти всегда они содержат полемические замечания о содержании книги, дающие дополнительные сведения о причинах и сути раскола. Иногда в них даются советы праведной жизни: «Имей о Христе сродники, внимай сему, любимче, како жити по-християнски, не творити дел поганских, сиречь банкеты под именем Божиих праздников. Приносится жертва бесам, и бывают богомольцы, равно Содому жители, наипаче зри в Алфе — сия писано о банкетах и о пиянстве» (Сборник статей в оправдание раскольничих заблуждений — рукопись XIX в.). При всем уважении старообрядцев к книге и трепетном отношении к ней, здесь мы находим и записи о покупках: «Чай – 10. Плат 2.50. Масло 1.30. Замок 60. Мыло 1.38» и другие бытовые пометы.

Иногда записи на книгах несут весьма неожиданную информацию. Так, на литографированном учебнике Иркутской семинарии «Краткие сведения... о буддизме и буддистах» находим полный текст акта проверки кассы взаимопомощи Общества бывших политкаторжан и ссылнопоселенцев, подписанный А.Ф. Ширяевым и

А.Я. Кожевниковым. Интересна еще одна запись на книге: «Раб божий В. Лохэ. 2/XI.191» — не предок ли этот семинарист знаменитой иркутской травницы?

На страницах книг и рукописей встречаются многочисленные рекомендации, дающие представление о повседневной жизни сибиряков. Например, совет по севообороту: «На ржице сеять ярицу и ячмень, на пшенице сеять ячмень, горох и овес» (Катехизис — рукопись XVIII в.), рецепты приготовления настоев трав для лечения болезней, способы производства рыболовных сетей, чернил из сажи, меда и лукового сока и другие сведения, проливающие свет на условия жизни и быта сибирского населения. Пометы, приведенные выше, нельзя причислить к признакам порчи книг, скорее, они были вызваны уважением к рукописной и печатной продукции, которая должна была пережить несколько поколений. Им доверяли сохранение и передачу важных сведений, жизненного опыта, результатов наблюдений.

По некоторым записям можно судить и о досуге сибиряков, например, между листами рукописного «Каноника» находим записку следующего содержания: «Христос Воскресе, Данило Захарович! Покорнейше прошу вас, не удовлетворите ли нам на несколько времени велосипеда по вашей возможности, не поедешь ли завтра на нем — пожалуйста, очень интересует г. начальника, естли можно прошу не оставить. Естли что поломам, то обязанность принимам на себя. С почтением к вам — Ф. Бабушкин».

Встречалось и пренебрежительное отношение к книгам. Часто на их страницах мы находим детские рисунки, ничего не значащие росчерки, пробы пера и записи вроде: «1804 года Евдокия Семеновна нашла сей каранташ декабря 8 дня», хозяйствственные подсчеты, напоминания: «Конец Масленников у Прозоровых обмыть», шутливую переписку семинаристов во время занятий, мини-рецензии на прочитанные творения:

*Когда Кулябко перестанет
Писать стихи?
Когда тошнее всем он станет
Демьяновой ухи.*

Сегодня эти пометы создают представление об образе жизни и нравах сибиряков, их характере и чувстве юмора.

Здесь рассмотрены лишь записи, обнаруженные на страницах рукописей и старопечатных книг из редкого фонда НБ ИГУ. Гораздо больше их на книгах, широко бытовавших среди сибирского населения: на страницах календарей, справочников, периодических изданий. Огромное количество помет разного рода находим в книжной коллекции Н.С. Романова. Они содержат сведения, может быть, не слишком важные для науки, но привносящие живописные детали в описание сибирской жизни. Таким образом, книжные записи могут стать источником дополнительной информации для изучения некоторых аспектов истории и культуры края.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лебедев А.Н. Надписи на старинных книгах. М., 1896.
2. Зернова А.С. Надписи на книгах московской печати XVI–XVII вв. в собрании отдела редких книг Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина // Книга: Исследования и материалы. М., 1991. Вып. 62. С. 111–131. Рассматриваемая статья была написана еще в 1943 г., но опубликована только после смерти автора.
3. Игумнова Н.Д. Посольский игумен Иов и судьба его библиотеки // Вторые Романовские чтения. Иркутск, 2000. С. 144–147.
4. Игумнова Н.Д. Тунгусские переводы протоиерея Стефана Попова // Земля Иркутская. 2000. № 14. С. 59–61.

Н.Н. Константинова

М.А. КРОЛЬ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЭТНОГРАФИИ БУРЯТ

Имя Моисея Ароновича Кроля [1], политического деятеля, участника областнического движения, юриста по образованию и кандидата права, литератора, историка и этнографа, в последние годы вполне заслуженно возвращается из небытия. А самого его как специалиста по истории и этнографии забайкальских бурят можно с уверенностью поставить в ряд со знаменитыми исследователями истории и культуры сибирских народов. К сожалению, его подвижнический труд по изучению истории, быта, хозяйства и правовых отношений забайкальских бурят в советский период был практически забыт. Его работы, опубликованные в конце XIX – начале XX в., по идеолого-политическим соображениям оказались за пределами широкого историко-краеведческого оборота, а потому еще ждут современного осмысления.

До недавнего времени неполная биографическая справка о М.А. Кроле содержалась в «Сибирской советской энциклопедии» [2]. Сведения о нем можно было почерпнуть в биобиографическом указателе «Краеведы и литераторы Забайкалья» [3]. Отдельные авторы упоминали о Кроле в контексте исследований по краеведению, этнографии и истории политической ссылки [4]. Отрывочные данные о деятельности М.А. Кроля как исследователя истории и этнографии бурят содержатся в воспоминаниях современников, а также в «Известиях...» и «Отчетах...» сибирских отделений ИРГО [5]. Впервые специальные исследования о М.А. Кроле предприняли улан-удэнский краевед Э.В. Демин и иркутский исследователь И.В. Выборова [6]. К сожалению, их работы не затрагивают читинского периода его деятельности. Используя данные перечисленных материалов, а также отдельные документальные источники, можно составить некоторое представление о его жизненном пути в целом и фактах его биографии, связанных с г. Чита.

М.А. Кроль родился 30 июня 1862 г. в м. Налибоки Ошмянского уезда Виленской губернии; за участие в народнических кружках в 1888 г. сослан в Забайкалье, где вел этнографические наблюдения; поддерживал связь с крупнейшими научными организациями Иркутска, Троицкосавска, Читы, являясь действительным членом Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества (ВСОИРГО) и Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества (ЧО ПО ИРГО); входил в редколлегию кяхтинской газеты «Восточное обозрение»; сотрудничал с известными учеными Г.Н. Потаниным и Д.А. Клеменцем, принимал участие в статистико-экономическом обследовании сельского населения Забайкалья в составе комиссии Куломзина. С 1894 по 1896 г. работы Кроля о жизни и быте бурят публиковались в сибирской периодике и научных сборниках, а с 1897 по 1901 г. – в столичных изданиях. В 1911–1917 гг. М.А. Кроль был организатором и руководителем Иркутского отдела Общества изучения Сибири. После февральской революции он стал одним из видных деятелей партии социалистов-революционеров, членом Сибирской областной думы и Уфимского государственного совещания, был активным противником большевизма. В 1890–1910-х гг. проживал в Селенгинске и Иркутске, по некоторым сведениям – в Чите, Санкт-Петербурге. Судя по всему, Санкт-Петербург и Чита упоминаются как места его кратковременного пребывания. В 1919 г. эмигрировал за границу. Имя М.А. Кроля всплывает в конце 1922 г. в связи с его руководством литературной студией, действовавшей при литературно-художественном кружке Харбинского коммерческого собрания (вероятно, Кроль эмигрировал в Маньчжурию) [7]. По данным «Материалов для библиографического словаря Восточно-Сибирских этнографов», Кроль жил в Париже, где сотрудничал в эмигрантском журнале «Современные за-

писки»; по некоторым данным, состоял в масонских ложах. По одним сведениям, умер около 1930 г., по другим — в 1942 г.

По оценке деятельности М.А. Кроля краеведом Э.В. Деминым, в печатных работах Кроля прежде всего поражают широкая география и тематика его этнографических исследований жизни забайкальских бурят. Он побывал практически во всех местах сосредоточенного проживания представителей этого забайкальского этноса. Знакомился с документами, беседовал со многими наиболее сведущими и авторитетными людьми, постоянно вел путевые записи, собирая, запоминал и классифицировал полученные сведения, сопоставлял их с тем, что написали уже другие исследователи, периодически выносил свои результаты на обсуждение широкой общественности и специалистов [8].

В данной статье М.А. Кроль интересует нас как исследователь этнографии бурят. Свое изучение этого забайкальского этноса он начал в 1892 г. по заданию и на средства ВСОИРГО. До 1894 г. Кроль знакомился с правовыми отношениями селенгинских бурят (вел наблюдения и исследовал архивные материалы) [9]. По итогам этой работы он сделал доклад «Брачное право инородцев Селенгинского округа» на общем собрании Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела ИРГО (ТКО ПО ИРГО), состоявшемся 31 января 1895 г. Тогда же ТКО ПО ИРГО поручило ему изучение быта бурят [10].

Чтобы завершить свои исследования о забайкальских бурятах в целом, Кроль летом 1895 г. посетил места компактного проживания баргузинских бурят. Здесь его интересовало прежде всего то, как золотые прииски повлияли на культурное развитие этой группы бурят. Затем, преодолев витимскую тайгу, он прибыл в Читу и отсюда направился в Агинские степи. Объезжая бурятские кочевья в долинах рек Аги и Хилы, Кроль по возможности собирая самые разнообразные сведения о современной жизни бурятского населения, хотя главное свое внимание по-прежнему обращал на изменения, произошедшие в их обычном праве, и на то, что составляло основу их материального благосостояния [11]. Вернувшись из Агинской степи, 30 августа на заседании ЧО ПО ИРГО (г. Чита) в зале мужской гимназии в присутствии многочисленной публики он прочел доклад «О забайкальских бурятах» [12].

После трехнедельного путешествия М.А. Кроль вернулся в Иркутск и занялся обработкой собранного им в течение нескольких лет обширного материала. Затем представил во ВСОИРГО предварительный отчет о своих исследованиях. Предполагалось, что полную обработку накопленных им сведений он завершит в Центральной России [13]. По оценке ВСОИРГО, М.А. Кроль «дал много новых и интересных материалов» в области «юридического быта забайкальских бурят-ламаитов» [14]. По итогам этих исследований в «Известиях ВСОИРГО» были напечатаны его статьи «Брачные обряды и обычаи у забайкальских бурят» [15] и «Охотничье право и звериный промысел у бурят» [16]. Также в «Известиях...» (№ 4 и 5 т. XXVI за 1895 г.) было напечатано сообщение Кроля «Предварительный отчет о работах по исследованию забайкальских бурят в 1892–1895 гг.» [17]. По оценке Г.С. Виноградова, этнографическая деятельность Кроля 1892–1895 гг. была направлена на исследование правовых отношений, особенности кочевой культуры бурят и изучение вопроса, касающегося возможности разложения кочевой культуры этого этноса [18].

Коснемся кратко результатов упомянутых наблюдений М.А. Кроля. В отношении баргузинских бурят он, например, отмечает, что благодаря золотым приискам они оказались в сфере обмена, ранее совершенно чуждого их укладу, стали заниматься извозом, усвоили много новых культурных привычек. Именно благодаря влиянию золотых приисков баргузинские буряты стали жить в домах с приличной обстановкой, у них появились самовары и чайная посуда. Среди них (так же, как и среди кударинских бурят) многие говорили и понимали по-русски. Что касается агинских бурят, то именно они, несмотря на близость Агинского

ведомства к забайкальским культурным центрам — Чите и Нерчинску, — до сих пор сохраняли классические черты кочевой культуры. Конечно, там можно было встретить и бурят-хлебопашцев, купцов и др., но их чрезвычайно мало. В Агинском ведомстве Кроль видел войлочную легкую переносную юрту, которая тогда была господствующим типом жилища у местных бурят. Кроль объясняет этот факт тем, что «богатые агинские буряты кочуют непрерывно целый год, меняя место всякий раз, когда корма для скота оказывается недостаточно в занятом районе». По его наблюдениям, агинские буряты «находятся еще в той стадии развития кочевой культуры, которую большинство прочих забайкальских бурят оставило еще в начале настоящего столетия». Этот факт, отмечает Кроль, для исследователя вдвойне интересен, потому что, с одной стороны, он познакомил с группой бурят с совершенно своеобразным экономическим бытом, а с другой — дал возможность составить представление о хозяйственном укладе всего бурятского населения в прошлом [19].

В 1895 г. М.А. Кроль был избран действительным членом ЧО ПО ИРГО, числился в нем в 1897 г. [20]. В 1896 г. он сдал в Забайкальский областной музей ЧО ПО ИРГО семь предметов [21]. Вместе с членами ВСОИРГО В.Ю. Григорьевым, Д.А. Клеменцем и А.В. Щербачевым в 1897 г. Кроль участвовал в работе экспедиции статс-секретаря А.Н. Куломзина по изучению землепользования в Забайкальской области [22]. По итогам деятельности комиссии Куломзина опубликована работа Кроля «Формы землепользования» [23]. Именно это его исследование наиболее известно и широко введено в научный оборот специалистами в области истории развития производительных сил и поземельных отношений Забайкалья [24].

М.А. Кроль имел некоторое отношение к Агинской экспедиции, организованной ЧО ПО ИРГО на средства Агинской степной думы и состоявшейся летом 1908 г. Как известно, по ее завершении в Чите на совещании, рассмотревшем итоги экспедиции, намечалось составить очерки по заранее заданной программе. «Исторический очерк бывшей Агинской Думы выразил согласие дать учитель Базанов» [25]. На заседании Совета ЧО ПО ИРГО 7 мая 1909 г. один из организаторов Агинской экспедиции Б.Д. Очиров просил «организовать медико-санитарное и антропологическое исследование бурят, что может дать материал для суждения о вымирании и „мельчании“ бурят» [26].

В связи с этой просьбой было решено просить бывшего правителя дел ТКО ПО ИРГО, а в тот период профессора Krakovskogo университета, доктора Ю.Д. Талько-Гринцевича «принять на себя это исследование или же, хотя бы заочно, руководить организацией этого дела» либо указать человека, который мог справиться с этим заданием. Письмом от 9 июля 1909 г. Талько-Гринцевич извещает о своей загруженности и по этой причине о невозможности заниматься данной работой, обращается в ЧО ПО ИРГО с просьбой выделить средства на издание его готового к печати труда по антропологии монголов, бурят и тунгусов «Народы Центральной Азии». В этом же письме он пишет, что данную работу могут выполнить М.А. Кроль, «кандидат прав, проживший много лет в Забайкалье, изучавший экономический быт бурят и работавший в комиссии Куломзина, ныне, кажется, служащий в Управлении Финляндской железной дороги в Санкт-Петербурге», или Д.А. Руднев, «приват-доцент Санкт-Петербургского университета, известный монголист, много раз бывавший в Забайкалье» [27].

Видимо, в ЧО ПО ИРГО результаты исследования агинских бурят по антропологии и этнографии (если таковые состоялись бы) намечали включить в общий исторический очерк. Вначале на заседании Совета ЧО ПО ИРГО 20 сентября 1909 г. составление исторического очерка об агинских бурятах решили предложить Рудневу [28]. А на заседании Совета 24 февраля 1911 г. председатель ЧО ПО ИРГО

Д.М. Головачев предложил обратиться с этой просьбой к Кролю, который накануне при личном свидании с Головачевым дал согласие выполнить эту работу [29].

Как известно, в 1911 г. были изданы семь выпусков «Трудов Агинской экспедиции», включавших «Орографический очерк Агинской степи», очерки «Климат», «Почвенный покров и материнские породы» (все за авторством М.П. Григорьева), «Растительный мир» Г.А. Стукова, «Население» Д.М. Головачева, «Хозяйственный быт» В.В. Солдатова. Из-за недостатка средств не были опубликованы очерки по истории, геологии и животному миру [30]. В седьмом выпуске «Трудов...», который содержал очерки «Население» Головачева и «Хозяйственный быт» Солдатова, представлены материалы по демографии бурят территории Агинской и Цугольской волостей (численный, половозрастной, социальный состав населения, миграции, религиозная принадлежность, уровень грамотности и др.), статистические данные «инородческого» хозяйства, скотоводство как ведущая экономическая составляющая агинских бурят в целом и бурятской семьи в частности, данные по дифференциации хозяйств, кормопроизводству и земледелию [31]. И хотя очерк Солдатова назван «Хозяйственный быт», описания собственно быта бурят в нем не было.

Следует заметить, что изначально Агинская экспедиция, предполагая естественнонаучные и экономические исследования территорий проживания агинских бурят, не предусматривала изучение данной этнографической группы забайкальского населения в антропологическом и этнокультурном отношении. Однако было намерение восполнить этот пробел позже. Здесь некоторое влияние оказывал Ю.Д. Талько-Гринцевич. В своей переписке с устроителем Агинской экспедиции, председателем ЧО ПО ИРГО Д.М. Головачевым он отмечал: «Буряты достойны более подробного изучения не только в научном отношении, как группа антропологическая, как особый тип в семье народов, не только как отдельная этнографическая единица, представляющая социальные пережитки древнейшего устройства общества, но и в практическом медико-статистическом и экономическом отношении как единственное инородческое племя Сибири, не подверженное вымиранию, а достигшее известной культуры и могущее приспособиться к новым условиям жизни по пути к общеевропейскому прогрессу» [32]. Тем не менее в ответном письме Головачев, ссылаясь на инициатора медико-статистического и антропологического исследования бурят статистика Б.Д. Очирова, писал: «Вся масса его соплеменников, за исключением небольшой группы наиболее развитых инородцев, относится отрицательно к предлагаемому исследованию, а ламы даже враждебно» [33].

Отказ Д.М. Головачева коллегам из сопредельной территории объясним и по причине отсутствия средств, и по причине нежелания Б.Д. Очирова пускать в «свою епархию» чужаков. Это становится ясно из итогового отчета о деятельности Забайкальского отдела РГО и краевого музея (г. Чита) за 1894–1924 гг., где говорится, что из-за неимения «лиц, могущих принять участие в работе», было отказано Очирову в проведении медико-статистического и антропологического исследования бурят Забайкальской области [34].

Что касается исторического очерка о бурятах, который бы восполнил пробел в ряду уже опубликованных трудов Агинской экспедиции, то М.А. Кроль был готов написать его, используя свои ранние исследования их хозяйственной деятельности, правовой и бытовой культуры. Об этом свидетельствуют его письма Д.М. Головачеву. В своем письме от 26 марта 1911 г. Кроль пишет, что очерк о хоринских и агинских бурятах им написан, вышлет его не позже 1 мая [35]. В следующем его письме Головачеву из Иркутска, датированном 12 мая 1911 г., говорится: «Вы обещали прислать дополнительные материалы по истории хоринских бурят. Если таковых нет, то я готов прислать свой исторический очерк в том виде, в каком я давно уже написал». В этом письме содержится автограф Кроля [36].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В документах и публикациях XIX в.: Моисей Ааронович. В русифицированном варианте его имя — Михаил.
2. Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск: Зап.-Сиб. отд-ние ОГИЗ, 1931. Т. 2. Ст. 1054.
3. Краеведы и литераторы Забайкалья: Библиографический указатель. Дореволюционный период. 2-е изд., испр., доп. / сост. Е.Д. Петряев. Чита, 1981. С. 51.
4. Виноградов Г. Этнографические изучения Восточно-Сибирского отдела РГО. 1851–1926: Краткий обзор // Известия Вост.-Сиб. отдела РГО. Т. I, вып. 1: Обзор деятельности ВСОИРГО за 75 лет. Иркутск, 1927. С. 21, 22; Nikolaev V.N. Сибирская политическая ссылка и изучение местного края // Каторга и ссылка: Ист.-рев. вестник. М., 1927. Кн. 34. С. 106; Орлова А.Н. Краеведы города Кяхты // Труды Кяхтинского краеведческого музея им. В.А. Обручева и Кяхтинского отд-ния Всесоюзного Географического общества. 1949. Т. XVI, вып. 1. С. 67; Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. С. 192.
5. Попов И.И. Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. С. 63, 68, 69; Торгашев П. Сибирские воспоминания // Голос минувшего. 1914. № 10. С. 137; Отчет ВСОИРГО за 1911 год. Иркутск, 1913. С. 74; Отчет ВСОИРГО за 1912 г. Иркутск, 1914. С. 76, 80, 85; также источники, указанные в данной статье в примеч. 9, 11, 12, 13, 20, 21, 27, 29.
6. Демин Э.В. 140 лет со дня рождения этнографа, исследователя Забайкалья М.А. Кроля // Бурятия: календарь знаменательных и памятных дат на 2002 год. Улан-Удэ, 2001. С. 38–43; Выборова И.В. Михаил Аронович Кроль — исследователь Сибири // Актуальные проблемы истории и культуры народов Азиатско-Тихоокеанского региона: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию проф. Б.Б. Батуева. Улан-Удэ, 2005. С. 209–213.
7. Колесов А.В., Шаохуа Д. Поэты и прозаики Харбина: Русская журналистика и художественная литература в 20-х годах XX в. // Россия и АТР (Владивосток). 2002. № 2. С. 94.
8. Демин Э.В. Указ. соч. С. 39.
9. Отчет о деятельности ВСОИРГО за 1892 г. // Отчет ИРГО за 1893 год. СПб., 1894. С. 82; Отчет о деятельности Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела ИРГО за 1895 год. Иркутск, 1896. С. 1.
10. Отчет о деятельности Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела ИРГО за 1895 год. С. 4, 5.
11. Отчет ВСОИРГО за 1895 г. // Отчет ИРГО за 1896 год. СПб., 1897. С. 81, 85–86.
12. Отчет о деятельности Читинского отделения Приамурского отдела ИРГО. 1895. Чита, 1896. С. 5, 6.
13. Отчет ВСОИРГО за 1895 г. С. 86–87.
14. Известия ВСОИРГО. Т. XXVII. 1896 г. № 1. Иркутск, 1897. С. 54.
15. Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1894. Т. XXV, вып. 1.
16. Там же. Вып. 4–5.
17. Известия ВСОИРГО. Т. XXVIII. 1897 г. № 3. Иркутск, 1897. С. 43.
18. Виноградов Г. Указ. соч. С. 21.
19. Отчет ВСОИРГО за 1895 г. С. 85, 86, 87.
20. Отчет Читинского отделения Приамурского отдела ИРГО. 1896. Чита, 1897. С. 13.
21. Там же. С. 45.
22. Отчет ВСОИРГО за 1897 год. Иркутск, 1898. С. 23.
23. Комиссия для исследования земледелия и землепользования в Забайкальской области: Материалы. Вып. 10: Формы землепользования / сост. М. Кроль. СПб., 1898.
24. Асалханов И.А. Землепользование забайкальских бурят во второй половине XIX в. // Бурятия XVII – начала XX в. Экономика и социально-культурные процессы: сб. науч. тр. / отв. ред. Н.В. Ким. Новосибирск: Наука, 1989. С. 98–115 и др.
25. Отчет Читинского отделения Приамурского отдела ИРГО за 1907–1908 гг. Чита, 1909. С. 19, 20.
26. В записке Б.Д. Очирова содержалось сжатое описание занятий, орудий труда, быта, одежду, пищи, уровня грамотности и медицинского обслуживания агинских бурят (ГАЧО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 46. Л. 131–131 об.).
27. ГАЧО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 46. Л. 152 об.
28. Отчет Читинского отделения Приамурского отдела ИРГО за 1909–1910 гг. Чита, 1912. С. 7, 8, 15.
29. ГАЧО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 47. Л. 5.
30. ГАЧО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 46. Л. 186; Обзор деятельности Забайкальского отдела РГО и краевого музея им. А.К. Кузнецова за тридцать лет. 1894–1924 / под общ. ред. А.В. Харчевникова. Чита, 1924. С. 30–31.
31. Труды Агинской экспедиции. Вып. 7: Население / сост. Д.М. Головачев; Хозяйственный быт / сост. В.В. Солдатов. Чита, 1911.
32. ГАЧО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 46. Л. 151.
33. Там же. Л. 156; Отчет Читинского отделения Приамурского отдела ИРГО за 1909–1910 гг. С. 8, 15.
34. Обзор деятельности... С. 32–33.
35. ГАЧО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 46. Л. 101.
36. Там же. Л. 108.

H.H. Наумова

ШКОЛЫ ДУХОВНОГО ВЕДОМСТВА НИЖНЕУДИНСКОГО УЕЗДА НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Сельские церковноприходские школы и школы грамоты находились в ведении Св. Синода. Они были широко распространены на всей территории Восточной Сибири, причем наиболее интенсивное развитие их сети наблюдалось после официального признания их в качестве государственных указом Синода от 21 июня 1884 г. В Правилах о церковноприходских школах 1884 г. говорилось об «уповании, что школы сии будут истинными рассадниками христианского просвещения в православном народе» [1].

Развитие сети церковных школ Нижнеудинского уезда шло довольно интенсивно. Так, в 1890 г. в 19 церковноприходских школах учились 101 мальчик и 41 девочка. В 1899 г. в 39 школах ведомства православного вероисповедания (ВПИ) уезда занимались 686 мальчиков и 381 девочка. Педагоги-женщины, в основном преподававшие в церковных школах, обязательно вели уроки рукodelия, за счет чего доля девочек в школах ВПИ была намного выше, чем в государственных народных училищах. Так, в том же 1899 году в 21 государственной школе уезда обучались 1 017 мальчиков и 296 девочек [2].

Во главе административной системы школ Иркутского духовного ведомства стояли Иркутский епархиальный училищный совет и епархиальный наблюдатель церковноприходских школ, полномочия и функции которых были установлены изданным в 1896 г. «Положением об управлении церковноприходскими школами и школами грамоты». Школами отдельного уезда руководило уездное отделение совета, в состав которого могли входить лица различного служебного положения и сословного происхождения. На деле, как правило, оно почти целиком состояло из представителей духовного сословия либо духовно-учебной корпорации. Членами Нижнеудинского отделения, в отличие от других, являлись всего шестеро представителей духовенства: священники городских храмов, уездный наблюдатель школ ВПИ и окружные благочинные (настоятели Тулунской и Братск-Острожской церквей) и 12 светских лиц — городские чиновники, крестьянские участковые начальники, служащие Министерства народного просвещения. Архив отделения и книжный склад размещались на папертях церквей и в здании Нижнеудинской городской думы.

Собрания отделения епархиального училищного совета проходили в доме у его председателя, настоятеля Нижнеудинского Вознесенского собора о. А. Белгородского. Уездное отделение собиралось ежемесячно, с кворумом в $\frac{2}{3}$ состава. Заседания могли быть очередными или чрезвычайными, а их постановления заносились в особые журналы заседаний, причем член отделения, несогласный с постановлением, прилагал к журналу свое «особое мнение».

Церковно-школьная система на местах могла рассчитывать на поддержку сельской администрации — уездного исправника и крестьянских начальников, которые характеризовались как «люди компетентные в народных нуждах», как «наиболее полезные руководители и советники по разным вопросам», заслуги которых характеризовались как «огромные». Именно по их инициативе в конце 1890-х гг. в Куйтунском, Перфиловском, Алзамайском приходах были открыты церковные школы, организованы школы грамоты в деревнях Манут и Бадар, создана народная библиотека при Уковской школе. Средства для создания народной читальни в с. Ук в размере 360 р. были собраны служащими 12-го участка строительства Средне-Сибирской дороги.

В освещаемый период на территории Восточной Сибири развернулась острая конкурентная борьба между церковной и государственной, так называемой министерской, школой, подчинявшийся Министерству народного просвещения (МНП). В тех приходах Нижнеудинского уезда, где действовали министерские школы: Хаихтском, Громовском, Слободском и Филипповском, не открывались школы духовного ведомства. Церковная школа проигрывала государственной вследствие льготных условий открытия школ МНП, на постройку которых выделялось не менее 600 р., а выплату жалованья учителю целиком принимало на себя государство. При постройке церковной школы выдавалось пособие в размере не более 250 р. и не более 150–200 р. на оплату труда педагога, а остальное должен был компенсировать приход.

Крестьяне имели право на добровольный выбор типа школы в своем селении. Иногда в отчетах уездных отделений звучало мнение, что предпочтение населением государственных школ — «это плоды агитации политических ссыльных, как известно, церковному образованию не сочувствующих» [3].

В конце XIX – начале XX в. в Восточную Сибирь усилился приток политических ссыльных, многие из которых были противниками народных школ духовного ведомства. По словам енисейского священника о. П. Макарова, «у ссыльнополитических, как не признающих бытия Божия (мне лично не приходилось встречать верующих), — у всех есть стремление разрушить веру в Бога и у других. Легко разрушить, но трудно создать» [4]. На страницах церковной периодики нападки в либеральной прессе (корреспондентами таких газет зачастую являлись ссыльные) на школы духовного ведомства и неблагожелательное отношение общественности расценивались как происки «посторонних для нее элементов», которым «церковно-приходская школа мешает на пути, они ею не довольны за то, что она воспитывает будущих членов государства, стойких в вере отцов» [5].

Обучение в русле православной веры отвечало и требованиям родителей-сибиряков: «Крестьяне любят школу, обучающую детей церковному пению, любят слушать хорошее чтение своих детей в храме и дома, любят видеть в детях вежливость к старшим и благопристойность... дорого ценят учителей, не ломающих их религиозных привычек... Начальная школа должна давать основные образовательные знания, в состав которых непременно входит религиозное преподавание, соответствующее семейному и его продолжающему» [6].

Второй по величине Нижнеудинский уезд Иркутской епархии при площади около 107 тыс. кв. верст и населении в 1900 г. 81 723 чел. имел плотность населения 0,76 чел. на кв. версту. Из 297 школ ВПИ епархии лишь 39 были расположены на территории уезда [7]. Нормальное функционирование и развитие сети школ ВПИ встречало многочисленные препятствия.

Проведение Транссибирской железнодорожной магистрали вызвало не только оживление экономической жизни региона, но и падение уровня жизни населения Верхнего и Среднего Приангарья. До постройки Транссиба сплав по Ангаре павозков с чаем давал огромные доходы. Благосостояние целых сел было основано на занятии сплавом, судостроением и судоремонтными работами, извозом, торговлей и дворничеством (содержанием постоянных дворов). Теперь подобные промыслы пришли в упадок. В 1901 г. разразился приисковый кризис на Лене, куда из Среднего и Нижнего Приангарья ежегодно перевозилось не менее миллиона пудов зерна. Следствием этого стало разорение многих богатых благотворителей-бусовщиков, начавших отказываться от должностей попечителей церковноприходских школ [8].

Банкротство Николаевского железнодорожного завода и окончательное прекращение производства на нем привели к закрытию двух самых больших церковных школ уезда (мужской и женской), содержавшихся на средства предприятия.

С 1863 по 1914 г. население Иркутской губернии возросло с 365,8 тыс. чел. до 750,2 тыс., т. е. на 205 % [9]. Наибольший рост наблюдался в Ачинском, Мину-

синском, Красноярском, Канском, Нижнеудинском уездах (от 70 до 212 %) [10]. Естественный прирост населения в Сибири был значительно выше среднерусского за счет активного переселенческого движения, особенно в Енисейской губернии. Так, этот показатель (абсолютный прирост на 1 000 чел. населения) составлял в 1908 г. 16,5 чел. для России и 18,9 для Восточной Сибири, в 1913 г. 15,7 и 22,8 чел. соответственно.

Нижнеудинский уезд относился к числу интенсивно колонизируемых местностей Иркутской губернии. Однако рост числа церковноприходских школ не соответствовал темпам прироста населения. Как уже упоминалось, в 1900 г. численность населения уезда составляла 81 723 чел., а всего за десять лет до этого — 52 539 чел. [11]. В 1915 г. в Иркутской епархии в церковных школах обучался 8 181 ребенок обоего пола, в то время как детей школьного возраста (т. е. в возрасте 8–14 лет) насчитывалось не менее 66 186 [12]. Если в абсолютных показателях школа духовного ведомства в Восточной Сибири прогрессировала, т. е., безусловно, росли все численные показатели, то, с другой стороны, наблюдалась относительная регрессия церковной школы, т. е. роль ее в сибирском обществе снижалась. Регрессия происходила за счет очень быстрого увеличения населения, и охват детей школами ВПИ, несмотря на развитие их сети, снижался.

В марте 1900 г. в Красноярске был открыт местный комитет Фонда церковно-школьного строительства в районе Сибирской дороги им. императора Александра III. Красноярский комитет изначально задался целью расширить сферу своей деятельности, открывая не только церкви, но и школы в переселенческих пунктах по всей Енисейской епархии. Напротив, в Иркутской епархии администрация запретила расходование «переселенческих сумм» на любые нужды, кроме храмостроительства [13]. При этом Переселенческое управление не всегда успевало за приростом населения.

Внезапная мобилизация Сибирского военного округа (июнь–август 1900 г.) в связи с вооруженными столкновениями на российско-китайской границе практически оставила школы ВПИ Восточной Сибири без книг и школьных принадлежностей: железная дорога прекратила прием частных грузов, и высланная литература дошла до мест назначения только к новому году, а резерва учебных пособий на Нижнеудинском складе предусмотрено не было. Тем не менее обеспеченность школ Нижнеудинского уезда методической литературой в 1898 г. составляла 246 экз., в 1900 г. — 427, в 1901 г. — 595 экз.; обеспеченность учебной литературой — 5 798, 10 154 и 14 665 экз. соответственно [14]. Таким образом, фонды учебных и учебно-методических пособий за два года увеличились почти в три раза.

Как минимум пять поселений уезда особо нуждались в открытии одноклассных школ. Это были как сравнительно небольшие деревни Парилово (с населением 278 чел.), Московская (297 чел.), Усть-Вихорева (407 чел.), так и относительно крупные поселки Мурашево (1 035 чел.) и Мугун (731 чел.), быстро растущие за счет притока переселенцев. Доля детей школьного возраста составляла одну седьмую от численности взрослого населения [15]. В малых поселениях — Никольская (239 чел.), Алгаш (203 чел.), Верхнебожово (225 чел.), Верхнесуворово (224 чел.), Ключи-Булак (217 чел.), Бада (358 чел.), Илир (406 чел.), Тэмь (346 чел.), Бурнина (322 чел.), Ильинское (286 чел.), Антонова (333 чел.), Красный Яр (273 чел.), Заусаева (424 чел.), Иргей (220 чел.), Нюринское (345 чел.) — предполагалось открытие элементарных двухгодичных школ грамотности. Численность населения определяла как потребность в школах того или иного типа, так и возможность их содержания местным населением (предоставление квартир педагогам, строительство и ремонт школьных зданий, освещение, отопление и т. д.).

Нижнеудинское отделение не могло достаточно интенсивно открывать новые школы также из-за отсутствия «правоспособных» учителей. Первоначально в церковно-школьной системе не предусматривалось открытие педагогических учебных

заведений. Красноярская учительская семинария, существовавшая с 1873 по 1917 г., и аналогичное учебное заведение в Иркутске, работавшее в 1872–1897 гг., не могли поставлять кадры для школ ВПИ: во-первых, их выпускники стремились в школы Министерства народного просвещения с лучшими условиями работы, во-вторых, за всю историю своего существования обе семинарии выпустили всего 1 109 учителей [16].

Только с 1896 г. в епархии начинает разворачиваться сеть второклассных церковноприходских школ, чья деятельность была направлена на подготовку педагогов для школ духовного ведомства. Проектировалось открытие двух второклассных школ в каждом уезде, в Нижнеудинском такими селами должны были стать Шерагул и Братск-Острожное. Категорически запрещалось открытие второклассных школ в городах и даже в селах, если они являлись крупными торговыми или фабричными центрами, поэтому богатый и людный поселок Николаевский Завод был отклонен именно как фабричное поселение, где невозможно было «предохранить» будущего народного учителя «от посторонних и неблагоприятных на него влияний городской цивилизации» [17].

В государственных школах ни один учитель не получал годового жалованья менее 360 р., в то время как из 39 школ ВПИ уезда такое жалованье было назначено только в семи. Обычный для Иркутской губернии оклад учителя, не превышавший 300 р., «при крайней дороговизне жизни, при малой культурности населения, громадных расстояниях и отсутствии удобных путей сообщения... не может привлекать достаточное число правоспособных кандидатов на учительские должности... в Иркутске сторожа при готовой квартире получают 300 руб.» [18]. Епархиальный наблюдатель школ ВПИ И.Л. Брызгалов в 1897 г. указывал, что нормой оклада следует считать в Иркутском и Балаганском уездах 500 р., в Верхоленском и Нижнеудинском — 600 р., в Киренском и Нижнеилимском — не менее 700 р. в год [19]. В 1900 г. статс-секретарь А.В. Куломзин, курировавший сооружение школ и церквей на переселенческих участках, советовал установить норму жалованья в размере 240 р. в школах грамоты, 500 р. — в одноклассных и 750 р. — во второклассных школах ВПИ [20]. Таких размеров заработная плата учителей школ духовного ведомства достигла только во время Первой мировой войны, но увеличения оклада на самом деле не произошло: инфляция перечеркнула все усилия правительства.

Учитель школы духовного ведомства, в отличие от педагога школы МНП, был социально не защищен: в Иркутской епархии не существовало ни Общества взаимопомощи учителям церковных школ, ни эмеритальных пенсионных касс. Однако епархиальным училищным советом периодически выдавались небольшие пособия на курортное лечение; так, преподавателю Барлукской церковной школы Прокопьеву, страдавшему ревматизмом, в 1900 г. было выделено 60 р. для поездки на оз. Широ.

Вообще крестьянское население Восточной Сибири медленно привыкало к появлению в селениях школ, однако здесь был заметен прогресс. Если в 1880-х гг. в графе опросных бланков «Как относится население к школе» чаще встречались ответы «индифферентно», «равнодушно», «безучастно», «холодно», то к началу XX в. почти все ответы звучали как «с любовью и пониманием», «доверчиво», «благородно» [21].

Нижнеудинское отделение епархиального училищного совета определяло отношение населения к школе как «сочувственное». Симпатии населения к школе во многом зависели от личных качеств педагога; так, после смены учителя Укырское сельское общество изъявило согласие начать постройку нового школьного здания и обязалось предоставлять сторожа и дрова. В Бурнинской школе благодаря введению занятий рукоделием резко увеличилось количество учащихся девочек. Постройка новых школьных зданий начиналась в селах Гадалей, Кимильтей, Бирюса.

Неблагоприятная экономическая конъюнктура [22] не повлияла на деятельность известного мецената Братского благочиния, крестьянина Алексея Алексеевича Федорова. С 1895 г. он являлся активным попечителем Уковской и Марской церковных школ, пожертвовал для последней дом стоимостью 1 100 р. В 1900 г. на пожертвованные им 3 000 р. было выстроено здание для школы ВПИ в с. Тангуй. Отец А. Попов писал: «Нужно действительно горячо любить школу, чтобы при многочисленном семействе, при многосложности дел в качестве земледельца, торговца и рядчика железной дороги — иметь возможность ежедневно присутствовать на школьной постройке, лично руководить и смотреть за кладкой печей, стен, сколачиванием полов и потолков, производить с рабочими расчеты, вместе с тем находить время присутствовать на занятиях в школе, собирать подписку на устройство елки для ребят, закупать разные мелочи и наконец самому украшать здание гирляндами и цветами. Нужно было присутствовать на этом детском празднике при том трогательном моменте, когда этот без сомнения выдающийся человек после личной раздачи елочных подарков детям, обратился к последним со словами поздравления и закончил свою безыскусственную речь пожеланием: „Учитесь, ребята, я сделаю для вас все, что смогу“» [23].

В силу исторических и географических условий население Восточной Сибири было мало затронуто религиозно-нравственным влиянием церкви. Именно церковная школа и ее учитель оказывали огромное воздействие на жителей края. Преодолению религиозного индифферентизма сибиряков способствовало обучение детей церковному пению. В тех приходах, где из учащихся организовывался клиросный хор, священники регистрировали резкое увеличение числа молящихся в церкви, возрастающее «усердие ко храму» мужской части населения. В семьях, где были дети, учившиеся в школах духовного ведомства, более строго соблюдалось утреннее и вечернее молитвенное правило, появлялось вычитывание часов по Часослову.

Воскресные чтения в школьных помещениях собирали десятки взрослых. Положительным моментом следует считать и распространение «среди населения более сознательного отношения к явлениям окружающей природы и жизни, а также и сознание своих недостатков, осуждение своих распространенных пороков» [24]. Необычным, но быстро приобретшим популярность новшеством стали паломничества на поклонение мощам свт. Иннокентия Иркутского, собирающие не только учеников церковных школ, но и их родителей.

Популяризация библиотек была единственным средством в борьбе с рецидивирующими безграмотностью. В семи селах уезда имелись библиотеки, действовавшие при церковных школах и имевшие от 140 до 243 названий книг для внеклассного чтения [25]. О степени обеспеченности сел и деревень Нижнеудинского уезда различными видами печатных изданий позволяют судить данные К.Е. Зверевой. Из 20 обследованных селений в двух у крестьян имелись лубочные картины (ксилографии), в 10 — газеты и журналы, в 12 — книги (к сожалению, количество экземпляров и названия указаны не были) [26]. Круг литературы был сравнительно узок, количество книг религиозного характера более чем в три раза уступало числу книг светского содержания.

Несмотря на перечисленные недостатки в работе школ ВПИ Нижнеудинского уезда, на все трудности, препятствовавшие их нормальной деятельности, следует отметить, что это была единственная доступная массовая школа Восточной Сибири, дававшая возможность крестьянству получить образование. Сеть церковных школ интенсивно развивалась, но при этом рост количества школ отставал от роста населения. Востребованность народных школ не вызывает сомнений. Положительное влияние церковноприходских школ сказывалось на поведении детей. Часто с первого взгляда можно было отличить учеников церковной школы даже на улице: повсеместно отмечались их вежливость в общении, более усердное посещение храма,

меньшая грубоcть в играх, внешняя опрятность, исчезновение привычки к воровству, ругани, драчливости и т. д. [27]. Постепенно поднимается общий культурный уровень крестьянства. Начинают появляться образованные крестьяне, знакомившиеся с новыми методами обработки почв, машинами, сельскохозяйственными культурами, внедрившими их в свое хозяйство, заводившими опытные делянки, иногда даже сотрудничавшие с научными учреждениями и обществами, как, например, И.И. Лыткин из с. Шерагул Нижнеудинского уезда.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 9687. Л. 39.
2. Отчет о деятельности и состоянии церковно-приходских школ и школ грамотности Иркутской епархии за 1889/90 учебный год. Иркутск, 1891. С. 48; Иркутские епархиальные ведомости (далее — ИЕВ). 1901. № 12. С. 92.
3. ИЕВ. 1901. № 21. С. 240.
4. Енисейские епархиальные ведомости (далее — ЕЕВ). 1916. № 23. С. 23.
5. ЕЕВ. 1910. № 17. С. 370.
6. ЕЕВ. 1916. № 12. С. 26.
7. ИЕВ. 1901. № 17. С. 175.
8. ИЕВ. 1902. № 24. С. 243.
9. Рашин А.Г. Население России за сто лет. М.: Госстатиздат, 1956. С. 69.
10. Воробьев В.В. Формирование населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975. С. 199.
11. Отчет о деятельности и состоянии церковно-приходских школ и школ грамотности Иркутской епархии за 1889/90 учебный год. С. 48.
12. Сибирская школа. 1916. № 2. С. 19.
13. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 13541. Л. 27.
14. ИЕВ. 1901. № 14. С. 111; № 19. С. 205.
15. Подсчитано по: ИЕВ. 1901. № 21. С. 248.
16. Недоспасова Е.И. История педагогического образования в Восточной Сибири (1872–1919 гг.): дис. ... канд. пед. наук. Иркутск, 1949. С. 402.
17. Брызгалов И.Л. Церковно-приходские школы и школы грамоты Иркутской епархии в 1896/97 учебном году. Иркутск, 1898. С. 89.
18. ИЕВ. 1896. № 11. Прибавления. С. 260.
19. Брызгалов И.Л. Указ. соч. С. 49.
20. ИЕВ. 1901. № 20. С. 219.
21. ИЕВ. 1896. № 18. С. 9; 1901. № 12. С. 80.
22. В 1895–1898 гг. было три неурожайных года подряд, а в 1899 г. неурожай был только в Кежемской и Мамырской волостях.
23. ИЕВ. 1901. № 21. С. 253.
24. Там же. С. 241.
25. ИЕВ. 1901. № 14. С. 130.
26. Зверева К.Е. Роль просвещения в жизни сибирского крестьянства конца XIX – начала XX в. // Развитие культуры сибирской деревни. Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1986. С. 111.
27. См., например: ЕЕВ. 1900. № 18. С. 501.

И.В. Смолина

АРХИЕПИСКОП ИРКУТСКИЙ ПАЛЛАДИЙ (ШЕРСТЕННИКОВ) — СТРОИТЕЛЬ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ

Владыка Палладий (Шерстенников) прожил долгую и многогранную жизнь. На заре своего архиерейского служения он проявил себя как ревностный борец с обновленческим расколом. В конце 1930-х гг. разделил участь множества православных иерархов и был заключен в один из колымских лагерей. Однако это не помешало ему войти в состав делегации от Русской православной церкви, присутствовавшей на похоронах Сталина весной 1953 г. В конце 1960-х гг. владыка Палладий был одним из претендентов на патриарший престол в случае кончины Патриарха Алексия I.

В течение девяти послевоенных лет архиепископ Палладий управлял Иркутской епархией, способствуя возрождению ее церковной жизни. При нем Иркутск стал административным центром православной жизни Восточной Сибири и Дальнего Востока. Это был период восстановления, укрепления материальной базы епархии, более-менее стабильных отношений с иркутскими уполномоченными Совета по делам Русской православной церкви (далее — СДРПЦ или Совет) — Иваном Федоровичем Голубевым и Иннокентием Трофимовичем Житовым. Обрушившиеся на церковь хрущевские гонения, начавшиеся в конце 1958 г., застали владыку уже в Саратове.

Архиепископ Палладий, носивший до монашеского пострига имя Павел, родился 5 (17) апреля 1896 г. в семье православного священника с. Больше-Ройское Уржумского уезда Вятской губернии Александра Алексеевича Шерстенникова. Согласно автобиографии, написанной архиепископом Палладием по прибытии в 1949 г. в Иркутск, он получил духовное образование в Вятской духовной семинарии и Казанской духовной академии, в которой проходил обучение с 1917 г. по 1923 г., но дипломную работу не защитил из-за ликвидации учебного заведения.

Казанская духовная академия была закрыта одной из последних в стране: до 1921 г. она продолжала существовать под видом частного учебного заведения, собираясь на квартире ректора епископа Анатолия (Грисюка), который поддерживал постоянную переписку с Патриархом Тихоном о делах академии. После того как в марте 1921 г. об этом стало известно советским органам, а ректор академии владыка Анатолий был арестован и этапирован в Москву, оставшиеся на свободе преподаватели в ноябре 1921 г. организовали Богословский институт, просуществовавший чуть менее года [1].

В автобиографии годом окончания Казанской академии владыка Палладий указывает 1923-й. Это дает основание предполагать, что он состоял в числе студентов Казанского богословского института, организованного после закрытия духовной академии. В 1920–1922 гг. он также обучался на медицинском факультете Казанского государственного университета, но после принятия священного сана был отчислен из вуза. 21 ноября 1921 г. епископ Чебоксарский Афанасий (Малинин), викарий Казанской епархии, рукоположил Павла во диакона к кафедральному собору Казани. 18 июня 1922 г. состоялась священническая хиротония о. Павла. В том же году он принял монашеский постриг с определением в Казанский Иоанно-Предтеченский монастырь. В 1924 г. стал его архимандритом, а с 1926 г. служил в Кизическом Введенском монастыре Казани.

14 декабря 1930 г. в Казани архимандрит Палладий был хиротонисан во епископа Елабужского, викария Казанской епархии. С 1933 г. он являлся епископом Ржевским, викарием Смоленской (с 1935 г. — Калининской) епархии. В 1936 г. получил назначение в Петрозаводскую епархию, но пробыл там всего

три месяца и снова вернулся в Ржев. В 1937 г. был назначен в г. Калинин, где в 1938 г. был возведен в сан архиепископа [2].

Владыка Палладий проявил себя ревностным борцом с обновленческим расколом. Ржевская епархия тогда находилась в состоянии непрекращающейся войны с обновленцами, большая часть которых исполняла волю ОГПУ-НКВД. Еще в 1929 г., в бытность настоятелем Кизического монастыря в Казани, архимандрит Палладий четко сформулировал свое отношение к обновленчеству, записал его и направил в виде письма одному из священников, когда тот решил перейти в раскол. В Ржеве владыка дал переписать это письмо одному из благочинных, о. Евгению (Ивашко), чтобы облегчить ему борьбу с обновленцами.

Письмо свидетельствует о проницательности, тонком уме, красноречии архимандрита Палладия и, что важнее, глубоком понимании природы обновленческого раскола. Перечисляя поименно наиболее известных обновленцев, автор письма аргументированно доказывал, что их идеи противоречили православному вероучению, а деятельность была направлена на разрушение церковного мира и управления: «Наконец главные попы-обновленцы Калиновский, Белков, Красницкий, Введенский явились к Патриарху Тихону и потребовали у него передать им власть управлять Церковью, но Тихон, будучи временно лишен свободы, передал на время управление Церковью знаменитому старцу митрополиту Агафангелу. Указанные попы-обновленцы хотели вырвать власть у митрополита Агафангела, но это им не удалось. Тогда они самочинно объявили себя Высшим Церковным Управлением и стали посыпать по церквам приказы. Так обновленчество в лице этих попов вступило на путь самочинного собрища, которое по правилам Церкви подлежит анафеме» [3]. Анализируя наиболее дикие идеи обновленцев: учреждение женского священства; объединение с мусульманами, иудеями и язычниками на основе абстрактной веры; введение женатого епископата; требование отказаться от всех канонических основ церкви и творить все новое, архимандрит Палладий ставил перед адресатом выбор: «Итак, пред нами два пути: один православный, возглавляемый православными Соборами и патриархами, а другой путь самочинный, бунтарский, проклятый Вселенскими Соборами, — это путь обновленческих священных синодов. Дело твое, избирать себе спасение или погибель» [4].

Активная борьба с инспирированным ОГПУ обновленческим расколом, верность Местоблюстителю патриаршего престола митрополиту Сергию (Страгородскому) привели к тому, что владыка был внесен в черный список архиереев, подлежащих репрессиям. В г. Калинине его арестовали и предъявили обвинение в контрреволюционной деятельности по ст. 58, пп. 10 и 11 УК РСФСР. В автобиографии архиепископ написал: «В 1939 г. 15 августа был арестован органами НКВД по Калининской области и постановлением Особого Совещания НКВД от 4 марта 1940 г. осужден на 8 лет ИТЛ. Срок отбыл на Колыме. По отбытии срока в 1947 г. был назначен на Семипалатинскую кафедру, в 1948 г. 20 сентября — в Омск, с 21 февраля 1949 г. — на Иркутскую кафедру» [5].

Владыка не указал название лагеря, в котором он содержался, но в справке об освобождении, выданной 15 августа 1947 г., значится литер лагеря — «АВ».

Архиепископ Палладий
(Шерстеников)

Литеры присваивались лагерям специальным приказом НКВД с декабря 1945 г. и служили заменой официального названия лагерей. При переименованиях последних литер сохраняли. Известно, что литер «АВ» в 1945 г. был присвоен Северо-Восточному ИТЛ, находившемуся в подчинении Дальстроя — Государственного треста по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы, организованному в 1931 г., управление которого находилось в г. Магадане. Заключенные лагерных подразделений Северо-Восточного ИТЛ обслуживали работы треста «Дальстрой», основной производственной специализацией которого была добыча золота и олова. Кроме того, трест занимался добычей вольфрама, кобальта, угля и других полезных ископаемых, геологоразведочными работами, дорожным, гражданским и промышленным строительством, обслуживанием и ремонтом автодорог, лесозаготовками и т. п. [6].

О годах, проведенных архиепископом в лагере, практически ничего не известно. Имеются сведения, что в начале апреля его заключили в карцер за то, что на Пасху пел пасхальные песнопения. Ослабевшего владыку, который мог не выдержать испытания, спас архимандрит Григорий (Давыдов). Последний пользовался расположением начальника прииска «Горный», к которому и обратился за помощью, после чего архиепископа Палладия отправили на более легкую работу — пережигать уголь [7].

15 августа 1947 г. архиепископ Палладий был освобожден с применением 39-й статьи Положения о паспортах, предусматривавшей ограничения по проживанию, и последовал на поселение в Беловский район Кемеровской области. Вскоре, 29 октября 1947 г., он получил от Патриарха Алексия I назначение в Семипалатинскую епархию. С сентября 1948 г. он временно управлял Омской епархией, 18 ноября 1948 г. был назначен архиепископом Омским и Тюменским. Постановлением Синода от 21 февраля 1949 г. архиепископ Палладий был переведен в Иркутск, куда прибыл 1 апреля 1949 г. На следующий день он получил справку от уполномоченного СДРПЦ по Иркутской области И.Ф. Голубева, в которой значилось, что он «зарегистрирован в качестве архиепископа Палладия Иркутской и Читинской епархии с правом совершения богослужения в церквях и молитвенных домах Иркутской и Читинской областей и треб на дому у верующих по их приглашению» [8].

Архиепископ Палладий вернулся к архиерейскому служению в период ухудшения государственно-церковных отношений. Это выражалось в усилении контроля над деятельностью церкви, вытеснении ее на периферию общественной жизни и существенных ограничениях богослужебной практики, вводившихся под давлением СДРПЦ руководством церкви.

Так, 25 августа 1948 г. Священный Синод принял решение о запрещении любых молебствий на полях, крестных ходов из села в село, духовных концертов в стенах храмов, печатания в епархиях без разрешения Синода акафистов, посланий епископов. Архиереям было запрещено осуществлять объезды епархии в период сельских работ. В Иркутской епархии это постановление вызвало недовольство части клириков, которые продолжали старую традицию, несмотря на угрозу снятия с регистрации уполномоченным Совета и неоднократные напоминания архиепископа Палладия о необходимости соблюдения решения. В одном из циркуляров от 1 авгу-

**Архиепископ Палладий
(Шерстеников)**

ста 1949 г. владыка предупреждал духовенство, продолжающее совершать молебны вне стен храма: «Буду строго взыскивать с виновных в нарушении распоряжений Высшей церковной власти, вплоть до увольнения за штат с запрещением в священничестве» [9]. Однако такие случаи в епархии не зафиксированы.

16 ноября 1948 г. Синод вынужденно принял постановление о запрещении превращать проповеди в храмах в уроки Закона Божия для детей. А это означало, что отныне уполномоченные СДРПЦ следили за тем, чтобы проповеди духовно-нравственного характера произносились как можно реже и не содержали подробного изъяснения евангельского чтения или сути празднуемого события. При этом клирикам вменялось в обязанность говорить поучения патриотического характера, направленные на воспитание прихожан в духе гражданственности и верности Отечеству, раскрывающие характер миролюбивой политики советского правительства, призывающие верующих к ответственному труду на благо Родины.

Проведение праздника Крещения Господня 19 января 1949 г. в Саратове, где во время чина освящения воды на Волге присутствовало около 30 тыс. жителей, послужило поводом к началу очередной антирелигиозной истерии партийно-советских функционеров. Через месяц в февральском номере «Правды» появился фельетон под названием «Саратовская купель», привлекший внимание широкой общественности к «дикому обряду» купания в иорданы и вызвавший волну административных мер против духовенства и верующих [10]. В результате под давлением СДРПЦ в конце 1949 г. Патриарх Алексий I запретил совершать крестные ходы на иордань и предписал освящать воду, не покидая церковную ограду.

Духовенство Иркутской епархии было своевременно извещено об этом, однако один из клириков, настоятель Никольской церкви в пос. Листвянка иеромонах Анатолий (Корнильев), нарушил указ Патриарха и совершил в 1950 г. в день Богоявления крестный ход на Байкал для великого освящения воды. Владыка Палладий сначала ограничился строгим предупреждением провинившегося священника, но вскоре по указанию уполномоченного вынужден был уволить его за штат [11].

В первые послевоенные годы была постепенно ограничена практика обслуживания нескольких приходов одним священником, а также выезды духовенства по вызову верующих для совершения треб в населенные пункты, не имеющие действующих храмов. В сибирских епархиях такие поездки клириков были особенно актуальны в силу малочисленности храмов, отделенных друг от друга огромными расстояниями. Поэтому еще 12–16 мая 1947 г. Синод, заслушав на своей сессии доклад Миссионерского совета «О распространении сектантства и о мерах, рекомендуемых для борьбы с ним», принял решение просить правительство «о дозволении в Сибирских епархиях иметь разъездных священников» [12]. Просьба эта не нашла отклика у руководства СДРПЦ, которое в июне 1948 г. предупредило своих уполномоченных о недопустимости введения при епархиальных управлениях или приходах разъездных священников.

Тем не менее в феврале 1949 г. Св. Синод попытался добиться положительно-го решения вопроса уже применительно ко всем епархиям РПЦ, аргументируя это тем, что за неимением действующего храма и священника население обращается к сектантским проповедникам. Секты же, в силу своей нелегальности и малой контролируемости, представлялись руководству СДРПЦ большим злом, чем церковь. В марте того же года Патриархия разослала в епархии письмо с рекомендацией правящим архиереям добиться введения института разъездных священников [13].

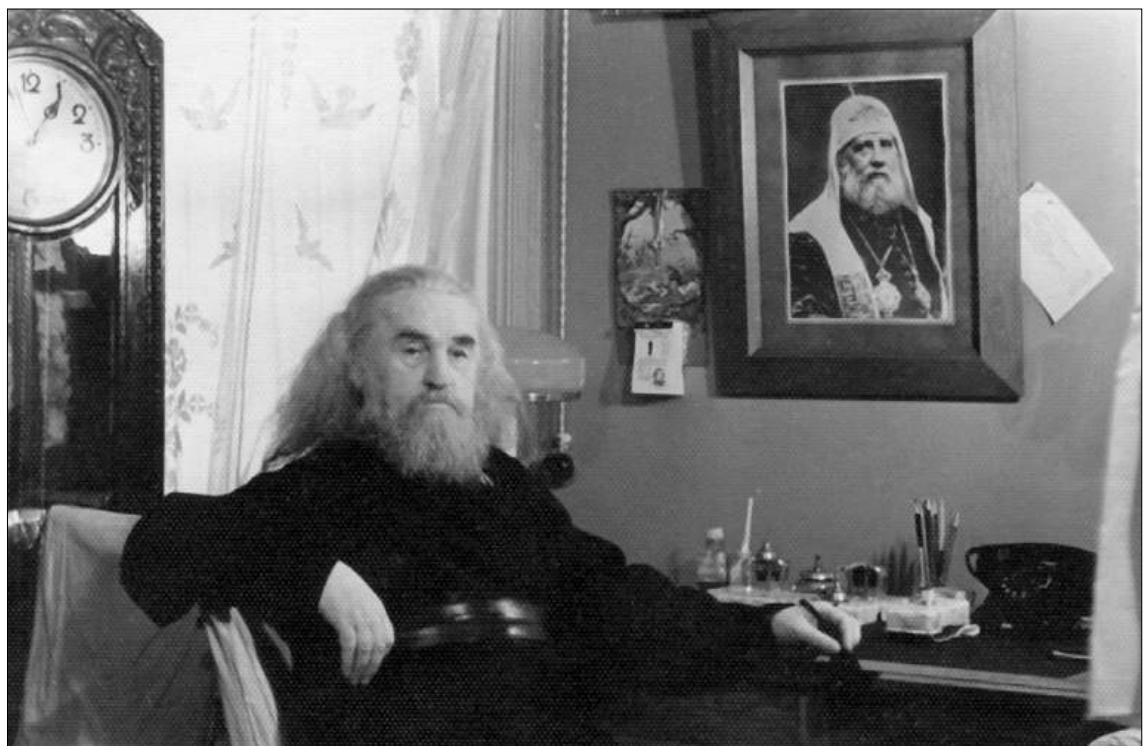
Действуя в русле синодальных постановлений, архиепископ Палладий поставил соответствующий вопрос уже на втором приеме у уполномоченного СДРПЦ Голубева, состоявшемся 24 мая 1949 г. Архиерей мотивировал это тем, что священнику, служащему в определенном храме, местная власть в лице председателей поселковых и сельских Советов часто не разрешает совершать требы по вызову мирян и клирик вынужден возвращаться в храм, не достигнув цели поездки. Голубев ответил

отказом, имея на то четкие директивы руководства Совета. В Москве на приеме в СДРПЦ 28 декабря 1950 г. архиепископ Палладий вновь пытался добиться разрешения на введение разъездных священников в Иркутской епархии. Однако и это не принесло результатов: председатель Совета Г. Карпов давно решил, что данное мероприятие приведет к «разжиганию религиозности населения» [14]. В итоге в Иркутской епархии выезды для совершения треб по вызову верующих продолжали совершать клирики, служащие в зарегистрированных храмах.

Русская православная церковь могла в советское время существовать только в тех жестких условиях, в которые ее поставило государство. В частности, в обмен на некоторые уступки, дарованные Сталиным: ограниченное открытие новых храмов, частичное возрождение духовного образования, издательской деятельности, возвращение духовенства из лагерей и ссылок, церковь должна была демонстрировать свою лояльность режиму и оказывать ему содействие, в том числе помогать материально.

Церковь участвовала в подписке на облигации государственных заемов восстановления и развития народного хозяйства, выпускавшихся с 1946 г. Они являлись важной статьей доходов государственного бюджета (в 1948 г. на долю заемов приходилось 24 % доходов госбюджета, в 1952 г. — 42 %) и распространялись среди населения по специальной подписке, которая, несмотря на декларацию ее добровольного характера, фактически являлась обязательной. Известно, что многие советские граждане в частных беседах выражали недовольство обязательным характером заемов [15].

Архиепископ Палладий добился регулярного участия клира и мирян Иркутской епархии в государственных заемах восстановления и развития народного хозяйства, тогда как предшествующий архиерей Ювеналий (Килин) не уделял этому большого внимания. В отчете Патриарху Алексию I за 1951 г. владыка Палладий писал: «В первый же год своего пребывания на Иркутской кафедре (1949 г.) из беседы с членами причта и другими работниками Кафедрального Собора я узнал, что они не имеют облигаций Госзаймов. Почему? „Нам никто не предлагал, и мы не знали, что можем их приобретать“». А из разговоров с работниками церквей из

Владыка Палладий в своем рабочем кабинете. Иркутск, около 1957 г.

районов обратная открылась картина: им предлагают, а они упорно отказываются, считая себя отделенными от государства» [16].

Денежные отчисления, производимые как из средств причта и служащих храмов, так и из приходских касс, постоянно возрастили. Только по Иркутской области в 1949 г. они составили 81 825 р., в 1950 г. — 118 850 р., в 1951 г. — 190 625 р. [17]. К 1951 г. архиепископ Палладий определил для каждого храма епархии сумму, на которую необходимо было приобрести облигации госзайма. При этом доходные городские приходы платили больше, чем сельские. Кроме того, причт и работники храмов, получающие зарплату, должны были подписываться на заем в размере своего месячного оклада. Эта норма была для многих клириков и мирян непосильной, и уже в 1953 г. архиепископ снизил ее до полумесячного оклада, о чем уведомил настоятелей церквей своим циркуляром от 16 июня. В последующие годы существовало правило, согласно которому имеющие зарплату до 400 р. подписывались в размере 50 % месячного оклада, а получающие более 400 р. отчисляли в фонд государства 100 %. В итоге в 1951 г. храмы, причт и служащие Иркутской и Хабаровской епархий внесли 360 645 р. [18].

После 1953 г. сумма подписки на госзаем Иркутской епархии значительно сократилась в связи с тем, что из церковных касс средства больше не вносились и отчисления производились только причтом — священниками, диаконами, письменщиками — и штатными работниками храмов, получающими зарплату: членами церковных советов, певчими, сторожами и т. д. Это произошло после того, как в августе 1953 г. уполномоченный СДРПЦ Житов получил от руководства выговор за то, что в нарушение указаний правительства допускал производить подписку на заем среди церковных общин на церковные средства. Ссылаясь на то, что архиепископ Палладий практиковал подписку на госзаем из средств церквей своей епархии в 1949–1952 гг., Житов 14 августа писал в Совет: «Эта практика прошлых лет дала мне основание молча согласиться на подписку на Государственный заем 1953 г. из средств церквей. В будущем учту Ваше замечание и не допущу подобного нарушения указаний Правительства СССР» [19].

В 1954 г. сумма подписки на госзаем Иркутской и Хабаровской епархий составила всего 138 620 р., в 1955 г. увеличилась до 226 265 р., в 1956 г. была равна 225 665 р. [20].

Уже позже, управляя Орловской епархией, митрополит Палладий (Шерстенников) совершил исключительно большие отчисления в Советский фонд мира, основной задачей которого был сбор средств для финансирования миротворческих общественных организаций. Это отметил в 1974 г. и заместитель председателя Совета по делам религий В. Фуров в своем отчете членам ЦК КПСС «Церковные кадры и меры по ограничению их деятельности рамками закона». Фуров назвал митрополита Палладия в ряду правящих архиереев, «которые и на словах, и на деле подтверждают не только лояльность, но и патриотичность к социалистическому обществу, строго соблюдая законы о культурах, и в том же духе воспитывают приходское духовенство, верующих» [21].

Церковь была включена в миротворческую деятельность СССР не только через денежные отчисления, но и посредством проповедей о борьбе за мир всего мира, которые духовенству предписывалось произносить с амвона. Патриарх Алексий I в своих посланиях архиастырям, паstryям и пастве неоднократно призывал к деятельности участию в деле борьбы за мир: «Долг каждого из нас открыто и безбоязненно присоединить свой голос к осуждению братоубийственной войны, на которую пытаются вновь толкнуть народы безумные враги мира. И прежде всего — это долг паstryей Церкви». Паstryям Патриарх напоминал о необходимости проповедовать мир: «И прежде всего на нас, паstryях стада Христова, лежит долг приблизить благословенное время всеобщего мира не только усиленными молитвами к Богу мира о мире всего мира, но и неумолкаемой проповедью о мире». «Боголюбивые архиастыри и

пастыри!.. Умножим и усилим: и молитвы наши о мире, и проповедь нашу о мире всего мира» [22].

Архиепископ Палладий, обладавший искренней верой и живым умом, был блестящим проповедником. Он в равной мере уделял внимание проповедям и духовно-нравственного, и патриотического содержания. Иркутский уполномоченный СДРПЦ И.Т. Житов в 1955 г. отметил в своем дневнике, что владыка в проповедях «много говорит о мире, о международном положении, о достижениях и событиях в Советском Союзе» [23]. По наблюдениям Житова, одни прихожане слушали эти проповеди внимательно, другие — со скептицизмом. На прямой вопрос уполномоченного архиепископ Палладий отвечал: «Мои проповеди воспринимают верующие по-разному. Есть среди них такие, которые после проповеди патриотического содержания не подходят ко кресту или не подходят под благословение. Они же благодарят за проповедь на обыкновенную духовную тему» [24]. Такое неприятие объясняется тем, что эти проповеди были политизированы и предполагали обязательное восхваление миротворческих действий советского правительства и критику «поджигателей новой войны». Очевидно, что часть прихожан иркутских храмов придерживалась традиционного для Русской православной церкви мнения, что с амвона должны произноситься в первую очередь духовные, а не политические поучения.

Это, несомненно, чувствовали и рядовые клирики Иркутской епархии, многие из которых не любили и всячески избегали произносить проповеди о борьбе за мир. О таких священниках архиепископ Палладий писал в 1955 г. в одном из обращений к духовенству Иркутской епархии: «Есть среди наших пастырей и немало таких, которые неленостно трудятся в деле проповеди и почти каждый воскресный и праздничный день они поучают свою паству, но почему-то за исключением двух дней в году не обмолвятся они о столь великом и вполне христианском деле, как защита мира, борьба за мир» [25]. Два дня, упоминаемые архиепископом, — это 1 мая и 7 ноября.

Надо сказать, что владыка Палладий не кривил душой, когда произносил патриотические проповеди. Он действительно любил свое Отечество, уважал советское правительство и был признателен ему за благожелательное отношение к Русской православной церкви, признаки которого в середине 1950-х гг. еще не угасли окончательно. Ставясь быть в курсе событий, владыка выписывал и читал периодическую литературу, например: газеты «Восточно-Сибирская правда», «Известия», «Правда», «Литературная газета», журналы «Огонек», «Наука и техника» и др. После запуска первого спутника Земли он проявил интерес к работе расположенного в здании бывшей Троицкой церкви иркутского планетария, который и посетил совместно с духовенством, оставив в книге отзывов запись: «29.10.1957. Сегодня впервые я и мои сослуживцы побывали в планетарии, предупредительный прием администрации и дирекции нас пленили, а данные науки не смущили. Спасибо. Архиепископ Палладий» [26].

До разворачивания антирелигиозной кампании 1958–1964 гг. владыка искренне уважал Н.С. Хрущёва и проявил большой интерес к его докладу «О культе личности и его последствиях». На приеме у Житова 17 апреля 1956 г. архиепископ Палладий «ставил вопрос о возможности чтения доклада т. Хрущева о культе личности для духовенства» [27]. Просьба архиерея не противоречила правилам распространения доклада: согласно постановлению Президиума ЦК КПСС текст доклада в открытой печати не публиковался, но рассыпался партийным организациям с обязанностью ознакомить с ним всех коммунистов и комсомольцев, а также беспартийный актив рабочих, служащих и колхозников. Ответ Житова неизвестен. Несомненно, что доклад первого секретаря ЦК КПСС «О культе личности и его последствиях» взволновал архиепископа Палладия, проведшего в сталинских лагерях тяжелые восемь лет, которые навсегда врезались в его память.

Попутно отметим, что владыка присутствовал на похоронах Сталина, о чем читаем в «Журнале Московской Патриархии»: «8 марта сего года делегация от Русской Православной Церкви, в составе Митрополита Крутицкого и Коломенского Николая, архиепископа Иркутского и Читинского Палладия, архиепископа Одесского и Херсонского Никона, протопресвитера Н.Ф. Колчицкого и сотрудника Московской Патриархии С.И. Филиппова, возложила венок ко гробу почившего Председателя Совета Министров Союза ССР Иосифа Виссарионовича Сталина. После возложения венка Митрополит Николай, архиепископ Палладий, архиепископ Никон и протопресвитер Н.Ф. Колчицкий стояли в почетном карауле у гроба» [28]. По свидетельству бывшего келейника владыки Палладия, а ныне архиепископа Керченского Анатolia (Кузнецова), архиерей оказался в составе делегации случайно: «Владыка прибыл в Москву на синодальную сессию, как временный член Священного Синода, еще до смерти Сталина. Когда Сталин умер, в состав делегации включили тех архиереев, которые были в Москве. Владыка сам потом этому слушаю удивлялся и считал его промыслительным, ведь он 10 лет был на Колыме, а потом стоял у гроба человека, именем которого все это совершилось» [29].

Кстати говоря, были случаи, когда фотоснимок владыки в составе делегации Русской православной церкви на похоронах Сталина помогал клирикам епархии установить нормальные отношения с местными органами власти: сельсоветами, городскими и районными исполнкомами. В частности, протоиерей Михаил Мещеряков, настоятель Богородице-Казанской церкви в Тельме, улаживая в райисполкоме конфликт, возникший в одном из сел, где местные власти препятствовали совершению треб, захватил с собой эту фотографию. Впоследствии о. Михаил описал этот случай в письме к архиепископу Палладию: «...председатель райисполнкома заверил, что теперь подобное недоразумение не повторится. <...> В заключение <...> я преподнес ему фотоснимок — почетный караул от Русской Православной Церкви при гробе Иосифа Виссарионовича Сталина. При этом я сказал: „Нам сибирякам-иркутянам особенно приятно то, что в числе делегации наш Иркутский Архиепископ Палладий“ и показал на карточке Вас. Все с интересом стали рас-

*Архиепископ Палладий (крайний справа) в составе делегации
Русской православной церкви у гроба Сталина. Москва, 8 марта 1953 г.*

Иркутский Знаменский собор в 1950-х гг.

сматривать фотоснимок. При прощании обменялись рукопожатиями. После этого выхожу на автобусную остановку около здания Райисполкома. Автобуса нет. <...> Перед Райисполкомом стоит „бобик“. Выходит к нему председатель Райисполкома. Увидев меня, приглашает: „Вы в Тельму? Садитесь, я довезу Вас — я тоже в Тельму еду“. Дорогой познакомились поближе. Узнали друг у друга имя и отчество. <...> Чувствую, Владыка Святый, так, словно у меня с плеч гора спала. Вы являетесь отчасти источником этой радости» [30].

9 июня 1949 г. года архиепископ Палладий был назначен временно управляющим Хабаровской епархией. К этому времени в Иркутской области действовал всего 21 храм: 15 — в Иркутской области, по 2 — в Читинской области, БМАССР, Якутии. В Хабаровской епархии, куда входили Амурская область, Хабаровский и Приморский края, было открыто десять храмов. Таким образом, Иркутск при владыке Палладии стал административным центром православных общин Восточной Сибири и Дальнего Востока.

В связи с увеличением территории епархии обострились проблемы малочисленности приходов, отделенных друг от друга значительным расстоянием, небольшого охвата населения православной проповедью (в широком понимании слова), нехватки образованного духовенства.

Стараясь сгладить эти проблемы, архиепископ довольно часто совершал визиты в отдаленные приходские общины своей обширной епархии. Раз в год он старался побывать в Хабаровской епархии, а в храмах Иркутской епархии бывал гораздо чаще. После очередного посещения церквей Дальнего Востока в мае–июне 1955 г. у владыки созрело решение добиться организации приходов на Сахалине и Камчатке, где в то время не было ни одного действующего храма.

Начиная с 1940-х гг. православное население Сахалина и Камчатки безуспешно добивалось открытия церквей, неоднократно отправляя ходатайства в разные инстанции. Особенно активно действовали верующие городов Южно-Сахалинска и Александровска, которые просили о передаче им Покровской церкви, но каждый раз они получали отказ, мотивированный отсутствием свободных зданий под церковь.

После того как Сахалинская область в 1947 г. была выделена из состава Хабаровского края, СДРПЦ долгие годы не отправлял туда своего уполномоченного, фактически лишив население острова возможности заявлять о своих религиозных нуждах. В Камчатской области особенно настойчиво просили об открытии храма жители пос. Кихчика [31].

В середине 1950-х гг. для РПЦ сложились относительно благоприятные условия существования. Последовавшая после смерти Сталина борьба за власть не оставляла партийным лидерам возможности заниматься «религиозным вопросом», и церковь на некоторое время получила передышку. Вспоминая об этом времени, архиепископ Брюссельский Василий (Кривошеин) писал: «Это был, пожалуй, самый лучший, но короткий период (может быть, год) в жизни Русской православной церкви после революции, когда ослабел террор, возвращались лагерники, шла десталинизация, но Хрущёв еще не захватил полноты власти и не было признаков нового нажима на Церковь, который появился с новой силой в конце 50-х годов. Настроение в церковных кругах было оптимистическое и бодрое, говорили об открытии новых храмов, семинарий и т. д.» [32].

Решил открыть храмы в Хабаровской епархии и архиепископ Палладий. Очевидно, верующие просили владыку во время его поездок по восточным приходам епархии помочь им с этим делом. Архиерей прекрасно знал, что, согласно советскому законодательству, выступать инициатором создания религиозных общин духовенство не имеет права, но, несмотря на это, он решил отправить на Дальний Восток священника для организации там новых приходов и согласовал это с Патриархом Алексием I, от которого получил необходимые указания.

В сентябре 1955 г. архиепископ Палладий командировал на Сахалин и Камчатку священника Павла Милославова в сопровождении благочинного протоиерея Николая Александровича Пономарёва. В архиерейском указе № 415 от 12 сентября о. Павлу предписывалось: «Во исполнение сего Вам надлежит <...> отбыть на Камчатку и Сахалин через Хабаровск <...> По открытии первого прихода Вы будете назначены настоятелем этого прихода и продолжите дальнейшее оформление приходов» [33]. Как видим, архиепископ оптимистично смотрел на начатое

Владыка Палладий во время богослужения в Иркутском Знаменском соборе

*Владыка Палладий с пономарями и иподиаконами
в Иркутском Знаменском соборе*

мероприятие, ожидая в ближайшее время открытия сразу нескольких храмов в означенных областях.

Иркутский уполномоченный СДРПЦ Иннокентий Житов, не имеющий ничего против этой командировки, выходящей за границы подведомственной ему области, напомнил священникам, чтобы они согласовали маршрут поездки с уполномоченным по Хабаровскому краю, а также являлись в местные советские органы для уведомления и не ставили перед собой задачи скорого открытия церквей, так как это сложный и длительный процесс. Но хабаровский уполномоченный С. Карев, которого, кстати, архиепископ не предупредил о своих планах, воспротивился этому мероприятию, опасаясь усиления религиозной активности населения и стремления верующих открыть храмы. 17 сентября 1955 г. протоиерей Николай Пономарёв телеграммой сообщил архиепископу, что Карев задержал их с о. Павлом в Хабаровске. Вскоре о. Николай по указанию владыки вернулся в Иркутск. А к священнику Павлу, оставшемуся в Хабаровске, приехал представитель группы верующих Сахалина с ходатайством открыть там церковь, для чего имелись необходимые условия: дом для совершения богослужений, а также «двадцатка», церковный совет и ревизионная комиссия. Известно, что в конце сентября о. Павел Милославов все-таки выехал на Сахалин, но миссия его зашла в тупик, и храмы там открыты не были [34].

Об этой инициативе архиепископа Палладия в СДРПЦ узнали в октябре 1955 г., скорее всего, от уполномоченного С. Карева. Но письмо из Совета, датированное 24 октября, пришло в Иркутский облисполком уполномоченному Житову, потому что именно он должен был удержать владыку Палладия от «противоправных» действий. Заместитель председателя СДРПЦ С.К. Бельшев разъяснял, что действия архиепископа противоречили советскому законодательству о культах, так как правящий архиерей мог «направлять священников и выдавать им указы о назначении только в действующие церкви. Специально направлять священников для организации приходов епископ не вправе, так как для этого существует отдельно установленный порядок, когда группа верующих по собственной инициативе возбуждает ходатай-

ство об открытии церкви перед советскими органами, которые рассматривают это ходатайство и, в случае его удовлетворения, регистрируют вновь организованную общину. Только после этого епископ и может назначить туда священника» [35].

Поездка, организованная владыкой Палладием, еще раз свидетельствует о том, что Русская православная церковь проявляла настойчивость в решении своих коренных проблем, иногда идя вразрез с требованиями, предъявляемыми советской властью. Однако архиерею не удалось обойти СДРПЦ, руководство которого было вовремя проинформировано о командировке духовенства на Сахалин и Камчатку и приняло необходимые меры к пресечению организации новых приходов. Количество действующих храмов при архиепископе Палладии не увеличилось.

Не менее актуальной была проблема обеспечения храмов образованным духовенством. Решить ее могло открытие в Сибири духовной семинарии. Это осознавали, наверное, все архиереи, управлявшие епархиями, расположенными в восточной части СССР. Попытку организовать семинарию в Сибири владыка Палладий предпринимал еще до назначения в Иркутск. Известно, что 26–27 февраля 1949 г. он вместе с епископом Семипалатинским Варсонофием прибыл в Новосибирск для хиротонии архимандрита Никандра во епископа Бийского [36]. Иерархи, совместно с архиепископом Новосибирским Варфоломеем (Городцовым), решили просить благословения Патриарха на открытие в Новосибирске духовного учебного заведения для подготовки священнослужителей для сибирских епархий. Очевидно, Патриарх поддержал эту инициативу, но Совет по делам РПЦ не дал ей хода.

Возобновил попытку владыка Палладий в середине 1950-х гг. Будучи в отпуске в Москве, он переговорил с Патриархом и по возвращении в Иркутск в ноябре 1956 г. поставил перед уполномоченным Житовым вопрос об организации духовной семинарии в Иркутске [37]. Но и этому начинанию владыки не суждено было сбыться: и Совет по делам РПЦ, без которого нельзя было решать такие вопросы, и иркутская администрация не могли допустить подобного.

Таким образом, клир сибирских епархий продолжал пополняться за счет принявших священный сан благочестивых мирян, которым, к сожалению, очень недоставало духовных знаний.

И восполнить этот недостаток в то время было практически нечем, кроме общения с представителями старого духовенства, так как книги по богословию, лингвистике, церковному уставу были большой редкостью. С некоторыми мирянами архиепископ Палладий занимался сам, готовя их к принятию сана или к поступлению в семинарию. Среди них был молодой иркутянин Евгений Кузнецов, впоследствии принявший монашеский постриг с именем Анатолий и являющийся ныне архиепископом Керченским, викарием Сурожской епархии Русской православной церкви.

Из основных событий церковно-богослужебной жизни Иркутской епархии при владыке Палладии можно назвать празднование десятилетия патриаршества Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I,

Владыка Палладий с детьми прихожан

прошедшее в Иркутском Знаменском соборе 6 февраля 1955 г.; торжественное богослужение 22 февраля 1955 г. в честь 150-летия прославления Святителя Иннокентия (Кульчицкого), первого епископа Иркутского; а также юбилейное торжество в честь 25-летия архиерейского служения архиепископа Палладия, состоявшееся 14 декабря 1955 г. в Христорождественском соборе Хабаровска [38].

Кроме того, владыка Палладий вскоре по приезде в Иркутск в 1949 г. совершил на территории Знаменского монастыря перезахоронение обретенных несколько ранее останков архиепископа Иркутского Иоанна (Смирнова), занимавшего кафедру с 1916 по 1918 г. Очевидно, владыка Палладий должен был согласовать это мероприятие с иркутским уполномоченным Совета по делам РПЦ И.Ф. Голубевым, который разрешение дал, но только при условии соблюдения строгой секретности о времени и месте захоронения останков. В противном случае могила архиепископа Иоанна неизбежно привлекала бы к себе множество паломников, что Голубев допустить не мог. Поэтому перезахоронение происходило втайне, и даже самые близкие к владыке Палладию люди узнали об этом позже.

Бывший келейник владыки, а ныне архиепископ Анатолий (Кузнецov) сообщил в связи с этим: «...только после того, когда останки Архиепископа Иоанна были уже перезахоронены в Знаменском монастыре в новую могилу рядом с памятником Шелихова, за алтарем Знаменской церкви, и на могиле был установлен деревянный крест, Епископ Палладий пригласил близких из своего окружения людей, клириков и мирян на панихиду на новой могиле Владыки Иоанна. <...> Епископ Палладий <...> лично очень почтит Святителя Иоанна. Как иподиакон Владыки Палладия я жил при нем в Знаменском монастыре и знал четкий распорядок его рабочего дня. Ровно в 7 часов утра, летом и зимой, Владыка Палладий выходил на часовую прогулку. Прогуливаясь по двору Знаменского монастыря, он обычно обходил вокруг церкви и, останавливаясь у новой могилы Владыки Иоанна, некоторое время стоял, погруженный в безмолвную молитву. Людям близким ему он говорил, что перенесение останков Владыки Иоанна в Знаменский монастырь он воспринял как провиденциальное событие в своей жизни, а на могилу Архиепископа Иоан-

У могилы архиепископа Иоанна Смирнова в Иркутском Знаменском соборе. 1949 г.

на смотрел как на явное свидетельство того, что покойный Владыка как бы сам пришел в Знаменский монастырь помочь своему новому собрату епископу в нелегком управлении обширной епархией» [39].

Владыка Палладий был очень деятельным, активным и достаточно строгим и взыскательным архиереем. При нем восстанавливались действующие храмы, увеличился штат духовенства, активизировалась проповедническая деятельность священнослужителей. К сожалению, не все планы архиепископа могли быть воплощены в то время, когда церковь находилась в тисках тоталитарного режима. Но то, что было сделано, верующие воспринимали с благодарностью и любовью к владыке.

Когда в феврале 1958 г. стало известно о переводе архиепископа Палладия в Саратов, очень многие прихожане подписались под обращением к Патриарху с просьбой оставить любимого ими архипастыря в Иркутске. Делегатом от православных иркутян в Московскую патриархию поехал студент Иркутского сельскохозяйственного института Александр Мень, впоследствии ставший знаменитым столичным протоиереем. Он был принят будущим Московским патриархом епископом Пименом (Извековым), который объяснил, что решение о переводе владыки Палладия окончательное и пересмотру не подлежит. Вскоре после этой поездки А. Меня исключили из Иркутского сельхозинститута [40].

26 февраля 1958 г. в Иркутское епархиальное управление пришел патриарший указ от 20 февраля о назначении архиепископа Палладия в Саратовскую епархию. На следующий день владыка подписал циркуляр благочинным Иркутской и Хабаровской епархий, в котором, помимо извещения о своем отъезде, по христианскому обычаю просил у них прощения и давал последние наставления. «Девять лет, проведенные мною на Иркутской кафедре, в общении с Вами, вполне естественно не всегда и не для всех были временем мирных взаимоотношений: были и у нас ошибки, недовольства, недоразумения и прочее, — писал архипастырь. — И теперь, расставаясь, взаимно простим друг другу вольно и невольно содеянные нами прегрешения, о чем прошу и Вас, а через Вас и о.о. настоятелей церквей с их сослуживцами и паствой. И своими молитвами не оставляйте. Оставайтесь с Богом! Полюбите вашего нового Архипастыря, Высокопреосвященнейшего Архиепископа Вениамина, „повинуйтесь ему и будьте покорны, дабы и он проходил свое служение здесь с радостию, а не воздыхая: ибо это для вас неполезно (Евр. 13, 17)“. Всегда „радуйтесь, усовершайтесь, утешайтесь, будьте единомысленны, мирны: и Бог любви и мира будет с Вами (2 Коринф. 13, 11)“. Всегда ходите достойно звания Вашего. Будьте добрыми детьми Церкви и сынами своей Родины, а помня завет Христа — „отдавайте кесарево кесарю и Божие Богу (Лк. 20, 25)“, — всегда добросовестно выполняйте свои обязанности и религиозные, и гражданские. Молитвами Святителей Иркутских Иннокентия и Софрония и всех святых, изряднее же Пречистыя Матери Божией да хранит Вас Бог! Палладий, Архиепископ Саратовский и Вольский, бывший Иркутский и Читинский» [41].

В воскресенье 2 марта 1958 г., в праздник торжества православия, архиепископ Палладий совершил в Иркутском Знаменском кафедральном соборе прощальное

*Архиепископ Палладий
(Шерстенников)*

богослужение. Архиерею сослужили восемь священников и три диакона. После литургии владыка произнес проповедь, в которой призывал паству чаще посещать храм, не забывать Бога, любить и уважать своего нового архипастыря Вениамина. Со словами признательности и благодарности выступили после настоятель Знаменского собора протоиерей Леонид Гребинский и настоятель Крестовоздвиженской церкви протоиерей Николай Пономарёв. Уполномоченный Житов, присутствовавший в храме, записал позже в дневнике: «Был в Знаменском соборе на проводах архиепископа Палладия. Служба длилась с 10 часов до 3 часов 40 минут дня. Храм был переполнен верующими, как на Пасхе. <...> В помещении епархиального управления была скромная трапеза. <...> Я сказал короткое слово, в котором отметил патриотическую деятельность архиепископа Палладия, его точность и требовательность к себе и людям, что он идет в ногу с жизнью, плодотворную работу по благоустройству церквей, проводимую церковную политику в рамках советского законодательства о культурах» [42].

Рано утром 5 марта архиепископ Палладий, провожаемый верующими, выехал поездом в Москву. Прослужив в Саратовской епархии несколько лет, владыка в 1963 г. был перемещен на Орловскую кафедру, а в 1968 г. возведен в сан митрополита. В 1970 г. он участвовал в заседании Св. Синода, обсуждавшего вопрос о даровании автокефалии Североамериканской митрополии.

После смерти митрополита Николая (Ярушевича) владыка Палладий долгое время считался главным кандидатом в Патриархи, в случае кончины Патриарха Алексия. Но когда он в 1970 г. возглавил делегацию Русской православной церкви при поездке в Польшу на торжества интронизации митрополита Варшавского Василия, то в частной беседе с польскими иерархами рассказал им о своем аресте и лагере. Об этом стало известно в Москве, после чего кандидатура митрополита Палладия была отвергнута [43].

Преставился митрополит Палладий 23 апреля 1976 г. в Великую Пятницу. В день Пасхи гроб с телом владыки был поставлен в кафедральном соборе г. Орла, а 27 апреля архиепископ Харьковский Никодим в сослужении духовенства Орловской епархии совершил отпевание. Митрополит Палладий погребен на Крестильном кладбище г. Орла.

Отпевание митрополита Палладия. Орел, 1976 г.

Приложение

Воспоминания о владыке Палладии (Шерстенникове)

Воспоминания Л.И. Колодезниковой

Лариса Иннокентьевна Колодезникова родилась в 1941 г. Ее детство прошло в ограде Иркутского Знаменского собора, в котором с самого открытия в 1945 г. трудилась ее бабушка Анна Константиновна Концевич, происходившая из священнической семьи. Отец Анны Константиновны, Константин Петрович Тихомиров, был иркутским протоиереем и состоял законоучителем в Сиропитательном доме Е. Медведниковой. Муж Анны Константиновны и дед Ларисы Иннокентьевны, о. Михаил Концевич, также был иркутским протоиереем. Обвиняемый в контрреволюционной деятельности, о. Михаил с 1920 г. почти беспрерывно находился в тюрьмах, лагерях и ссылках и в 1938 г. постановлением тройки УНКВД Иркутской области был расстрелян.

Владыка Палладий родился в 17 апреля 1896 г., а день Ангела у него был 10 декабря. Он был арестован и осужден на несколько лет лагерей. Срок отбывал на Колыме. По рассказам Владыки, в лагере он работал на лесоповале. Кормили заключенных очень скучно, и Владыка страдал цингой. Вернулся из лагеря без единого зуба, с переломанными пальцами. Рассказывал, что им всегда очень хотелось есть и они ждали, когда в корыто свиньям выльют корм, который успевали хватать руками. Однажды надзиратель скатил ногой бревно, которым Владыке и раздавило пальцы.

В 1949 г. он приехал в Иркутск и пробыл здесь до весны 1958 г. Для нас это были очень счастливые годы: мое детство прошло в ограде Знаменского монастыря, а Владыка был для нас как родной дедушка. Бабуся наша Анна Константиновна Концевич, принявшая в 1923 г. монашеский постриг с именем Серафима, еще в момент открытия Знаменской церкви в Иркутске работала на разных должностях, в том числе продавала свечи, а потом до 1958 г. была завхозом Архиерейского дома.

Очень часто мы с бабушкой и младшей сестрой Наташой ужинали и завтракали у Архиепископа Палладия. Иногда бывала и Степанида Мироновна Соколова с детьми Ларисой и Колей. Сначала мы читали «Отче наш», потом каждый садился на свое место. Владыка всегда беседовал за столом и вовлекал нас в разговор. Однажды во время завтрака по радио Валентина Сперантова читала рассказ Носова «Мишкина каша». Владыка слушал и смеялся до слез, мы тоже хохотали и дослушали рассказ до конца. Вспоминаю вечера, когда долго сидели у Владыки, слушали пластинки Бернеса, передачи «Театр у микрофона», потом мы шли к бабусе, а Владыка закрывал за нами дверь и шел спать. Владыка очень любил вареное молоко с пенкой, пил с ним чай, а пенки вылавливал. Мою младшую сестру Наташу дразнил, говоря: «Видишь, я ем пенки, и у меня борода растет. Не ешь, а то и у тебя вырастет».

В Архиерейском доме во время Владыки Палладия смотрели фильмы. Сначала это были диафильмы. Потом появился киномеханик, стал показывать настоящие фильмы, научил меня заправлять пленку и включать аппарат, так что я умела это делать довольно хорошо. Пленки на бабинах в железных коробках брали в кинопрокате, где-то рядом с кинотеатром «Художественный». На киносеансы собирались все жители церковного двора. Смотрели самые разные фильмы: «Александр Невский» и даже все четыре серии «Тарзана». Это был трофеинный фильм, там такая природа!

Владыка очень любил прогулки, причем довольно длинные. В любое время — летом и зимой — он часто приходил к нам в гости. Мы жили на улице Крестьянина за мельницей. Дом этот до сих пор стоит в ограде. Зимой Владыка выходил из калитки, которая смотрела на Ангару, и шел по льду: Ангара тогда вставала, было очень холодно. Приходил весь в сосульках на бороде и усах. Подходил к дому,

стучал посохом и говорил: «Принимайте гостя». Снимал пальто, скуфейку, пил чай, отогревался, разговаривал и шел потом снова по Ангаре. Мы шли провожать до льда. Одевался он в подрясник и пальто, на голове скуфейка. Обувался в сапоги, добрые, мягкие, без скрипа, с рантом, а зимой носил на ногах бурки.

Летом Владыка часто прогуливался по саду, в ограде Знаменского собора. Там росло очень много цветов, только георгинов на зиму убирали до 80 штук. За садом ухаживала монахиня Анна, дочь матери Татьяны. Они жили в отдельном доме, где стряпали просфоры. Дом этот был построен при Владыке Палладии. Также при нем подремонтировали всю ограду вокруг соборного двора, построили гараж, хозяйственную и, конечно, отреставрировали сам Знаменский собор. Внизу в Архиерейском доме был открыт свечной завод. Работами по строительству и ремонту руководила инженер Татьяна Павловна.

В доме жили разномастные жильцы. Там, где сейчас находятся архиерейские покой, Владыкой была занята только одна комната, в другой комнате жил отец Анатолий Корнильев со своим дядей. С левой стороны за отдельной дверью были коридор и несколько комнат, одну из них занимала бабуся. Дальше в двух комнатах жила семья, из которой я помню девушку Тамару, она работала продавцом в обувном магазине. Позже людям помогли переехать в другое место, а квартиру переделали под архиерейские покой и канцелярию. Последнюю комнату около Владыки тоже освободили. Раньше там жила семья — дочь и мать, одна из них была портниха Ольга. А после ее занял келейник Архиепископа Петр Михайлович со своим дядькой. После освобождения дома от гражданских жильцов там была сделана перепланировка, провели водяное отопление, а потом на втором этаже появились кухня и ванная комната.

После того как из Богоявленского собора перевезли в Знаменскую церковь гроб Владыки Иоанна (Смирнова), он стоял два дня примерно на том месте, где сейчас находится рака с мощами Святителя Иннокентия. На Архиепископе Иоанне была мантия из тафты фиолетового цвета, а на груди виднелось более яркое место по форме креста. Крест украли при вскрытии места захоронения. Кожа на лице была цвета темно-желтой бумаги, а потом стала осыпаться. Похоронили Владыку Иоанна с правой стороны от памятника Г.И. Шелихова, могила была покрыта дерном и увенчана деревянным крестом. Но примерно через неделю явился представитель советской власти Житов и постановил, что могиле Архиепископа Иоанна нельзя находиться рядом с памятником Шелихову. После этого Владыка Палладий пришел вечером после службы, переживал, молился и решил, что не надо беспокоить итак перезахороненные мощи. И ночью холм и крест перенесли к Никольскому приделу, а могила осталась на прежнем месте. Но никто об этом не знал. Каждый день он рано утром, когда не было посетителей в ограде, ходил к могиле на поклон.

Перед выборами в собор приходили агитаторы и говорили, что надо обязательно принимать участие в голосовании. Как правило, это были учителя. Владыка беседовал с ними, и после этого они уходили в растерянности, говоря: «Что мы можем ему возразить, ведь этот человек знает столько, что мы перед ним первоклассники». Помню, мы ждали Владыку со службы, сидели в фойе Архиерейского дома, а бабуся читала очень толстую книгу. Читала быстро, легко, и видно было, что она заинтересована ею. Пришли две учительницы — агитаторы, приближались очередные выборы. Бабуся ушла в свою комнату за паспортом, и одна из них взяла книгу посмотреть, что же читает бабушка. Это был «Капитал» К. Маркса. Они сказали только: «Кого же здесь агитировать?» Когда бабуся вернулась, учительница спросила: «Вы все понимаете?» Она начала им рассказывать, а те сидели и слушали. Эту книгу читал и Владыка, у них часто бывали дискуссии на разные темы.

Уполномоченный Житов был зануда, очень любил читать нотации. Владыка всегда приходил расстроенный после службы, на которой присутствовал Житов. Если появился уполномоченный — жди неприятностей. Однажды Житов спросил

Владыку, зачем тот привлекает на службу и в алтарь детей школьного возраста. А Владыка ему ответил: «Бог нас рассудит, кто прав». Может, и нельзя было с ним таким тоном говорить, так как Житов был начальством, но Владыка умел в разговоре с ним отстаивать свое мнение.

Совершал богослужения Владыка очень торжественно. По утрам и вечерам, когда он служил, сначала раздавался звон большого колокола: «Бом, бом, бом». Он выходил из дверей дома в рясе, клобуке, с посохом, в сопровождении келейника Петра Михайловича Безродного, и уже под перезвон колоколов, будто говорящих: «Идите к нам, идите к нам!», — размеренным шагом подходил к паперти, а в храме шел до алтаря по расстеленной дорожке. Прихожане встречали его и приветствовали. После службы, когда все приложатся ко кресту, он также возвращался домой, снова под перезвон колоколов. Служил он часто, не только по субботам и воскресеньям.

При Владыке в собор сталоходить заметно больше народа. Очень много стало молодежи, студентов. Помню двух сестер-студенток, одна из них училась в инязе. Они собирались бросить учебу и идти в народ агитировать за веру. Но Владыка Палладий сказал: «Хорошо, веруйте сами, говорите о вере, но учебу не бросайте. Молодежь должна быть образованная». Вообще Владыка был очень прогрессивный. Например, моя мама не хотела, чтобы я вступала в комсомол. Как-то раз Владыка меня спрашивал: «Ну что, в комсомол-то вступила?» Я отвечаю: «Нет, мама не разрешает». Он позвал маму и поговорил с ней. Сказал: «Как она учиться дальше будет? Сейчас такие высокие требования. Зачем ей жизнь ломать?» В итоге я в 16 лет в 9-м классе вступила в комсомол.

На праздники при Владыке Палладии всегда накрывались столы. Старались всех накормить, ребятишкам гостинцев с собой дать. У него широкая душа была. На Рождество, Пасху мы с бабусей были в церкви не до конца службы, т. к. уходили накрывать столы. Они обычно стояли в канцелярии, покрытые белоснежными отглаженными скатертями. Владыка был хлебосольным, очень добрым и щедрым. Помню пасхальную ночь, все пришли из церкви, народу было больше сотни. На столах — красивейшие яйца, их покрасили фотокраской, а когда начали разговаривать, оказалось, что есть их нельзя, т. к. краска прошла насквозь. Владыка выразил неудовольствие, но, к счастью, у бабуси был запас 200 штук яиц, и их в срочном порядке окрасили в луковом пере. Гнев был сменен на милость.

На Рождество, Крещение, Пасху собор был полон народа, люди стояли и на улице. На Крещение всегда был крестный ход на Ангару для освящения воды. Выходили из калитки, смотрящей на реку, дороги там тогда не было. Делали большую прорубь, в которой набирали святую воду. Конечно, тогда было не так много народа на Крещение, как сейчас, когда люди идут и идут за водой. Тогда же гонения были. Нельзя было, например, чтобы в школе видели, что ты носишь крестик. Я всегда носила крестик пристегнутым сбоку на мачечке. И если случался медосмотр, то скорее снимала и прятала его в руку или карман. Однажды я встретилась в храме с одноклассником, которого привела туда тетка. У него родители погибли на войне, а она его воспитывала. Он посмотрел на меня, хихикнул. После службы пошли по домам. Он идет по одной стороне улицы, а я по другой. Идет и на всю улицу поет: «Господи, помилуй». Я говорю: «Не дразнись, налуплю». Подняла мороженый комочек глины и, не целясь, попала в глаз. На следующий день нас учительница поставила друг против друга и спрашивает: «Кто тебя?» «Аксенова». «За что?» «Дразнился». «Как дразнился?» А я ему кулак из-под фартука показываю, чтоб не проговорился. Он промолчал. И больше никто не знал, что я в церковь до 10-го класса ходила, ни директор, ни учителя.

Все прихожане опечалились, когда узнали, что Владыку переводят в Саратов. Даже писали письмо в Патриархию с просьбой оставить его. Сам Владыка с печалью расставался с Иркутском, т. к. знал, что в Саратове очень сложная обстановка. Но и там он быстро привел дела в порядок, он умел руководить. Мы прощались с

Владыкой дома. Он был очень расстроен, старался говорить на отвлеченные темы, а мы плакали.

Воспоминания Ю.В. Колодезникова

Юрий Валентинович Колодезников родился в 1937 г. Когда в конце 1945 г. Знаменский собор вернули верующим, то бабушка привела туда Юрия. Вскоре он стал пономарем, прислуживая в алтаре иркутскому духовенству, а также архиепископам Ювеналию (Килину) и Палладию (Шерстенникова). Дед Юрия Валентиновича, священник Петр Иванович Колодезников, также служил в Иркутске. Известно, что он вошел в список священнослужителей Иркутска, составленный в ноябре 1935 г. архиепископом Павлом (Павловским), в числе заштатного духовенства. В том же списке был упомянут и настоятель Знаменской церкви протоиерей Михаил Концевич.

Меня в Знаменскую церковь привела бабушка еще в 1946 г. Помню, как во дворе еще стояли самолеты, стена Преображенского придела была разобрана, кресты сняты: после закрытия монастыря там размещался Гидроаэропорт. Я стал прислуживать в алтаре при Владыке Ювеналии (Килине), но он пробыл у нас в Иркутске недолго. Был замкнутым, мрачным и никогда с нами, пономарями, не разговаривал.

А потом приехал Владыка Палладий. Он всегда интересовался нами, спрашивал, как дела. Благодаря его расположеннности, доброте это было очень счастливое время. Очень запомнились поездки с ним в отдаленные приходы епархии. Что бы я без него увидел, когда отец мой погиб на фронте, а нас у матери было двое? А это — как отдушина, кусок другой жизни. Мы летали с ним на самолете в Читу, в Улан-Удэ были два раза. Принимали нас везде очень торжественно, храмы были полны народа. Кроме дальних поездок мы выезжали с ним на машине на природу. Где бы я в то время на машине поездил? На природе отдыхали, играли, например, в лапту. Ему подкинешь мяч, а он как поддаст — мяч летит далеко и ровно. После долгих служб я несколько раз ночевал в Архиерейском доме. У Владыки была радиола «Урал», и вечером мы слушали пластинки Шаляпина, Бернеса и другие.

Владыка привлек в алтарь нескольких ребят-школьников. Тогда это, конечно, не приветствовалось. Сестра моя была отличница, а я плоховато учился. Директором 8-й школы на Рабочего Штаба тогда был Яков Абрамович Левин. Он не раз вызывал меня к себе и спрашивал, зачем я хожу в церковь. Мало того, что плохо учусь, еще и службы посещаю.

Записано И.В. Смолиной

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цыпин В. (прот.). История Русской Церкви. 1917–1997 // История Русской церкви: [в 9 т.]. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. Т. 9. С. 617.
2. Архив администрации губернатора Иркутской области. Безномерной фонд. Личное дело архиепископа Палладия (Шерстенникова).
3. Дамаскин (Орловский), иеромонах. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Тверь: Булат, 1999. Кн. 3. С. 336.
4. Там же.
5. Архив администрации губернатора Иркутской области. Безномерной фонд. Личное дело архиепископа Палладия (Шерстенникова).
6. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР [Электронный ресурс] / сост. М.Б. Смирнов. М.: Звенья, 1998. URL: <http://www.memo.ru/history/nkvd/gulag/index.htm>.
7. Белогорский старец схиархимандрит Григорий (Давыдов) [Электронный ресурс] / сост. С. Клюйко, иерей. URL: <http://www.seraphim-rakit.orthodoxy.ru/site/serafim/davidov/davidov3.htm>.
8. ГАИО. Ф. р-2951. Оп. 1. Д. 22. Л. 172, 188 об.
9. Там же. Л. 178.

История

---

10. Шкаровский М.В. Русская Православная церковь при Сталине и Хрущеве: Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2005. С. 342–343.
11. ГАИО. Ф. р-2951. Оп. 1. Д. 14. Л. 148.
12. Цит. по: Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М.: Изд. совет РПЦ, Арефа, 2008. С. 174.
13. Там же. С. 175.
14. ГАИО. Ф. р-2951. Оп. 1. Д. 4. Л. 163, 168.
15. Советская жизнь. 1945–1953 / сост. Е.Ю. Зубкова, Л.П. Кошелева, Г.А. Кузнецова, А.И. Минюк, Л.А. Роговая. М.: РОССПЭН, 2003. С. 539.
16. Архив администрации губернатора Иркутской области. Безномерной фонд. Личное дело архиепископа Палладия (Шерстенникова).
17. ГАИО. Ф. р-2951. Оп. 1. Д. 22. Л. 193, 222, 265.
18. Там же. Л. 265, 266.
19. ГАИО. Ф. р-2951. Оп. 1. Д. 44. Л. 20, 21.
20. Архив администрации губернатора Иркутской области. Безномерной фонд. Личное дело архиепископа Палладия (Шерстенникова).
21. Цит. по: Щипин В. (прот.). Указ. соч. С. 442. Ср.: Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. С. 348.
22. Архив администрации губернатора Иркутской области. Безномерной фонд. Личное дело архиепископа Палладия (Шерстенникова).
23. ГАИО. Ф. р-2951. Оп. 1. Д. 46. Л. 5 об.
24. Там же. Л. 7 об.
25. Архив администрации губернатора Иркутской области. Безномерной фонд. Личное дело архиепископа Палладия (Шерстенникова).
26. Цит. по: Берхина Т.Г. Сохранившие веру. Иркутск: Изд. центр журнала «Сибирь», 2007. С. 324.
27. ГАИО. Ф. р-2951. Оп. 1. Д. 47. Л. 17 об.
28. Журнал Московской Патриархии. 1953. № 3. С. 9.
29. Беседа с архиепископом Керченским Анатолием (Кузнецовым) [Электронный ресурс] // Личный архив автора; То же. URL: <http://irkutsk.orthodoxy.ru/interviju/detail.php?ID=1602>.
30. Берхина Т.Г. Указ. соч. С. 135–136.
31. Чурилина Т.И. Отношения Советского государства и Русской православной церкви на Дальнем Востоке в период 1941–1964 гг.: дис.... канд. ист. наук. Хабаровск, 2006. С. 103, 121.
32. Архиепископ Василий (Кривошеин). Две встречи. Митрополит Николай (Ярушевич), митрополит Никодим (Ротов). СПб.: Сатисъ-Держава, 2003. С. 30.
33. Архив администрации губернатора Иркутской области. Безномерной фонд. Личное дело архиепископа Палладия (Шерстенникова).
34. ГАИО. Ф. р-2951. Оп. 1. Д. 46. Л. 55, 55 об., 64, 68, 71 об.
35. Архив администрации губернатора Иркутской области. Безномерной фонд. Личное дело архиепископа Палладия (Шерстенникова).
36. Журнал Московской Патриархии. 1949. № 3. С. 6.
37. ГАИО. Ф. р-2951. Оп. 1. Д. 47. Л. 35.
38. Журнал Московской Патриархии. 1956. № 2. С. 23.
39. Ганженко Е.В. Тайна старого камня [Электронный ресурс]. URL: <http://irkutsk.orthodoxy.ru/statiji/detail.php?ID=1767>.
40. ГАИО. Ф. р-2951. Оп. 1. Д. 50. Л. 13.
41. Архив администрации губернатора Иркутской области. Безномерной фонд. Личное дело архиепископа Палладия (Шерстенникова).
42. ГАИО. Ф. р-2951. Оп. 1. Д. 50. Л. 12 об., 13.
43. Архиепископ Василий (Кривошеин). Поместный Собор Русской Православной Церкви и избрание Патриарха Пимена. СПб.: Сатисъ-Держава, 2004. С. 163.

Э Т Н О Л О Г И Я

В.В. Ушинецкий

ХОРО И БООТУЛУ В СОСТАВЕ САХА

Трудно изучать происхождение и раннюю этническую историю народа, не имевшего в прошлом своей письменности и государственности, к тому же ныне обитающего за пределами тех областей, куда проникали представители господствовавших в средневековые страны. Только по фольклорным сведениям, по этнонимам, сравнивая их с известными в исторических источниках сведениями о древних племенах, возможно восстановление исторического прошлого такого народа.

Надо напомнить, что участник Камчатской экспедиции Я.И. Линданау, проезжая в 1745 г. через Байкал, увидел укрепления в местности под чисто якутским названием «Кобуолуур». В этой местности некогда проживал родовой владыка Омогой из рода боотулу. Потомки Омогоя и пришельца Эллэя в составе восьми главных якутских родов расселились и проживали на территории Байкала и в соседних с ним степях до тех пор, пока не были оттуда оттеснены кыргысами и монголами. Сначала они давали достойный отпор своим врагам, но потом, когда во времена царствования Баджая — внука Эллэя, слишком обессилили, чтобы успешно противостоять им, Эллэй собрал все племя и спустился вниз по Лене [1]. Как видно, в этническом сознании саха XVIII в. сохранилось предание о том, что их предки рассматривали пребывание на территории Байкальского региона как один из этапов своей истории, наполненный довольно богатыми событиями. Надо полагать, что в формировании народа саха он имел немаловажное значение.

Анализируя старинные фольклорные источники, сохранившиеся в материалах досоветской историографии, можно прийти к мысли, что в этногенезе саха исключительную роль сыграло весьма загадочное батулинское племя. Так, в материалах участников экспедиции И.И. Биллинга говорится о том, что «Омогой-бей, начальник батулинского поколения, пошел с народом своим и с табунами через землю бурятскую... к берегам р. Лены». В 1822 г. на страницах «Северного архива» в статье о якутах также речь идет о переселении батулинского поколения. В обоих материалах говорится о переселении саха из Барабинской степи и присоединении их к хоринцам [2].

В досоветской историографии считалось аксиомой тождество между боотулу и батулинцами в составе бурят, более того, так и писали — батулинцы. В документах XVII в. отмечена Батулинская волость на Средней Лене. Их этническую связь признавали и исследователи советского периода. Нужно указать и на то, что в «акающих» районах вместо «боотулу» принято было говорить «баатылы». Таким образом, батулинцы в этих текстах выступают вроде как южные предки саха. Но в

то же время наличие родов боотулу в составе саха свидетельствует о том, что они являлись лишь одной из составляющих формирующегося этноса.

Надо отметить тот факт, что в документах XVII в. отражена впоследствии исчезнувшая Батулинская волость. Батулинскую волость в документах XVII в. некоторые видят в жексогонцах (таттинцах), но она фигурирует как Ексогонская волость. Б.О. Долгих считал, что она располагалась на территории каптугов, чакыров, хадаров, сулгачинцев и кутдинцев в Батуруссском улусе [3]. Значит, все они были подразделениями батулинцев. К Батулинской волости вошедшего в состав Батурусского улуса С.И. Боло относил наслеги Хадаар, два Чакыра, Хоптого (прежние каптуги-батулинцы), Одьгуулун, Хайахсыт [4].

В то же время предок жексогонцев Кэрэкээн-Ойуун в архивных источниках выведен как один из батулинских родовых тойонов. Возможно, этому фольклорному персонажу соответствует Нарекан Секуев из Батулинской волости. Известно, что в 1640 г. в Амге и Татте проживал Батулинский род (Нарекановы дети). Потомки Кэрэкээнэ основали современный наслег Куннээйи. Их имена — Орукээн, Куннэй, Лээтиэ, Боттокуй — можно найти в документах с 1663 по 1687 г. среди представителей Батулинской волости [5]. Таким образом, одно из крупных подразделений саха — жексогонцы (таттинцы) — также происходит от батулинцев.

На ленском острове Улуу Арьы проживали три соседних рода: баатылы, бахсы и багарах, находившихся в близком родстве и входивших в состав Кангаласского улуса. Именно от них отделились люди Кэрэкээнэ, составившие позднее отдельный Таттинский улус. Часть рода бахсы во главе Кунаагай Огонньор переселилась на территорию современного Чурапчинского района, составив там отдельный род Бахсы [6]. Слово «бахсы» произошло от тюркского слова «бахши» «шаман», а «багарах» означает «глиняный сосуд». Следует заметить, что род со схожим названием бога-ракова существовал среди алтайских телеутов. Название поселка Абага в прежнем Батурусском улусе на территории прежней Батулинской волости наталкивает на мысль о существовании родоплеменных групп абганеров и абга в различных регионах монголоязычного мира. Их название, так же как и якутское, происходит от слова «абга» (дядя) [7].

Прапорителем рода Байагантай в фольклорных текстах иногда выступает Барагай Баатылы, поэтому и байагантайцы могли также быть частью батулинцев. Сын Омогоя Барагай Баатылы иногда считается предком не только Баягантайского, но и Батурусского улуса. Следует подчеркнуть, что среди харганаевской, т. е. батулинской группы родов хори-бурят существовал род мэнгэй, одноименный с крупнейшим племенем саха Мэнэ [8].

Согласно Я.И. Линденеу, и род энсиэли (намцы) происходит от Омогоя, который был из рода боотулу [9]. По данным В.Л. Серошевского, название рода нам происходит от имени старика Нама, давшего начало целому улусу [10]. Действительно, переписью 1642 г. в Намской волости были отмечены родовые тойоны Ибей Намов и Мымах Намов, т. е. сыновья старика Нама. По данным одной генеалогической таблицы, Нам был внуком Омогой Бая, сыном Барагай Баатылы [11]. Поэтому можно выделить тот факт, что слово «нам» в древних и современных монгольских языках означает «низкий, тихий, спокойный» [12].

Согласно Г.Ф. Миллеру, якутов-саха можно подразделить на три группы (по нему — «секты»): 1) батулинцы и хоринцы, почитавшие орла как наивысшее божество, самое близкое к божеству Урун Айыы; 2) намцы и остальные относящиеся к ним «волости», исключая бетунцев, они почитают лебедя так же, как вышеупомянутые — орла; 3) остальные улусы и волости, не относящиеся к двум первым группам, но все же почитающие орла под именем Хомпоруун Хотой [13]. В Намском улусе почитали в качестве высших божеств: Кыыс-хаана — «в образе лебедя», Могол-хаана, Татаар-тайму. К «воздушным божествам» намцев относились

Хоро-тангара, Хотой-тангара — его почитали наамцы только из уважения к бабкам и материам из других улусов, почитавших орла как божество [14].

По информации шамана Сотоя Трекина Баксинской волости Мегинского улуса, к Батулинской «секте» (родовому объединению) относятся: 1) бахсынцы; 2) батулинцы; 3) сыланцы; 4) игидейцы; 5) джохсогонцы; 6) тыарасынцы; 7) оргеты; 8) байагантайцы; все они относятся к особой секте, которая преимущественно называется Батулинской, так как Батулинская волость самая большая из них, и она разделена между тремя улусами, а именно Батуруским, Кангаласским, Мегинским. Сам Г.Ф. Миллер к Батулинской «секте» относил и хоринцев [15].

Батулинцы почитали орла, что роднит их с забайкальскими меркитами: «Предком этого Баатылы была, говорят, птица-орел. Батыlinцы его не убивают и очень чтят. Женщины рода баатылы, если увидят парящего орла, надевали, говорят, ровдужный кафтан, называемый тангалай, почитая его, как невестки своего свекра» [16].

Кроме того, о сыне Омогоя Барагай Баатылы сообщается: «Терпел нищету и питался добычею, которую приносила черная собака». Следовательно, бедность батулинцев и их занятия охотой и рыболовством были ходячей поговоркой [17]. То же сообщается о баягантайцах, возможно, эти два рода одного происхождения. Баягантайцы и батулинцы не поминали в своих молениях Юрюнг Айыы, они не должны были отпускать в свои табуны сплошь белого жеребца, не должны держать веревку «сэлэ» [18]. Наконец, необходимо напомнить, что монголоязычные племена в древности были обитателями лесов, занимавшимися охотой и рыболовством.

Примечательно, что батулинцы, или же боотулу, встречались среди вилюйских и северных саха, однако считается, что они разбежались по окраинам Якутии вследствие ясачного произвола. Название «боотулу» зафиксировано в вилюйских, оленекских, жиганских и усть-янских группах саха [19]. Эгинцы Верхоянского улуса также считаются подразделением батулинцев [20].

В этой связи интерес представляет то, что к приходу русских среди бурят имелись роды под названием «батулинцы». Утверждается, что хоринцы в XIII в. на Монгольском Алтае подчинили и ассимилировали часть тюрков во главе с батулинцами-харганаевцами [21]. Тюркоязычие последних доказывается тем, что одна половина хоринских родов — харганаевцы, судя по названиям родов, в прошлом была тюркского происхождения [22]. Действительно, в русских документах XVII в. на территории Забайкалья упоминаются коринцы и батулинцы. Считается, что название «батулинцы» относится к предкам нынешних кудинских бурят, являющихся одной из ветвей булагатов. Следует указать, что среди кудинских бурят существовали предания и о проживании их предков около Тобольска. Отсюда они направились на восток и переправились через оз. Байкал. При этом большая часть ушла в Монголию, меньшая — в Якутию [23].

Так с каким известным племенем можно отождествить батулинцев, составивших основу якутского этноса и принявших также участие в происхождении западных бурят и забайкальских хоринцев? Сразу внимание обращается на объединение хори-туматов, на тот факт, что туматы и хори были фратриями по отношению друг к другу, как потом батулинцы и хоринское племя, тем более, что батулинцы, по фольклорным источникам, выходцы с Енисея или из Барабинских степей, позже они на Байкале присоединяются к хоринцам.

То, что, по фольклорным источникам, саха, туматы вроде не участвовали в этногенезе саха, более того, являются враждебным, тунгусским племенем, ничего не объясняет, поскольку мы здесь, возможно, сталкиваемся с переходом этнонима на местное,aborигенное племя, как и в случае с именем «хоро». А этнонимы «саха», «ураанхай», «ханалас» связаны как раз с Саяно-Енисейским регионом, откуда вышли туматы.

К тому же тюркоязычные племена туматов археолог В.С. Николаев считает народом, создавшим усть-талькинскую культуру Южного Приангарья XII–XIV вв.,

мигрировавшим в конце XI в. в Прибайкалье с предгорий Саяно-Алтая. В результате проникновения новых племен с юга в начале XV в. происходит вытеснение части туматов в долину среднего течения р. Лены. Оставшиеся в Предбайкалье туматы вошли в состав бурятского этноса [24]. Но основная часть исследователей считает, что туматы во времена монгольских походов обитали в долине Верхнего Енисея [25]. На территории Тувы есть местность Тумат-тайга.

У Рашид-ад-дина имеется отрывок о посыпке четырех тысяч мужей из племен кунгират в область Тумат [26]. Эти кунгираты, или хонхираты, состояли из племен инкирас, каранут, ольхонут, куралас. Хонхиратов иногда связывают с бурятским племенем хонгодор, среди бурят имеется род харанут, название острова Ольхон связывается с именем племени ольхонут. Инкирасы, или икирасы, являются предками бурятского племени эхиритов. Следовательно, здесь мы видим первое известие о проникновении монголоязычных предков бурят на территорию Прибайкалья и завоевании ими страны туматов. В хорлосах (куралас) возможно увидеть предков племени хори-бурят, хотя это представляется довольно спорным. С тех пор предки саха (туматы) и бурят (хонгираты) стали жить вместе, взаимно влияя друг на друга. Завоеватели принесли на территорию Прибайкалья господствующий монгольский язык и, надо полагать, постепенно вытесняли старое население вниз по Лене. Не исключается нами и возможность происхождения этнонима «хангас» от «хонкират»: хангал + якут. оконч. ас — хон (хан) + хоро. Таким образом, хонкираты могли установить господство над аборигенами и в значительной мере смешаться с ними.

Надо отметить, что племя батулинцев в Забайкалье иногда именовалось как батуринское. Поэтому следует обратить внимание на имя одного из четырех древне-ойратских племен домонгольской эпохи — баатут. Термин «багатут» и «баатут» был рассмотрен Б.Я. Владимирцовым. Он считает, что данный этноним происходит от термина «батур» (богатырь). Баатуты отождествляются с княжеским родом ойрат-чорос. На алтайском языке «чор» имеет значение «богатырь, воинственный», на монгольском оно звучит как имя рода «баатуд» или «богатыри». Примечательно, что происхождение рода чорос, как и у хоринцев, связывается с почитанием небесной девы-лебедя.

В составе «средних дурбэн-ойратов» вместе встречаются баргуты, буряты и баатуты. Получается, что в одно время (XIV–XV вв.) буряты (булагаты?) и баргуты (хоринцы?) входили в состав ойратского племени баатут. В этой связи следует привести тот факт, что многие баатуты рассеялись еще во время междоусобной войны Эсэна с баатутским Алаг-чинсаном, большая их часть растворилась среди восточных монголов и ойратских хошунов. Нужно указать, что среди донских калмыков имелись Багутовский аймак или станица Батлаевская [27].

Баатуты и, возможно, идентичные им батулинцы образовались вследствие создания корпуса из пленных татар, кереитов, меркитов и туматов, вынужденных идти впереди основной монгольской армии. Об этом свидетельствует и отрывок из «Сокровенного сказания монголов», говорящий о приказе Чингисхана создать отборный отряд баатуд-богатырей из пленных кереитов во время похода против найман. Возможно, потом в состав батулинцев могли войти и кыпчаки-канглы, посланные на подавление восстания туматов. Ранее мы батулинцев связывали с меркитами. Не отказываемся от этой гипотезы и сейчас. Поскольку меркиты являются потомками милиге, а туматы — дубо, проживавшими ранее в Саянском крае и мигрировавшими потом в район Байкала, то можно предположить, что они представители родственных между собой тюркоязычных племен Байкальского региона, занимавших эти земли вплоть до вытеснения их монголами в начале XIII в.

Из фольклорных записей С.И. Боло следует, что у народа саха были три предка: Эллэй, Омогой и Улуу-Хоро [28]. Русские чиновники И. Эверс и Грановский на основе преданий составили список племен, прибывших на Среднюю Лену. Судя

по нему, первыми прибыли хоро и туматы и только после них саха и ураанхай, затем батулинцы и баягантайцы [29].

О переселении хоролоров идет речь в другом предании: «Человек по имени Улуу Хоро, имевший много людей и скота, появился с востока. Он сам переселялся верхом на быке. Переходя через Алдан, Амгу, Татту, он дал им имя. Остановился в Борогонском улусе, в озере Мюрю» [30]. Согласно этим данным, название р. Таатта происходит от возгласа Улуу Хоро: «Ээт татай». До сих пор слово-оберег «Таттай» сохраняется у хоринцев Забайкалья и произносится с той же интонацией, при крайнем удивлении, радости, ужасе [31].

В материалах участников экспедиции И.И. Биллингса есть сведения о том, что к племени Омогоя потом присоединились буряты-хоринцы. Следовательно, они утверждали, что хоринцы — иноплеменники, которые позже присоединились к якутам-саха и, проживая среди них, долгое время сохраняли свой язык [32]. Таким образом, вхождение хоринцев в состав саха могло происходить еще на территории Забайкалья.

Данное утверждение опирается на фольклорный источник. Хоролоры, возглавляемые Улуу-Хоро и Тыгыном, прибыли с юга и пригнали с собой много коров и лошадей. Они истребили тунгусов и заняли их земли. После этого Тыгын вместе с хоролорами поселился около оз. Ытык-Куол. Разбогатев, он стал расширять свои владения силой. Он впервые дал названия многим местам: Алдану, Амге, Таатте, Вилюю, Яне [33]. В долине Туймаада также раньше жили хоро. Но впоследствии воинственный Тыгын Тойон, убив сильного богатыря рода хоро, занял места, на которых ранее проживали хоро, захватил их богатство и людей и присоединил к себе [34]. Таким образом, вместе с хоролорами прибыл Тыгын — владыка, потом его функции мог взять кангаласский Тыгын.

В XVII в., согласно письменным документам, хоролоры проживали по Амге, Таатте и Алдану [35]. На Алдане имелась Хоринская волость (всего 80 чел.). Вместе с ними в Камнунское зимовье ясак платили также представители бетунцев и батулинцев [36]. В Магасской волости на Алдане между устьями рек Томпо и Уяна и частично в нижнем течении Татты также есть Хоринская волость саха [37].

Хоринцы, проживавшие вокруг оз. Мюрю, были уничтожены кангаласцами, ведомыми сыновьями Тыгына. Однако, по другим данным, Тыгын не смог полностью покорить хоролоров. «Тыгын вел борьбу и с ними, но, говорят, не смог одолеть их. У якутов есть поговорка: «Стал точно хоринским божеством»» [38]. Таким образом, борогонцы являются преемниками и, возможно, прямыми потомками хоролоров. Считать так имеются большие основания. Хоринцы во главе с Сынаах Абыйакаан Тарбыах Тиис проживали рядом с борогонским богатырем Бэрт Хара. Показателен тот факт, что именно Бэрт Хара становится мстителем за гибель хоринцев. По другим данным, он был воспитан Сынаах Абыйыкааном [39]. Согласно И.А. Худякову, он новорожденным ребенком был найден Сынаах Абыйакааном на берегу Лены и затем продан витязю Легою [40].

Есть серьезные основания считать сыном владыки истребленных хоролоров Сынааха Амыыкаана и знаменитого борогонского тойона Легея, в некоторых архивных документах — «Логуя Сигакова» [41], по ясачной книге Парфена Ходырева — «князца Логуя Амуканова сына...». Весьма показательно, что, по мнению историков, уже до русского завоевания сформировались два крупных объединения: кангаласцы во главе с Тыгыном и борогонцы с тойоном Легеем [42]. Более того, Л.Г. Левенталь эти территориальные объединения представлял как феодальные ханства [43]. Таким образом, он считал, что борогонцы и кангаласцы представляли собой две соперничающие племенные группировки или возглавляли субэтносы единого народа. Давняя вражда между ними, чем воспользовались сборщики ясака, позволяет считать, что эти два племени происходили от различных этнических корней.

По Я.И. Линденау, Борогонский улус происходит от сына Эллэя, по имени Боркутай. Этноним «борогон» имеет характерное для эвенкийских родов Вилюя окончание -гон, относимое В.А. Туголуковым к языку монголоязычных туматов. Если убрать окончание -тай, служащее для образования имени, и учесть, что в монгольских языках «о» заменяется на «а», то получится баргу — баргут. Позже баргуты и соседние племена образовали владение Баргуджин-Тукум. По Рашидад-дину, племена хори-тумат, баргу, байаут назывались баргутами, так как жили по ту сторону Селенги [44]. В хоринских легендах отцом родоначальника бурят Буряадая и хори Хоридоя является Барга-батор. Считается, что этноним «баргут» возник от монгольского слова «баргу» — «могучий, богатый». Баргуты отождествляются с «байырку» орхонских надписей и племенем теле «байегу» в «Тан-шу». Слово «байырку» тоже означает «могучий, богатый», но уже в тюркских языках. Баргуты, как ближайшие родственники рода Чингисхана кият-борджигинов по материнской линии, сразу поддержали его и были набраны в гвардию. Поэтому баргуты рассеялись вместе с войсками Чингисхана. Так, племя баргу есть среди киргизов, узбеков, много баргутов среди калмыков. Невыясненным остается время переселение баргутов с Баргузина во Внутреннюю Монголию, где существовал отдельный народ — баргу-бурят.

По бурятским преданиям, предком бурят является Барга-Батор. В некоторых генеалогических легендах саха сыном Эллэя считается Барга-Баатыр [45]. То, что борогонцы были потомками именно баргутов, доказывает наличие в Усть-Алданском улусе, т. е. в бывшем Борогонском улусе, топонимов «Баргыдай», «Баргы». Надо подчеркнуть, что данные топонимы встречаются и на Яне, Ковяи, в наслеге Могуруон Мегино-Кангаласского улуса и на Татте, т. е. в тех местах, где проживали или куда доходили хоро. В наслеге Дьяабыл Мегино-Кангаласского улуса род баргыдай (355 жителей в 1897 г.) проживал вместе с родом хоро [46].

Есть предположение о том, что этноним «баргут» происходит от эвенкийских слов «барги-баргу» — «противоположный» или «баргиган» — «заречный житель», так как баргуты жили по другую сторону Селенги, чем остальные монголы. Следовательно, словом «борогон» могли обозначать «заречных жителей». Например, в XVII в. на левом берегу Енисея проживал эвенкийский род варгаган, или варагон. Интересным представляется и существование баргутов в «Дешт-и-кыпчаке», и то, что среди кыпчаков и ногайцев отмечаются борган-кыпчаки. Этноним «борогон» сопоставляется и с борджигинами, так как у них единый корень «бора/бура» — «серый».

Следует отметить близость материалов из Борогонского улуса о Бэрт Хара к южно-батуруссским преданиям о «волках-бетунцах». Например, в числе предков Бетунского наслега упоминаются братья Тиэтэйбит Боотур и Бэрт Хаара [47]. В некоторых ясачных документах борогонских богачей — Логуй тойона и Онекуй бая — причисляют к Бетунской волости [48].

В учетной книге ясакоплательщиков на Амге отмечены представители хоро, боотулу и туматов. В XVII в., по архивным документам, на территории современного Амгинского улуса располагалась Скороульская или Короуская волость, а рядом с ними — Батулинская волость, т. е. на территории Амгинского улуса совместно проживали батулинцы и хоро. Весьма любопытно, что там имелась группа туматов. Поэтому Г.В. Ксенофонтов даже считал, что в данной волости целиком проживали туматы. Есть мнение, что в некоторых фольклорных источниках амгинских хоро называли бетунцами, батулинцами или же амгинскими борогонцами. Боро-ботунцами в Амгинском улусе называли предков Бетунского, Абагинского и Соморсунского наслегов. Весьма любопытен вывод краеведа М. Алексеева о том, что общим названием бетунцев, боотулу и борогонцев было «хоролор» [49].

Бетунцы проживали и в Намском улусе. Волчьими родами — «боролоохтор» они называли предков наслегов Ботун, Комокон и Тубэ. Наслег под названием Ботун был и на Вилюе [50]. По фольклорному источнику, предки «комоконцев»

были родственны с бетунцами — «бэрт халын, баай аймах дьон» («многочисленный, богатый уус») [51].

К приходу русских воинственные бетунцы составляли одну из крупных «властей», т. е. племен саха. Бетунцы, возможно, имели этническую связь с чиносцами-шоноевцами, потомками легендарного предка всех монголов Буртэ-Чино. Нужно отметить и тот факт, что один из наследников Западно-Кангаласского улуса назывался Бортой. Род борто был у нюрбинских кангаласцев, у колымских кангаласцев также существовал род боро-бортолор [52]. Название рода борто полностью совпадает с именем праотца монгольских ханов Буртэ-чино, что буквально означает «пятнистый волк». Наличие рода с таким названием среди саха доказывает реальное существование племени Буртэ-чино и возможность его обитания на территории Прибайкалья. Здесь же следует сказать, что именно многие представители бетунцев относились к горбоносому типу с сухой, красивой головой, черными большими блестящими глазами [53].

При изучении древних фольклорных источников складывается впечатление, что хоро и боотулу могли быть древними племенами, из которых и произошел народ саха. Так, Г.Ф. Миллер упоминает две «главные секты» — хоринцев и батулинцев, добавляя еще третью — намцев, но кангаласцев как отдельное подразделение его информаторы не упоминали. Более того, именно кангаласцы имели божество Хоротангара — «истинный бог-покровитель кангаласцев» [54]. В этой связи нельзя не отметить близость этнонимов «хангал» + ас и «хангин» в составе добайкальских бурят, связываемых с родом хальбин в составе хоринцев.

К ответвлению хоро можно отнести и намский род уодэй. Подтверждением этого является наличие топонимов «Хоро Уодэй». Например, II Уодэйский наслег называется Хоро Уодэйэ. Уодэйцев можно связать с удуют-меркитами, их имя, вероятно, возникло от названия р. Уды. Говоря о родах северных и центральных (амгинских, намских) саха, следует подчеркнуть один важный момент: тесные отношения между родами боотулу и хоро, этнически связанными с батулинцами и хоринцами в составе бурят. Представляется, что во многом от изучения вопроса происхождения этих племен зависит реальный подход к решению проблемы этногенеза двух братских народов.

Среди саха Крайнего Севера также существовали легенды о народе хоро: «В древности в районе реки Индигирки проживал народ хоро. Говорят, их было такое множество, что невозможно было и сосчитать их. Этот многочисленный народ какими-то судьбами целиком вымер. Они будто бы проживали много раньше чукчей» [55]. Исходя из таких преданий можно предполагать, что ареал обитания хоро охватывал районы Крайнего Севера. Предания подчеркивают древность и многочисленность хоро. Нужно отметить заметное отличие преданий саха о племени хоро среди жителей центральных улусов и жителей северных районов. Например, согласно фольклору северных саха, хоро — вымерший народ, живший в древние времена, по преданиям саха центральных улусов — он переселился с юга и боролся с Тыгыном. Северных хоро можно идентифицировать с юкагирами, которых иногда называли коряками. Об этом свидетельствуют утверждения о глубокой их древности и многочисленности в прошлом, а также мотив вымирания племени от оспы и палеоазиатский культ ворона. Но были ли северные хоро идентичны хоро Центральной Якутии?

По фольклорному источнику, когда предки хоринцев во время наводнения сидели без огня, «прилетел ворон, держа во рту огниво с мешочком для трута, и спустил это хоринцам» [56]. Следует отметить, что хоро поклонялись ворону. Ворон является любимым мифологическим героем палеоазиатских народов. Миры о вороне-первопредке распространены и у североамериканских индейцев. Но данный фольклорный сюжет имеет и южные тюркские и индоевропейские параллели. Например, в легенде древних усуней в китайской и тувинской хрониках встречается

мотив с преподнесением: «Бог послал ворона отнести этой воды в рот человеку, чтобы сделать его бессмертным» [57].

Несовпадение тотемов указывает на то, что у хоролов (почитающих ворона) и хоринцев (издревле почитающих лебедя) разное происхождение [58]. Однако ворона почитают как тотем и монголоязычные, и тюркоязычные племена. Так, название кереитов происходит от тотема хэрээ — в монгольских языках обозначение ворона. Поэтому данный факт роднит якутских хоро с кереитами, а также с монгольскими носителями этнонима «хоро» — хонхиратами — от слова «хон хэрээ» (черный ворон), и входившими в их состав хорласами. А лебедь является священной птицей только среди саяно-алтайских и омонголенных тюрков.

В преданиях саха подчеркивается, что хоро имели иную религию и язык, чем тунгусы и саха. Согласно преданиям, язык у хоро был особенный, никто из посторонних не мог понимать их [59]. Прежде всего, язык хоро был так называемым шаманским языком. Он распадался на язык хоро дикого оленя и язык хоро домашнего оленя. Шаманы во времена С.И. Боло уже не знали первый язык. А в древности было много шаманов, знавших язык хоро дикого оленя. Боло записал несколько слов из языка хоро дикого оленя: «Диэлги-даалгы, Димини-ньиксир, Хоро-дьюотту, Ньюонья-нъагаан!» [60].

Весьма интересно, что найденная Е. Стреловым одежда хоролов не похожа на древнюю якутскую и не имеет ничего общего с одеждой монгольских народов. В то же время она по своему покрою очень напоминает одежду эвенков [61]. Это указывает на то, что хоролоры Якутии не отделились от хоринских бурят, пришедших в XVII в. с территории Маньчжурии, а являются гораздо более ранними выходцами и как эвенки и хори-туматы принадлежали к лесным племенам Баргуджин-Тукума.

Следует отметить, что термин «хор» бытовал у палеазиатских народов, он означал «олень», который почитался как тотем. С обозначением «оленя-хора» исследователи связывают происхождение этнонима «коряк». Самодийцы и эвенки оленя также называли «хор» или «хорра» (ненцы). Исходя из того, что монголы знали эвенков под именем «оротон» (оленевод), предполагается, что более древнее их название — хора (от «оро» — «олень») [62]. Этноним «хор» встречается и у удэгейцев.

Шаман хоро не имел права присутствовать на высыахе, отсюда можно сделать вывод о том, что с хоро связан культ «черных божеств». Об этом говорит то, что при камлании белого шамана шаман хоро обычно прятался, укрывшись тремя бестиями коробками [63]. Действительно, в терминах якутского шаманства преобладают слова монгольского происхождения. Весьма характерно и то, что, по мнению Г.В. Ксенофонтова, саха относились к черным шаманам неприязненно, смотрели на них как на служителей скверной профессии, чуждой исконным обычаям народа.

В Усть-Янском и Борогонском улусах был род нохой. Слово «нохой» в монгольском языке означает «собака». В состав эхирит-булагатов вошли нохой-уруки, отделившиеся от галзутов [64]. По бурятской легенде, их предок ходил далеко на север, где жил с собакой. Род с самоназванием «собака» входил в состав двух групп хори-бурят. Согласно якутскому преданию, в древние времена люди вышли на Яну из Баянтайского улуса. Когда они преодолевали горные хребты, впереди у них шла собака [65].

По фольклорным данным, янские саха произошли от сына Омогоя Дайбаахы Хара. По его просьбе бог-орел Хомпорой Айы спустил ему с неба белую собаку, чтобы он с ее помощью добывал себе пропитание. По бурятскому же преданию, предок хори-бурят Хоредой-мэргэн двинулся в Якутию. Ему было предсказано: «Ты будешь царем здешних мест! Твое счастье здесь!» Там он женился на дочери неба, охотился на зверей. Но вскоре двинулся обратно на Байкал. Легендарный предок всех бурят Барга-Батор также побывал в Якутии. По версии бурятского предания, записанного М.Н. Хангаловым, оз. Садамтын-саган, где купаются лебеди-девы, на-

ходится в низовьях р. Лены в Якутии [66]. О чем говорят подобные предания? О том, что обитатели Забайкалья хоро и баргуты прекрасно знали Якутию, когда-то бывали в ней.

В языке северных саха Г.В. Ксенофонтов обнаружил монгольские слова, неизвестные южным скотоводам — саха. При этом, по его описанию, обряды якутов-оленеводов Севера в точности совпадали с некоторыми обрядами северобайкальских бурят [67]. Можно предположить, что роды северных саха, платившие ясак в Верхоянском и Жиганском зимовьях, в первой половине XVII в., вероятно, принадлежали к хоро. Это роды байдунцев, юсальцев и эгинцев. И.А. Худяков в Верхоянском улусе записал предание «Хоро (прапородители якутов)». В нем рассказывается о войне между хоринцами и эгинцами, вспыхнувшей из-за калыма [68]. Следует напомнить, что, по Б.О. Долгих, эгинцы отпочковались от центральноякутских боотулу или же батулинцев. Как показывает топонимика, байдунцы являются выходцами с территории современного Усть-Алданского улуса. Например, в Тулэхском наслеге имелся «богатый род байды». На Яне бытовала пословица: «Байды тыллаах эрдэххэ» — «Когда имели язык байды» [69]. Весьма любопытно и то, что Ц.Б. Цыдендамбаев приближал имя рода байды к названию хоринского рода байтай [70].

Весьма интересен вывод В.М. Ионова о том, что нельзя противопоставлять каких-то урянхайцев и хоринцев: якуты из рода хоро — такие же ураанхай-саха, как и другие. Орел, как и другие перелетные птицы, прилетает из земли Хоро (Хоро сирэ), которую в песнях называют еще «Кус Хоро сирэ». Хомпоруун Хотой Айыы — имя духа, почитаемого представителями аристократии саха в качестве отдаленного предка. Этот дух, по воззрениям якутов, имеет обыкновение вселяться в темно-серого орла и показываться своим потомкам. С табуированием связывается то, что вместо «хотой танаалаах» или «хотой торуттээх» — «имеющий покровителем орла» или «происшедший от орла», говорят еще «хоро танаалаах» или «хоро торуттээх» — «имеющий покровителем хоро» или «происшедший от хоро», причем «хоро» употребляется вместо «хотой» из предосторожности (харыстаан) [71].

По материалам В.М. Ионова, «хоро» на языке саха означает: 1) юг, южный; 2) название орлиного божества; 3) название родов. Приводимое выражение он переводит таким образом: 1) настоящие южные люди; 2) южные орлиного божества люди; 3) исконные хоринские люди. Приводимое выражение звучит так: Хоротун Хоро люди [72].

Впервые о хори-туматах упоминается в «Сокровенном сказании монголов», где говорится о том, что Добун-мэргэн, кочевавший у Бурхан-Халдуна, встретился с людьми из племени хори-туматов и взял замуж дочь их предводителя Хоридоя, который до этого отделился от своих сородичей в отдельный род хорилар. Отсюда следует, что хори выделились из состава племени тумат (дубо), обитавшего по Саянам, которых считают отуреченными самодийцами. Напрашивается вывод, что в эпизоде супружеского союза Добу-Мэргэнэ и Алан-Гоа закодирован результат этнического процесса породнения буртэ-чиносцев с хоринцами и баргутами. Примечательно, что Алан-Гоа из племени хорилар считается прародительницей всех монголов.

Весьма интересно, что, согласно Рашид-ад-дину, Алан-Гоа была из племени куралас, что подразумевает идентичность их с хориларами из «Сокровенного сказания монголов». От корня «хор-хоро» происходят и другие монгольские племенные названия (хори, хорчин, хурумши, хорлос, хорхон) [73]. На основе фольклорных источников можно предположить, что предки саха всех монголоязычных соседей могли знать под именем «хоро». Встречается утверждение, что «хор» является наименованием древних протомонгольских племен сяньби, расселившихся от Прибайкалья до Восточной Монголии [74]. Но китайские источники предками шивеев (протомонголов) называют динлинов.

Если проследить распространение этнонима «хор», то можно увидеть, что он встречается от Енисея до Амура. Надо отметить, что в алтайском, тувинском, хакасском и киргизском языках имеется слово «хор» (кор), обозначающее народные массы. Самоназванием средневековой хакасской народности, потомков динлинов, смешавшихся с гяньгунь-кыргызами, в исторических преданиях выступает этноним «хорай», «хорий» и «хори» [75]. Согласно историческим преданиям, хорайский (хонгоройский) народ происходил от кыргызов, которые были среди них элитарной группой.

Общие выводы:

1. В этногенезе саха основную роль сыграли племена хоро и боотулу, связанные с хоринцами и батулинцами в их составе.
2. Батулинцы в составе бурят и саха представляются потомками туматов, проживавших в Прибайкалье, с ними связывают усть-талькинскую археологическую культуру XII–XIV вв.
3. Хори (хоро) и туматы были фратриями по отношению друг к другу, как и батулинцы и хоринцы, и относились к двум частям единого племени.
4. Курыканы (гулиганы), как и кураласы (хорласы), а также керейты и хорайцы (хонгорайцы), возможно, являются потомками динлинов, народа угро-финского или индоевропейского происхождения, именовавшихся хор-хори.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Линденау Я.И. Описание Сибири. Магадан, 1983. С. 176.
2. Гоголев А.И. Якуты: (Проблемы этногенеза и формирования культуры). Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993. С. 117.
3. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 365.
4. Там же. С. 328.
5. Боло С.И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену: (По преданиям якутов бывшего Якутского округа). Якутск: Нац. кн. изд-во «Бичик», 1994. С. 309.
6. Там же. С. 268–270.
7. Эрдниев У.Э. Калмыки: историко-этнографические очерки. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1980. С. 62.
8. Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972. С. 205.
9. Линденау Я.И. Указ. соч. С. 21.
10. Серошевский В.Л. Якуты: Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М., 1993. С. 434–435.
11. Исторические предания и рассказы якутов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Ч. I. С. 88.
12. Иванов М.С. Улуустар ааттара (Названия улусов). Якутск: Кн. изд-во, 2001. С. 89.
13. Элерт А.Х. Новые материалы о пантеоне якутских божеств и духов в первой половине XVIII века (статья первая) // Общественное сознание и литература XVI–XX вв: сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. С. 112–113.
14. Там же. С. 119.
15. Там же. С. 112–113.
16. Исторические предания и рассказы якутов. С. 63.
17. Ксенофонтов Г.В. Ураангхай-сахалар: Очерки по древней истории якутов. Якутск: Нац. изд-во РС (Я), 1992. Т. I, кн. 1. С. 166.
18. Ксенофонтов Г.В. Эллэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. Новосибирск: Наука, 1977. С. 28.
19. Васильев Ф.Ф. Военное дело якутов. Якутск: Нац. кн. изд-во «Бичик», 1995. С. 31.
20. Долгих Б.О. Указ. соч. С. 376, 463.
21. Цыдендамбаев Ц.Б. Указ. соч. С. 227.
22. Там же.
23. Румянцев Г.Н. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ, 1962. С. 164.
24. Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках. Усть-Талькинская культура. Владивосток; Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2004. С. 158.
25. Зориктуев Б.Р. Прибайкалье в середине VI – начале XVII вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. С. 45.
26. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. I, кн. I. С. 162.
27. Эрдниев У.Э. Указ. соч. С. 56.
28. Боло С.И. Указ. соч. С. 128.

29. Иванов М.С. Топонимика Якутии: (краткий научно-популярный очерк). Якутск: Кн. изд-во, 1985. С. 27.
30. Исторические предания и рассказы якутов. С. 41.
31. Дугаров Д.С. Исторические корни белого шаманства на материале обрядового фольклора бурят. М., 1991. С. 251.
32. Гоголев А.И. Указ. соч. С. 117.
33. Боло С.И. Указ. соч. С. 41.
34. Там же. С. 233.
35. Иванов М.С. Дойду сурахтаах, алаас ааттаах (Топонимы Якутии). Якутск: Кн. изд-во, 1982. С. 126.
36. Долгих Б.О. Указ. соч. С. 498.
37. Там же. С. 365.
38. Ксенофонтов Г.В. Эллэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. С. 65.
39. Иванов М.С. Топонимика Якутии. С. 27.
40. Носов М.М. Предки якутов по преданиям потомков // Сборник трудов исследовательского общества «Саха кэскилэ». Якутск, 1926. Вып. 3. С. 42.
41. Материалы по истории Якутии XVII века. М., 1970. Ч. 1. С. 13.
42. Токарев С.А. Очерк истории якутского народа. М.: Гос. социал-экон. изд-во, 1940. С. 43; Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVII – сер. XIX в.). М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 110.
43. Павлинов Д.Н., Виташевский Н.А., Левенталь Л.Г. Материалы по обычному праву и общественному быту якутов. Л., 1929. С. 242–243.
44. Рашид-ад-дин. Указ. соч. С. 121, 150.
45. Ксенофонтов Г.В. Эллэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. С. 128.
46. Иванов М.С. Ис иһигэр киирдэххэ (Размышления об истоках языка). Якутск: Кн. изд-во, 1988. С. 100–101.
47. Борисов А.А. Якутские улусы в эпоху Тыгына. Якутск: Нац. кн. изд-во «Бичик», 1997. С. 86.
48. Петухова З.И., Васильев Ю.И. Логой Тойон // Илин. 1998. № 1. С. 2–7.
49. Алексеев М. Ааттаммат айан аартыга // Илин. 2001. № 2. С. 23–25.
50. Боло С.И. Указ. соч. С. 308.
51. Борисов А.А. Указ. соч. С. 106.
52. Иванов М.С. Дойду сурахтаах, алаас ааттаах. С. 49–50.
53. Серошевский В.Л. Указ. соч. С. 235.
54. Элерт А.Х. Указ. соч. С. 115.
55. Ксенофонтов Г.В. Ураангхай-сахалар: Очерки по древней истории якутов. С. 58.
56. Ксенофонтов Г.В. Эллэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. С. 84.
57. Потанин Г.Н. Очерки северо-западной Монголии. СПб., 1879. Т. IV. С. 211.
58. Зорикуев Б.Р. Указ. соч. С. 49.
59. Ксенофонтов Г.В. Эллэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. С. 158.
60. Боло С.И. Указ. соч. С. 207.
61. Зорикуев Б.Р. Указ. соч. С. 51.
62. Дугаров Р.Н. Об этониме хор (хури) // Монголо-бурятские этнонимы: сб. ст. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1996. С. 51–54.
63. Ксенофонтов Г.В. Шаманизм: Избранные труды. Якутск: Твор.-произв. фирма «Север-Юг», 1992. С. 203–213.
64. Цыдендамбаев Ц.Б. Указ. соч. С. 147.
65. Иванов М.С. Дойду сурахтаах, алаас ааттаах. С. 64.
66. Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ, 1958. Т. I. С. 25.
67. Ксенофонтов Г.В. Ураангхай-сахалар: Очерки по древней истории якутов. С. 242.
68. Худяков И.А. Верхоянский сборник // Записки ВСОИРГО. Иркутск, 1890. Т. 1, вып. 3. С. 54–58.
69. Иванов М.С. Ис иһигэр киирдэххэ (Размышления об истоках языка). С. 117.
70. Цыдендамбаев Ц.Б. Указ. соч. С. 202.
71. Ионов В.М. Орел по воззрениям якутов // Сборник МАЭ. Ч. XIII. 1912. СПб., 1913.
72. Ионов В.М. Материалы к верованиям Саха // Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 22. Оп. 1. Д. 47.
73. Румянцев Г.Н. Указ. соч. С. 126–127.
74. Там же. С. 126–128.
75. Васильев Ф.Ф. Указ. соч. С. 28.

A.I. Шинковой

МОНДАРГОЙ, ИЛИ САЯНЫ

По старым словам можно восстановить старую культуру.

А. Иванченко

Сибирская земля хранит еще много тайн, способных прояснить вопросы отечественной истории. Отдельные пласти прошлого вскрывает археология. Но и язык наш есть самая древняя археология памяти. Слово в нем играет первостепенную роль. Старые слова содержат в себе завуалированную формулу глубокого смысла, лишь со временем утратившую свое изначально понятийное значение. Однажды раскрыв корневую основу вышедшего из употребления слова, можно подтвердить или опровергнуть отдельные события далекого прошлого.

Корневая основа некоторых слов занимала многих исследователей, в том числе народного писателя Бурятии А.Л. Ангархаева, когда тот писал о прошлом своего народа. О его книге «Происхождение монгольских народов в свете мифо-поэтических традиций Центральной Азии», изданной в Улан-Удэ в 2005 г., рецензенты писали, что автор обратился к «одной из актуальных, совершенно не изученных, потому весьма сложных и спорных тем, которая вызывает исключительно большой научный интерес...» [1]. А в такой публикации А.Л. Ангархаева, как «Взгляд в глубь веков», автора, кроме монгольской истории, занимал вопрос о происхождении этнонима «монгол». Писатель сделал попытку проследить истоки происхождения этого термина, давшего имя народу. При этом рассматривалась версия, предложенная еще Доржи Банзаровым в XIX в. Первый бурятский ученый выделял в слове две составляющие: «мон» и «гол», тем самым полагая, что имя «монгол» взято от названия реки Мон [2].

Обращаясь к этимологии слова «монгол», Д. Банзаров отказался от версии, якобы исходящей от самого Чингисхана, который положил начало имени «монгол» от корня «монг» — «строптивый», «дерзкий», а также от версии мусульманских историков, которые произвели его от корня «мунг» в значении «слабый», «печальный». Такие противоречивые суждения о словах с одним корнем не удовлетворили Банзарова. Главным образом потому, что «по свойству самого языка монголов не могло их имя произойти от этого корня», писал он [3].

Однако сопоставление показывает, что в имени «Россия» есть частичка само-название россов-руссов от реки Рось. Так же, подобным образом, могло произойти имя монгольского народа и страны. Но, как показало дальнейшее исследование А.Л. Ангархаева, выдвинутая до него версия не нашла подтверждения географически и гидронима «Мон» не выявилось. Нами также на картах не обнаружено р. Мон, лишь в Якутии течет р. Муна, левый приток р. Лены. Даже если учесть, что по-старомонгольски «о» и «у» писались одной и той же буквой (мунгалы — монголы) и не исключена их взаимозаменяемость, все равно исторически связать как-то местонахождение северной реки с именем народа Центральной Азии даже гипотетически сложно. Ведь необходимо будет дать исчерпывающее обоснование, не противоречащее современной научной мысли. Правда, история знает случай, когда в имени булгар произошла замена буквы «у» на «о» и те стали болгарами, найдя себе новую родину среди балканских иллирийцев [4]. Подобную же замену букв наблюдаем в говоре в черниговской и в новгородской, т. е. в южной и северной, речи («конь» — «кунь», «хозяин» — «хузянин») [5].

Ссылаясь на упоминания в китайских хрониках, исследователи приводили разные факты и эпизоды истории, откуда мог произойти этноним «монгол». Чтобы

увязать рассматриваемое понятие с конкретной географической местностью или племенем, высказывалось мнение, что «китайская транскрипция слова „монгол“ — буквально означает „получивший древнее“» [6]. Но древнее кого или чего? Если бы это было понятно, то такая мысль уже давно бы обратилась в аксиому. Однако так как этого не произошло, продолжают встречаться варианты происхождения термина «монгол». Его связывают то с киданями, земли которых доходили до владений Мэнгули, то с племенем мэн-у-ши-вэй (монголы-шивэйцы Танского периода), то со словом «монгус» (мэн-гу-сы) — с одной из китайских транскрипций этнонима «монгол» и т. п. Вероятнее всего, этноним «монгол» — топонимического происхождения, впервые встречался также в формах — «мэн-гу», «мэн-ва», «мэн-гу-ли» в китайских хрониках VII—X вв. [7]. Некоторые русские и японские ученые убеждены в том, что по берегам Амура жили су-монголы — водяные монголы [8]. Выходит, что лингвистическая природа происхождения термина «монгол» так запутана, что и до сих пор не имеет у историков твердой фиксации.

Однако оставим вопрос о термине «монгол». Не обнаружив гидронима с первым слогом «мон» в этнониме «монгол», А.Л. Ангархаев обратился к забайкальским достопримечательностям — трем горам с именем Мон. Одна гора Мон-хан (Царь-Гора) — находится на северном берегу Желтой реки (Хуанхэ) в Южной Монголии. Две другие горы — в Тункинском районе: гора Мон у с. Монды и местности Мон, что, по существу, на монгольской границе, и около с. Зун-Мурин. Ангархаев пишет, что «Монды — искаженное русское от „Мондо“ — Мондо ошожо ябанаб, Мондо ажануунаб (еду в Мон, живу в Мон)» [9]. Исследовательница восточных стран Александра Викторовна Потанина также называла местность Мон, «где живут русские буряты; реки отсюда уже текут в р. Иркут» [10].

Но так ли сильно русские исказили название села Монды? Может быть, слог «мон», этот топоним, искомый как гидроним и выявленный в названиях гор, населенного пункта и местности, является лишь производным от другого, давно вышедшего из употребления слова? В нашем понимании слова «Монды» и «Мондо» есть суть слова «Мондаргой» или «Мондоргой», так в древности назывались Саянские горы. Так как русские вместо открытого «о» слышат обыкновенно «а», то второй вариант прочтения слова не подлежит никакому сомнению. Оба варианта написания слова приемлемы в том смысле, что дают схожее прочтение аббревиатуры слова, когда-то записанного на слух.

Сразу же отметим, слово «Мондаргой» — не монгольского и не тюркского происхождения, как это представляется А.Л. Ангархаеву, когда он пишет, что старое название Саян «Мундаргой» (Мондарга) происходит от тюркского слова «мон-даг», т. е. дословно «гора + гора», с чем соглашаются его рецензенты [11]. Ангархаев выводит это слово из древнетюркского языка, на котором Саяны еще называли — Когмен — Кокмон — Кон — Мон — Синяя гора; «мун» — «мон» — «гора» (туркск.) в слове «Мундарга» (Мондарга), где «дарга» — «ноён, начальник». «Гора-начальник (мон дарга) — в смысле самые высокие (высшие) горы». Он же сопоставляет слова тюрко-монгольские: «хада уула» (мон-даг) в значении «гора». Желая точнее объяснить значение слова «Мондарга», Ангархаев использует ирано-таджикский язык, в котором находит слово «кугмон» (куг — гора) и т. п. [12]. Добавим, что в Минусинском крае коренные жители Саянские горы называли татарским словом «Ахтаскыль», т. е. Белогорье, из-за почти постоянного снега на них [13]. Впрочем, подобные перечисления не прибавят сведений к происхождению древнего термина «Мондаргой».

Если А.Л. Ангархаев указывает на языковые параллели, близкие по смысловому значению, то в этой связи следует добавить наблюдаемую общую тенденцию в области языкоznания монголоидной расы. Последние наработки лингвистов, изучавших алтайские языки, позволили им выдвинуть гипотезу о существовании некоего родства тюркских, монгольских (включая бурятский) и тунгусо-маньчжурских языков. Несмотря на критику этой гипотезы, она имеет вполне серьезное основание.

Авторы гипотезы еще более усилили свою позицию, когда алтайскую группу языков стали сопоставлять с лексическим материалом японского (рюкюская группа) и корейского языков, найдя в том основательный аргумент для отстаивания выдвинутой ими научной гипотезы [14].

Не есть ли это сходство лексических оборотов речи отражение сходства не менее древних форм основополагающего языка? Еще недавно в Европе было широко распространено положение, что лишь древнеиндийские языки достойны быть предметом научного изучения. Другие, мол, языки современной Индии являются не более чем диалектами санскрита [15]. Может, действительно древнеиндоевропейская группа языков в состоянии существенней прояснить вопрос происхождения слова «Мондартой»? Но как быть, если горы Мондартой упоминаются в шаманской мифологии бурят: «Из девяносто девяти „Мундарга“ — горных высот девять — родители цари, а девяносто рассматриваются на земле как цари — владыки этих высот» [16]. Все это может статься отзвуком более далеких событий, лишь впоследствии мифологизированных народом. Скажем, в шаманской же мифологии посланцами небожителей тэнгэринов, кстати, вошедших в данный пантеон позже XVII в. [17], на земле были их дети — хаты, домом которых считались вершины гор. Как в древнеславянской народной космогонии демонический локус посредством гор соединяет небо, землю и «тот свет» [18], точно так же небесные духи-хаты стали посредниками между богами и людьми. Однако А.Л. Ангархаев упомянул, что словосочетание «хада уула» (мон-даг) в тюрко-монгольских языках — «гора». Тогда нужно сказать, что задолго до тюрков и монголов слово «хада» применяли жители Древней Индии в значении «хатаранта» — «четырехконечная» или «квадратная». Они представляли свою страну Срединной и под небесной сферой. Затем китайцы «подметили» землю квадратной, находящейся под Тянься — Поднебесной, другие же страны расположились по углам квадрата. Отсюда китайское Чжунго — Срединное государство. Не случайно китайцы ввели, начиная с эпохи Борющихся царств, особенно при династии Чжоу, в обращение круглые монеты «баньлян» с квадратным отверстием в центре [19]. На происхождение своеобразной формы монет повлияла китайская натурфилософия с ее положением о круглом небе и квадратной земле. То же в период средневековья проделали с деньгами японцы, чье мировоззрение во многом формировалось под влиянием китайской культуры. Ламаистские дацаны и культовые сооружения, будь те тибетского, китайского или смешанного типа, в своем большинстве по плану квадратные. Древнее слово «хатаранта» — «квадратная земля» — трансформировалось в европейские языки в более широком значении. У южных славян «хата» — «дом». Вторая часть слова «хатаранта» — «ранта» — угадывается в немецком *rente* — рента, той же земли, и во французском *рантье*.

Влияние индоевропейской культуры, как и арийской, на евразийские народы и континент очевидно. Ученые могут лишь предполагать, откуда пришли арии в ту же Индию. Из Сибири или с Поволжья? Некоторые индусы называют Арктику [20]. Родина арийцев, вероятно, во Внутренней Азии или где-нибудь в приполярных широтах. В древних сочинениях брахманов говорится о счастливой земле Нурегбория — гипербореицев (*Ussarakuru* — собственно, северные куру), иначе — первые арийцы в Индии [21]. Уже найдены следы пребывания ариев в Сибири. Достаточно напомнить об Аркаиме (Челябинская область) со значительным числом артефактов [22], чей возраст, по последним данным, исчисляется в 4 800 лет, что намного больше возраста английского Стоунхенджа. Там же, на Южном Урале, раскопаны поселения Куйсак и Аланды (XVIII–XVI вв. до н. э.), обитатели которых принадлежали к европеоидному антропологическому типу. Но многие ли знают об Аркаиме, как знают о Стоунхендже? На отечественную историю по-прежнему смотрят как на инструмент политики, и многие факты, связанные с сибирским прошлым, скромно умалчиваются. Мы всё боимся кого-то обидеть. Между тем великую историю земли нашей расщепляют на части. Поэтому пробелы и в отечественной истории, и в топо-

нимике очевидны. Так, в учебном пособии «История земли Иркутской» приводятся слова, необоснованно отнесенные по происхождению то к эвенкийскому языку, то к бурятскому. Например, к эвенкийскому языку отнесено слово «Анга», тогда как словообразующее «Анг» встречаем в родственном русскому санскритском языке в слове «Angiras» — «вестник». Древние персы применяли слово «Ангары» в значении «извещать», и относилось оно к конным гонцам со времени Дария [23]. «Анг» содержится в фамилии «Ангархаев». Приводится в учебном пособии также как утверждавшееся из бурятского языка слово «Аларь» [24]. Интересно, Арь (Ahr), приток Рейна, буряты назвали? Или же все-таки в той земле оставили след северогерманские славяне, как и величайшее свое святилище, храм Свантевита, что на острове Рюген в Балтийском море? [25]. Просто диву даешься, как скоро сибирские народы, выйдя из лона природы, не имея письменности, стали фиксировать из устной речи и памяти поколений географические названия в транскрипции родного языка. Впрочем, здесь им медвежью услугу не могли не оказать русские, занятые научной разработкой истории быта кочующих народов Сибири. Примеров тому можно привести немало. Правда, нужно оговорить тот факт, что с XVIII в. во многом отечественную историю осмысливали за нас иностранные историки, прежде всего немецкие. Не обошлось без переделок на греческий, латинский, германский и скандинавский исковерканных славянских слов: Ярослав — Larysleif, Святослав — Sfendoslaf, славяне — stavani, suoveni, seklab. Греческие писатели называли славян склавенами, сирийские же удержали это название, транскрибируя его с дополнительным алефом впереди трех согласных esklabine. Те же немцы особо не задавались целью досконально изучить Россию, фиксировали на свой лад географические названия местностей и топонимы. Немецкий историк Христиани, современник Шлётцера, писал: «В России имеются три породы лошадей: конь, лошадь и кляча» или «В России зимою нагревают воздух разложением огня на улицах». Разве после этого не можем понять, «как судили о русской истории и Байер, Мюллер и Шлётцер, не знавшие основательно ни языка русского народа, ни обрядов и обычаев, ни характера его в самом ядре населения» [26]. Цитаты приведены из книги московского профессора Классена, внука Радоцвета Лукомысла с Богуславщины, которого общинники с Надросья снарядили к императрице Екатерине II за грамотой, указав ему в сопроводительной бумаге фамилию Григоренко, так, мол, для столичных столоначальников будет понятней, чем настоящее имя, дохристианское. В Петербурге же чиновники канцелярии из немцев, вместо того чтобы записать «по такому-то классу Григоренко оставить при дипломатическом ведомстве, как знающего ряд европейских языков», в паспорт вписали «Классен» [27]. Тут невольно припомнить А.С. Грибоедова: «Избавимся ль когда от чужевластья мод, чтоб добрый русский наш народ хотя б по языку нас не считал за немцев?».

Если и впредь будем опускать пласти отечественной истории, то от нее мало что и останется. То же самое касается образного великорусского языка. За последние столетия русский язык сильно изменился, и не в лучшую сторону. К чему это может привести, думаю, понятно. Объявлен же санскрит языком мертвым, хотя он употреблялся в индийской литературе вплоть до XIX в. [28]. И ныне по-прежнему обращаются к нему ученые, поэты, священнослужители. В своей аббревиатуре санскрит (правильнее «camskr̥t») остается «самым скрытым» и одновременно совершенным языком. Этот язык древних индусов и ариев может раскрыть тайны многих слов по слогам. Воспользуемся необходимым нам опытом.

Вновь вернемся к слову «аларь». На самом деле это слово не может быть исконно бурятского происхождения. Хотя бы потому, что буряты слово «аларь» произвели от слова «алирха» — «покрываться, порастать сочной травой». От «алар» же осмыслено Залари, село в Иркутской области [29]. Мы употребляем сокращенную форму «Лара» имени «Лариса», тогда как истинную этимологию его находим в этруссском слове «lars» — «проводник, водитель людей» [30]. Корень

«lar» хранит Лар — город в Иране, в исторической области Фарс. Аларесия, телохранители хазарских каганов, Аларих, вестготский король из рода Балтов (род. около 370 г.) [31]. Алары же — римские солдаты, конница с правого левого крыла [32]. Все эти слова вторичны, так как окончания имен существительных на «-ар» и «-арь» есть древнейшая индоевропейская форма словообразования. Одного из наставников будущего будды Гаутамы звали Алара. В санскрите корень «ар» имел значение «аг» — «поднимать, производить что-либо, возвышать». Из него вышло греческое «օր» — «возбуждать», латинское «օց» — «возвыщаться, всходить». Такие санскритские слова, как «j-nat-ar» — «знаток», по-русски было бы «знат-ар», «mat-ar» — «творец, мастер» [33].

Много ли слов произошло от слога «арь» в бурятском языке? В русском языке окончание на «-арь» встречаем в словах: «букварь», «словарь», «утварь», «встарь», «тварь», «ларь» и «ларник», «токарь», «главарь», «звонарь», «гончар», «гарь», «парь», «жарь», «ухарь», «пахарь», «государь», «сударь». Попробуйте найти в бурятском языке нечто подобное. Согласно Великорусскому словарю В. Даля слово «алар» (сиб.) означает «лесок» [34]. Алар — лесная роща, лесок среди степи, тождественно ему слово «алан» — «открытая равнина, поляна среди леса» [35]. В древние времена летописцы, а следом и историки называли аланами племена скотоводов — тех, кто сидел по аланным пастващам и прошел из Центральной Азии по всей Евразии [36]. От «алар» произошло слово «аларничать» — «шуметь» [37]. Итак, русский слог «арь» эхом откликается в главном горном округе Алигарь, что в северо-западной части Индии между Ангра и Дели [38]. Также «арь» напоминает о себе названием р. Лантарь, что впадает в Охотское море южнее залива Аян [39].

Возьмите для примера прекрасное русское слово «сударь» и прочтите его по слогам, как это сделал О. Гусев в книге «Белый конь Апокалипсиса». В частности, он писал: «„уд“ — древнее божество славян. От него зависело продолжение рода. При обратном прочтении это слог „ду“, присущий словам „ду-х“ и „ду-ша“... Второй слог „дар“ также древнейший (лат. dare — давать; исп. dar — давать). Перс — Дарий, родоначальник троянцев Дардан (дар ему дан), отсюда — Дарданеллы. В обратном чтении — „рад“, ибо встреча двух людей — это дар. И притом двойной, если встреча приносит радость (света много). (Ведь «Ра» — это солнце, в далеком прошлом р. Волга так звалась. — А. III.). Ну, а если встреча не сулит ничего хорошего? И это в обращении [слова „сударь“] оговорено: на „удар“ — „ударь“, а не подставляя другую щеку. Слог „суд“ указывает на то, что все мы и судимые, и судящие в этой жизни». Короче, обращение «сударь» не простое, а многосмысловое слово [40].

Вообще, в слове «аларь» морфема «ал» переводится с древнеславянского как «был» [41]; слог «арь» указывает на родоначальника Ария [42]. Поэтому дословно «аларь» распадается на «был» и «Ария». Родственное ему древнеиндийское слово «Арьяварта» — буквально — «путь, страна благородных» (ариев) [43]. В Арьяварте в высших слоях, прежде всего брахманы, употребляли санскритский язык. Также язык этот близок литво-славянским и особенно иранскому языкам [44]. Этнокультурный мир индо-ариев прошел не только по Сибири и всей Евразии. В Аравии есть гора Агарь. Еще агарь — этническое обозначение арабскихnomadov (агарян) [45]. Ааларь — так назывался начальник израильтян, вышедший из плена вавилонского, но не доказавший своего израильского происхождения [46]. Причем у евреев All — Бог; так, английское All — всё; латинское altaria — алтарь — жертвенник. Наконец, как отголосок сибирского прошлого в якутском языке сохранилось частично заимствованное словосочетание «Арь-тоён», что означает «чистый господин», иначе — Бог, творец всего, обиталище его — самое высокое девятое небо [47]. То есть, по пониманию якутов, Арь — верховный правитель мира и зиждитель жизни на земле [48].

Наконец, в древних литературных памятниках Индии «Махабхарата» и «Рамаяна», написанных на санскритском языке, часто встречается имя Арья. Стало быть, ламаистское божество Арья-бало — лишь монголизированный вариант Авалокитеш-

вары, персонажа буддийской мифологии. Таким образом, нет никаких оснований относить происхождение топонима «Аларь» к бурятскому языку.

Вот почему для полного смыслового раскрытия аббревиатуры «Мондаргой/Мондоргой» и лучшего понимания логической семантики слова обратимся к его составляющим, т. е. слоговым априори. Нам представляется, что именно в них заключено зерно исторической правды этого загадочно закодированного слова.

Начнем с первого слога «мон/ман», неизменно повторяемого у разных народов практически в тех или иных схожих по значению словах. Термины со слогами «мон/ман» прежде всего использовались в восточных мировоззрениях, как «монады и манас — реальное и нереальное». Ведь «...подлинное восприятие Манаса — это вера, основанная на разуме...» [49]. В философии слово «монада, гр. monas — род» подразумевает единое одухотворенное начало бытия, которое в состоянии осмыслить человек или сообщество людей. Под монадой понималась духовная субстанция, или разумная душа человека — дух (Лейбниц). «Mon» — «живое существо» и «manes» — «мертвые люди». Маннус есть предок германцев. Жители Скандинавии называют трупы людей «manes». «Ману индусов, мыслящее существо от Ман. Египетский — Менес, и Миннос, Царь Крита, судья адских областей после своей смерти — все они произошли от одного и того же слова или корня» [50]. В древнеиндийской мифологии встречается имя Ману — родоначальника династии царей Солнечного рода, правивших на Востоке. Опять-таки в ведийской мифологии Ману — прародитель человечества [51]. К древнейшим обитателям Индии, еще до ариев, относят племена монкхмеров, мундов [52]. В Индокитае живет народ мон, испытавший влияние индийской мифологии [53]. Моны, мон — самоназвание «человек» — народ на юге Мьянмы и Таиланда [54]. «Мань не этноним, а общее название всех лесовиков, живших к югу от китайцев», — писал Л.Н. Гумилёв [55]. Кельтские жрецы — друиды считали, что душа человека вечна. После смерти человека душа существует в другой жизни у манов. К Британии относится остров Англси — старое название Мону, когда-то там находилось святилище друидов. По одной из версий ученых, кельты вышли из Центральной Азии [56], как, собственно, и аланы. В римской мифологии есть много заимствований у кельтов. Так, по римской мифологии маны — добрые боги загробного мира, обожествленные духи предков, хранители гробниц. Академик В. Кандыба среди древних городов дохристианской Руси называл город Моны [57]. 1 января 1908 г. у бурят образовался мандинский отдельный род [58].

Короче говоря, словами «мон, ман» обозначали душу и духа живого и мертвого, то или иное священное место поклонения людей своим предкам. В глубокой древности люди тяготели к своему роду во многих жизненных проявлениях. Недаром древний островной язык японцев, чьи исторические корни, по одной из версий, лежат в материковой Азии, сохранил корневые основы слов с «мон», в словах «monbatsu» — «род, происхождение, родовая семья»; «мэймон» — «семья знатного рода»; «mondo» — «общество»; «mondori» — «кувырок», иносказательно — совершить круговорот. Еще слово «mon» или «камон» применяется японцами в значении «родовой (фамильный) герб» [59]. Этот геральдический знак-символ хранит родовое имя в системе родового круга, иначе — древа.

Почтение к горе Мон, что у Желтой реки в Южной Монголии (напротив Ордоса) породило предание. Говорят, когда Чингисхан проезжал мимо этой горы в Тангут (самоназвание «ми», дансянские племена, северо-западная часть современного Китая), то сказал: «Вот гора, достойная служить убежищем для погибающего народа, обиталищем для благоденствующего, для дряхлых оленей жилищем в их старости и для старцев местом успокоения». И на обратном пути уже из Тангута у горы Мон колеса телеги с телом покойного Чингисхана «ушли в землю так, что телега не могла двинуться с места. Из гор Южной Монголии Мон одна удостоилась жертвоприношений у древних монголов» [60]. Как знать, может быть, когда-то вблизи горы Мон и текла река по названию Мон-гол?

Исходя из сказанного, сохранившееся в ирано-таджикском языке слово «кугмон», к которому обращался Ангархаев, может означать забытое значение «гора рода» или что-либо в этом смысле, что исключает двоякое и невыразительное «гора+гора».

Нет сомнений в справедливости версии А.Л. Ангархаева, связавшего смысловое понятие слова «Мондартгой» и слога «мон» с горами и местностью. Дополним изыскания бурятского писателя мифом Древней Индии под названием «Пахтание океана», в котором упоминается гора Мандара, якобы находящаяся где-то в Гималаях, к востоку от мифической горы Меру — центра Вселенной. Гору Мандара отождествляют с горой Мандарагири, что в области Бхагалпур. По версии «Махабхараты», гора Мандара является местопребыванием ряда Высших Богов, включая Шиву — господина над всеми живущими. Одним из атрибутов верховного божества Шивы, живущего на горе Мандара, является фаллический символ — Лингам. До сих пор в индуизме сохраняется доарийского происхождения культ — Лингам, символ мужского детородного органа, что равносильно высшему воплощению созидающего начала [61].

Теперь рассмотрим в слове «Мондартгой/Мондоргой» второй слог «дар», «дор» (тор), что в случае написания через «о» означает «круг», как лексические элементы в имени древнеегипетской богини неба Хатор или греческой мифической фигуры Пандоры, несущие в себе еще и глубокий сакральный смысл. По представлению древних людей, круг соответствовал небу. В нем нельзя найти ни начала, ни конца, в отличие от земли — квадрата, своими углами всегда тяготеющего к кругу. Науке известны древнеиранские города-круги. Круглый в плане город Дор был основан финикиянами, поблизости от него добывали знаменитую на всю Азию пурпурную краску. Уже упомянутый Аркаим по своей планировке не менее примечателен, так как сам город и погребальные сооружения в плане представляют собой сочетание круга и квадрата [62].

Слово «Мондартгой/Мондоргой» первыми двумя слогами повторяет слово «мандорла» — «венец, нимб, два полуцикла миндалевидной формы». Слово «мандорла» происходит от слова «мандала» (санскр.) — «круг», буквально означает — «обладание сущностью». В Средние века христианские идеологи заимствовали в своих целях прообраз круга «в виде Миндаля, который истолковывался как символ заключенного в матке человеческого зародыша» [63]. Тогда еще сохранялись приоритеты вписывать в миндалевидную форму религиозные фигуративные изображения, такие как «создание космоса „мерой, числом и весом“». Примечателен тот факт, что когда проводились археологические исследования в Западной Монголии под руководством А.П. Окладникова и Д. Цэвэндоржа, то ученые обратили внимание на петроглифы эпохи палеолита, изображающие животных с миндалевидными углублениями под их брюхами, символизирующими «плодородие животных» [64]. В Тунке буряты указывают на легендарное место под названием «Мондартгой», где у большого валуна снизу яйцевидно-миндалевидной формы совершали обряд в честь Чингисхана. Тункинские буряты это место связывают с религиозными обрядовыми действиями, посвященными не только духам природы, но и своему роду. В любом случае, получается, буряты персонифицируют культ Мондартги (Мондурги), что лишь указывает на его абстрактный характер: «...во-первых, это Саян в целом, во-вторых, существует смутное представление о каком-то Саянском хозяине ранга ханов...» [65]. Выходит, термин «Саяны» не менее древний, чем «Мондартгой». Действительно, литературное наследие ариев «Ригведа», веда гимнов (в кн. X), упоминает имя Саян. Поэтому в выше указанных легендарных местах под названием «Мон» и «Мондартгой» лишь угадывается некая историческая форма, сопоставимая разве что с древним мифологизированным верованием, которое вполне может стать не монгольского происхождения. К тому же кажется примечательным фактом то, что имя «Саян» вошло в старое название женской одежды вроде высокой юбки

у немецких женщин [66] и у женщин белорусского Поднепровья, которые хранят одежду «саян», напоминающую русский сарафан [67]. Здесь также уместно будет упомянуть название поселка в Северной Монголии Мондалай и пос. Мандал, что в 60 верстах северо-восточнее г. Урга (ныне Улан-Батор), как и то, что в Тункинском районе находятся села Хонгодоры и Торы, чьи названия хранят слоги — символы круга, указывающие на древние религиозно-культовые местности. Не зря же до сих пор у с. Торы на горе Буха Нойон буряты совершают тайлган — жертвоприношение при массовом скоплении людей. Кстати, в зырянском говоре (Северная Русь) было в ходу слово «солдор» (первый слог «сол» от «солонь, посолонь» — «солнце, хождение по солнцу»), второй слог «дор» означал «место» [68]. В обратном чтении образный слог «дор» дает слово «род». В прошлом не иначе как «солдор» — место единения единородцев и единоверцев в какой-либо событийный момент, сбор, сход людей на круг, как то до сих пор бытует у казаков. Это также отражено в русском языке в словах «хор», «хоровод», в бурятском и якутском «ёхор», в японском синтоизме в символическом слове «тории», «тургэ» у бурят в шаманизме и ламаизме — все эти слова единого корня и единого смыслового значения. Есть тут связь и с бурято-монголо-тувинским Цам-хоралом в честь буддийского бога Майдари (санскр. Майтрея). К примеру, в описании тувинского Цама — зрелищной мистерии масок, действие происходит перед хурээ-мандале в круге, состоящем из зрителей [69].

Вот почему в слове «Мондаргой» первые два слога «мондар», видимо, означают «родовой круг», «родовое место». Или, может быть, «дар рода»? Тогда что именно род дарит и главное — кому?

Чтобы до конца разобрать слово «Мондаргой» и попытаться понять истоки происхождения третьего слога — «гой», обратимся к далекому прошлому. Примерно к пятитысячелетней давности относят некоторые историки первые сведения о народе ди, иначе дисцы, близкие им динлины, в древних китайских текстах часто просто ди, у которого существовал религиозный культ гуев — предков. В древнекитайской мифологии под словом «гуй» подразумевалась душа, дух умершего. Омоним к слову «гуй» — «знатный». Когда древние китайцы, называвшие себя «народом ста семейств», пришли к бассейну р. Хуанхэ (т. е. в «Страну цветов»), то встретились там с народом ди. Легендарный правитель Китая Хуан-ди каким-то образом был связан с народом ди. Не зря же китайские правители иньского времени назывались «ди» (впоследствии этот титул стал прижизненным титулом императоров) и становились в мире духов помощниками шан-ди, верховным владыкой, «высшим предком», «высшим божеством». Мифологизированный образ Цзянь-ди — мать первопредка иньцев Се [70]. Народ се, серы, поставлявший шелк-серикум в Парфию и Римскую империю, отождествляется с народом ди. «Цейлонцы встречали серов» [71]. Любопытно, что в транскрипции старого языка тибетцев под словом «ргъя. сер» подразумевалась Россия [72]. «Под именем ди или динлинов древним китайцам были известны различные белокурые и светлоглазые племена, которые веков за пятнадцать до Р. Х. обитали в южной части Гобийской пустыни и в долине Желтой реки (Хуан-хе)», — писал В.И. Огородников [73].

Ди-динлины оставили следы своего пребывания в Саяно-Алтайской горной стране, например в среде хакасов. А.Л. Ангархаев пишет: «Динлины (ветвь европейской, белой расы), по китайским сведениям, населяли оба склона саянского хребта от Енисея до Селенги» [74]. Недаром китайцы называли Саянские горы Динлин. В горном регионе Саяно-Алтае жил европеоидный народ. Помимо народа ди там жил народ бома (кличка, данная китайцами), загадочный белокурый народ. Представителей этого народа называли еще и «северные бома», вернее, алачины и бикины, жившие от Алтая до Байкала. «Предположительно красные и белые ди вышли из племен жунов» [75].

Ло-Гуань-чжун, автор книги «Троецарствие», отмечал голубой цвет глаз и белые волосы у некоторых князей племени Фань. Герой этой книги легендарный китайский

полководец Гуань-ди, в китайской народной мифологии бог войны, нередко изображается с красным лицом. А мифический владыка Востока Дунвангун отличался белыми (светлыми) волосами. Владыка же Запада Сиванму, чей культ сильно развился при последних Чжоу, обыкновенно переводится как «мать западных ханов» [76]. Л.Н. Гумилёв, говоря о хунну, отмечал, что те не были чистойрасой, в них наверняка текла кровь дисцев (динлинов: узколицые, с высокими носами) [77].

Китайцы отмечали — хунну приносили жертвы Земле. До хунну народ дал начало культу гуев — поклонение предкам, лежащим в земле, что переняли те же китайцы. Вполне обоснованно Г.Е. Грум-Гржимайло, один из крупнейших русских исследователей Средней и Центральной Азии, был убежден, что арийский дух дисцев хранит в своей основе китайская цивилизация. Древние воззрения дисцев проявились у китайцев не только в почитании культа предков (гуев), но также и в конфуцианстве и даосизме. До сих пор китайцы хранят в своем языке выражение «гуй-си», означающее «возвратиться на запад». Одна китайская легенда гласит, что их исход к Желтой реке шел с запада. Сейчас китайцы не помнят, где именно находится то место. Выражение «гуй-си» китайцы понимают как «со смертью возвратиться к прародителям». Вот почему китайцы, а вслед за ними японцы стараются найти свое последнее пристанище именно там, где они родились, где находятся могилы их родителей и прадедов. В «Сокровенном сказании монголов» (§ 70) говорится о почитании «Земли Предков» посредством жертвоприношения и тризны с мясом и вином. В этом случае не была исключением Древняя Русь. Здесь тоже ценилась необходимость жить в родном краю. А если уж это не доведется, то жить там, где придется, но умереть на стороне считалось дурным знаком. Обряды родоницы с ее возвзваниями, причтаниями и призывами к предкам хранились веками как отложенные традиции, но в сложной истории государства древние обычай славянского народа были порушенны инородными и иноземными идеологами последующих эпох. Санскритское слово «юг» произвело слово «йога», что значит «связывать, соединять» тело и душу с мировым духом. Но это еще иго (нем. joch) дисциплины [78]. Индогерманский же корень «йуг» в немецком языке означает «упорядочение». Это касается в том числе упорядочения родовой истории этнических групп. В зеркальном прочтении он дает слог «гуй», иначе «гой». Термин «гой» использовали древние славяне-руси. Они называли гоями юношей, еще не ставших мужчинами. Те обязаны были постигать, в числе прочего, практику йоги. Вспомните: «Ой ты гой еси, добрый молодец...» [79]. Им и имена вначале давали временные, детские. Человек, нарушивший правила и закон, изгонялся из рода, становясь изгоем. Древнеславянские языки имели слово «гойный» — «изобильный», отсюда же «гоити» — «живить», отсюда же «изгой» — «исключенный из жизни» [80]. Этрусское слово «уни» — «юноша» есть синоним русскому «юный» или древнерусскому «гой» — «молодой». Русское слово «дорогой» состоит из двух слов: «дорог» и «гой». В народной русской речи сохранилось наставление «гей, ты» — оклик, в смысле «смотри, ты». Выражение недругами и глупцами намеренно извращено. У выросшего и возмужавшего юноши всегда «появлялась возможность ухода из родовой общины без риска для «изгоев» — выходцев из рода» на так называемые выселки, для создания собственной семьи в составе рода [81].

В островной Японии, части некогда единого Евразийского континента, до сих пор дают детям временные имена. То же наблюдалось в некоторых бурятских семьях, об этом упоминал Б.Р. Зориктуев [82]. Можно назвать и Корею, где детям также дают детские имена, причем чаще неблагозвучные, неприличные, даже оскорбительно ругательные. Считается, что таким образом можно отпугнуть злых духов, способных повлиять на здоровье еще не окрепшего молодого организма.

Занимаясь исследованием роли древней языческой религии славян, Б.А. Рыбаков отмечал, что в городищах сколотов, живших в границах Скифии, были обнаружены изваяния Гойтосира, которого отождествляли то с Аполлоном,

то со славянским Дажьбогом — солнечным божеством света, тепла, т. е. солнцем. В.И. Абаев, пытаясь объяснить происхождение имени Гойтосира из иранского языка, когда писал о религии алан, получил славянский аналог, что констатировал тот же Рыбаков. В русских былинах встречалось уже упомянутое выражение «гой еси» в значении «полномочный молодец», что можно представить как «человек, достигший своих физиологических потенциальных возможностей». Недаром древнеславянское слово «гоило» переводилось как «фаллос». Таким образом, как отмечал Рыбаков, «весь комплекс слов с корнем „гой“ связан с понятием жизненности, жизненной силы и того, что является выражением и олицетворением этой силы» [83].

Слово «гой» встречаем в мифологии Ирландии. Здесь его связывали с именем Миля, легендарного предводителя гайделов — сынов Миля, старшим из которых был Донн. Гайделы являются предками современных ирландцев. Потомки Миля гайделы положили начало многим королевским династиям в Ирландии [84]. Очень давно слово «гой» использовали в арамейском языке. Позже его применили евреи, чтобы противопоставить себя людям других национальностей. По этому поводу московский профессор истории А.С. Иванченко писал: «Слово „гой“ не переводим, чтобы не возбуждать в душах смуту» [85].

Если учесть, что со временем дисцы, носители индоевропейской культуры, достигли района Мондаргой — Саян, то версия о возникновении где-то в предгорье их родового стana может выглядеть вполне обоснованной. В веках людская память хранила название местности и села Хондергей в Туве, являющихся родиной ныне здравствующего Верховного шамана Тувы Монгушу Кенин-Лопсана. В Туве же летом 2007 г. археологи обнаружили костики европеоида большого роста, возраст которых не менее 2 тыс. лет. Уже найдены останки европеоидов в китайской земле.

Современной науке достаточно хорошо известно, что на территории Древней Монголии существовало два этнокультурных региона: восточный, с монголоидным населением, и западный, с европеоидным населением. Бурятский этнограф П.П. Баторов, анализируя древние легенды шаманов о происхождении земли и ее жителей, писал: «На юго-восточной зеленої тубе живем мы [бурято-монголы]; на юго-западной белой тубе живут неизвестные нам белые люди...» [86]. Мифология монголов и бурят говорит о 55 белых западных добрых тэнгэринах во главе с Хормустой, состоявших в противоборстве с 44 восточными тэнгэринами во главе с Атай Улааном, отнесенными к черным небожителям, несущим людям зло. Похоже, до того как начали складываться древние мифы, западный генотип людей своим числом превосходил восточный.

В далеком прошлом район Саян и северо-западной части Монголии по составу населения был пестр, конгломерат племен здесь часто менялся, в отличие от Восточной Монголии, где главенствовала устойчивая монголоидная раса. Хотя и там, в Восточной Монголии, в десятках километрах от г. Чойбалсана, найдено любопытное, на наш взгляд, погребение в местечке под названием Норовлийн-уула. Могильная яма овальной формы была обильно посыпана порошком красно-охристого цвета [87]. Покойник находился в сидячем положении с согнутыми ногами. Среди украшений могилы находился каменный амулет — голова человека, чье антропоморфное изображение схоже с двумя фигурками, найденными на Ангаре. Их лица имеют одинаково длинные носы, круглые глаза без следов эпикантуса (т. е. без монгольской складки), маленький рот. Захоронение было отнесено к эпохе неолита [88]. Точно так же родичи сколотов готовили тела для погребальных обрядов и таким способом имитировали позу эмбриона в материнском чреве. Так сколоты поступали до того, как стали применять трупосожжение на месте (в форме круга) погребального костра — крада (санскр. «craadda» — «священная жертва мертвых»). Крада — это еще огненный круг, соотносимый с огненным колесом коло у древних славян. Обряд похорон людей в скорченной позе наблюдался в сколото-славянский период. По этому поводу Б.А. Рыбаков писал:

«Первобытное погребение скорченных трупов, которым искусственно придавалось положение эмбриона в чреве, было связано с тотемизмом и реинкарнацией, т. е. верой во второе рождение после смерти» [89]. На северо-западе Монголии обнаружено достаточно большое число захоронений человека европеоидной расы. Антрополог Н.Н. Мамонова древние могильные памятники отнесла к раннему бронзовому веку. Как правило, все захоронения имели невысокую курганную насыпь правильной округлой формы. Покойные положены на спину, ноги согнуты в коленях, костики густо посыпаны охрой. Мамонова писала по этому поводу: «Комплекс морфологических признаков позволяет отнести эти черепа к одному из вариантовprotoевропеоидного типа. При сопоставлении этих черепов с крациологическими сериями афанасьевской культуры Алтая и Минусинской котловины обнаруживается большое сходство этих серий, что позволяет говорить об общности их антропологического типа, не исключая, однако, локальных различий между этими группами» [90]. Э.А. Новгородова говорит о существовании этнокультурной области (III-II тыс. до н.э.), охватывающей Южную Сибирь, Туву и Западную Монголию. Более категорично высказался антрополог В.П. Алексеев: «Западная Монголия также должна быть исключена из ареала чистых монголоидов и отнесена скорее к древнему европеоидному ареалу» [91].

В любом случае Западная Монголия и примыкающая к ней Тункинская долина Бурятии с Саянским предгорьем претерпели влияние различных культур. Следы взаимного проникновения культур наблюдаются далеко за пределами этих территорий. Обнаруженная в Монголии на стоянках Ордоса расписная керамика (эпоха неолита) схожа не только с маньчжурскими, но и с югоиранскими сосудами того же периода.

Если учесть, что буряты, став составной частью монголоязычного ареала, затем обособились, как обособляются взращенные молоком матери и отцовским наставлением дети, то становится неудивительным появление первых бурят в предгорье р. Оки (Восточные Саяны) не ранее середины XVII в. [92]. Следовательно, не может быть верно настойчивое применение отдельными авторами термина «древнемонгольские племена» по отношению к населению береговой акватории Байкала и предгорья Саян, если только часть этого населения была монгольской по этносу.

Сегодня ученые затрудняются точно сказать, на каком языке говорили дидисцы. Без сомнения называют лишь одно их слово «ас», им именовали вождя, царя (слово «царь» — вовсе не греческого происхождения) — лицо, по своему социальному положению являющееся первым человеком. Надо полагать, народ, состоявший под началом вождя-аса, назывался асами. Одна орхонская надпись на камне гласит: «Кюль-тегин, сев верхом на белого Асмана [коня], бросился в атаку... народ азов был там уничтожен» [93]. Слово «ас» сохранено в русском языке. Им называют лучшего из людей, скажем, в выражении «он — настоящий ас».

Так же, как и с языком дидисцев, нет абсолютно достоверных доказательств относительно того, на каком языке говорили хунну. По крайней мере, сторонникам тюркской теории не удалось переубедить сторонников индоевропейской версии. Но науке точно известно, что когда хунну жили в границах Центральной Азии, не существовало термина «монгол», как в целом и нации, возникшей значительно позднее. Будто бы Пифагор сказал: «Тайна жизни кроется в тайне нашего происхождения». В этой связи кажется особенно странным, что представители бурятской общественной организации «Гуннский международный фонд» удлинили свое генетическое древо посредством хунну.

Итак, подытожим. Если следовать логике нашего рассуждения, то можно еще раз предположить, что название гор «Саяны» в древнем слове «Мондаргой» распадается на слоги «мон»-«дар»-«гой», что может означать «родовое место — мон,

перешедшее по кругу в наследство (в дар) следующему поколению», т. е. гоям, взросшим и возмужавшим юношам.

Вот почему полностью слово «Мондартой» должно означать сакральное знаковое место пребывания рода (родовое гнездо), тех, которые ранее других родились, возмужали, стали родителями, а со временем и предками.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бурятия: ежеднев. обществ.-полит. газ. 2005. 1 нояб. (№ 203). С. 6.
2. Ангархаев А.Л. Взгляд в глубь веков // Тунка: история и современность. Улан-Удэ, 1998. С. 11.
3. Банзаров Д. О происхождении имени Монгол // Черная вера или шаманство у монголов и другие статьи. СПб., 1891. С. 72.
4. Иванченко А.С. Путями великого россиянина: Роман-исследование о подлинной истории Руси-России. СПб., 2006. С. 186.
5. Тверицкий Л.С. К вопросу о происхождении Руси в связи с этногенезом славян // Исторические записки АН СССР. 1942. № 13. С. 43.
6. Строганова Е.А. Бурятское национальное культурное возрождение, конец 80-х – середина 90-х годов ХХ века. Республика Бурятия. М.; Иркутск, 2001. С. 79.
7. Народы и религии мира: энцикл. М., 1999. С. 350; Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингисхана. М., 2006. С. 136–138.
8. Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Указ. соч. С. 137–141.
9. Ангархаев А. Взгляд в глубь веков. С. 11.
10. Потанина А.В. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. М., 1895. С. 21, 69.
11. Бурятия: ежеднев. обществ.-полит. газ. 2005. 1 нояб. (№ 203). С. 6.
12. Ангархаев А. Взгляд в глубь веков. С. 8.
13. Костров Н. Шушенская волость Минусинского края // Записки Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. Иркутск, 1863. Кн. 6. С. 119.
14. Большая Российская энциклопедия. М., 2005. Т. 1. С. 519–520.
15. Баранников А.П. О некоторых положениях в области индолологии // Советское востоковедение. М.; Л., 1941. № 2. С. 183.
16. Базаров Б.Д. Таинство и практика шаманизма. Улан-Удэ, 2000. С. 85.
17. Мифы народов мира. М., 1980. Т. 1. С. 626.
18. Славянские древности: этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1. С. 520–521.
19. Малявин В.В. Китайская цивилизация. М., 2001. С. 58, 60; Воробьев М.В. К вопросу определения древних китайских монет «баньлян» // Эпиграфика Востока. М., 1963. Вып. 16. С. 102.
20. Зихровский Г. Индия без покрываала. М., 1957. С. 57.
21. Большая энциклопедия: Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / под ред. С.Н. Южакова. СПб., 1902. Т. 10. С. 83, 90.
22. Большая Российская энциклопедия. М., 2005. Т. 2. С. 225.
23. Большая энциклопедия: Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / под ред. С.Н. Южакова. СПб., 1900. Т. 1. С. 577.
24. История земли Иркутской: учеб. пособие / науч. ред. З.И. Рабецкая. Иркутск, 2002. С. 29.
25. Большая энциклопедия: Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / под ред. С.Н. Южакова и П.Н. Милюкова. СПб., 1900. Т. 2. С. 65.
26. Классен Е.И. Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-русов. М., 1854. С. 18, 20.
27. Иванченко А. «...заставил-таки посадить себя на кол» // За Русское Дело. 2003. № 2/104.
28. Баранников А.П. Указ. соч. С. 172.
29. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. С. 46.
30. Блаватская Е.П. Тайная доктрина. М.; Харьков, 2006. Т. 2. С. 419.
31. Большая энциклопедия: Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / под ред. С.Н. Южакова. Т. 1. С. 292.
32. Бурдона И.Ф. Словотолкователь русского языка. М., 1865. С. 31.
33. Флоринский В.М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Ч. 1 // Известия императорского Томского университета. Томск, 1895. Кн. 7. С. 348.
34. Дац В. Толковый словарь. М., 1981. Т. I. С. 10.
35. Мурзаев Э., Мурзаев В. Словарь местных географических терминов. М., 1959. С. 23.
36. Большая Российская энциклопедия. М., 2005. Т. 2. С. 294.
37. Словарь русских народных говоров. М., 1963. Вып. 1. С. 231.
38. Большая энциклопедия: Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / под ред. С.Н. Южакова. Т. 1. С. 368.
39. Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1932. Т. 3. С. 18.
40. Гусев О. Белый конь Апокалипсиса. СПб., 2000. С. 132–133.
41. Орешкин П. Русский язык из глубины веков: Вавилонский феномен. СПб., 2002. С. 142.
42. Гусев О. Белый конь Апокалипсиса. СПб., 2000. С. 133.
43. Мифы народов мира. М., 1980. Т. 1. С. 111.

44. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1900. Т. 28. С. 350–352.
45. Мифы народов мира. Т. 1. С. 33.
46. Библейская энциклопедия. М.: Терра-Терра, 1991. С. 7.
47. Костров, князь. Очерки Туруханского края (Енисейская губерния) // Записки Императорского Русского Географического общества. СПб., 1857. Кн. 4. С. 142–143.
48. Маак Р.К. Вилюйский округ Якутской области. 1-е изд. СПб., 1887. Ч. 3. С. 112.
49. Блаватская Е.П. Голос безмолвия: Избранные статьи. М., 2001. С. 120–122, 140, 142.
50. Блаватская Е.П. Тайная доктрина. Т. 2. С. 906.
51. Темкин Э.Н., Эрман В.Г. Мифы Древней Индии. М., 1982. С. 237; Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2. С. 615.
52. Зихровский Г. Указ. соч. С. 56.
53. Мифы народов мира. Т. 1. С. 174.
54. Народы и религия мира: энцикл. М., 1999. С. 353.
55. Гумилёв Л.Н. Пересмотр гипотезы Г.Е. Грум-Гржимайло в свете новых исторических и археологических материалов // Известия Всесоюзного Географического общества СССР. 1959. № 1. С. 11.
56. Широкова Н.С. Мифы кельтских народов. М., 2004. С. 53, 81, 389.
57. Кандыба В., Золин П. История и идеология русского народа. СПб., 1997. С. 80.
58. ГАИО. Ф. 25. Оп. 9. Д. 3543.
59. Нихон Дайдзитэн. Коданся. Токё (Большой японский словарь. Изд-во Коданся. Токио), 1995. С. 431.
60. Банзаров Д. Указ. соч. С. 73, 74.
61. Темкин Э.Н., Эрман В.Г. Указ. соч. С. 63–66, 248.
62. За Русское Дело. 2010. № 2 (154). С. 3 (со ссылкой на URL: <http://inomir.ru>).
63. Бидерман Г. Энциклопедия символов. М., 1996. С. 157–158.
64. Новгородова Э.А. Древняя Монголия. М., 1989. С. 73.
65. Галданова Г.Р., Герасимова К.М., Дашиев Д.Б., Митупов Г.Ц. Ламаизм в Бурятии в XVIII – начале XX в.: Структура и социальная роль культовой системы. Новосибирск, 1983. С. 140.
66. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1900. Т. 29. С. 38.
67. Гермацкая Н.В. По одежде встречают // Тальцы. 2004. № 3 (22). С. 67–68.
68. Русский Север: Этническая история и народная культура XII–XX века. М.: Наука, 2004. С. 120.
69. URL: <http://www.overtone.ru/shamanizm/>. С. 4.
70. Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2. С. 614, 620, 640.
71. Гумилёв Л.Н. Пересмотр гипотезы Г.Е. Грум-Гржимайло в свете новых исторических и археологических материалов. С. 8.
72. Семичев Б.В. Тибетские географические названия // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Улан-Удэ, 1962. Вып. 8. С. 118.
73. Огородников В.И. Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. Иркутск, 1920. С. 158.
74. Ангархаев А.Л. Происхождение монгольских народов в свете мифо-поэтических традиций Центральной Азии. Улан-Удэ, 2005. С. 48.
75. Гумилёв Л.Н. Пересмотр гипотезы Г.Е. Грум-Гржимайло в свете новых исторических и археологических материалов. С. 4–5, 7.
76. Алексеев В.М. Наука о Востоке. М., 1982. С. 81.
77. Гумилёв Л.Н. История народа хунну. М., 1998. Т. 1. С. 50.
78. Зихровский Г. Указ. соч. С. 88.
79. Гусев О.М. Магия русского имени. СПб., 2001. С. 84.
80. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 70.
81. Кандыба В., Золин П. Указ. соч. С. 225.
82. Зориктуев Б.Р. Буряты. Улан-Удэ, 2000. С. 30.
83. Рыбаков Б.А. Указ. соч. С. 70.
84. Широкова Н.С. Мифы кельтских народов. М., 2004. С. 44, 204, 223, 225.
85. Иванченко А.С. Путями великого россиянина. С. 126.
86. Архив БНЦ СО РАН, отдел памятников письменности Востока. Ф. 17. Оп. 1. Д. 171. Л. 4.
87. Вероятнее всего, красный цвет «краски» объясняется смесью с красным мелом. Не исключено, что она состоит из окиси железа и извести (Обручев В.А. Древне-палеозойские осадочные породы долины р. Лены между станциями Качугской и Витимской // Записки Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества. Иркутск, 1892. С. 65).
88. Новгородова Э.А. Указ. соч. С. 79–80.
89. Рыбаков Б.А. Указ. соч. С. 758.
90. Цит. по: Новгородова Э.А. Указ. соч. С. 85.
91. Там же. С. 86.
92. Иметхенов А.Б. Природные достопримечательности горной Оки // Край Гэсэра. В гармонии с природой. Улан-Удэ, 1998. Вып. 4. С. 17.
93. Цыденжапов Ш.Р. Чингисхан. Улан-Удэ, 1990. С. 10.

**ТРАДИЦИОННАЯ УСАДЬБА ГЕРНГУТЕРА САРЕПТЫ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА
(ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ УСАДЕБНОГО КОМПЛЕКСА)**

Миссионерская колония Сарепта по типу традиционного хозяйствования, занятиям большей части населения (членов общины), развитому ремесленно-торговому сектору экономики, жилой и хозяйственной застройке, планировке относилась к торгово-ремесленным поселениям, характерным для братских общин в Европе и частично для немецких колоний Нижнего Поволжья. Жилищно-хозяйственная застройка колоний гернгутских братьев, сложившаяся в Европе в 1720–1760-е гг. под влиянием общинно-уравнительного мировоззрения моравских братьев, теологических идей епископа Моравской церкви Я.А. Коменского, пietистов-теологов (А.Х. Франке, Ф.Я. Шпенер), аристократов и мелких буржуа, беглых чешских крепостных чешских крестьян, основателя общины графа Н.Л. Цинцендорфа, отразила сложные социально-экономические, религиозно-этические процессы, зарождение капиталистических отношений в европейском позднефеодальном обществе. Однако, в отличие от поселений братьев в Европе, община Сарепты, получив от российского правительства обширные земельные угодья, намеревалась их рационально и бережно использовать в соответствии с установками и планами развития товарного сельского хозяйства [1].

Сформировавшийся в XVIII–XIX вв. усадебный комплекс колониста Сарепты отразил особенности сельской и местечковой народной архитектуры Чехии, Моравии, Обер-Лаузитца, Саксонии, Силезии. В то же время на складывание так называемого гернгутского стиля архитектуры, разработанного архитектором З. фон Герсдорфом, оказали влияние саксонский дворцово-парковый и ландшафтный архитектурный стиль («саксонское барокко»), идеи утопистов Т. Мора, Т. Кампанеллы о строительстве «небесного Иерусалима» — Града Небесного (Города Солнца). Сарепта возводилась по типовому плану, утвержденному Дирекцией Братства в апреле 1765 г. Усадебные комплексы в колонии и на хуторах (дворах), несмотря на местную сарептскую специфику, во многом по типу, планировке, размерам, традиционному набору и назначению хозяйственных и производственных строений, строительным материалам и технологиям, технике аналогичны усадебным комплексам в других братских колониях Европы и ремесленно-торговых и сельских колониях Нижнего Поволжья.

Тема формирования и развития рядовой застройки колонии Сарепты жилищно-хозяйственной в недостаточной степени изучена в современной историографии. Фрагментарно тему затрагивали российские и зарубежные исследователи — И. Шнуэрр, П.П. Попов, С.Н. Лосицкий, А.В. Курышев, С.О. Терехин, А.В. Шишков, К. Рихтер, В.В. Когитин, М.А. Рыболова [2].

Усадебные комплексы Сарепты XVIII–XIX вв. являются важным источником информации о материальной культуре, ментальности, трудовой этике, хозяйственно-бытовом мировоззрении ее жителей. Сохранение усадебной, жилой, хозяйственной (торгово-ремесленной) застройки колонии весь период существования общины является показателем устойчивости ее архитектурно-конфессиональных норм и установок, их частичную консервацию в российских социально-экономических и природно-климатических условиях. Несмотря на фактически полную утрату к настоящему времени усадебной застройки колонии и хуторских (сельских) комплексов, необходимы планомерные раскопки в бывших усадьбах для изучения остатков фундаментов, фрагментов строений. Историко-архитектурной реконструкции усадеб гернгутера могут помочь архивные исследования. Часть доступных архивных до-

Сарепта

кументов и источников по строительству и развитию колонии и хуторов были привлечены для настоящей работы [3].

При исследовании нами поставлены задачи: 1) рассмотреть особенности формирования, развития и эволюции, черты и признаки усадебного комплекса гернгутера Сарепты XVIII–XIX вв.; возможные отличия в деталях от других братских общин, заимствования у местного русского населения (постройки, термины, техника, приемы, материалы); 2) выявить типологию усадеб гернгутеров по следующим критериям материальной культуры: а) тип поселения — городская (торгово-ремесленная), сельская (крестьянская, хуторская); б) по общинно-социальному статусу — общинная, семейная, частная (арендатора), хоровая; 3) определить планировку и тип дворовой застройки — замкнутая, разомкнутая в плане; тип двора — открытый, закрытый (выявить аналоги или особенные признаки усадьбы) [4].

Общине под колонию, деревни и хозяйственное землепользование казенными землемерами и геодезистами осенью (август–сентябрь) 1765 г. была отведена территория с земельными, водными, лесными угодьями в 443 десятины удобной земли и 11 378 десятин неудобной. Общине потребовалось значительное время (1760–1790-е гг.) для хозяйственного освоения владений, адаптации к природному ландшафту, создания традиционного типа хозяйства. Осеню и весной 1765–1766 гг. колонисты спланировали центр колонии, площадь, разбили и расчистили будущие усадебные участки и часть жилых кварталов, разметили проезды. Под жилую и усадебную застройку предназначалось 8 (9) кварталов с 3–6–9 усадьбами средней площадью 40 x 40 саженей каждый. Ширина улиц и проездов достигала расстояния от 3,5 до 7 саженей. Несколько участков (6 или 9) составляли жилые кварталы колонии. Жилые дома шести кварталов сориентированы по линии юг–север. Окна в таких домах длинных фасадов обычно выходили на запад или восток. Исключением были дома, развернутые по красной линии площади по оси запад–восток. Анализ генеральных планов, финансовые отчеты, изображения 1765–1790-х гг. свидетельствуют о планомерном и бурном освоении территории, жилом, хозяйственно-ремесленном строительстве. Братская община являлась юридическим собственником земельных угодий. Контролировала

градостроительство в Сарепте Строительная дирекция в Гернгуте. Координатором строительства являлся форштейер — глава управы. Техническую документацию готовил художник А.Л. Брандт. Руководил рабочими-плотниками, возчиками столяр и строительный инспектор Рёбель. Именно А.Л. Брандту принадлежат первые рисунки селения, планы и чертежи первых домов и усадеб. Позднее была выделена должность архитектора, директора по строительству. Была образована особая касса для выдачи казенной ссуды (от 300 до 600 р.) застройщикам. Каждому семейному гернгутеру — владельцу мастерской, хозяйства, общинного предприятия, служащим нарезался земельный участок: усадебная земля в самой колонии для жилого дома, хозяйственных строений и подсобного хозяйства (около 20 x 25 саж., 15 x 25, 21 x 30 саж.) и надел с различными угодьями (около 60–90 десятин). Участок мог после смерти владельца передаваться по наследству. При отсутствии наследников имение переходило обществу без уплаты казенной пошлины, но с уплатой долгов. Владельцы усадеб ежегодно вносили деньги на общественные расходы по благоустройству колонии (прокладка дорог, водопроводов, тротуаров, посадка аллей, лесополос, рытье канав, установление ограждений и пр.) либо лично принимали участие в работах. Поземельный ежегодный налог на дом и двор составлял (1774 г.) на квадратную сажень $\frac{1}{2}$ к., на сажень огородной и садовой земли $\frac{1}{4}$ к. На хуторе (форверк) на сажень — $\frac{1}{4}$ к. Дом, двор и садовая и огородная земля на хуторе Шёнбрунн стоили 1 р. 50 к. Согласно генеральному плану 1765 г., по мере необходимости усадебные участки отводились под общинные и хоровые дома и предприятия. Для ведения сельского хозяйства и создания инновационных отраслей община основала хутора, скотный, овечий и рыбакский дворы, мельничные комплексы на Сарпе, лесничество с питомником и пр. Устав общины 1768 г. гласил: «Коллегия надзирателей должна следить за тем, чтобы все коммунальные и другие здания были выполнены по добротному строительному и противопожарному порядку, и также, чтобы в поселке, в домах, на улицах и переулках и вообще всюду соблюдался полицейский порядок и чистота...» [5].

Как правило, жилое каменное здание на участке строили не сразу, вначале под него размечали площадку, копали котлован. На переднем дворе, параллельно или под углом к будущему дому, возводили деревянный (реже глинобитный, фахверковый) жилой дом (так называемый флигель, иногда с мастерской), к которому могли пристраивать амбар-ледник, каретник, дровяник и пр. По мере получения казенной ссуды настройку и начала ремесленной деятельности владелец мог закладывать каменный фундамент капитального дома. Часть хозяйственных строений (амбары, сараи и флигели) имела подвалы, каменные фундаменты. При острой нехватке и дорогоизнне транспортировки камня, известки, кирпича хозяйствственные строения сооружали на бревенчатых сваях. Кровли при нехватке досок, теса, драны крыли тростником, корой, соломой и пр. Высокие объемы кровель (2–4 м) позволяли приспособливать для жилья и хозяйственных нужд чердачные помещения (манарды). Окна при нехватке стекла заклеивали бумагой, кожей, забивали досками. Полы из пиленных досок зачастую отсутствовали. Со временем эти хозяйствственные строения в смешанной технике, соединенные под углом виде букв «Г» и «П», по периметру двора смыкались и напоминали по типу жилые дома и дворы в Чехии, Моравии, северной (Саксония, Шлезвиг-Гольштейн) и центральной Германии (Ангальт, Тюрингия), Обер-Лаузитце, Силезии. К ним примыкали новые хозяйственные блоки — хлева, конюшни, дровяные и каретные сараи (навесы), погреба-ледники с амбарной надстройкой. По мере строительства капитальных домов по улице хозяйственные помещения нередко переоборудовали, перестраивали — подводили каменные фундаменты, надстраивали мансарды и вторые этажи [6].

К 1790–1800-м гг. — высшему подъему общинной экономики и ремесел, градостроительный облик центра колонии в целом уже сложился. Ядро Сарепты — вокруг центральной (Marktplatz) площади (48 x 52 саж.) в границах крепости, внутри-

квартальные, усадебные участки были в основном застроены. Насчитывалось (в 1800 г.) около 49 жилых каменных и деревянных домов и квартир. Позднее, в 1810–1850-х гг., шел процесс изменения границ владений. Они могли меняться — дробиться для двух хозяев, сливаться с соседними, шла корректировка генпланов, некоторые общинные, хоровые владения, предприятия с участками меняли жильцов по нескольку раз. Произошла экономическая и общинная реформа после кризиса 1823–1824 гг. При пожаре 1823 г. выгорели целые кварталы и усадебные постройки (37 жилых и фабричных домов, мастерских, 160 хозяйственных построек). Слились диаконии хора братьев и общины. С ликвидацией ряда хоровых предприятий и перепрофилированием строений сокращались владения хора сестер. Появились новые собственники и застройщики усадеб — богатые семейные кланы, руководители общины, частные мастера и фабриканты (семьи Глич, Кноблох, Лангерфельд, Ниденталь, Бауэр и др.) либо арендаторы, выкупившие арендные убыточные предприятия и сделавшие их рентабельными, постепенно превращающиеся в капиталистов. Если в начале XIX в. небольшие ремесленно-мануфактурные предприятия (мануфактуры, фабрики, мастерские) община, при наличии свободных участков, разрешала возводить в границах жилых кварталов и крепости, во второй половине столетия наблюдается возведение машинных и паровых фабрик, заведений за границами крепости, на пустырях. Это было обусловлено стремлением общины сохранить конфессиональный замысел и архитектурный облик колонии, историко-природный ландшафт, экологические и санитарные общинные нормы. Причем имелись случаи и самовольной застройки и открытия фабрик (в 1836 г. фабрикант А.И. Кноблох без разрешения дирекции построил горчичную фабрику на окраине). С ростом богатых семей возникают династии, и община передает им под жилую и хозяйственную застройку все новые усадебные участки. После социально-политических реформ 1877–1892 гг. внутриобщинный кризис привел к ослаблению и размыванию конфессионального градостроительного замысла, отходу от стиля гернгутской архитектуры. Изменялись границы усадебных владений, велась частичная перестройка хозяйственных строений, однако планировки основных хозяйствственно-жилых комплексов старой колонии сохранялись. На окраинах колонии по мере роста жилой и хозяйственной застройки (на смену квартальной и разбросанной пришла уличная) пришлого населения усадьбы застраивались вольно и хаотично, в традиционной русской, реже немецкой технике (срубные дома из пластин, обложенные кирпичом, обшитые тесом, реже — саманные, кирпичные). Таким образом бывшая миссионерская община втягивалась в капиталистические отношения, складывающийся товарно-сырьевая рынок, превращалась в бюргерскую колонию. В начале XX в. бывшая колония стала торгово-промышленным пригородом Царицына, после 1917–1920–1950 гг. — рабочим поселком промышленного района Сталинграда. Усадебная хозяйственная застройка постепенно исчезала в связи со сносом строений, городским строительством, изменением традиционного образа жизни бывших колонистов [7].

Типология усадеб. Традиционные усадьбы жителей — членов братской общины колонии Сарепты XVIII–XIX вв. можно условно разделить на два вида: по типу хозяйства и по общинному и хоровому статусу. По типу хозяйства это были: 1) поселковая (колониальная) ремесленно-торговая усадьба общинного мастера-ремесленника, торговца, служащего общины, арендатора, наемного работника-колониста; 2) крестьянская, сельская — на хуторах, хозяйственных дворах (усадьба общинного полевода, крестьянина, рыбака, мельника, а позднее и арендатора, курорт, пристань, специализированный двор или предприятие в другом регионе). Усадьбы можно подразделить и по общинному (социально-экономическому) и хоровому статусу: 1) семейная общинная; 2) семейная частная; 3) хоровая; 4) общинная. В Сарепте и окрестностях представлено два исторически сложившихся типа планировки традиционной усадьбы гернгутеров: 1) поселковая усадьба поселянина

(колониста) с открытым двором, разомкнутыми хозяйственными строениями; 2) а — сельская хуторская усадьба с замкнутым двором (П-, Г-образно), сомкнутыми строениями под одной крышей, открытым двором; б — сельская хуторская усадьба с хаотичной (кучевой), разбросанной застройкой без четкого выделения дворов (хутор Тёплые воды) [8].

1. *Типовая (рядовая) усадьба мастера-ремесленника общины* с домом и комплексом хозяйственных и ремесленных построек в колонии; б) усадьба частного мастера или арендатора общинного предприятия, в) фабриканта — частного владельца фабрики или завода; г) усадьба служащего общины с домом, необходимыми строениями (пасторы, форштееры, врач-аптекарь, учитель и пр.).

2. *Сельские хуторские и специализированные усадьбы, дворы* (форверк — скотный двор, Рыбацкий двор, пивной двор на Волге, хутора, верхние мельницы на Сарпе и пр.) [9].

Состав построек усадьбы приватного (семейного) колониста — распространенный тип усадебного землевладения на первом этапе развития колонии. Усадебный комплекс состоял из переднего (чистого, Hof, Höf, Höfe) и хозяйственного (скотного или заднего) двора, огорода и сада (последние иногда отсутствовали из-за нехватки свободной земли в границах крепости, но хозяевам выделялись участки под сады и плантации по Сарпе, в орошаемых балках). В усадебный комплекс входил типовой жилой дом, расположенный длинным фасадом вдоль улицы или проезда. На первом этапе чаще всего строили деревянный (фахверковый) жилой дом — флигель (Flügel). По периметру и линии чистого двора иногда в виде букв «Г» или «П», смыкаясь под углом, располагались: сараи (навесы) для дров (Holz Schop, Sarai, Scheune Schuppen), телег, упряжи — каретные сараи (Remise, Wagen Schuppen), амбар для продуктов, хлеба (Stalle, Scheune, Speicher, Ambar) и обычно под ним погреб-ледник (Eiβ-keller, Ais Keller). Иногда у линии в глубине двора расположен хлев для скота, конюшня (Stalle). Во многие дворы, сады и улицы был подведен питьевой водопровод от родников и устроены колонки, реже на участках копали колодцы [10].

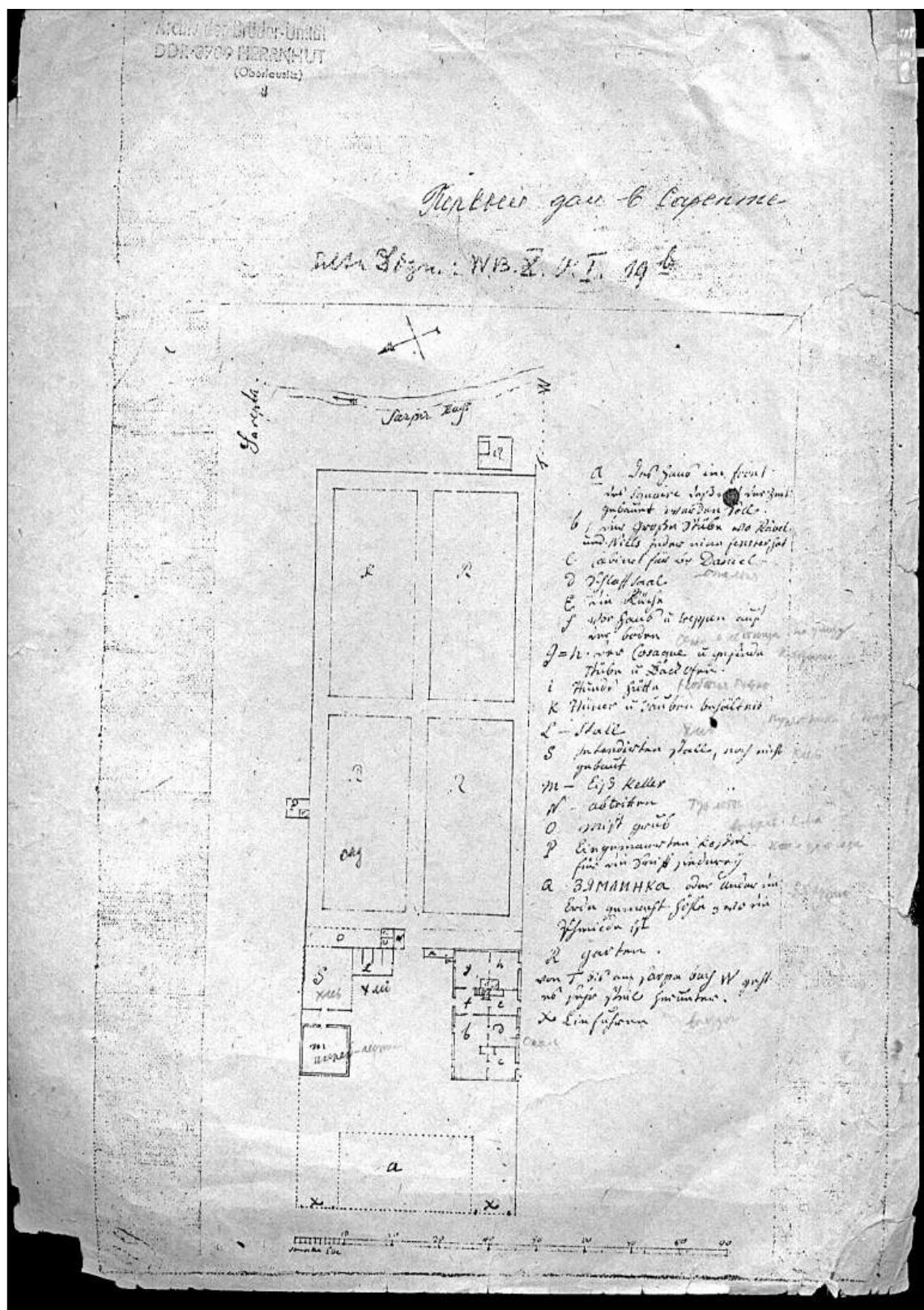
На заднем дворе располагались хлевы для крупного и мелкого рогатого скота (Stalle), иногда с загонами и навесами, курятник (Hünerstalle, Hüner, Hühnerstalle), свинарник (Swainestalle), сенник (Stroustalle, Heustall), конюшня (Pferde). С улицы входили через парадный вход дома или калитку, на подводах заезжали через широкие двустворчатые ворота. Отмечено наличие на подворье в XVIII в. голубятника, собачьих будок (Hunde güttn), землянки («землинка») с печью, для временных мастерских, пекарни, жилья работников, садовые печи с котлом в саду, холодных и теплых туалетов (Abtviffrn, Toullet), выгребная яма (Mirt grüb). Для выгона скота с хоздвора иногда имелись специальные ворота в проезд или улицу, ведущие к крепостным воротам или мостику через Сарпу. Запрещалось оставлять скот на улицах колонии без присмотра. По мере развития и эволюции в XIX в. усадебного комплекса появлялись на переднем дворе: летние кухни (из кирпича, дерева) с печами, плитами (Sommerküche, Backhaus), деревянные беседки, садовые домики на каменном фундаменте из полубруса, пластин, досок, летние садовые печи, стационарные коптильни в садах, сушилки табака, хмеля, фруктов, площадки для отбеливания холстов, перголы, бассейны, фонтаны, колонки с колодами, оранжереи, зимние сады (у фабрикантов Глич), иногда колодцы и пр. Колонисты старались украшать усадьбы посадками деревьев, кустарников, винограда, клумбами цветов. Как правило, овчарни (Schaaf Stall) и молотильные токи (риги, гумна, зерновые овины) в границах колонии отсутствовали. Бани (Badehaus) и купальни на Сарпе, кухни (Küche), землянки, жилые казармы, хижины для солдат гарнизона, наемных работников, рыбаков, строили как на усадьбах, так и на пустошах за границами старой колонии, на берегах Сарпы, Волги. На фотографиях конца XIX – начала XX в. на окраинах колонии, берегу Сарпинского затона, бахчах отмечены кроме

русских срубных изб также деревянные и саманные домики, обшитые тесом, турлучные, глиняно-плетневые хижины (мазанки) пришлого населения [11].

Планировка двора. Двор с постройками колониста обычно в плане представлял собой прямоугольник, застроенный с одной-двух, реже с трех сторон участка. Незамкнут (иногда полузамкнут с небольшими разрывами для прохода по центру в сад, проулок, улицу), в центре открыт, строения иногда смыкались, образуя длинные объемы (до 10–20 саж.), либо разомкнуты. То есть в Сарепте имелись и амфиладные и реже покоеобразные (у хоров холостых братьев, на хуторе Форверк) композиции. Середина свободна для разворота телег и подъезда к конюшне, хлеву, сарайм, амбару, навесам. Размеры типовых усадеб 17 x 20 саженей (т. е. 36 x 42 м), 20 x 25, 20 x 40, 10 x 30 саженей, в среднем 15 x 25 саженей. Планировка двора напоминала не только братские общинные усадьбы. Аналоги Сарепты можно найти в Пруссии — это стиль «Блокхаус» (Blockhaus), и в селении Одербух / Бранденбург [12].

Обычно передний двор обнесен забором из вертикально или горизонтально закрепленных досок или штакетника по периметру, с широкими тесовыми воротами на улицу и отгорожен поперечным забором от хозяйственного двора, по центру туда и далее в огород и сад при его наличии вела калитка. Столбы для забора и ворот из бревен, бруса вкапывали в землю. Позднее появились каменные основания заборов и каменно-кирпичные сложенные на растворе и оштукатуренные столбы. Дворы могли разделяться блокированными строениями конюшни с сеновалом (на чердаке), каретным и другими салями, хлевом. Вначале освоения усадьбы возводили временное деревянное, реже фахверковое и глинобитное жилое строение — флигель перпендикулярно или параллельно главному дому. Если этот флигель сооружался на каменном фундаменте и с каменным подвалом, а стены из бревна (брюса), в дальнейшем его могли перестроить в камне и кирпиче. Или напротив, срубной дом из бруса (брюна) возводился на столбах-сваях, позднее при наличии камня и кирпича фундамент подводили под него снизу. Планировка усадьбы в XVIII в., с 1–2-этажными постройками под одной крышей (жилье, амбар с погребом, хлев, конюшня, сеновал, кладовая, сараи для дров) по периметру двора, напоминала традиционный дом-двор в некоторых землях северо-восточной, центральной Германии (Шлезвиг-Гольштейн, Саксония), Обер-Лаузитце (деревенский стиль т. н. «Umgebindehaus» — т. е. фахверковый, древо-каркасный, круглый дом), Ангальт, Тюрингия, Пруссия — (Blockhaus), Чехии (Моравия). Капитальный каменный дом из камня (фахверк) длинным фасадом занимал красную линию вдоль улицы или квартального проезда (пожарно-хозяйственного). Размеры типового дома Сарепты — 7 x 3½, 8 x 4, 8 x 3 сажени. Перед домом с улицы высаживали аллеи деревьев (тополь, акация и пр.) с ограждением из изгороди (палисадник), цветы. За тротуаром или дорожкой вдоль улицы у дороги была проложена дренажно-оросительная канава с дощатыми стенками и мостиками для проезда подвод [13].

В архиве Гернгута сохранился чертеж «Первого дома в Сарепте» с планировкой двора — первой общинной усадьбы 1765–1766 гг. Передний дом только запланирован, под него отведена стройплощадка около 8 x 4 сажени (литера «A»), оставлены два проезда (X). Застройка переднего двора образует в плане «П» с разрывом по центру забора. Временный жилой дом — деревянный вытянутый в объеме флигель, расположен перпендикулярно стройплощадке вдоль забора. У торца флигеля — небольшой курятник с голубятней (K), собачья будка (i). По линии чистого и хозяйственного двора поперек двора — деревянный хлев (L), пристроенный Г-образно к двучастному сараю (S) и погребу-леднику с тамбуром под одной крышей (M). На заднем дворе к задней стене хлева и сарай пристроена длинная выгребная яма (O) и туалет (N). Далее разбит сад (R) в виде четырех прямоугольников. За садом на берегу Сарпы вырыта землянка — кузница с печью (Q) — одна из первых. К границе сада примыкает садовая печь с котлом (P) [14].

План усадьбы в Сарепте. 1760-е гг.

Семья фабрикантов Глич в перголе у дома. Сарепта, 1880-е гг.

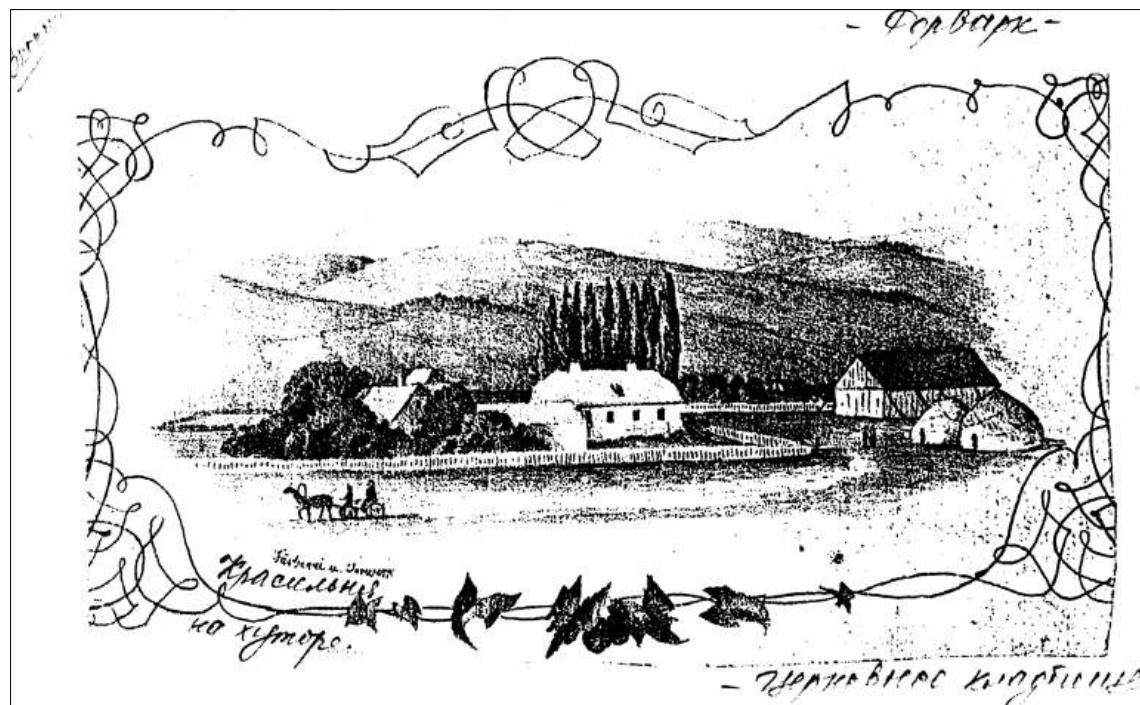
Сельские хуторские и специализированные усадьбы (хозяйственно-жилые комплексы), хутора Шёнбрунн, Гезундбруннен (Теплые воды), Форверк (Vorwerk – скотный двор), Рыбацкий двор, пивной двор на Волге (Brauhof), Хутор (Chutor) на Сарпе, верхние мельницы на Сарпе и пр.).

Дома и сельские усадьбы населения в Обер-Лаузитце, разбросанные несколько хаотично по пригоркам и склонам в предгорье Лужицких гор, часто не обнесенные оградой, забором, напоминают хутора. Такие усадьбы огораживали штакетником, забором на столбах, плетнем из жердей и веток.

Примером сельской крестьянской усадебной планировки служил хутор (Dorf – деревня) Шёнбрунн и форверк (скотный двор). Шёнбрунн был основан общинной диаконией в 1769 г. в 2 верстах для поселения 20 крестьянских семей. К 1773 г. там проживало 5–6 семей в отдельных дворах, занимавшихся животноводством (содержание крупного и мелкого рогатого скота, коров, быков, овец, коз, лошадей, свиней, кур), товарным полеводством (табаководство, овощеводство, садоводство). Застройка велась по образцу немецких крестьянских хозяйственных домов-дворов (деревушек-мыз). Интересно, что хутор застраивался по уличному плану: с каждой стороны улицы по три усадьбы с хозпостройками и земельными наделами. Однако на более поздних картах XIX в. прослеживается более хаотичная застройка и планировка усадеб. Хутор со стороны Волги и Царицынской дороги ограничен дорогой на Гезундбруннен и стоит на развилке с другой дорогой, уходящей на возвышенность. Размеры переднего двора небольшие – около 20 саженей. Усадебный комплекс включал типовой дом с высокой крышей с мансардой (из фахверка, бруса), на каменном фундаменте с каменным подвалом, хлева, конюшни, сараи из дерева (брёвен, доски), иногда на сваях, сеновалы, риги (молотильные токи), амбары для зерна, каменный и деревянный погреба. Кровли крыты тростником, тесом, соломой. Дворы обнесены забором, штакетником, изгородью, плетнем, имелись ворота и калитки. Размеры домов – 6 x 3, 4 x 3, 5 x 3, хозяйственных строений – в среднем

5 x 3 саженей. К хутору был подведен водопровод от расположенного выше родника Шёнбруннский. Позднее на хуторе открыли красильную мастерскую, т. е. добавились ремесленно-промышленные строения. Из-за рентабельности сельского хозяйства в 1790-х гг. передан из общинного хозяйства арендаторам-фермерам. В 1780–1790 гг. хутор расстраивался за счет строительства новых усадеб и деревянных домиков-квартир для гостей курорта. В конце XIX – начале XX в., по мере превращения Сарепты в пригородный промышленный поселок Царицына, Шёнбрунн постепенно слился с частным жилой застройкой прошлого населения [15].

Форверк с молочной фермой был заложен в 1767 г. как скотный двор колонии и относился к общинной диаконии. В плане двор застроен почти полностью по периметру (П), но разомкнут в трех местах для подъезда и входа в ворота у дома. По типологии его можно отнести к «замкнутой застройке» двора (он несколько напоминает тип русской замкнутой дворовой застройки — так называемый круглый двор, а также план южно-великорусской крестьянской усадьбы Воронежской губернии). Тип двора — открытый. Тип усадьбы — двор с сомкнутыми связанными постройками. Перпендикулярно типовому жилому дому, расположенному по передней линии двора на косогоре в сторону колонии, слева находились длинное Г-образное одноэтажное строение под одной крышей из бруса — жилье для наемных работников с печью, хлев для быков, коров, телят, гумно (ток с молотилками), сеновал, конюшня, зернохранилища — сараи (зерновые овины). Справа меньших объемов — строение на каменном фундаменте для конной мельницы, дубильной мастерской и со сводчатыми подвалами из камня для хранения молочных продуктов, маслобойня и сыроварня для изготовления и хранения молочных продуктов — сыра, сметаны, сливок, творога, зернохранилище, хлев для быков, каретник, амбар для муки, два хлебных амбара, погреб для овощей, свинарник и пр. На чердаке (на $\frac{2}{3}$ длины) строения с высокой кровлей на стропилах шпунтованное зернохранилище. Вне двора стоял сарай (12 x 5 саж.) из дерева на сваях для гумна, крытый камышом. На хутор заведен водопровод в бассейн по центру (4 x 4 аршина) с подводкой в садовую цистерну. В саду имелись русская кухня и сарай для дров. Длинные строения выполнены в срубной технике. Отдельные части (срубы) строений соединены путем врубки венцов в вертикальные стойки. Размеры жилого дома хозяина форверка с немецкой ман-

Хутор Форверк. Конец XVIII в.

кардной крышей, традиционны: 8 x 4 сажени, левого (боковое) блокированного под одной крышей жилого и хозяйственного — 32 x 5 саженей, углового — 10 саженей, правого — ремесленного — около 26 x 5 саженей. Форверк обнесен деревянным забором из планок, в нем трое ворот из теса. Расположенные западнее и ниже по склону Ергеней сад и плантации обнесены жердевой изгородью и, вероятно, плетнем (напоминает колючую изгородь) с канавой. В 1799 г. из-за убыточности форверк сдали в аренду частному лицу [16].

Хутор Гезундбруннен (бывший курорт) 1820-х гг. изображен на акварели форштеера, этнографа-миссионера Х.А. Цвика. Все жилые и хозяйствственные строения из дерева. Причем можно различить дома русского типа из бревна-кругляка, срубленные с выпуском конца венца (типа «в охряпку»), из бруса, срубленные в традиционный немецкий «замок», без выпуска венца. Крыши домов высокие двускатные, крыты тесом, соломой у хозстроений, вероятно — камышом. Видны высокие трубы. Часть строений и пристроек (сени, чуланы, сараи, туалеты, навесы) выполнена из досок (брюса) и в глинобитно-плетневой технике. Застройка без плана, хаотичная, разомкнута, дворы усадеб не огорожены. Сено хранится в виде квадратных стогов на огражденной жердевой изгородью площадке. Скаты стогов укреплены скрещивающимися наверху слегами и жердями [17].

Пивоварня общины (Brauhof, Braunhaus), на некоторое время вынесенная к Волге (в 1781 г. П.С. Паллас упоминал, что ее перенесли сюда из-за доходности, здесь шел поток проезжих, только осенью 1792 г. проехало 16 900 саней), представляла собой замкнутый П-образно двор-усадьбу, застроенный по периметру длинными деревянными строениями. В комплекс входили: срубный дом — пивная лавка, погреб-склад, сараи, хлев, сушилка хмеля, солодовня и пр. Позднее она была перенесена вновь в колонию [18].

Рыбацкий двор располагался выше устья Сарпы на мысу, образованном заливом Волги, и состоял в 1770-е гг. из двух длинных (до поставленных под углом каменно-деревянных (фахверковых) строений), соединенных под одной крышей — амбара и погреба-ледника под ним (8 x 4 саж., глубина 1½ саж.) на каменном фундаменте, для засолки (солильня) и хранения рыбных продуктов. Высокая на немецкий лад крыша с чердаком крыта камышом. Во втором строении находились конюшня, сарай (Schuppen) для лодок, сетей, а также волжских товаров (23 x 2 саж.). Рядом на берегу швартовались рыбацкие лодки и рыбные и грузовые баржи и суда. Позднее здесь построили жилой дом. В XIX в. наемные русские рыбаки строили здесь глинобитно-плетневые жилые (сезонные) домики. Среди других полеводческих хуторов Сарепты XVIII – начала XX в. известны Кучерда, Мелихов, хутор Лангерфельда (позднее Люкштедта), хутор В. Рюкбайля, охотника и торговца (на генплане 1865 г. под № 70), Кунсдорф (т. е. «Собачий»), Чапурники [19].

Усадебная застройка гернгутера колонии Сарепты XVIII–XIX вв. представляет собой образец конфессионального хозяйственного мышления, исторического традиционного типа хозяйствования замкнутой общины и в то же время является примером хозяйственно-экономической адаптации европейских переселенцев к социально-экономическим, почвенно-климатическим условиям России и Нижнего Поволжья. Усадебный комплекс колониста — это важный источник по изучению экономической истории колонии, материальной культуры.

Особенности формирования усадебной застройки Сарепты позволяют пополнить наши представления об особой хозяйственно-экономической ментальности, морали, протестантской этике, мировоззрении, традиционной ремесленно-торговой архитектуре замкнутой от внешнего мира, небольшой этноконфессиональной общине (соблюдающей дистанцию от светского окружения — иноконфессионального, иноэтнического), лучше понять их религиозно-хозяйственный замысел, внутренний мир рядового ремесленника — гернгутера в российских социально-экономических условиях XVIII–XIX вв.

В Сарепте рядовая жилая, хозяйственная, ремесленная застройка участков испытала влияние немецких, чешских и российских традиций, приемов строительства того времени, техники, материалов. Тем не менее весь период существования (1765–1892 гг.) небольшой этноконфессиональной группы в иноконфессиональной, иноэтничной среде здесь в основном сохранялась традиционная усадебная, хозяйственная застройка, характерная для братских общин Европы и Америки. Формирование и развитие усадебного хозяйственного комплекса шло с 1765 г. до конца существования Братской общины в 1892 г. Градостроительный облик старой братской общины, центра колонии прослеживается и до нашего времени.

В колонии Сарепте в течение XVIII–XIX вв. сформировался и развивался усадебный комплекс гернгутера, типичный для замкнутых гернгутских общин Европы. Несмотря на региональную специфику и влияние местных российских хозяйствственно-экономических условий (инновации в хозяйстве, влияние и заимствование технологий, техники, стройматериалов, терминов и пр.), можно предполагать о сохранении в Сарепте традиционного набора построек, планировки двора, конфессиональной нагрузки в рядовой жилой и хозяйственной застройке. Таким образом, традиционный тип двора и поселковой (колониальный) усадьбы гернгутера Сарепты — открытый; дворовая застройка с 1–3 сторон — разомкнутая, с несомкнутыми, не связанными постройками, дом длинным фасадом стоит по линии улицы. Усадьба в плане представляет собой прямоугольник [20].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ABU. NBX (Собрание карт). Сарепта 1765. (О1. 17). Сарепта. 1781. (О1. 20); Рихтер К. Из истории Гернгутской братской общины и ее архитектуры // Сарепта и народы Поволжья в истории России: (Проблемы взаимодействия национальных культур): науч. сб. / отв. ред. Б.Ф. Железчиков. Волгоград, 1998. С. 53–57; Клаус А. Сектаторы-колонисты в России // Вестник Европы. СПб., 1868. Т. 2. С. 279; Дитц Я. История поволжских немцев-колонистов. М., 2000. С. 382–383; Галлер П.К. Воспоминания П.К. Галлера. (Быт немцев-колонистов в 60-х годах XIX ст.). Саратов, 1927. С. 21–22; Ерохина О.В. Сравнительная характеристика немецких колоний Области Войска Донского и Поволжья в конце XIX – начале XX в. // Сарепта и народы Поволжья в истории и культуре России: сб. науч. ст. по материалам науч. конф. 2001 г. / отв. ред. Н.Э. Вашкау. Волгоград, 2002. С. 47–49; Макаров А.И. Планировка немецких колоний Камышинского уезда Саратовской губернии // Краеведческие чтения: докл. и сообщ. IV–VI чтений. Саратов: Изд. СГУ, 1994. С. 162–164; Хрипунов Е.В. К вопросу о дифференциации немецких колоний в XVIII–XX веках (на основании письменных источников) // Вопросы краеведения. Вып. 8: Материалы краеведческих чтений и конференций. Волгоград, 2005. С. 71–73; Richter A. Herrnhuter Architektur am Rhein und der Wolga. S. 32, 45; Zimmerling P. Nachfolge lernen Zinzendorf und das Leben der Brüdergemeine. Brendow, 1990. S. 60–61; Terjochin S. Deutsche Architektur an der Wolga. Westkreuz – Verlag GmbH. Berlin; Bonn, 1993. S. 27, 29, 36–37.

2. Шнурр И. Поселения, дома и подворья российских немцев // Родная книга. 1967, 68 // АФ МЗСС (Архив фондов ГОК ИЭиА музея-заповедника «Старая Сарепта»). № 2048. НВФ. Перевод В.А. Рязановой. 1994. С. 1–2; Терехин С.О. Немецкая архитектура в Саратовском Поволжье: опыт идентификации // Культура русских и немцев в поволжском регионе. Саратов, 1993. Вып. I. С. 158–159; Он же. Поселения немцев в России. Архитектурный феномен. Саратов, 1999; Лосицкий С.Н. Основание Сарепты // Краеведческие записки. Волгоград, 1990. Вып. 1; Он же. История Сарепты: краткий очерк // Архив науч. отдела ГИЭМЗСС. 1989; Шишков А.В. Историко-архитектурная справка о комплексе построек и территории историко-архитектурного музея-заповедника «Старая Сарепта» (г. Волгоград) // Архив науч. отдела. Д. Концепция музеефикации развития территории музея-заповедника «Старая Сарепта» г. Волгограда. М., 1990; Когитин В.В., Рыбкова М.А. Немцы Поволжья. Быт и культура. Волгоград, 1997; Отчет о научно-исследовательской работе по хозяйственной теме «История межнациональных отношений в Волгоградской области» в 1990 г. Когитин В.В. // Архив науч. отд. МЗСС; Когитин В.В., Рыбкова М.А. Традиционная культура и конфессиональность поволжских немцев // Старая Сарепта и народы Поволжья в истории России: сб. тез. (материалы конф. II Сарептских встреч) / отв. ред. Б.Ф. Железчиков. Волгоград, 1997. С. 58; Рихтер К. Указ. соч. С. 53; Курышев А.В. Общая историческая справка на колонию Сарепту (конец XVIII–XX в.) // Архив научного отдела. Д. Публикации и статьи А.В. Курышева; Он же. Из истории колонии Сарепта: основание и строительство поселка // Новости Сарепты. № 1, 7. 2004. 5 февр., 2004. 9 апр.; Попов П.П. Слово о «Старой Сарепте». Волгоград, 1994. С. 9–15, 33–39.

3. Archiv der Brüder Unitat (Далее ABU. — Центральный архив Братской общины г. Гернгут (Herrnhut), ФРГ). NBX. А. II. 73. Vue de Sarepta. Copia won Suters. Prospekt 1774–1775; ABU. NBX. L. Zebu Gründriss von Sarepta in Chronologischer Reiche nebst einer Karte des Sareptischen Landes. NBX. L. I. Project. 1765; Ibid. NBX. L. II. 1774; NBX. L. III. 1781; NBX. L. II. (2). 1773; NBX. L. VI. (2). 1804; NBX. L. VII. (2). 1823; NBX. L. VIII. (4) 1825; NBX. L. IX. (2). 1835; NBX. L. X. (2). 1865;

- ABU. NBX. V. I. 19b. Первый дом в Сарепте. ABU. NBX. VI.19. а. Первый дом в Сарепте; ABU. R. 12. Аа. № 31; ABU. NBX. 0.I. 21 3) (8); ABU. NBX. 0. I. 32. План водяной мельницы, гончарной мастерской в Сарепте; ABU. NBX. 0. I. 25. а. Планы первых домов Риттера, Вира 1765–1766 гг.; ABU. NBX. 0I. 21 (2). 3. Gründ riss von Sarepta. 1770; ABU. NBX. 0. I. 31. Ок. 1770 г. План форверка. 1773; ABU. NBX. 0.I.30b; ABU. R.15. II. b.1. № 2. Лагерь калмыков на малом Сарпинском острове, зимой 1821–22 гг.; ABU. R.12. A. A. 37. (Alte Signatur. NBX. 0.I. 34a). Вид с проспекта курорта Сарепты. 1803 г.; Гравюра С. Гейслера «Сарепта колония Евангелической Братской общины в России в Саратовской губернии», из книги П.С. Палласа ... ste Reisch ...; / АФ МЗСС. Ф. 6. Оп. 1. Д. 35. Л. Христофор; Там же, НВФ. № 2815 (1–4); АФ МЗСС. Ф. № 18. Гравюра «Первые деревянные жилища братьев». Н/а. Ок. 1767–1769 гг.; РГВИА. Ф. ВУА. № 22566. План Евангелической братской колонии Сарепта. 1770; РГАДА. Ф. 283. Оп. 16. Д. 75. Сведения для его сиятельства г-на губернатора в Астрахани о числе жителей, зданиях, и ремеслах, и профессиях колонии евангелических братьев в Сарепте в 1773 г. Форштейр Д.Х. Фик. Инвентаризация зданий и ремесел. Там же. Л. 269. Генплан Сарепты 1773 г.; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 22566. Л. 1; Рис. Л. Христофа «Старый общинный дом в Сарепте» // Архив научно-методического отдела ГОК ИЭИА МЗ «Старая Сарепта» (АНО МЗСС). Д. Фото-, ИЗО приложение к статье «Традиционная усадьба гернгутера Сарепты»; РГВИА. Ф. 349. Оп. 37. Д. 163. Л. 1. Описание плана крепости Сарепта 1773 г.; Зутер Х. История общины Сарепты. 1765–1775. АФ МЗСС. НВФ. № 3146 (1). 2005–2006. Гернгут, 2003; Glitsch A. Geschichte der Brüdergemeine Sarepta in östlichen Rußland während ihres hundert jährigen Bestehens. Nach archibalis cher Knollen bear beich von 1865. Niski, 1865.
4. Рихтер К. Указ. соч. С. 53–57; Когитин В.В., Рыблова М.А. Указ. соч. С. 40; Полное собрание ученых путешествий по России, изд. императорской Академией Наук... // Т. 6. Записки путешествия академика [И.П.] Фалька. СПб., 1824. С. 135; Тихеев И. Сарепта. Путевые впечатления И. Тихеева // Газета для сельских хозяев. 1862. № 59. 15 авг.; Zimmerling P. Ibid. S. 6.
5. ABU. Zebu Gründriss von Sarepta in Chronologischer Reiche üsteiner Karte des Sareptischer Landes. NBX. L. I. Project. 1765; ABU. NBX. VI. 19b. Первый дом в Сарепте ок. 1766 г. [прис. А.Л. Брандта]; ABU. NBX. 0.I. 24; NBX. L. III. 1781; NBX. L. II. (2). 1773; Евангелической братской общины в Сарепте Братское соглашение о порядках в ней и о ее членов и жителей поведении в Христовом духе. 1768. Барби, 1784. С. 10 / АФ МЗСС. ОФ. № 11696; Выдержка из еженедельных листов от 20–26 окт. 1765 г. о следующем сообщении № 43 от нашей колонии в Астрахани; Письмо из Царицына 7 / 18 авг. 1766 в Гернгут. Л. 1–2; Фридеботе. № 2. 1913. С. 89–94; Высочайше утвержденный доклад Президента Канцелярии Опекунства иностранных графа Орлова — О правилах для поселения в России братского Евангелического общества. № 12.411. — 7 июня // ПСЗ. Т. XVII. 1765–1766. Вып. 1. СПб., 1830. С. 151–152; Дитц Я. История поволжских... М.: Готика, 2000. С. 443–445; Жалованная грамота Сарептскому евангелическому обществу // ПСЗ. Т. XVIII. Вып. 1. СПб., С. 61–66; Рихтер К. Указ. соч. С. 53; Шишков А.В. Указ. соч. С. 4; Устав о колониях иностранцев в империи. 1857 // Свод законов Российской империи. Изд. 1857. Т. 12. Ч. II. СПб., 1857. С. 3–4, 13–14; Медико-топографическое описание колонии Сарепты // СГВ. 1889. № 6; Зутер Х. Указ. соч. С. 51; Hafa H. Die Brüdergemeine Sarepta. Ein Beitrag zur Geschichte des Wolgadeutschums. Breslau, 1936. S. 48, 81, 84.
6. РГАДА. Ф. 283. Оп. 16. Д. 75. Л. 248 об.–249. Спецификация зданий в колонии евангелических братьев в Сарепте; Там же. Опись имущества строений и промыслов, которые были построены в Сарепте на ссуду казны. С. 249; Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования 3-х царств природы. СПб., 1777. С. 27–28; Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. третья. Половина вторая. 1772 и 1773 годов. СПб., 1788. С. 250; Шишков А.В. Указ. соч. С. 27; Hafa H. Die Brüdergemeine Sarepta. Ein Beitrag zur Geschichte des Wolgadeutschums. Breslau, 1936. S. 48, 50; Glitsch A. Ibid. S. 29, 31, 37, 53–54.
7. ABU. NBX. Zebu Gründriss von Sarepta... 1800–1804, 1823, 1825; ГАСО. Ф. 407. Оп. 1. Л. 2132; Шишков А.В. Указ. соч. С. 10.
8. Баумгартен К., Рах Х.-Ю. С. Хозяйственные постройки // Материальная культура: Свод этнографических понятий и терминов. М.: Наука, 1989. Вып. 3/отв. ред. С.А. Арютионов. С. 207–211.
9. ABU. NBX. VI. 19b. Первый дом в Сарепте ок. 1766 г. [прис. А.Л. Брандта]; Zebu Gründriss von Sarepta in Chronologischer Reiche üsteiner Karte des Sareptischer Landes. NBX. L. I. Project. 1765; Ibid. NBX. L. III. 1781; NBX. L. II. (2). 1773; NBX. L. VI. (2). 1804; NBX. L. VII. (2). 1823; NBX. L. VIII. (4). 1825; РГАДА. Ф. 283. Оп. 16. Д. 75. Л. 248 об.–249.
10. ABU. NBX. VI. 19b. Первый дом в Сарепте ок. 1766 г. [прис. А.Л. Брандта]; ABU. NBX. 0. I. 30b; Шишков А.В. Историко-архитектурная справка... // Архив науч. отдела. Д. Концепция музеификации развития территории музея-заповедника «Старая Сарепта» г. Волгограда. М., 1990; АФ МЗСС. Ф. № 18. Гравюра «Первые деревянные жилища братьев». Н/а. Ок. 1767–1769 гг.
11. АФ МЗСС. Ф. Д. 39. Архив Глич; ПЗА (Полевые записи автора). 2008 г. инф. Волохова Л.Н.; Архив Научного отдела МЗСС. Д. Фотоколлекция И. Экк. кон. XIX – нач. XX вв.; Баумгартен К., Рах Х.-Ю. С. Хозяйственные постройки// Материальная культура: Свод этнографических понятий и терминов. М.: Наука, 1989. Вып. 3. Отв. ред. С.А. Арютионов. С. 207–211; Lehrbegriß fämtlicher oecomischer und Cameralwiffernfchaften. Des ersten Theils, erfter Band-Stutgarri. 1764.
12. Терехин С.О. Указ. соч. С. 79, 86, 107–109, 140, 144, 147.
13. Войёков А. Описание Сарепты // Северный архив. 1822. Ч. I, № 1. С. 60; АНО МЗСС. Д. Фото коллекция «Виды Сарепты». Цветная акварель «Дом форштейера».
14. ABU. NBX. V I. 19b; АФ МЗСС. Ф. № 18. Гравюра «Первые деревянные жилища братьев». Н/а. Ок. 1767–1769 гг.; ABU. R. 12. Аа. № 31. С. 251b, 259b–260.
15. ABU. R. 12. Аа. № 31. С. 251b, 259b–260; РГАДА. Ф. 283. Оп. Д. 75. Л. 268. Lit B. Gründriss des neuangelegten Dorfes Schönbrunn, auf dem sareptischen Lande. 1773; Шнурр И. Поселения, дома

и подворья российских немцев // Родная книга. 1967, 68 / АФ МЗСС. № 2048. НВФ. Перевод В.А. Рязановой. 1994. С. 1–2; «Вид на Сарепту с Царицынской дороги». Рисунок художника Корнеева. Ок. 1803 г. // АНО МЗСС. Д. Фото-, ИЗО приложение к статье «Традиционная усадьба гернгутера Сарепты»; АНО МЗСС. Д. Этнографический поселок. Пояснительная записка к предпроектным проработкам по созданию этографического поселка МЗ «Старая Сарепта». 1991 г. Прилож. № 7; Паллас П.С. Указ. соч. С. 160–161; Болтин И.Н. Хорография сарептских целительных вод. СПб., 1782. С. 14; Дитц Я. Указ. соч. С. 446; Hafa H. Ibid. S. 163; Glitsch A. Ibid. S. 38, 75.

16. АБУ. С. R.12. Ab. 34а. Специальный План сарептских земель для Саратовской конторы опекунства. Ок. 1803 г. / АФ МЗСС. Ф. 18. Zusamenstellung der 4 Spesial-Plane von sareptischen Landes... Ок. 1803 г.; АБУ. NBX. 0I. 213) (8); АБУ. NBX. 0.I.45a. Der 4 geometrischen Special-Pläne des sareptischen Landes im verjüngten Maafsstäbe von...; АБУ. NBX. 0.I. 31; РГАДА. Ф. 283. Оп. 16. Д. 75. Lit. C. Grund Riss des Vorwerks und Land – Wirthschafts Gebäude auf der Sareptischen Colonie; РГАДА. Ф. 283. Оп. 16. Д. 75. Л. 20–21; РГВИА. Ф. 349. Оп. 37. Д. 163. Л. 1. План Сарепты. 1773; Этнография восточных славян. С. 243; Бломквист Е.К. Крестьянские постройки восточных славян. С. 191; Паллас П.С. Указ. соч. С. 160; Hafa H. Ibid. S. 163.

17. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 22565. Л. 1. Grund-Riss von Zarepta ок. 1773 г.; АФ МЗСС. Der Gesundbrunnen bei Sarepta. Nacheinem Aguarell von Hairich August Zwick. 1810/25. Im Brsitz von Martin Ferd. Achtnich Raithelhuber; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 22565. Л. 1. Grund-Riss von Zarepta ок. 1773 г.

18. АНО МЗСС. Д. Фотоколлекция «Виды Сарепты». Plan der Gegen zwischen Zarizin u Sarepta nebst dem darzwischen liegendenen niner Brunnen. 1781; Паллас П.С. Указ. соч. С. 79.

19. АБУ. NBX. 0I. 21 (3) (8). Gründ Riss von Sarepta. Ок. 1770; АБУ. R. 12. Ab. 34; Plan der Gegen zwischen Zarizin u Sarepta nebst dem darzwischen liegendenen niner Brunnen. 1781; РГАДА. Ф. 283. Оп. 16. Д. 75. Л. 266. План течения реки Волги и Сарпы. Худ. Г. Г...; Минх А.Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии. Саратов, 1901. Т. I. Вып. 3. Карта южной части Царицынского уезда; Паллас П.С. Указ. соч. С. 79.

20. АБУ. NBX. 0I. 24; РГАДА. Ф. 283. Оп. 16. Д. 75; ГАСО. Ф. 407. Оп. 1. EX. 2132. Л. 37 об.; Рыблова М.А. Традиционные поселения и жилища донских казаков. Волгоград, 2002. С. 108–123; Войиков А. Описание Сарепты // Северный архив. 1822. Ч. I. № 1. С. 60; Духовский. Колонии на Волге // Казанский вестник. 1829. Ч. 25. Кн. I. С. 62–63; Леопольдов А. Статистическое описание Саратовской губернии. СПб., 1839. Ч. 2. С. 67; Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. V. Ч. 4. Саратовская губерния. СПб., 1852. С. 183; Путеводитель по Волге / сост. П.П. Нейгардт. СПб., 1862. С. 91; Клаус А.К. Наши колонии. СПб., 1869. С. 89; Минх А.Н. Указ. соч. С. 898, 910; Пашкевич В.В. Плодоводство в России: Материалы и исследования. СПб., 1908. Вып. X. С. 317–321; Gmelin S. G. Reise durch Russland zur untersuch und der dren Natur-Reiche Zweter Theil. St. Petersburg, 1774. С. 17; Hafa H. Ibid. S. 50.

Ю.П. Лыхин, Л.А. Аболина

ПЕЧИ И ПЕЧНОЕ ОТОПЛЕНИЕ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В XVIII – СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

Печь в истории человечества — одно из важнейших изобретений, без которого немыслима жизнь. Любая нежилая постройка превращалась в жилье, когда в ней появлялась печь. В каждом доме печь занимала главное место и была центром притяжения для всех его обитателей, особенно в условиях суровой сибирской зимы. Данная статья посвящена рассмотрению основных типов печей, существовавших в Восточной Сибири в XVIII – середине XIX в. В результате изучения архивных материалов и литературы были выявлены следующие типы печей, с помощью которых население Восточной Сибири отапливало жилые помещения: русская печь, голландская печь (голландка), печь-каменка и якутский камелёк (чувал). Рассмотрим их подробнее в том же порядке.

I. Русская печь. Первые русские поселенцы, появившиеся в Восточной Сибири в XVII в., перенесли сюда и основной тип печи, существовавший тогда на Руси. Это была русская глинобитная печь без трубы, которая топилась «по-чёрному». Дым из устья такой печи выходил в жилое помещение и заполнял верхнюю часть жилища, оседая копотью на потолке и стенах. Для выхода дыма из избы открывали дверь и специальное волоковое окно в стене под потолком. После того как печь протапливалась, дверь с окном закрывали, и помещение наполнялось теплом.

В начале XVIII в. чёрные, или курные, избы в среде русского населения преобладали на всей территории Восточной Сибири. Белые избы являлись тогда скорее исключением, чем правилом, хотя территориально встречались уже во многих местах, в первую очередь, конечно, в городах и острогах. Так, в 1704 г. в переписной книге постоянных дворов Енисейска не раз указывались жилища, отапливаемые «по-белому» — кирпичными печами с кирпичными же выводными трубами: «Да в той избе печь кирпицная, труба выводная кирпицная»; «В горнице печь кирпицная с трубой выводной»; «А у того хоромного строения <...> печи кирпицные и трубы выводные кирпицные»; «В подклете печь кирпицная с трубой выводной» [1].

В составленной в 1724 г. описи Братского острога были указаны «2 прикащичи новые избы, в том числе одна белая, другая черная, промеж ими сени с казенкою» [2].

И.Г. Гмелин, участник Второй Камчатской экспедиции, находясь в 1730-х гг. в Илимске, центре Илимского воеводства, записал в своем дневнике: «Все жилые дома частных лиц очень плохи. Во всем городе только одна комната, свободная от дыма, но и она так плоха, что лучше нее взять черную избу. Я жил в паршивой черной комнате, в которой часто в облачную погоду среди бела дня приходилось зажигать свечу. Если я что-нибудь писал или читал, то вскоре бумага покрывалась падающей копотью» [3].

Однако к середине XVIII в. количество жилищ, отапливаемых по-белому, по крайней мере на юге Восточной Сибири, заметно возросло, они стали распространяться не только в городской, но и в крестьянской среде. Об этом свидетельствуют описания разрушений, собранные Иркутской провинциальной канцелярией после случившегося 16 июня 1742 г. «великого землетрясения». Так, только в Иркутске было разрушено более 400 кирпичных труб у 342 домовладельцев: «У иркутского посадского Михаила Строганова у избы и горницы трубы кирпицные рассыпало»; «У Лаврентия Елизарова у избы труба рассыпалась, а в горнице печь вместе с трубой рассыпалась»; «У Ивана Тиунцова у двух изб и горницы трубы рассыпались»; «У Екима Белозерова у избы труба рассыпалась, у горницы печь рассыпалась»; «У Матфея Захарова три трубы рассыпались»; «Святой церкви у священника Ивана Гребешкова две трубы рассыпались» и т. д. [4].

То же наблюдалось и в населенных пунктах вокруг Иркутска: «А в деревнях в Кудинской, в Мотской и Набалеях и в прочих местах, у кого имели кирпичные трубы, все рассыпало до кровель»; в Кудинской слободе «труба каменная рассыпалась до потолочины и в избу кирпичивались, и чело у печи вывалилось»; в Хомутовской деревне «труба каменная развалилась до потолку и две по печи учинило расседины и чело вывалилось»; в Карлуцкой деревне «труба каменная до потолку рассыпалась и печь расселась великой расседкой»; в Балаганском остроге «у отставного служилого <...> трубу рассыпало до кровли и внутрь кирпичи падали в избу» и т. д. [5]. А в Селенгинске, также пострадавшем от землетрясения, не только дома отапливались по-белому, но даже и некоторые бани: «У обычательских 83 дворов у 101 печи верх повредило, трубы рассыпало <...> да у одной бани сверху кровли труба рассыпалась» [6].

Тем не менее на отдаленных территориях Восточной Сибири переход к белым печам происходил медленно и к началу XIX в. преобладание курных изб там по-прежнему сохранялось. По свидетельству Я. Яроцкого, занимавшегося топографическим описанием Туруханского края, в начале XIX в. в г. Туруханске все частные дома (которых, впрочем, было тогда не более четырех десятков) отапливались по-черному [7].

На р. Лене и в первой трети XIX в. курные избы по-прежнему были в подавляющем большинстве. Н.С. Щукин в книге «Поездка в Якутск», написанной на основе путевых заметок 1829 и 1830 гг., отмечал, что жители ленских селений Киренского округа Иркутской губернии «имеют черные избы» [8].

В 1840 г. Н.С. Щукин вновь проехал по Лене, после чего во втором издании книги появились новые сведения. Автор сообщал: «Селения [Верхоленской волости Иркутского округа] построены беспорядочно, и хотя нет домов, крытых соломою, зато много изб курных <...> Курные избы в Иркутской губернии остались только на Лене, там хотя и слабо, но все-таки защищают превосходство этих изб противу белых. Впрочем, у многих крестьян есть и горницы с печками» [9]. И в другом месте о Киренском округе: «Домы по большой части курные и разделяются сенями на две половины: в задней бывает горница с печью. Хотя жители и заступаются за черные свои избы, однако же понемногу оставляют их» [10].

То же можно было видеть и в селениях по р. Илим: «Избы вообще черные, но у многих есть горницы с печами» [11].

Подтверждает эту картину и отставной титулярный советник В. Паршин, составивший в 1849 г. «Историческое, географическое и этнографическое начертание Иркутской губернии». «Крестьяне Киренского округа, — пишет он, — отличаются от всех прочих крестьян Иркутской губернии своею простотою, невежеством, неповоротливостью и грязным образом жизни. Они живут в так называемых курных

*Русская печь. Село Заплескино,
Жигаловский район Иркутской области.
Фото Ю. Лыхина, 2004 г.*

(черных) избах с печами без труб, и зимою любимое место у них в этих избах — на жарких палатах. Палаты устраиваются из настилки досок на брусьях, между полом и потолком, но ближе к потолку, нежели полу.

<...> При 40° мороза <...> проезжающий поневоле, подражая местным жителям, старается обогреться на высоких палатах, рассматривая на досуге черные, как будто обитые дорогим бархатом стены и потолки хаты под вековою сажею!

Киренские крестьяне думают, что курные избы теплее белых. Есть, впрочем, и белые дома, но у немногих вольнодумцев» [12].

Следует отметить, что достоинствами курных печей считали следующее: большее количество тепла при меньшем расходе топлива, хорошая вентиляция и дезинфекция помещения, сохранение дома сухим, отсутствие сырости и гниения дерева [13]. Курные избы использовались и в хозяйственных целях. П.А. Ровинский, проезжавший по Илиму в 1871 г., отмечал, что местные жители нарочно строят курные избы с очень высокими потолками, чтобы в них можно было сушить и вялить рыбу, сохатине мясо [14].

Говоря же о «горницах с печками», Н.С. Щукин имел в виду чистые, парадные половины крестьянских домов-связей, предназначавшиеся для приема гостей в праздники. Печи в горницах ставили белые, при этом чаще всего они были русскими*, но могли быть и голландскими, служившими только для обогрева помещения. К сожалению, автор не уточняет, какие именно печи видел он.

Более подробные описания ленских изб с печами приводятся в работах медиков Ф. Шперка и Н.И. Кашина, опубликованных в 1870 г. Исследуя характерные для ленских жителей заболевания, они проявили интерес и к быту ленских крестьян. Так, Ф. Шперк изложил свои наблюдения по печам Верхоленского округа следующим образом: «При входе в жилую половину, налево, у самых дверей стоит большая, кухонная русская печь, битая из глины; отверстие в печи для топки находится в меньшей комнате, против окна, и называется целом и делается полукругом, место перед целом называется шестком**, между печью и стеной, в остающемся довольно узком пространстве, приделывается, наравне с высотой печи, служащая ей как бы продолжением деревянная пристройка и известная под названием голбчика, которая служит вечным местом для лежания бабушки или дедушки и отогревания их старых костей. За печью (под голбчиком) находится ход по лестнице в яму, вырытую под полом и называемую подпольем, которое служит для хранения овощей в зимнее время». И далее: «В округе, в редких селениях, встречаются у крестьян так называемые черные или курные избы; но подобные избы вновь не строятся, а составляют воспоминание старины; подобная изба отличается устройством только печи, которая [не] имеет трубу, и дым, выходя из чela печи, идет в отверстие, сделанное сбоку или над печью, в стене избы; это отверстие бывает величиной в небольшое окно и запирается деревянным ставнем; во время топки изба наполняется дымом и в ней делается очень холодно, так как отворяют еще двери для того, чтобы выходил дым; но когда печь истопится и отверстие для выхода дыма закроется, то изба скоро и сильно нагревается, воздух в ней походит на банный и у меня постоянно производил щекотание в горле и особенный, как бы горький, вкус во рту» [15].

Описание Ф. Шперка дополняет Н.И. Кашин, обследовавший кроме Верхоленского и Киренский округ: «Тотчас от дверей кладется, обыкновенно на деревянных устоях, большая русская печь, но не из кирпичей, а преимущественно из одной глины, что составляет так называемую битую печь, которая иногда (подчеркнуто нами. — Ает.) кладется без трубы. Таким образом, внутренние стены таких домов

* В 1846 г., отвечая на вопросы анкеты Императорского Русского Географического общества, священник с. Богучанского Енисейского уезда Андрей Андреев писал, что в горницах села печи были «битые из глины, но белые» (Архив РГО. Р. 57. Оп. 1. Д. 16. Л. 2).

** Под шестком, внизу печи, находится небольшое помещение для кур в зимнее время. — Примечание Ф. Шперка.

представляются грязными и черными вследствие копоти, происходящей от дыма при топке печей; для выхода же дыма устраивается особенное окно или же отворяются во время топки двери» [16].

Из приведенных сообщений следует, что к 1870 г., через 40 лет после посещения тех же мест Н.С. Щукиным, у ленских крестьян в целом произошел переход к печам с трубой и более распространены были белые избы. Эту перемену зафиксировал и П.А. Кропоткин, проплыvший по р. Лене в 1866 г. [17].

Таким образом, в середине XIX в. в Восточной Сибири повсеместно завершился длительный, постепенный переход от курных русских печей к белым, начавшийся еще в конце XVII – начале XVIII в. К концу XIX в. курных печей на указанной территории почти не осталось, белые же русские печи в Восточной Сибири сохранились до второй половины XX в. и продолжают использоваться в сельской местности до наших дней.

Возвведение русской глинобитной, или битой, печи не требовало больших денежных и трудовых затрат, фактически нужны были лишь глина да имевшиеся в каждом семействе рабочие руки. Глинобитную печь возводили сами хозяева, при необходимости используя так называемую «помочь». Прежде всего по размерам будущей печи делался деревянный сруб – «опечек», закреплявшийся в одной или двух стенах дома. Сверху опечка устраивалася «под» – гладкая площадка, на которой внутри печи разводился огонь. Над подом из утрамбовывавшейся специальными колотушками глины возводился сводчатый корпус печи. В толщу глины могли помещать булыжники, благодаря которым печь дольше держала тепло. В передней части печи вырезалось полукруглое устье (цело) и устраивался шесток. Битье печи осуществлялось в течение всего одного дня.

Кладка кирпичных печей производилась особыми специалистами – печниками. В конце XVII – начале XVIII в. эта профессия уже существовала в Восточной Сибири, о чем свидетельствуют прозвища жителей г. Иркутска: Панкрат Печник, Иван Кирпишник, называвшийся в документах печником [18].

Промежуточным этапом в процессе перехода от курных печей к белым были так называемые полубелые, или полукурные, печи. В качестве примера отопления такими печами можно привести существовавшие на территории Восточной Сибири в середине XVIII в. курные избы, дым из которых выводился с помощью деревянных «дымников». Упоминания о дымниках в разных населенных пунктах присутствуют в описаниях разрушений после землетрясения 1742 г. Так, в Оёцкой слободе в доме одного из пашенных крестьян «дымник деревянный упал на землю и рассыпался» [19]. В Хомутовской деревне в крестьянском доме «труба каменная да дымник деревянный рассыпались до кровли» [20], отсюда видно, что в одной половине дома была печь кирпичная белая, а во второй – глинобитная курная.

Еще один переходный вариант предполагал установку черной печи таким образом, чтобы ее корпус размещался в чистой комнате, за стеной, а топка производилась из сеней или коридора, «чтобы не досаждал дым» [21].

Картина перехода от курных печей к белым в Восточной Сибири была, безусловно, гораздо разнообразней, нежели то, что нам удалось выяснить. Замена черных печей белыми имела множество различных конструктивных решений. Однако чтобы осветить этот вопрос полнее, необходимо проведение дальнейших исследований.

П. Голландская печь стала распространяться в России с начала XVIII в., со времени царствования Петра I. В числе иностранных мастеров, приглашенных им в Санкт-Петербург, были и голландские печники. Печи, которые они складывали в России, получили название голландских [22].

Существенным отличием голландской печи от русской являлось наличие закрытого топливника и дымовых ходов. Из просторной топки, имевшей железную или чугунную дверку, дым через «хайло» (отверстие в своде) переходил в последовательные дымообороты, устроенные в печи, после чего выходил в дымовую трубу.

Голландка. Город Кяхта, Республика Бурятия. Фото Ю. Лыхина, 2009 г.

оборотами («винтом»), проходившими над топливником. Вместо глиняных вышек начали употреблять чугунные, по-прежнему закрывавшие трубу на чердаке. В царствование Екатерины II (1762–1796) в употребление вошли печи с вертикальными дымовыми ходами («колодцами»), чистить которые было гораздо проще [25].

В XIX в. голландские печи подверглись еще большему усовершенствованию. Они значительно уменьшились в размерах, появились «проёмные» печи, которые устанавливались в проеме стены так, что могли отапливать сразу две комнаты. Около 1820 г. печным мастером Утермарком была придумана особая конструкция голландской печи, которая в результате стала круглой (цилиндрической) и была заключена в футляр из листового железа (утермарковская печь). Во второй половине столетия на дне топливника голландской печи была помещена колосниковая решетка и добавлено поддувало, что было связано с использованием угля в качестве топлива [26].

Усовершенствования голландской печи делали ее компактнее, эффективнее, экономичнее, а это способствовало все более широкому распространению по территории России. К середине XIX в. голландская печь (голландка) была хорошо известна не только в городских, но и в сельских жилищах в самых отдаленных регионах страны, в том числе и в Восточной Сибири. К примеру, к 1830 г. относится свидетельство декабриста А.Е. Розена, отметившего голландские печи в доме крестьянина-старообрядца с. Тарбагатай недалеко от г. Верхнеудинска: «В одной половине дома обширная изба для рабочих, с русской печкой для стряпанья и печения; в другой половине — от трех до пяти чистых горниц с голландскими печками...» [27]. В 1860-х гг. голландки уже не были редкостью в деревнях и селах Киренского округа Иркутской губернии, их устанавливали в тех крестьянских домах, «при которых пристроена светлая и чистая горница» [28].

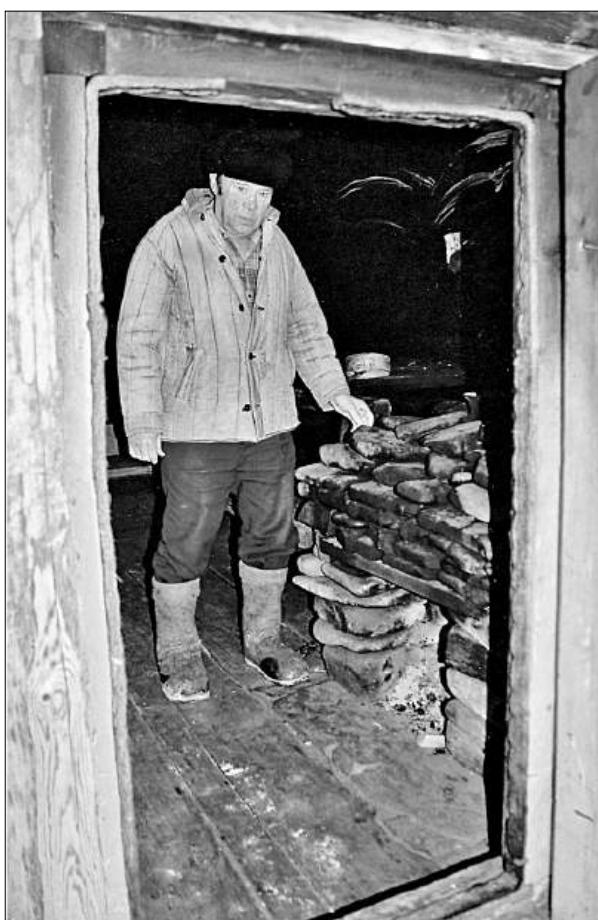
Когда печь протапливалась, дымовая труба плотно закрывалась вышкой (обычно на чердаке, через особые боковые дверцы) и нагревшаяся масса печи отдавала тепло в помещение [23].

Вначале голландские печи, клавшиеся из кирпича и облицовывавшиеся глазурованными изразцами, были очень большими. Они занимали на полу около квадратной сажени (около 6 кв. м) и ставились обыкновенно в углу помещения на некотором расстоянии от стен так, чтобы дверца топливника была направлена в стену. Здесь находился человек с запасом дров, который следил за процессом горения. По мере прогорания дров ему было необходимо прикрывать дверцы топки и пригребать угли к устью, чтобы они горели быстрее. При искусной топке печь нагревалась больше, а вынос тепла в трубу уменьшался [24].

Голландская печь в России не была чем-то конструктивно застывшим. Совершенствуясь, она все время видоизменялась. При императрице Анне Иоанновне (1730–1740) голландки устраивались с горизонтальными дымо-

III. Повсеместно распространенным типом печи в Восточной Сибири была **печь-каменка**. Каменка — это куполообразная печь, сложенная из дикого камня, без трубы, с открытым топочным отверстием. Печи-каменки устраивали в овинах, в которых производилась сушка хлеба в снопах, в банях, в охотничих зимовьях, вообще во временных жилищах. К примеру, в 1765 г. при организации экспедиции В.Я. Чичагова по изысканию Северного морского пути М.В. Ломоносовым была подготовлена инструкция, по которой при вынужденной зимовке участникам экспедиции предписывалось строить избы, а в них «печи, буде есть глина, а буде нет, то из дикого валуну каменки или очаги» [29].

Печь-каменка в бане устраивалась прямо на земле у двери, слева или справа от входа. При сооружении банной каменки на ее верх наваливали груду окатанных камней — собранных по берегам рек мелких валунов и крупной гальки. В печи-каменке не было ни колосников, ни поддувала, ни печной дверцы. Во время топки такой печи огонь и дым свободно проходили между камнями, быстро нагревая их. При этом, ввиду отсутствия трубы, дым распространялся по всей бане. Выпускали его, отодвигая задвижку маленького волокового окна и приоткрывая низенькую с высоким порогом дверь [30]. Мыться в бане по-черному можно было только после того, как печь прогревалась. По окончании топки воздух в бане становился сухим и жарким, раскалившиеся камни и после протопки продолжали отдавать тепло. Для получения пара и дополнительного повышения температуры в бане на каменку плескали воду. За печью сооружалось дощатое возвышение — полóк, на котором люди парились и мылись. При этом не следовало касаться стен и потолка бани, которые были дочерна закопчены. Чтобы сажа не досаждала моющимся, перед посещением бани ее сметали веником.

Печь-каменка в черной бане. Село Толмачево, Качугский район Иркутской области. Фото Г. Афанасьевой-Медведевой, 1999 г.

Иоганн Людвиг Вагнер, прусский гражданин, по воле судьбы попавший в 1760 г. в Енисейск, на местные бани обратил особое внимание. В своей книге, опубликованной в Берлине в 1789 г., он следующим образом описал внутреннее устройство русской бани с печью-каменкой и изложил впечатления от ее посещения: «Почти каждый горожанин имеет в своем доме баню. Она состоит из маленькой прихожей и комнаты, в которых находится сложенная из дикого камня печь. Эти камни так пригнаны друг к другу без известки, что сверху сходятся в круглый свод. Брандмауэр по всем правилам сложена из дикого камня. Недалеко от печи пол примерно на два фута приподнят и имеет наклон; примерно так, как в наших караульных помещениях, сделаны нары. У другой стороны стоит скамейка шириной в два фута. У входа в комнату стоят два сосуда с холодной водой, в которую бросают раскаленные камни, чтобы нагреть воду в них до такой степени, как это желательно моющемуся. Топят так сильно, что при входе, несмотря на то, что в стене вырезано четырехугольное

отверстие, с заслонкой, через которое выходит дым и жар, от жары можно упасть в обморок. Но, несмотря на это, русские нагревают комнату еще больше и поступают при этом следующим образом. Они опускают связанный из березовых прутьев веник, на котором имеются еще все листья, в холодную воду и брызгают на раскаленную докрасна печь, чем вызывают пар, горячий, как кипящая вода. Потом голые они ложатся на возвышение у печи и секут себя веником, куда только могут попасть, так сильно, что все тело краснеет, как сваренный рак. Вслед за этим русский бежит к бочке с холодной водой и льет себе висящим на ней черпаком на голову. Потом он ложится на скамейку, обмазывает все тело белым мылом — черное мыло там совсем неизвестно — и отмывает его снова теплой водой. Зимой он выходит, несколько раз повалается в снегу и, не вытираясь, одевается. Когда он возвращается в свою квартиру, он поворачивается к образам или изображениям святых, которые по всей России стоят в верхнем углу у окна против дверей, тремя пальцами трижды бьет крест перед грудью и говорит слова: *Slavo Tibe Gospodi!* [31].

В XVIII – середине XIX в. сельские жители Иркутской губернии строили исключительно черные бани с беструбными печами-каменками. Даже в самом конце XIX в. бани по-белому были весьма редким исключением, встречаясь лишь «у самых богатых крестьян» [32]. И после того, в XX в., долгое время черным баням отдавалось предпочтение потому, что черная печь-каменка требовала меньше топлива и, как считалось, давала лучший пар. Кроме того, осаждавшаяся на стенах и потолке сажа предохраняла древесину от насыщения влагой и гниения, поэтому такие бани дольше сохранялись. В то же время печи-каменки из-за присущего им открытого огня служили причиной частых пожаров, а потому и овины, и бани старались ставить поодаль от жилых строений.

Бани по-черному с печами-каменками продолжают существовать в Восточной Сибири у отдельных любителей до настоящего времени.

IV. Специфическим типом печей на севере Восточной Сибири был **якутский камелёк**, или **чувал**. Чувал — «пристенный открытый очаг с нависающим над ним прямым дымоходом» [33] — по сути своей являлся видом камина и был распространен не только у якутов, но и у народов Западной Сибири (ханты, манси), а также Поволжья (татары, башкиры), у кавказских народов. Якуты устанавливали чувал в своем зимнем жилище — деревянной юрте-балагане. К примеру, в одном из описаний XVIII в. говорилось: «Юрта строится четырехугольная из стоящих несколько наклонных деревьев, с внутренней стороны обтесанных, снаружи обкладываются землею, но большей же частью навозом, крыша делается ровною, а пола почти никогда не бывает. В середине находится очаг с выведенной вверх трубой из тонких жердей, обмазанных глиною, что называется чувалом» [34].

Подобные же, не слишком распространенные, описания чувала относятся и к первой половине XIX в. Так, Ф.П. Врангель, совершивший поездку на крайний север Восточной Сибири в 1820–1824 гг., писал: «Посередине юрты, ближе к дверям, ставится чувал — род очага, или открытого камина, с трубой, проведенной в кровлю; в нем горит беспрестанно огонь для тепла в юрте и для варки пищи» [35].

М. Геденштром в своих «Отрывках о Сибири», изданных в 1830 г., сообщал, что якутские зимние юрты «довольно теплы и не дымны; вместо печи имеют огромный камин (чувал), построенный посередине юрты из бревен, обмазанных толсто глиною» [36].

М.И. Муравьёв-Апостол, находившийся в 1828–1829 гг. в ссылке в Вилюйске, писал в своих воспоминаниях: «В чувале, как зовется безобразный татарский камин, дрова горят целый день и над крышею выведена дымовая труба, которая закрывается снаружи на ночь» [37].

Н.С. Щукин, ездивший в Якутск в 1829–1830 гг., замечал: «Посередине юрты устраивают комелек из жердей, обмазанных глиною, где пылающие дрова чрезвычайно скоро нагревают юрту»; и в другом месте: «Якутский комелек довольноши-

Внутренность якутской юрты с камельком
(из кн.: Серошевский В.Л. Якуты: Опыт этнографического исследования.
СПб., 1896. С. 356)

рок; дрова ставятся к стене вертикально, полено подле полена, и когда разгорятся, производят сильное пламя, которое тотчас нагревает всю комнату» [38].

Наиболее подробно описал чувал Г. Майдель в своей книге о путешествии по северо-западной части Якутской области в 1869–1870 гг.: «Приблизительно в середине постройки, впрочем несколько ближе к двери, к которой он обращен своей задней стороной, ставится камин, состоящий из большого бревенчатого квадрата в 4–5 футов по сторонам. Этот квадрат наполняют глиною и плотно ее утаптывают; с одной стороны его устанавливаются двухдюймовые жерди, верхние концы которых просовываются через потолок таким образом, что жерди изгибаются, приобретая вогнутость по направлению квадрата, и стоят не вполне вертикально; фута на два над потолком они обрезываются. К задней стене камина, на высоте 4–5 футов над его глиняным полом, приделывают горизонтальный обруч и другой такой же повыше, у верхнего края стены; по окружности этих обрущей прикрепляются вертикальные двухдюймовые жерди, которые и образуют дымовую трубу. Весь этот деревянный остов, задняя стена и составляющая ее продолжение труба очень тщательно смазываются толстым слоем глины. В таком виде камин готов. <...> Топят каминами таким образом, что дрова в 4–5 футов длиною, расколотые предварительно на тонкие поленья, ставят стоймя к задней его стенке. При этом получается громадный, горящий большим пламенем огонь, дающий сильное лучеиспускание тепла, которым только и согревается внутренность жилого помещения. Вполне достаточное нагревание совершается очень быстро; конечно, в суровые зимние морозы камин должен топиться целый день, но недостатка в топливе нет <...> Вечером, перед сном, сильно подтапливают камин, дают угольям прогореть до совершенного исчезновения синего пламени, как при топке наших печей, затем прикрывают трубу со стороны крыши заслонкой, уголья же разгребают. Этим способом получают некоторый запас тепла, который держится пока не заснешь, а затем от проникающего в течение ночи холода приходится спасаться под меховым одеялом, безусловно необходимым при жизни в юрте. К утру становится очень

холодно (мне случалось видеть, что вода в стакане покрывалась льдом), но рас-топленный камин в несколько минут дает такое пламя, что помещение в самое короткое время вновь согревается» [39].

Основным достоинством якутского камелька (чувала) являлась быстрота прогрева помещения, в первую очередь в зоне у его открытого огня. В условиях сурового северного климата зачастую это было жизненно важно. Поэтому не случайно в Якутии камельки устанавливали на почтовых станциях. Неоднократно проезжавший по Якутскому почтовому тракту Н.С. Щукин с чувством написал в своей книге: «От Витима к Якутску на каждой станции устроены якутские комельки: эта спасительная выдумка достойна того, чтоб изобретателю оной был поставлен монумент. Перемерзнувший путешественник около огня, пылающего в комельке, обсушит свое платье и отогреет замерзнувшие члены в полчаса. Заведение сие стоит того, чтоб учреждено было на всех станциях и в России» [40].

Другим достоинством камелька являлась хорошая вентиляция помещения. Для якутских юрт, в которых жилое пространство отделялось от хлева лишь жердевой перегородкой с неплотно прикрытой дверью и люди фактически жили вместе с животными, это было немаловажно. Один из путешественников XIX в. отмечал: «Приезд в юрту на ночлег бывает истинной пыткой для обоняния русского...» [41].

Кроме всего прочего, камелёк являлся еще и источником освещения якутской юрты.

В то же время якутский камелёк имел свои недостатки. Как и всякий камин, он был мало экономичен и имел низкий коэффициент полезного действия. Камелёк не аккумулировал тепло и отдавал его только тогда, когда в нем горело топливо. После прогорания топлива помещение быстро остывало, а находившиеся в нем люди ощущали значительные, некомфортные, перепады температуры.

Возможно также, что большое, яркое пламя постоянно горевшего камелька и резкий перепад температуры при переходе людей от пылающего огня на жестокий мороз являлись причиной некоторых глазных болезней, которыми страдали якуты [42].

Тем не менее камелёк на северо-востоке Азии был столь распространен, что его зачастую устанавливали, наряду с глинобитными и кирзовыми печами, даже в русских домах [43].

Среди описанных нами печей, бытовавших в Восточной Сибири в XVIII – середине XIX в., наиболее распространенной у русского населения, несомненно, была русская печь. В течение всего рассматриваемого периода происходила постепенная замена черной русской печи печью, топившейся по-белому. При этом существовало множество переходных вариантов русской (полубелой) печи, разнообразие которых нуждается в дополнительном изучении. В рамках перехода на отопление по-белому в Восточной Сибири появилась и европейская по происхождению отопительная печь – голландка. В то же время, наряду с упомянутыми, продолжал существовать наиболее старый тип печи – печь-каменка, а на севере Восточной Сибири местный тип печи – якутский камелёк (чувал). В последующий период на территории Сибири широко распространяются и другие типы печей, рассмотрению которых должно быть посвящено отдельное исследование.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 214. Кн. 1390. Переписная книга постоянных дворов Енисейска. Л. 15–16.
2. Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. 2-е изд. Иркутск, 2001. С. 78.
3. Цит. по: Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. С. 167.

4. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 8. Д. 5630. Дело по доношению из Иркутской провинциальной канцелярии о бывшем в городе Иркутске 16 июня 1742 г. великому землетрясении. Л. 6–8.
5. Там же. Л. 13 об., 19, 21 об., 25 об.
6. Там же. Л. 29.
7. Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М.: Наука, 1964. С. 169.
8. Щукин Н. Поездка в Якутск. СПб., 1833. С. 33.
9. Щукин Н. Поездка в Якутск. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1844. С. 43.
10. Там же. С. 111.
11. Там же. С. 71.
12. Архив Русского Географического общества. Р. 59. Оп. 1. Д. 15. Историческое, географическое и этнографическое начертание Иркутской губернии, составленное отставным титулярным советником В. Паршиным. Л. 303 об.–304 об.
13. Русская изба: иллюстрпр. энцикл. СПб., 2001. С. 50.
14. Ровинский П.А. Сообщение г. Ровинского о поездке его по Ангаре и Лене // Известия СОИРГО. Иркутск, 1871. Т. 2, № 3. С. 53.
15. Шперк Ф. Верхоленский округ Иркутской губернии // Медико-топографический сборник. СПб., 1870. С. 158–160.
16. Кашин Н.И. Эндемия зоба и кретинизма в приленской долине и по другим местностям Иркутской губернии // Медико-топографический сборник. С. 261.
17. Кропоткин П.А. Письма из Восточной Сибири. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983. С. 134.
18. Первое столетие Иркутска. СПб., 1902. С. 26, 57–58.
19. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 8. Д. 5630. Дело по доношению из Иркутской провинциальной канцелярии о бывшем в городе Иркутске 16 июня 1742 г. великому землетрясении. Л. 15 об.
20. Там же. Л. 22 об.
21. Зиннер Э.П. Указ. соч. С. 217; Печи комнатные и очаги // Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1898. Т. 46. С. 543.
22. Флавицкий И. Здоровое и вредное отопление и оздоровление жилых помещений. СПб., 1882. С. 26–27.
23. Печи комнатные и очаги. С. 541.
24. Там же. С. 541–542.
25. Свиязев. Теоретические основания печного искусства в применении к устройству разных нагревателей к отоплению и вентиляции зданий. СПб., 1867. С. 52–53.
26. Печи комнатные и очаги. С. 541–543.
27. Записки барона Андрея Евгеньевича Розена // Отечественные записки. 1876. № 4. С. 411.
28. Кашин Н.И. Указ. соч. С. 261.
29. Проект Ломоносова и экспедиция Чичагова. СПб., 1854. С. XLII.
30. Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйствственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 342.
31. Цит. по: Зиннер Э.П. Указ. соч. С. 214–215.
32. Молодых И.А., Кулаков П.Е. Иллюстрированное описание быта сельского населения Иркутской губернии. СПб., 1896. С. 125–126.
33. Большая советская энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1978. Т. 29. С. 239.
34. Цит. по: Ионова О.В. Жилые и хозяйственные постройки якутов // Сибирский этнографический сборник. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 271.
35. Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. М.: Изд-во Главсевморпути, 1948. С. 116.
36. Геденштром М. Отрывки о Сибири. СПб., 1830. С. 93.
37. Муравьев-Апостол М.И. Воспоминания и письма. Пг.: Изд-во «Былое», 1922. С. 61.
38. Щукин Н. Поездка в Якутск. СПб., 1833. С. 107, 209.
39. Майдель Г. Путешествие по северо-западной части Якутской области в 1868–1870 годах. СПб., 1894. С. 41–42.
40. Щукин Н. Поездка в Якутск. СПб., 1833. С. 107.
41. Сельский И.С. Описание дороги от Якутска до Среднеколымска// Записки СОИРГО. СПб., 1856. Кн. 1. Отд. I. С. 96.
42. Майдель Г. Указ. соч. С. 42; Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. Л.: Наука, 1969. С. 88.
43. Врангель Ф.П. Указ. соч. С. 138, 151–152; Гончаров И.А. Фрегат «Паллада» // Собрание сочинений: в 6 т. М.: Правда, 1972. Т. 3. С. 359, Майдель Г. Указ. соч. С. 41; Худяков И.А. Указ. соч. С. 88.

A.YO. Исаев

СОЛЯРНЫЕ НАВЕРШИЯ ПРЯМОУГОЛЬНЫХ НАЛИЧНИКОВ ИРКУТСКА, ВЫПОЛНЕННЫЕ В ТЕХНИКЕ ПРОПИЛЬНОЙ РЕЗЬБЫ

Omnia fluent, omnia mutantur

Полуземлянки праславянского периода сменились одноэтажными избами, а впоследствии и многоэтажными деревянными домами. Планировка строений эволюционировала от простого четверика в достаточно сложные и многоплановые конструкции. Черные избы сменились белыми. Резные деревянные дымокуры уступили место кирпичным трубам. Выразительная пластика круглых венцов деревянного сруба скрылась под тесовой обшивкой, которая, в свою очередь, потребовала значительных перемен в декоративном оформлении фасадов.

Появление новых кровельных материалов привело к замене теса и драны железом и шифером. Просуществовавшие десятки веков самцовские крыши сменились стропильными конструкциями. Потоки и курицы уступили место ажурной прорези подзоров.

Массовое производство стекла позволило значительно увеличить величину оконных проемов, волоковые окна сменились косящатыми, появились оконные переплеты и наличники, ставшие одним из выразительнейших элементов деревянного декора.

Изобретение лобзика, а также ряда специальных видов пил и пилочек вызвало массовое распространение пропильной (ажурной) резьбы. Скупой и лаконичный декор предыдущих эпох сменила изумительная роскошь пропиловки, зачастую покрывавшая едва ли не всю поверхность фасадов деревянных строений.

Дальнейшая эволюция деревянного зодчества в советский и постсоветский периоды — явление более чем печальное. И дело даже не в массовом появлении безликих блочных многоэтажек, зачастую буквально сметавших с лица земли десятки тысяч шедевров деревянного зодчества предыдущей эпохи. Дело в изменении сознания людей и общества, проповеди дешевизны и практичности, изменении конструктивных приемов деревянного строительства.

Основным строительным модулем становится квадратный брус, едва ли не полностью вытеснивший круглое бревно. Обшивка сложенных из бруса домов предельно проста и лаконична. Декор фасадов и наличников предельно упрощен, а порой и вообще отсутствует. В этом случае деревянные здания не многим отличаются от своих блочно-кирпичных собратьев.

В последнее десятилетие (как в городе, так и в деревне) деревянную обшивку заменяет сайдинг (обшивка стен зданий рифленым металлическим листом), срубы обкладываются кирпичом, деревянные переплеты сменяют пластиковые окна, вместо железа и шифера начинает использоваться черепица. Деревянные строения являются таковыми чисто номинально, декоративное украшение подобных «монстров» становится совершенно излишним.

Такое положение вещей мы можем характеризовать как полный разрыв с вековыми традициями русского деревянного зодчества, в котором резные деревянные украшения носили не просто декоративно-эстетический характер, а имели гораздо более важный сакрально-охранительный смысл.

Многочисленные этнографические наблюдения и описания конца XIX – начала XX в. позволяют нам говорить о существовании достаточно устойчивых принципов в декоративном оформлении деревянных построек. Проведя серьезное изучение ведущих мотивов декора русского деревянного зодчества, используя обширный археологический и этнографический материал, анализируя основные мотивы русской

народной вышивки и резного украшения прялок, Борис Александрович Рыбаков пришел к выводу о сохранении главенствующих принципов языческого мировоззрения в оформлении фасадов деревянных домов в конце XIX – начале XX в. [1]. Здесь нет смысла приводить ход мысли и основные выводы ученого: желающие могут обратиться непосредственно к его работам. Для нашего исследования важны два установленных им факта: 1) четкое разграничение верхнего и среднего неба при декоративном оформлении фасадов; 2) магически-охранительное значение помещенных на них солнечных (солярных) символов.

Существует достаточно устойчивое мнение, что длительное сохранение охранно-магических символов в архитектурном оформлении домов, основных сюжетах русской вышивки и украшениях самых различных предметов бытового назначения — не более чем дань традиции, сохранение внешней формы при полной утере понимания их сакрального смысла.

Однако даже в наш ядерно-космический век большое количество людей придает серьезное значение разного рода приметам, снам и предзнаменованиям. Чего стоит одно только восклицание «Нечистая!», многократно воспроизведенное в литературе и широко растиражированное в кинематографии («Иван Васильевич меняет профессию» Леонида Гайдая, «Неуловимые мстители» Эдмонда Кеосаяна, «Мастер и Маргарита» Владимира Бортко — примеры можно множить бесконечно). А черные кошки, подковы, разного рода обереги и амулеты, прочно вошедшие в наши быт и сознание?

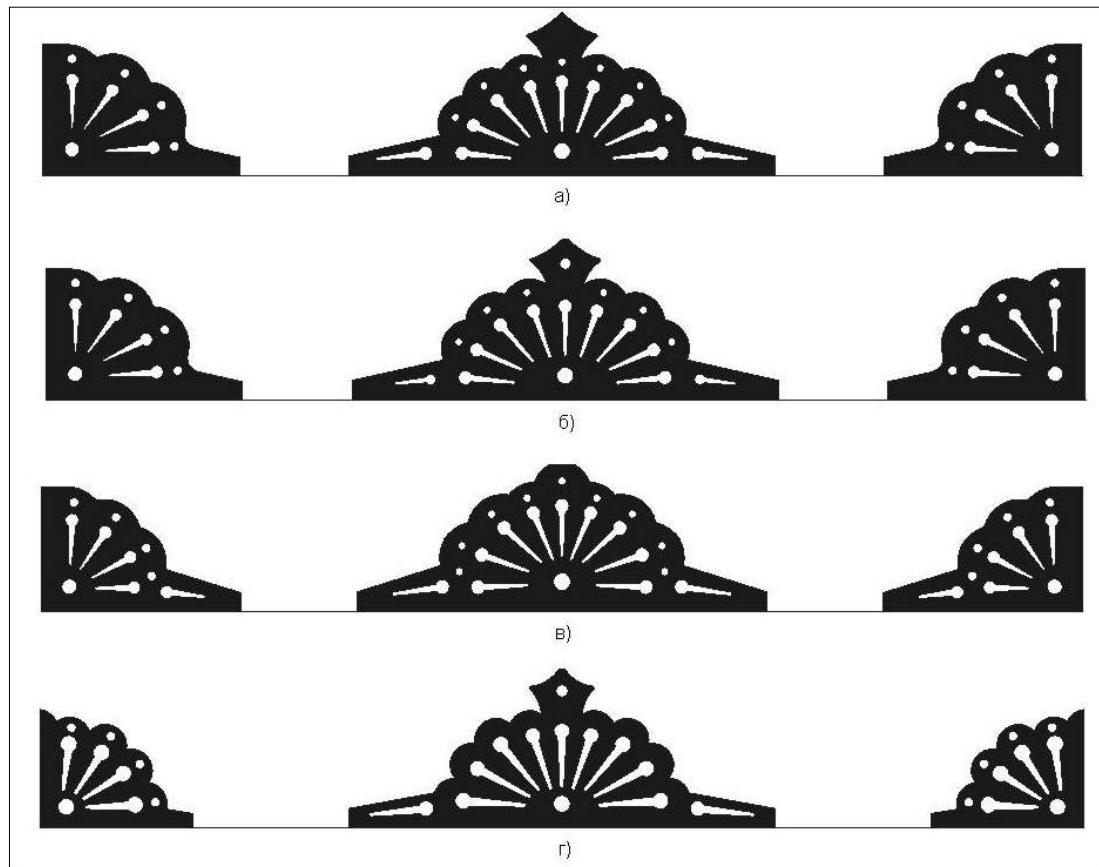
Что уж тогда говорить о наших предках, твердо убежденных в существовании многочисленных добрых и злых духов, в повсеместном распространении зла, противостоять которому одни лишь крестные знамения и иконы в красном углу избы были не в состоянии. Отсюда многочисленные заговоры и обереги, едва ли не главным из которых является идеограмма солнечного диска, близкая и понятная любому человеку, солнечные символы, знаменующие победу света над тьмой, торжество жизни, гибель (или уход) зла и нечисти.

Всепобеждающая сила солнечного света известна, близка и понятна каждому. Отсюда солярные знаки в оформлении коньков крыши, слуховых окон, ветрениц и полотенец, фризов и карнизов, надоконных (лобаней) и подоконных досок наличников, перекладин ворот. И наконец, это солярные навершия наличников, одному из видов которых и посвящена данная статья.

Сакрально-предохраниительные знаки и в украшении одежды, и в оформлении домов группировались вокруг открытых проемов, сквозь которые могли проникнуть злые силы: краев одежды, перекладин ворот, оконных и дверных проемов. Особое внимание уделялось защите оконных проемов, которые не только служили окном в мир для обитателей избы, но и давали возможность чужим людям и сторонним злым силам подглядеть жизнь внутри жилища, проникнуть внутрь или хотя бы сглазить тех, кого удается увидеть в окно [2].

Достаточно позднее появление пропильной резьбы (вторая половина XIX в.) оставило ее за рамками исследований подавляющего большинства этнографов и историков русской архитектуры. Долгое время она считалась вычурной, безвкусной и бездуховной, расценивалась как порождение эпохи промышленного переворота, не более чем ремесленничество. Исследования последней трети XX столетия позволили в значительной степени опровергнуть этот стереотип и по-новому взглянуть на форму и содержание пропильной резьбы [3].

Материалы по деревянному зодчеству Иркутска (центральная часть города, Нагорный район, предместья Глазково, Жилкино, Марата, Рабочее, Радищево), собранные автором в 2005–2008 гг., наглядно свидетельствуют об огромной вариативности пропильной резьбы и камня на камне не оставляют от утверждения о шаблонности и стереотипности этого вида декора.

*Рис. 1. Солярные навершия
(ул. 6-я Советская: а – 76; б – 78; в – 78.2; г – 80)*

Обследование и фотофиксация 215 улиц города позволили выявить 274 здания, имеющих наличники, украшенные солярными навершиями. Изучение и обработка полученных материалов позволяют сделать вывод, что один и тот же шаблон при изготовлении солярных наверший, как правило, применялся лишь при оформлении одного и того же дома или домов одной усадьбы (Декабристов Событий, 46, 46б; К. Либкнехта, 54б, 54в; Красных Мадьяр, 33а, 33б; 5-й Армии, 43, 45). Кроме того, можно выделить несколько групп наверший, имеющих определенное стилистическое единство, выполненных в одно время и, скорее всего, одним и тем же мастером. Но и здесь мы можем говорить о повторяемости и идентичности с весьма серьезными оговорками. Ярчайшим примером творческого подхода при использовании одного и того же шаблона при изготовлении солярных наверший служат усадьбы № 76, 78, 80 по ул. 6-й Советской. Однотипные на первый взгляд навершия при более детальном рассмотрении оказываются не вполне идентичны вследствие ряда мелких изменений (форма вершин-надставок, несколько «плавающая» волна абриса, разная длина лучей, дополнительные прорезы и пропилы), придающих индивидуальность декору каждого из четырех рядом стоящих домов (рис. 1).

Еще одним расхожим заблуждением является представление о ремесленническом характере изготовления пропильной резьбы. Общая схема рассуждения такова: по готовому шаблону размечаются новые заготовки, в нужных местах сверлом или коловоротом просверливаются отверстия необходимых диаметров, в дальнейшем соединяемые пропилами при помощи лобзика, внешний контур выпиливается ножковкой, после этого остается только установить изготовленные детали на предназначеннное им место. Несомненно, подобный процесс работы имел место при изготовлении декора самими хозяевами домов в целях удешевления строительства. Но именно при знакомстве с такого рода изделиями возникает чувство какого-то

эстетического дискомфорта, впечатление о незавершенности работы или изготовлении детали учеником-подростком.

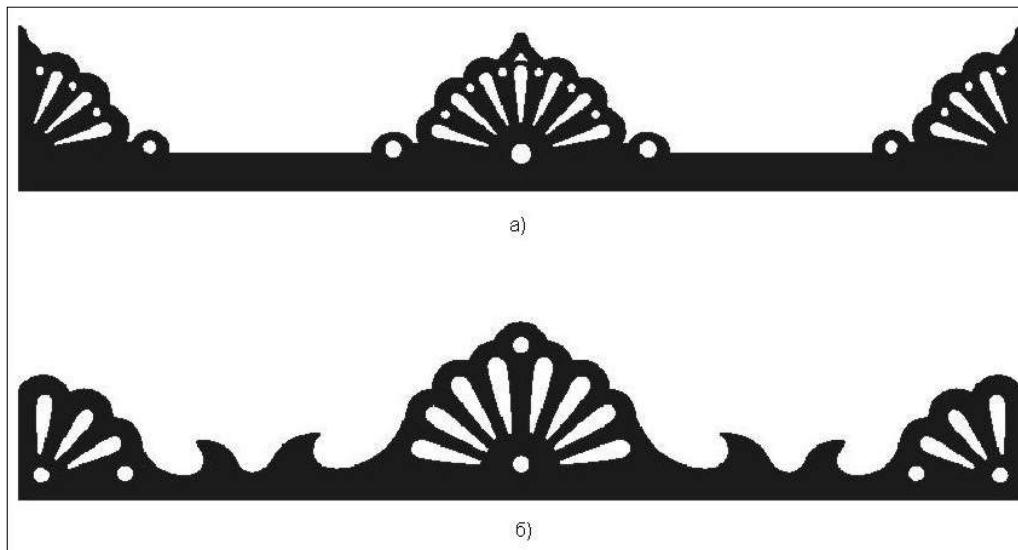
Дело в том, что лобзик позволяет соединить просверленные отверстия далеко не идеально, а полученные при помощи пропилов детали требуют серьезной доработки. Для придания изделию должной выразительности и пластичности требуется дополнительная подработка, которая производится уже при использовании разного рода резцов. В дальнейшем при помощи тех же резцов производится подрезка — округление лицевых граней пропила, придающее им ту или иную степень округлости и оказывающее заметное влияние не только на форму, но и на эстетическое восприятие декора. Можно еще упомянуть о финальной шлифовке и сглаживании неровностей декоративных деталей после подрезки. В ряде случаев после дополнительной обработки детали, выполненные по одному и тому же шаблону, могут сильно отличаться друг от друга. Все это в значительной мере сближает пропильную резьбу с прорезной, которую большинство исследователей относит к несомненным достижениям деревянного зодчества.

Кроме того, как показали недавние исследования, большинство мотивов, выраженных мастерами при помощи пропильной резьбы, имеет свои корни и прототипы в лучших образцах прорезной и других видов резьбы предшествующего периода [4]. Разумеется, менее трудоемкий в сравнении с прорезью процесс пропиловки позволяет значительно усложнить имеющиеся древние образцы, творчески развить и дополнить их.

Солярные навершия прямоугольных наличников, несомненно, продолжают и развиваются один из сакрально-охранительных мотивов русского деревянного зодчества и как бы копируют языческую (дохристианскую) картину мира, широко представленную на щипцах и фронтонах русских деревянных домов. В этой картине подзорчики карнизов наличников (прямоугольных, подтреугольных, подovalьных или комбинированных) представляют «верхнее небо», являющееся средоточием «небесных вод». Надоконные доски (лобани) представляют «среднее небо», по которому происходит суточное движение солнца. Иногда оно представлено лишь в своей полдневной ипостаси в виде крупного круглого диска в центре лобани. Но нередко большому солнечному диску в центре сопутствуют менее крупные диски справа и слева, соответствующие восходящему и заходящему солнцу. При этом солярные знаки могут выполняться не только с помощью прорези или пропила, но и просто вытачиваться на токарном станке.

Изредка встречаются случаи помещения солярных наверший на лобань наличников (Колхозная, 19; Нестерова, 45; Радищева, 46 [совмещено с верхней солярной композицией]; Чапаева, 60). Но здесь мы, скорее всего, имеем дело с повторным использованием деталей солярных наверший, оставшихся невостребованными после сноса украшенных ими деревянных домов.

В большинстве случаев (редкие исключения мы вполне можем объяснить позднейшими утратами части композиции — Напольная, 7; Стуковский, 17) солярные навершия представлены трехчастной композицией, изредка объединенной в единое пространство пропильной резьбы (1-я Советская, 44; 8-го Марта, 11; Бограда, 5а; Дзержинского, 50; Кайская, 50; Коммунистическая, 54; Красных Мадьяр, 4; Партизанская, 6; П. Осипенко, 15; Ремесленная, 21а; Храмцовская, 15; рис. 2, 16). Центральная часть трехчастных композиций обычно выполнена в форме полукруга «солнечного диска», представляющего полуденное солнце; каждая из боковых частей, соответствующих восходящему и заходящему солнцу, — двумя четвертями, установленными на угловой части карниза наличника с лицевой и боковой сторон под прямым углом друг к другу. Такое построение боковых частей солярной композиции создает иллюзию несколько искаженного полукруга солнца при взгляде на наличник под различными углами. Как правило, боковые части имеют несколько меньший размер.

*Рис. 2. Солярные навершия, объединенные в единую композицию
(а – ул. Партизанская, 6; б – ул. 1-я Советская, 44)*

Чтобы не нарушать привычной схемы, в подавляющем большинстве случаев солярные навершия представлены полным или неполным полукругом, т. е. своего рода ореолом короны солнечного диска, не поднимающегося выше верхнего неба, как это издревле присуще сочетанию конька и причелин крыши. И лишь в отдельных, весьма немногочисленных, случаях центр солнечного диска поднят над поверхностью карниза наличника (6-я Советская, 11; Академика Павлова, 18; Северная, 38; Седова, 52). Еще реже часть лучей композиции ниспадает к этой поверхности (Освобождения, 9; Шаповалова, 10). Большая часть подобного декора имеет весьма позднее или даже современное происхождение.

В ряде случаев боковые части имеют несколько упрощенную пропиловку, но и при этом общие сочетания фона и пропилов довольно близки центральной части композиции. Существенными отличиями боковых частей композиции являются:

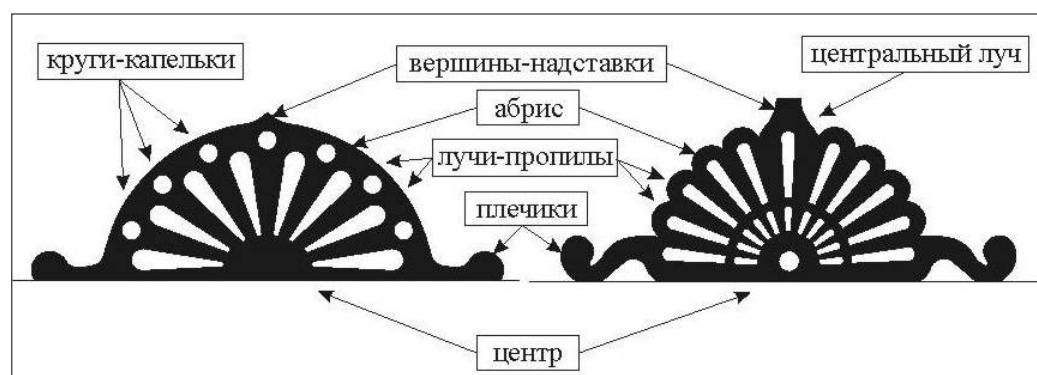
- 1) представление на них лишь половинок «центральных» (вертикальных) лучей-пропилов по лицевой стороне наличника, которые в сочетании с половинками торцевых частей при рассмотрении под некоторым углом создают иллюзию полного центрального луча (1-я Железнодорожная, 18; 2-я Железнодорожная, 31; Большаковский, 13; Борцов Революции, 4а; Грибоедова, 36, 46; Детская, 15а; Кайская, 8; Касьянова, 68; Каштаковская, 37; Подгорная, 40а; Провиантская, 29; Румянцева, 32, 36; Халтурина, 6; Ф. Энгельса, 31в);
- 2) смещение центральных лучей в сторону от центра (25-го Октября, 196; Гаврилова, 9; Грязнова, 15а; Лапина, 35а; В. Терешковой, 20 и др.);
- 3) отсутствие центральных лучей или их половинок (5-й Армии, 43, 45; Байкальская, 4, 7а, 75; Береговая, 47; Декабрьских Событий, 46, 58; Дзержинского, 37б; К. Либкнехта, 54б, 54в, 127; Кожова, 13б; Коммунистическая, 13а; Красноармейская, 25; Красных Мадьяр, 62 и др.);
- 4) уменьшение количества лучей (2-я Железнодорожная, 44; Баррикад, 42; Гаврилова, 3; К. Либкнехта, 80, 113, 120; Краснофлотский, 6; Красных Мадьяр, 25а, 33а, 33б; Марата, 62; Подгорная, 22; Черского, 4 и др.);
- 5) редкие случаи полного отсутствия лучей-пропилов (Верхняя Набережная, 105; Комсомольская, 49);
- 6) значительное упрощение или полное отсутствие наверший (А. Невского, 16; Береговая, 47; Бограда, 5а; Горького, 16а; Грязнова, 15а; Детская, 15а; Дзержинского, 50; К. Либкнехта, 207, 220; Марата, 62; Огарева, 1; П. Осипенко, 15; Уткина, 36; Черского, 4; Ф. Энгельса, 27 и др.);

7) некоторое изменение или упрощение формы плечиков (Арсеньева, 4; Байкальская, 75б; Береговая, 47.2; Гавrilова, 3; Грязнова, 15а, 30б; Декабрьских Событий, 46; К. Либкнехта, 113, 120; Красноармейская, 25; Краснофлотский, 6; Красных Мадьяр, 62; Марата, 62; Подгорная, 22; Провиантская, 15; С. Разина, 22; Халтурина, 6; Фурье, 5; Ф. Энгельса, 27 и др.).

Для краткости и ясности изложения в основу дальнейшего анализа-описания положена центральная часть трехчастной композиции солярных наверший, наиболее полно и ярко представляющая эту композицию.

Основными элементами, формирующими солярные навершия, являются:

- 1) дуга абриса, имеющая различные формы очертаний поверхности (ровная дуга, волна, сложные очертания);
- 2) лучи-пропилы, в большинстве случаев сходящиеся к центру;
- 3) выделяемый различными способами центр;
- 4) круговые пропилы-капельки между линией абриса и вершинами лучей;
- 5) вершины-надставки в верхней части абриса;
- 6) плечики-приставки в местах сопряжения полукруга абриса и карниза наличников, изредка заменяемые единой плоскостью декора, объединяющей центральную и боковые части композиции солярных наверший в единую плоскость пропильной резьбы (рис. 3).

Рис. 3. Основные элементы солярных наверший

Различные сочетания этих элементов, присутствующих в полном объеме далеко не на всех солярных навершиях, образуют огромное количество вариаций орнамента, создают изумительное богатство и разнообразие декора наличников, придают уникальность и неповторимость едва ли не каждому из них.

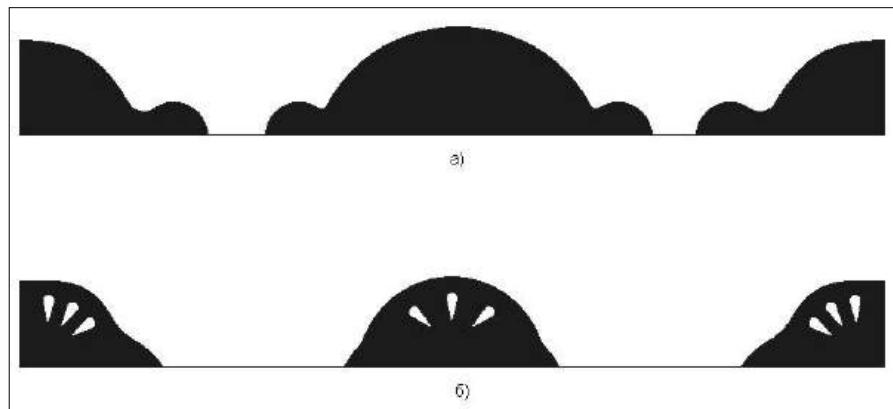
Абрис солярных наверший. Одним из главных элементов выделения солярного навершия является форма его абриса. Как правило, он выпиливался по дуге полукруга и имел ровную, волновую (рис. 3) или более сложную поверхность. Количественное и процентное соотношение поверхностей абриса солярных наличников приводится в табл. 1.

Таблица 1

Поверхность абриса солярных наверший

Поверхность абриса	Кол-во	%
Волна	204	75
Дуга	45	16
Сложный	25	9
Итого	274	100

Как ни странно, более простая и менее трудоемкая в изготовлении ровная дуговая поверхность встречается сравнительно не часто: только 16 % исследованного массива. Для этой группы солярных наверший характерен предельный лаконизм дизайна: несложное оформление центра и плечиков, частое отсутствие вершин-надставок и кругов-капелек. Именно к этой группе относятся оба случая отсутствия лучей-пропилов (Берег Ангары, 4, 14) и оба случая максимальной минимизации их количества (Комсомольская, 51; Кочубея, 27) (рис. 4). Можно предположить, что ровная дуга поверхности имеет сравнительно позднее происхождение и начинает использоваться вследствие простоты изготовления.

*Рис. 4. Солярные навершия с отсутствием лучевых пропилов и их минимальным количеством
(а – ул. Берег Ангары, 14; б – ул. Комсомольская, 51)*

Гораздо более представительна группа солярных наверший, имеющих волновую поверхность абриса: она составляет три четверти (75 %) исследованного массива и имеет множество вариантов и модификаций. Здесь мы встречаемся с ситуацией, полностью соответствующей одному из традиционных видов оформления абрисов подзоров и причелин, на которых круги и полукружия символизируют неисчерпаемость запасов небесных вод [5]. Дополнительным аргументом в пользу такой версии является довольно частое присутствие сквозных круглых отверстий (кругов-капелек) между гребнями волны и верхними концами лучей-пропилов, также полностью соответствующее одному из вариантов оформления подзоров и причелин.

Весьма возможно, что многие мастера прошлого не просто следовали сложившимся веками принципам сочетания различных элементов деревянного декора, но и задумывались над его семантикой. Суточный ход солнца по плоскости среднего неба на щипце (фронтоне) дома или лобани наличника выражен предельно ясно. При завершении карниза наличников солярными навершиями места верхнему небу, казалось бы, просто нет. Смекалка и изобретательность русских мастеров находят довольно простое и логичное решение: поднимая (пусть даже частично) солярные знаки с плоскости лобани на карнизы наличников, можно схематично обозначить наличие верхнего неба и запасов небесных вод по контуру солнечных лучей. Не в этом ли причины появления волны абриса и кругов-капелек, в результате техники оформления солярных наверший, обращенных не вниз (как на подзорах и причелинах), а вверх?

Неуемная фантазия русского мастера находит и другие достаточно нестандартные решения. Так, в г. Усолье-Сибирское (ул. Советская, 1) языческая схема в оформлении наличников присутствует уже конструктивно. В их верхней части существует достаточно интересное сочетание верхнего и среднего неба: по кромке карниза при помощи довольно простых солярных наверший выражено суточное движение солнца, а ближе к стене расположена «имитация» треугольного фронтона, двойные причелины которого символизируют верхнее небо (рис. 5). При

первом знакомстве с оформлением наличников окон лицевого фасада этого дома в голову пришла мысль о разновременности выполнения присутствующей там композиции, т. е. о позднейшем добавлении солярных знаков в существующую систему оформления верха наличника. Но вполне возможно, что оформлявший дом мастер изначально воплотил в жизнь это сочетание двух небес, присущее языческому мировоззрению.

*Рис. 5. Солярное навершие наличника
(г. Усолье-Сибирское, ул. Советская, 1)*

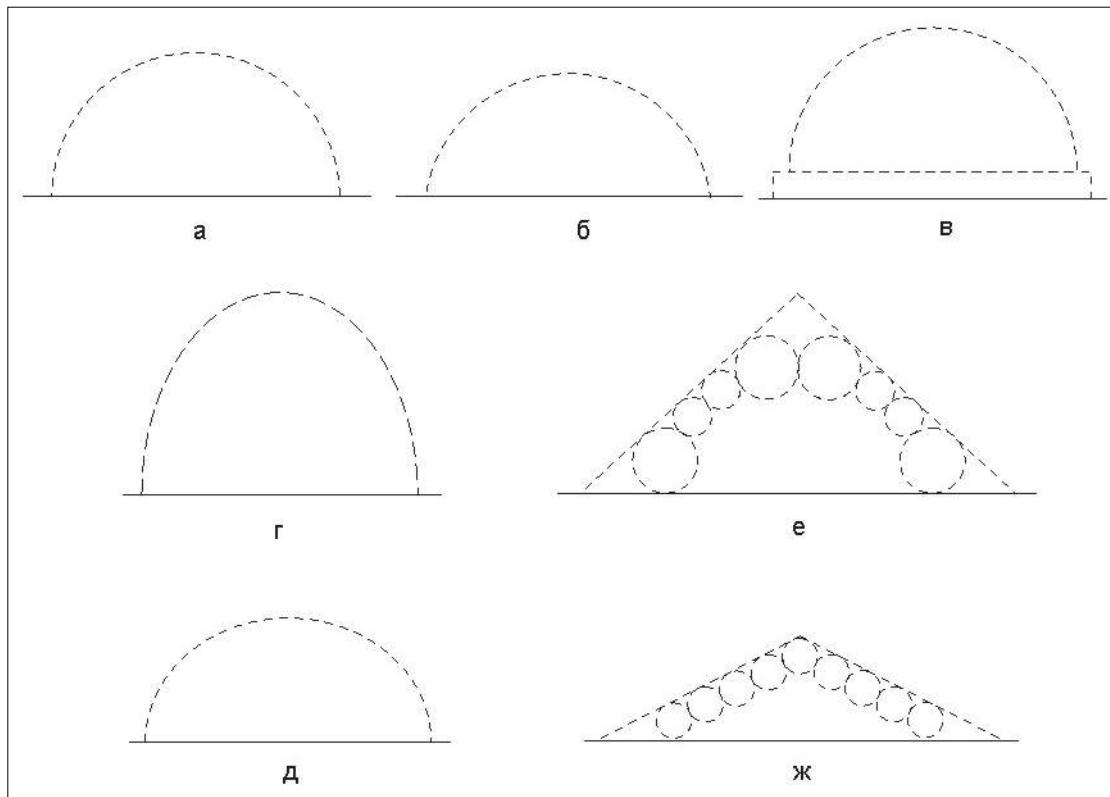
Как правило, волна абриса солярных наверший составлена сомкнутыми кругами или полукружиями, образующими острый угол в точках их соприкосновения, однако встречается и плавная волновая линия, но такие случаи крайне редки (Звездинская, 5).

Иногда волновая линия составляет только часть абриса наверший, не доходя до плечиков или карниза наличника (Каменная, 40, 48; Писарева, 11). В некоторых случаях такая волна, отделенная прорезями от плоскости карниза, имеет форму веера (Верхняя Набережная, 105; Коммунистическая, 49; Тимирязева, 11; Шаповалова, 10).

Порою в верхней части навершия волна абриса как бы разрывается сложным навершием, которое заменяет один или несколько гребней волны (2-я Железнодорожная, 44; Альпийская, 51а; Бограда, 5а; Декабрьских Событий, 46; Каменная, 48; К. Либкнехта, 113; Освобождения, 187; Седова, 52; Ушаковская, 37а, 46; Фабричная, 8; Б. Хмельницкого, 12; Ф. Энгельса, 27). Гораздо реже навершие не замещает полукружие абриса, а смещает его вниз, за счет чего несколько уменьшается длина центрального луча (К. Либкнехта, 120; Осенний, 2; С. Разина, 33; Седова, 20).

В редких случаях полукружия волны абриса прерываются овальными вырезами (Колхозная, 21), имеют навершия в виде остроконечников (Грязнова, 306; Красных Мадьяр, 4) или равнобедренных трапеций (Комсомольская, 49).

Изредка волна абриса составлена не кругами и полукружиями, а остриями-треугольниками (Гоголя, 86, 90; Щапова, 71; Щетинкина, 8) или квадратиками-прямоугольниками (8-го Марта, 11; Кайская, 26; Кочубея, 22, 24а; Красных Мадьяр, 62; Пархоменко, 16; Радищева, 81), соответствующими зигзагам и сухарикам подзоров и причелин домов. Бывает, что между полукружиями вставляются небольшие треугольники-острия, также соответствующие оформлению причелин и подзоров и являющиеся знаками плодородия (Хабарова, 9; Храмцовская, 12, 14).

Рис. 6. Контуры абриса солярных наверший

Как правило, дуга абриса солярных наверший соответствует форме полного (рис. 6а) или неполного (слегка утопленного) (рис. 6б) полукруга, изредка немного приподнятого над поверхностью карниза с помощью подставки-подушечки, являющейся частью плечиков (рис. 6в).

Однако порой встречаются навершия, форма абриса которых представляет собой не полукруг, а половинку горизонтального (Литейный, 11; Румянцева, 32) или вертикального (Кайская, 42; Освобождения, 30; Седова, 52) овалов (рис. 6г, 6д).

Еще более редки случаи, когда волна абриса наверший имеет в целом подтреугольную форму. Она создается за счет увеличения размера верхних и нижних гребней волны (рис. 6е; Седова, 8) или расположения полукружий равного диаметра по прямым линиям, сходящимся в верхней части навершия под некоторым углом друг к другу (рис. 6ж; Каштаковская, 86; Красных Мадьяр, 44; Седова, 20).

В ходе обследования встретились единичные случаи, когда полукруглый в целом абрис был образован тремя несовпадающими дугами (Поленова, 23; рис. 7), пятью прямыми отрезками (Селитвенная, 18) и девятью слегка вогнутыми линиями (Полярная, 19). Все три навершия имеют достаточно позднее происхождение.

Рис. 7. Абрис солярного навершия, образованный тремя несовпадающими дугами (ул. Поленова, 23, дом утрачен в 2007 г.)

И наконец, 9 % изученного массива солярных наверший имеют достаточно сложную поверхность абриса, практически не поддающуюся описанию, образованную разного рода надставками и приращениями. Полукруглый в целом абрис

поверхности и наличие лучей-пропилов позволяют характеризовать эти навершия как солярные (рис. 32).

Лучи-пропилы. Однако полукруг абриса является лишь одной из двух главных характеристик, по которым выделяются солярные навершия. Поскольку достаточно широко распространены полукруглые навершия, декор которых представляет сложная вязь геометрического или растительного орнамента, второй основополагающей характеристикой солярных наверший является наличие лучей-пропилов (радиальных прорезей, идущих от абриса навершия к условному центру, обычно расположенному несколько выше точки пересечения вертикальной оси симметрии навершия с верхней линией карниза наличника).

Относительная простота элементов пропильного декора не стала помехой для создания огромного разнообразия узоров, получаемых с помощью различных вариантов сочетания этих элементов, изменения их формы и пропорций, органичного сочетания пропильных композиций и непрорезанного фона доски, на котором они выполнены.

Огромное значение для создания этого разнообразия имеет число составляющих его лучей-пропилов. Причем с увеличением их количества резьба наверший становится более пышной, причудливой и изящной. На плоскости солярных наверший Иркутска количество лучей-пропилов варьируется в пределах от трех до семнадцати (табл. 2). При этом наиболее распространены навершия, имеющие семь (18 %), девять (32 %) и одиннадцать (20 %) лучей, они составляют почти три четверти исследованного массива (70 %). Кроме того, следует отметить преимущественное распространение наверший, имеющих нечетное количество лучей-пропилов (83 % исследованного массива).

Таблица 2

Лучи-пропилы солярных наверший

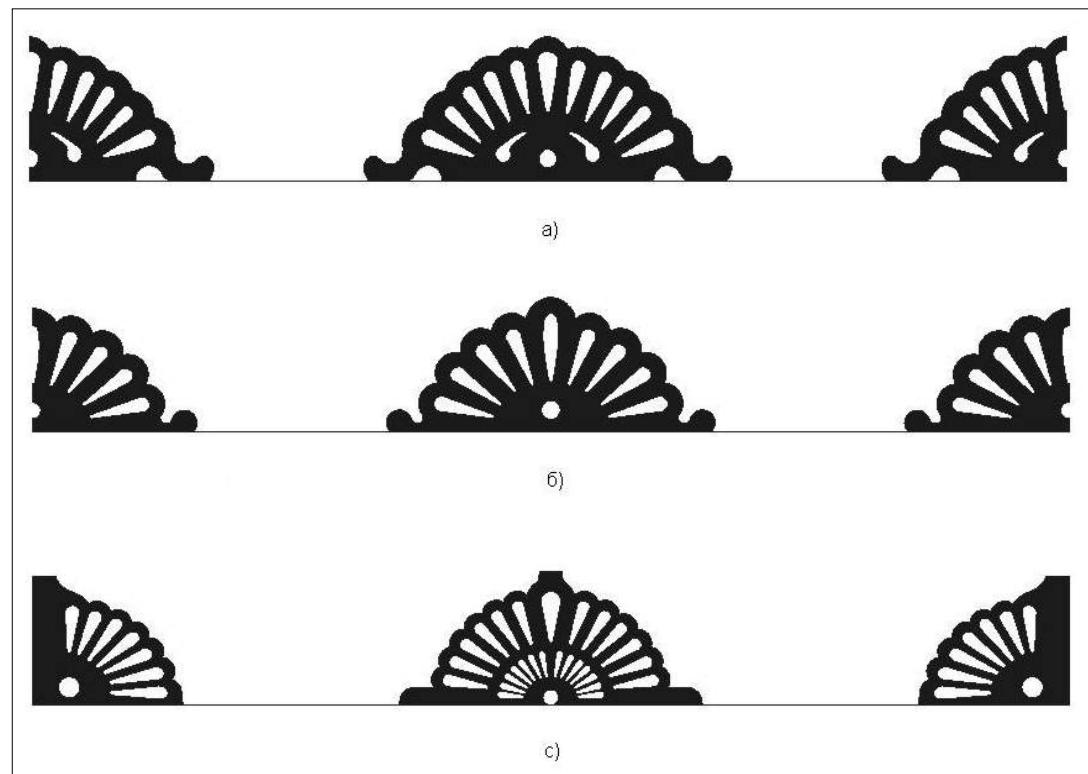
Кол-во лучей	Кол-во наверший	%
нет	3	1
3	2	0,5
4	1	0,5
5	13	5
6	4	1
7	49	18
8	17	6
9	87	32
10	16	6
11	55	20
12	6	2
13	19	7
15	1	0,5
17	1	0,5
	274	100

На плоскости солярных наверший лучи-пропилы располагаются попарно-симметрично. При этом в композициях с нечетным количеством лучей один из них, получивший название центрального, как бы прорезает вертикальную ось симметрии полукруглого навершия. Размеры и формы центрального луча нередко несколько отличаются от остальных лучей композиции. Он может иметь большие размеры по сравнению с остальными лучами (2-я Железнодорожная, 31; Борцов Революции, 4а; Гаврилова, 9; Киевская, 11г; Румянцева, 25; Седова, 52; Свердлова, 11; В. Тे-

решковой, 20; Б. Хмельницкого, 12 и др.; рис. 8) или отличаться от них по форме (Грязнова, 166; К. Либкнхта, 546; Седова, 37, 52). Иногда центральный луч заменяется какой-либо другой пропильной фигуркой или комбинацией таких фигур: вытянутым сердечком в виде сдвоенного луча (Халтурина, 6), двумя сердечками, находящимися в антитезе друг другу (Звездинская, 5), неправильным ромбом (Волжская, 15), сочетанием круга и ромба (Селитвенная, 17). Порою выделение центрального луча происходит путем увеличения расстояния от него до соседних с ним лучей (Грязнова, 166; Красноармейская, 25; Подгорная, 22; Свердлова, 11; рис. 8). В виде исключения центральный лучевой пропил может раздваиваться у центра (Чапаева, 46), соединяться пропилом с дугой, образующей центр композиции (Лесная, 65), или вообще отсутствовать, как бы разрывая цепь лучей (Горная, 17а; рис. 9).

Большое значение имеет и форма лучей-пропилов. Как правило, они образуются путем соединения пропилами двух круглых сквозных отверстий, полученных с помощью сверла или коловорота, одно из которых располагается у кромки абриса, второе — у центра солярного навершия. Вследствие своей простоты наиболее распространена прямая линия пропила, хотя иногда встречаются и криволинейные (обычно выпуклые) очертания лучей (Марата, 62; Карпинская, 17). Линии пропила могут быть параллельны или располагаться под углом друг к другу.

Наиболее употребительной стала форма приостренного к центру луча, органически вписывающаяся в форму круга, когда уменьшение ширины луча происходит по мере приближения к центру навершия. Такой луч получается путем соединения пропилами отверстий разного диаметра: большего у абриса поверхности и меньшего у центра навершия. Вершина такого луча-пропила обычно имеет форму правильно-го полукруга и образуется уже изначально (при просверливании плоскости доски сверлом или коловоротом). Нижняя часть луча в зависимости от диаметра второго отверстия может иметь полукруглую или приостренную форму (рис. 8, 9, 10а, 10б).

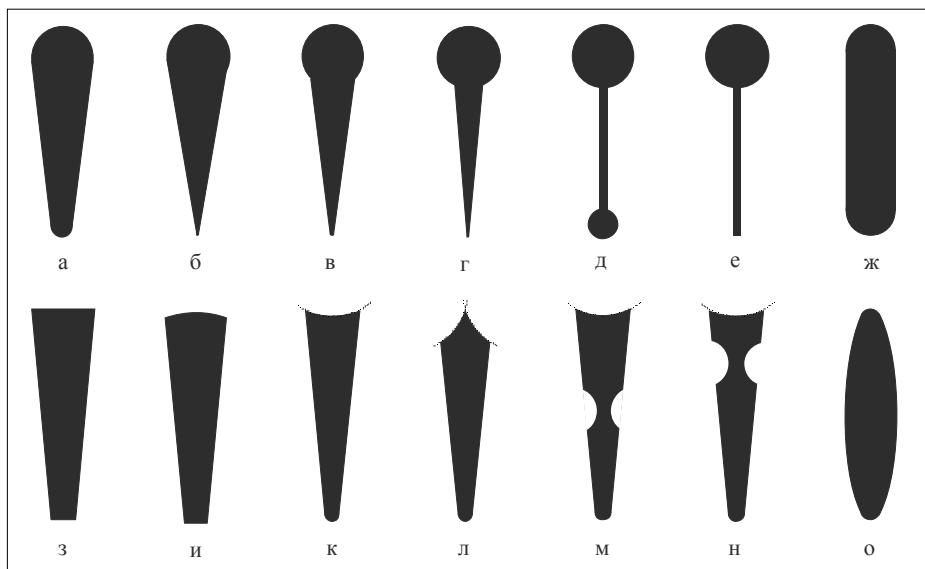

*Рис. 8. Выделение центрального луча путем увеличения его размера
(а – ул. 2-я Железнодорожная, 31 и ул. Румянцева, 25;
б – ул. Борцов Революции, 4а; в – ул. Свердлова, 11)*

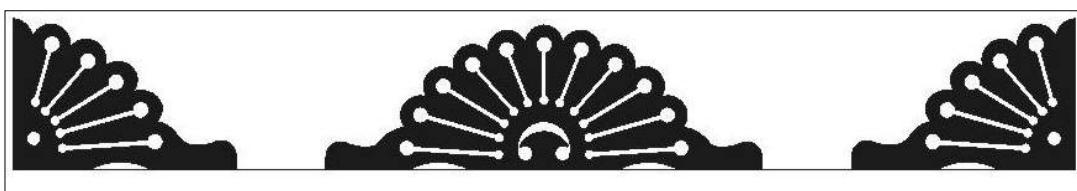
Рис. 9. Отсутствие центрального луча (ул. Горная, 17а)

Бывает, такие лучи имеют несколько неправильную форму: стороны луча не сливаются с просверленным ранее верхним кругом, а образуют с ним своего рода ступенечку, часто весьма неприметную с первого взгляда и замечаемую уже во время работы с полученным фотоматериалом (рис. 10в). Наличие таких форм лучей можно рассматривать как результат лишь первичного пропиливания и отсутствия последующей подработки. Вероятно, в силу каких-то причин хозяин или мастер не видели необходимости в доведении изделия или его деталей до «идеального» (стандартного) состояния: издали все выглядит красиво, кто же станет пристально смотреть? Подобные лучи вряд ли стоит выделять в отдельную группу.

Рис. 10. Основные формы лучей-пропилов

Однако случается, что такая «ступенечка» видна уже при самом первом поверхностном взгляде и отнести ее на счет недоработки трудно даже с большими оговорками (рис. 10г). Здесь чувствуется другое отношение к характеру создаваемого орнамента, когда пропильный декор выглядит уже достаточно схематичным и весьма далеким от совершенства. О том, что подобный подход к пропиливанию лучей далеко не случаен, свидетельствуют и нечастые случаи соединения первоначально полученных сквозных отверстий одиночной линией пропила (рис. 10д, 11; 2-я Железнодорожная, 50; Никитина, 7; Щапова, 55) или просто радиальные

Рис. 11. Соединение первоначальных сквозных отверстий прямой линией пропила (ул. 2-я Железнодорожная, 50)

пропилы, идущие от сквозного отверстия к центру (рис. 10е; Горького, 12.2; Храмцовская, 12, 14).

Таким образом, различные способы соединения одинаковых пар сквозных отверстий (по касательным, с отступлением от них и ровный пропил) дают нам три варианта лучевых пропилов одной длины. Кроме того, еще два варианта таких пропилов (приостренные нижние концы лучей) добавляются при отсутствии нижнего отверстия или его малом диаметре.

Довольно редки случаи, когда стороны луча располагаются параллельно, соединяя по касательной сквозные отверстия равного диаметра (рис. 10ж, 12; 3-я Железнодорожная, 53; Звездинская, 13; Освобождения, 30; Седова, 3, 5).

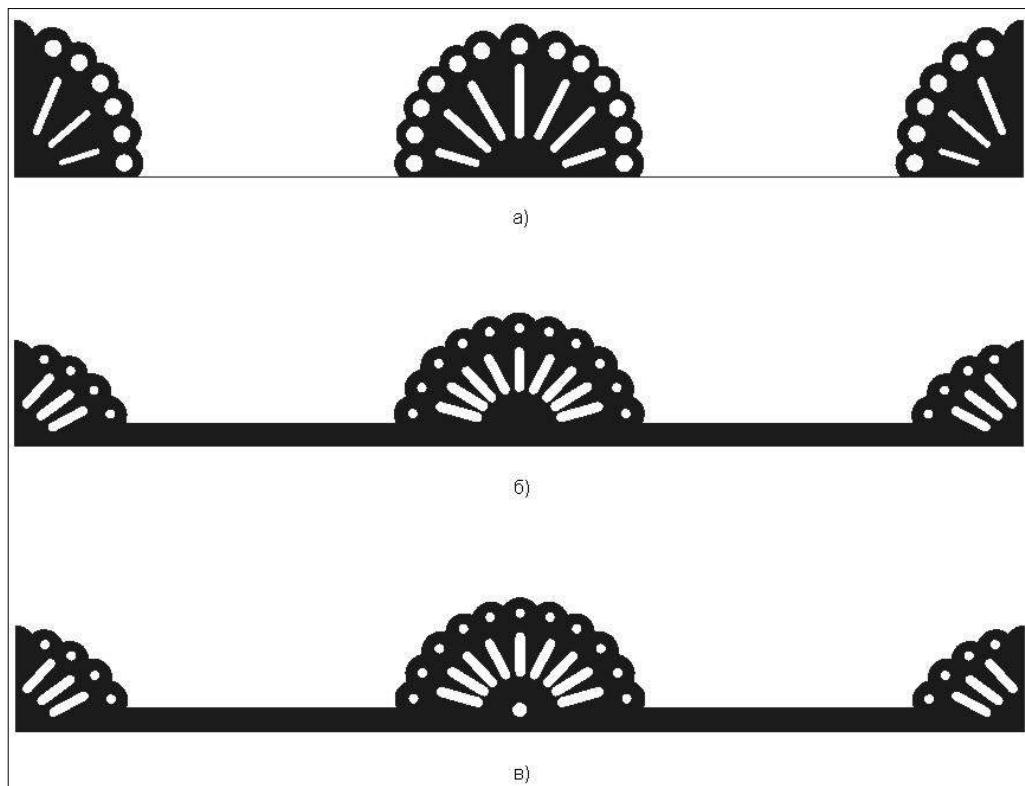

Рис. 12. Равносторонние прямые лучи. Позднее происхождение
(а – ул. Освобождения, 30; б – ул. Седова, 3; в – ул. Седова, 5)

Еще одним вариантом формы лучей является не окружлое, а подпрямоугольное оформление их концов, встречающееся в основном у наверший, имеющих ровную волну абриса или сложные его очертания (рис. 10з, 13). При этом верхние концы лучей могли быть прямыми или слегка выпуклыми, если имели большую ширину и мастер хотел подчеркнуть их соответствие полуокругу внешнего абриса (рис. 10и).

Еще два варианта завершения верхних концов лучей получались, когда мастер хотел подчеркнуть, что волна внешнего абриса образована не полукружиями, а кругами, которые могли быть цельными или имели сквозные круглые отверстия в центре. Верхние концы таких лучей-пропилов получались вогнутыми, если лучи и круги располагались на одном радиальном отрезке (рис. 10к). Если луч-пропил располагался на радиальном

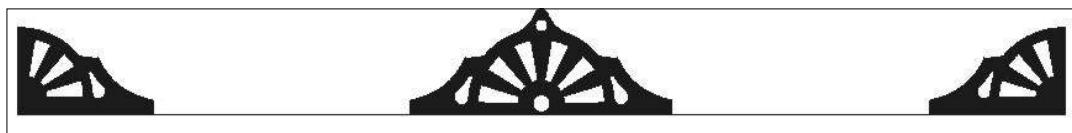

Рис. 13. Подпрямоугольное оформление концов лучей-пропилов
(ул. 4-я Советская, 56)

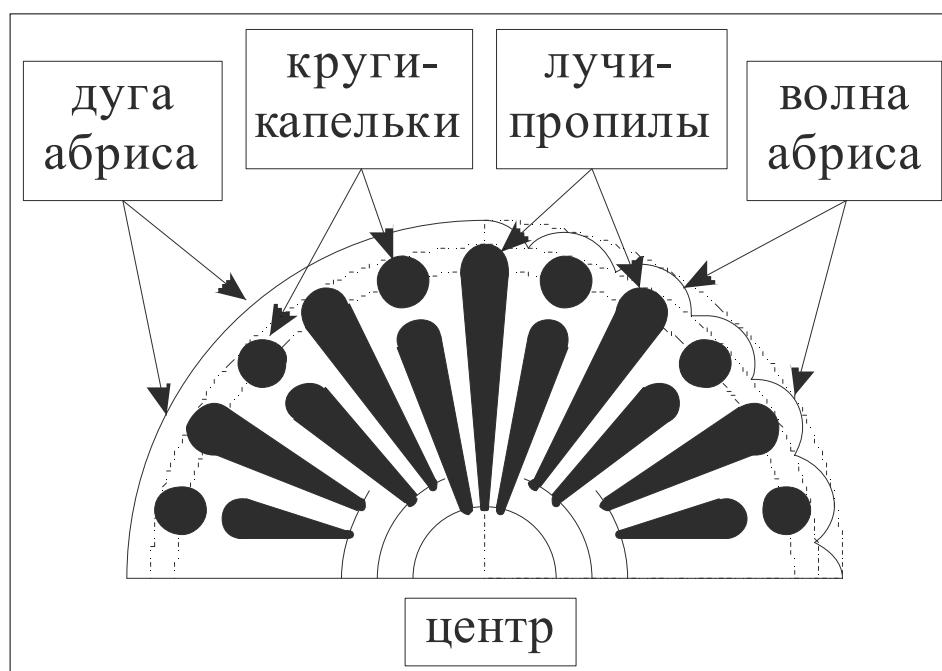
отрезке, проходившем между гребнями волны абриса и образовавшими ее кругами, его верхняя часть становилась острием с несколько вогнутыми сторонами (рис. 10л).

Кроме того, изредка встречаются варианты, когда круги небольшого диаметра оставляются на линиях плоскости доски между лучами-пропилами, образуя дополнительный ряд кругов, только не просверленных, а обозначенных двумя дуговыми выпилами. Они как бы сжимают пропилы лучей выступами-полукружиями, которые могут располагаться как в средней части лучей-пропилов (рис. 10м; 2-я Железнодорожная, 44; Грязнова, 15а; Осенний, 2; Рабочего Штаба, 73; Б. Хмельницкого, 30а), так и несколько ближе к линии абриса (рис. 10н; В. Терешковой, 5).

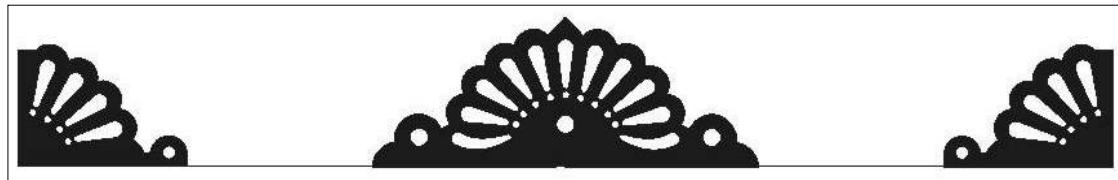
Как уже указывалось выше, чрезвычайно редко встречаются выпуклые лучи, боковые пропилы которых выполнены по дуге (рис. 10о).

Следует отметить, что выделенные формы лучей-пропилов имеют многочисленные вариации, получаемые вследствие изменения их пропорций (отношения длины к ширине). При достаточно небольшой вариативности размеров самих солярных наверший (обусловленной стандартными размерами оконных проемов и оптимальными пропорциями соотношения частей солярной композиции) пропорции лучевых пропилов прежде всего зависят от размеров центра солярного навершия: увеличение площади центра приводит к уменьшению длины лучей (рис. 14). Кроме того, как показывает тот же рисунок, уменьшению их длины способствует включение в пропильную композицию круглых сквозных отверстий (кругов-капелек) между волной абриса и вершинами лучей.

Как правило, лучи одного и того же солярного навершия имеют идентичные формы и пропорции. Но встречаются и определенные отступления. Как уже говорилось, несколько иные формы и пропорции в ряде случаев получает центральный луч навершия: наблюдаются случаи его укрупнения, уменьшения его длины, изменения формы, замены лучевых пропилов другими фигурами (ромбиками, сердечками и т. д.). Кроме того, несколько удлиняться или укорачиваться могут нижние лучи наверший, располагающиеся вдоль линии карниза наличника. Такие лучи могут слегка изгибаться (Подгорная, 44; рис. 15) или даже заменяться другими фигурами: лучам, идущим вдоль линии карниза, придается форма креста (Звездинская, 5) или вытянутого сердечка (Кожова, 13б).

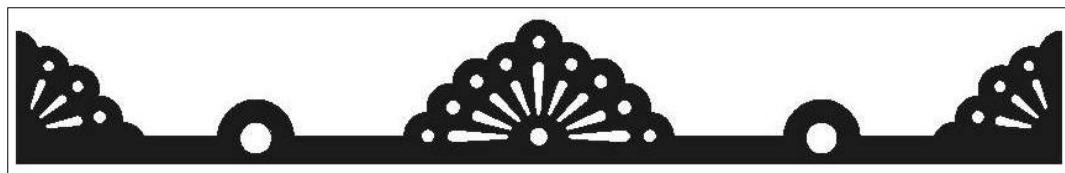
Рис. 14. Изменение длины лучей-пропилов в зависимости от величины центра и наличия кругов-капелек

Рис. 15. Легкий изгиб нижних лучей-пропилов (ул. Подгорная, 44)

В предместьях Рабочее и Радищево встречается особое оформление солярных наверший, у которых часть лучей (обычно каждый второй) заменяется пропилами в виде ромбиков или сердечек (Каштаковская, 24, 38, 86; Кочубея, 70; Лесная, 7, 26, 266, 36, 37а, 47; Освобождения, 120, 145, 147, 153, 183; Писарева, 24в; Ремесленная, 29; Сарафановская, 6).

Иногда фантазия мастера-оформителя создает определенный диссонанс в строгой гармонии последовательности лучевых пропилов путем произвольного изменения длины части лучей (Байкальская, 58; Волжская, 15; Колхозная, 21; К. Либкнехта, 113; Партизанская, 131; Поленова, 23; С. Разина, 33; Северная, 38; Седова, 52; Тимирязева, 11; рис. 16). Изредка лучевые пропилиы различной длины не направляются к условному центру, а являются перпендикулярами к плоскости карниза (Седова, 20; Селитбенная, 18) или к горизонтальной оси навершия (Киевская, 36; Полярная, 19). В последнем случае сочетание лучевых пропилов больше напоминает схематическое изображение ветвей дерева.

Рис. 16. Произвольное изменение длины лучей-пропилов (ул. С. Разина, 33)

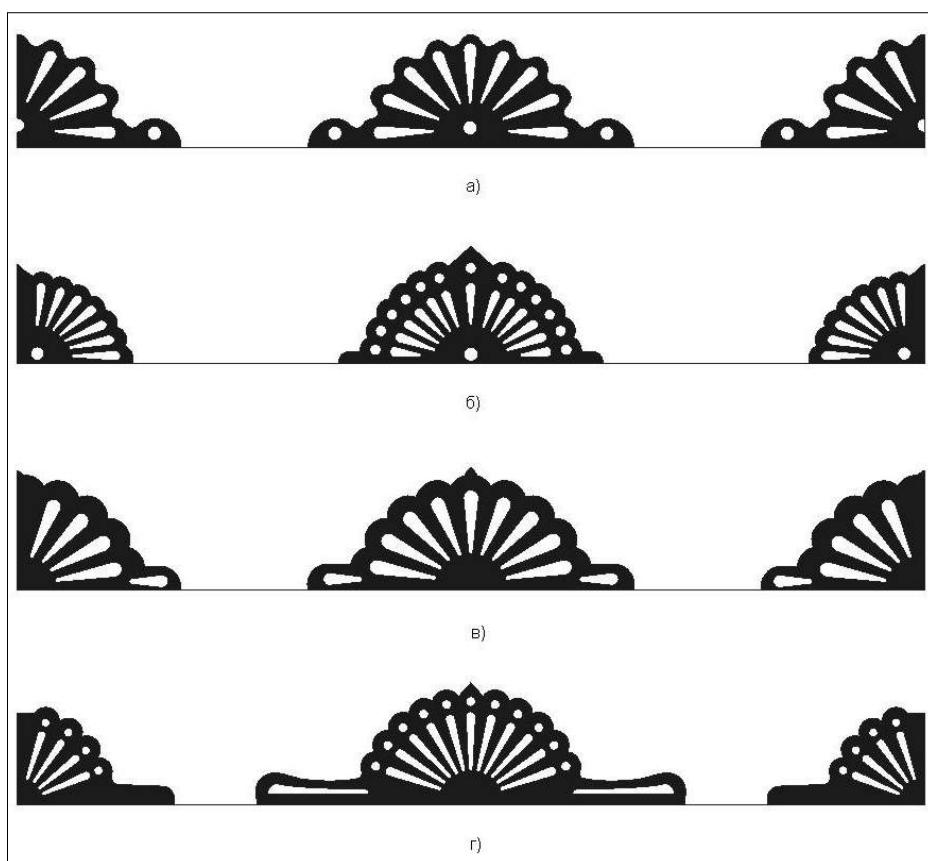
Следует отметить еще один не слишком распространенный, но очень эффектный вариант выполнения лучевых пропилов, когда солярные навершия оформляются двумя рядами лучей-пропилов, как правило, отделенных друг от друга ровной дугой непропила. Обычно лучи обоих рядов попарно располагаются на одних и тех же радиальных линиях (3-го Июля, 26; Байкальская, 7а; Гаврилова, 9; Грязнова, 30б; Коммунистическая, 13а; П. Осипенко, 15; Подгорная, 22; С. Разина, 22; рис. 17). В некоторых случаях такие пары можно рассматривать как части одного и того же прерванного луча-пропила (8-го Марта, 11; Берег Ангары, 47.2; Красных Мадьяр, 62). Изредка встречаются ряды, лучи которых располагаются на разных радиальных линиях (Провиантская, 15; Свердлова, 11; рис. 8). Встречаются и несоответствия, порою довольно значительные, количества лучей в таких рядах (Кайская, 26; Поленова, 21; Сарафановская, 25; Щетинкина, 8). Порою ширина лучей внешнего и внутреннего рядов весьма сильно отличается (П. Осипенко, 15).

Рис. 17. Парное расположение лучей разных рядов на одних радиальных линиях (ул. 3-го Июля, 26)

Сочетание лучей и волн абриса. Как правило, количество лучей-пропилов соответствует количеству волн абриса (лучевые пропилиы соответствуют гребням волны, а в ряде случаев и просверленным по ним кругам-капелькам; рис. 18). Такое сочетание наиболее естественно и эстетично, пропильная резьба солярных наверший выполняется по всем правилам гармонии и симметрии.

Однако встречается и такое сочетание, когда лучи направлены не на гребни волн абриса, а между ними (Верхняя Набережная, 105; Войкова, 22; Декабристов Событий, 58.2; Марата, 62; Освобождения, 44, 76; Рабочего Штаба, 71, 73; Фучика, 10). При таком построении композиции солярных наверший количество лучевых пропилов на один отличается от количества гребней волн. Чаще всего их бывает меньше.

Рис. 18. Соответствие лучей-пропилов гребням волн абриса и количеству кругов-капелек (а – ул. 1-я Советская, 2; б – ул. Грязнова, 16б; в – ул. К. Либкнехта, 82а; г – ул. Фурье, 5а)

Порою композиция строится с таким расчетом, что шаг волны может не соответствовать количеству лучей-пропилов: он может быть мельче или шире. Одним из вариантов последнего случая является композиция, в которой лучи выходят как на гребни волны, так и на сопряжения полукругов волны (2-я Железнодорожная, 41; рис. 19).

Лучи-пропилиы, сочетающиеся с мелким шагом волны, могут соответствовать только каждому второму гребню волны (6-я Советская, 11; Грибоедова, 46; Красноказачья, 97.2; Профсоюзная, 56; Тимирязева, 6; рис. 20) или вовсе не соответствовать этому шагу, образуя с волной абриса самые причудливые сочетания (2-я Железнодорожная, 41; Грибоедова, 44). Возможны и более сложные варианты: лучи-пропилиы могут соответствовать лишь каждому второму промежутку полукругов волны, при этом соединенные особыми пропилами кружки-капельки создают абрисы сердечек по границе волнового абриса (1-я Железнодорожная, 18; Касьянова, 68; рис. 30, 31).

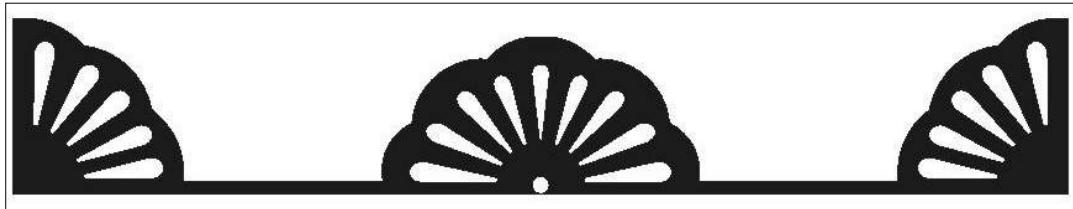

Рис. 19. Несоответствие лучей-пропилов гребням волны абриса
(ул. 2-я Железнодорожная, 41)

Рис. 20. Соответствие лучей-пропилов каждому второму гребню волны абриса
(ул. Тимирязева, 6)

Круги-капельки являются далеко не обязательным пропильным элементом солярных наверший, как, впрочем, и на подзорах, ставших прообразом оформления абриса солярных наверший. Следует отметить, что 57 % обследованного массива (156 солярных наверший) не имеет сквозных прорезей между вершинами лучей и линией абриса.

Как правило, при наличии ровной дуги абриса круги-капельки располагаются между вершинами лучей-пропилов, несколько уступая их вершинам по размерам радиуса (рис. 21). При наличии волнового абриса радиус кругов-капелек и вершин лучей-пропилов обычно одинаков. По большей части они располагаются на одних радиальных отрезках, создавая количественную гармонию соответствия числа гребней волны, кругов-капелек и лучей-пропилов (рис. 18). К достаточно редким исключениям относятся усадьбы по 6-й Советской, 76 и 78, где диаметр сквозных отверстий значительно уступает ширине вершин лучей-пропилов (рис. 1). В некоторых случаях круги-капельки, как и при ровной дуге абриса, располагаются между лучами-пропилами (рис. 22).

Рис. 21. Круги-капельки между лучами-пропилами при ровной дуге абриса
(ул. Байкальская, 33, дом утрачен в 2010 г.)

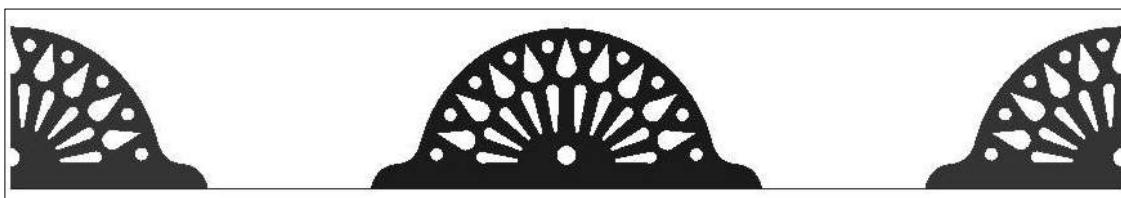
Рис. 22. Круги-капельки между лучами-пропилами при волновой дуге абриса
(ул. Грязнова, 9)

Нельзя сказать, что размещение лучевых пропилов между гребнями волны и кругами-капельками сильно разрушает гармонию солярной композиции, но количество таких вариантов оформления наверший весьма невелико (Дзержинского, 376;

Детская, 15а; Киевская, 11г; Кожова, 13б; Комсомольская, 49; К. Либкнехта, 54б, 54в; Марата, 62; Освобождения, 76; Партизанская, 6; Байкальская, 33; Седова, 37; Б. Хмельницкого, 12).

Одним из исключений является замена сквозных круглых отверстий прорезями-треугольничками (Бограда, 8). Гораздо чаще заменяются на другие фигуры верхние центральные круги-капельки. Время от времени их заменяют сердечки (Тимирязева, 11), лучики (Альпийская, 51) или острия (Халтурина, 6). Один раз нам встретились короткие полоски — посредники между лучами-пропилами и кругами-капельками, создающие своего рода автономию составляющих абриса просверленных кругов (Герцена, 26).

Порою встречаются и более сложные сочетания: на солярных навершиях наличников большие круглые отверстия, соответствующие волне абриса и количеству лучей-пропилов, могут дополняться промежуточными отверстиями меньшего диаметра, располагающимися по дуге между ними (Звездинская, 13), или настоящими капельками, значительно превосходящими по размерам круги-капельки (Каховского, 27; рис. 23).

Рис. 23. Крупные капельки между лучами-пропилами и кругами-капельками (ул. Каходского, 27)

В ряде случаев сложные навершия прерывают дугу кругов-капелек и несколько смещают в стороны соседние с ними сквозные отверстия, вследствие чего последние не вполне сочетаются с вершинами соответствующих им лучей-пропилов (Бограда, 5а; Декабрьских Событий, 46; Дзержинского, 50; Ф. Энгельса, 27 и др.).

Центр навершия. Центральная часть солярных наверший обычно оформлялась достаточно просто (табл. 3). Четверть изученных нами наверший (25 %) вообще не имела каких-либо пропилов в центральной части, демонстрируя своего рода не-пропильное выделение центра, когда лучи-пропилы различной формы сходились кциальному полукругу. Почти половина солярных наверший (49 %) в центре этого цельного полукруга имела сквозное круглое отверстие небольшого диаметра, полученное с помощью коловорота.

Таблица 3
Способы оформления центра солярных наверший

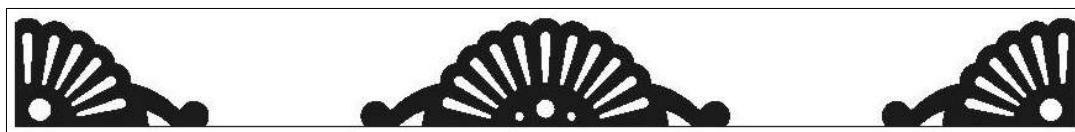
Оформление центра	Кол-во	%
Сквозное отверстие	136	49
Нет	68	25
Сектор	40	14
Дуга	13	5
Другое	17	7
Итого	274	100

Другими более-менее распространенными вариантами оформления центра стали пропиленные сектор и дуга. При этом сектор круга выпиливался полностью и имел гораздо больший диаметр, чем сквозные круглые отверстия (8-го Марта, 11; Волжская, 15; Горького, 12.2; Каштаковская, 37; Красноказачья, 97.2 и др.). Дугу

могли образовывать сплошные (1-я Железнодорожная, 18; А. Невского, 16; Гаврилова, 3; Декабрьских Событий, 58.2; Дзержинского, 376; К. Либкнехта, 54б, 54в; С. Разина, 37.2; Седова, 37; Черского, 4 и др.) и прерванные (Лебедева-Кумача, 14; К. Либкнехта, 113) дуговые пропилы или сквозные круглые отверстия небольшого диаметра (Бограда, 5а; Декабрьских Событий, 46; Подгорная, 44; Провиантская, 29; Ф. Энгельса, 27 и др.).

Случаев более сложного оформления центра сравнительно немного (7 %). В большей части случаев это то или иное сочетание простых фигур. Изредка сквозное отверстие в центре сочеталось с другими несложными пропильными фигурами: отверстиями меньшего диаметра (2-я Железнодорожная, 60; рис. 24), ромбиками (3-я Железнодорожная, 53), «запятыми» (2-я Железнодорожная, 31; 3-я Железнодорожная, 56; Румянцева, 25, 32; рис. 8), параллельными карнизу лучами (Седова, 20), выполненной различными способами дугой (Бограда, 5а; Декабрьских Событий, 46, 46б; Звездинская, 13; К. Либкнехта, 113; Тимирязева, 11). Свообразными исключениями явились два сквозных отверстия в центре (Комсомольская, 2), пять сквозных отверстий, расположенных крестом, обрамленных разомкнутой в центре дугой (Лебедева-Кумача, 14), круглое сквозное отверстие большого диаметра (Профсоюзная, 24) и накладной, выточенный на токарном станке, рельефный круг (Краснофлотский, 6).

В весьма редких случаях центр композиции значительно приподнят над плоскостью карниза и даже имеет нисходящие лучи (6-я Советская, 11; Академика Павлова, 18; Освобождения, 9; Северная, 38; Седова, 52; Шаповалова, 10). Все указанные случаи имеют довольно позднее происхождение.

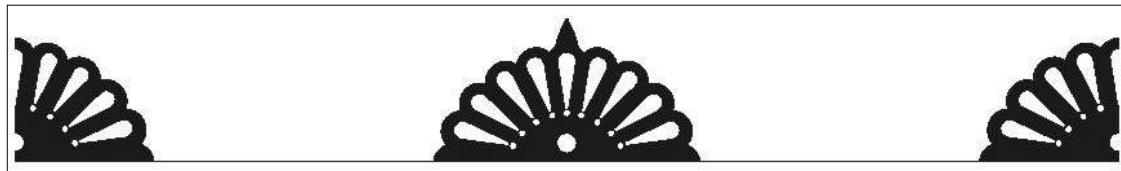
Рис. 24. Дополнение сквозного отверстия в центре двумя отверстиями меньшего диаметра (ул. 2-я Железнодорожная, 60)

Плечики. Еще одним достаточно распространенным элементом солярных наверший являются плечики или плечики-подставки. Последние несколько приподнимают солярные навершия над плоскостью верхней части карнизов наличников с целью лучшего обозрения декора, особенно при достаточно высоком расположении оконных проемов. При всем желании довольно трудно подыскать сакрально-охранительные истоки данной части солярных наверший. Скорее всего, введение плечиков в состав солярных композиций вызвано чисто практическими потребностями облегчения их крепления к поверхности карнизов (верхней части оконных блоков).

Таблица 4

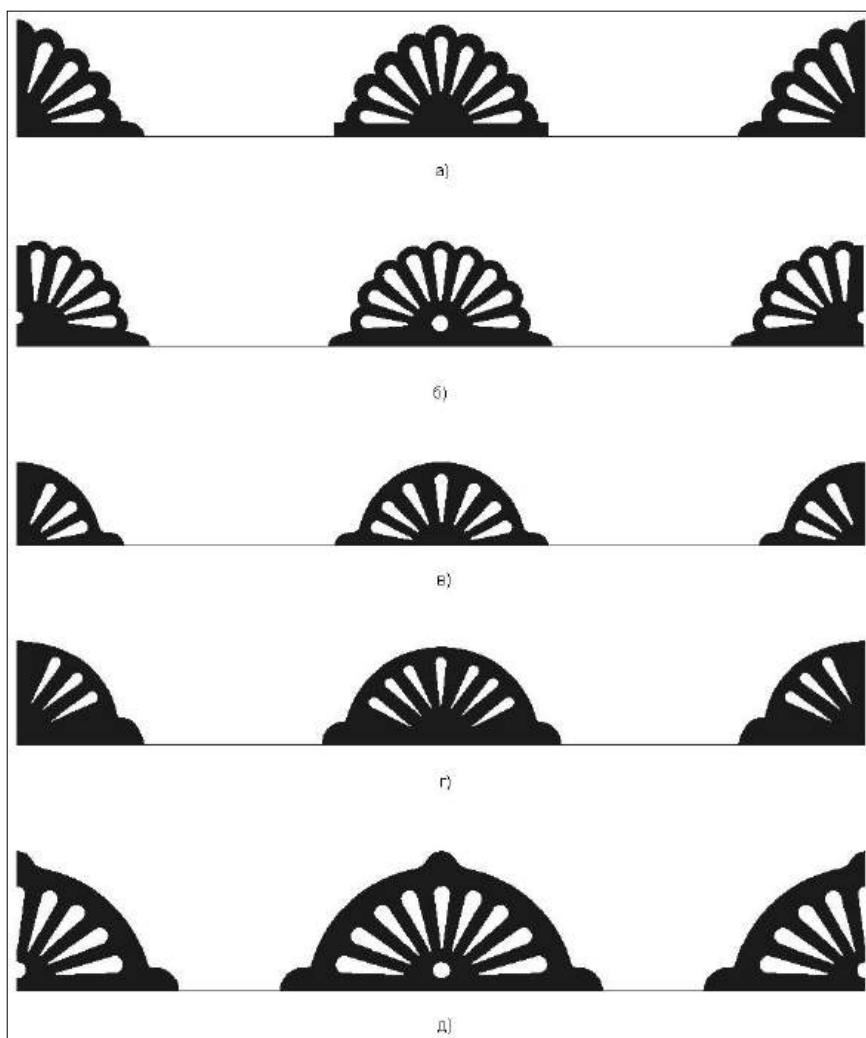
Формы плечиков солярных наверший

Плечики	Кол-во	%
Простые	103	38
Приставные	83	30
Фигурные	30	11
Отсутствуют	37	13
Композиция	21	8
Итого	274	100

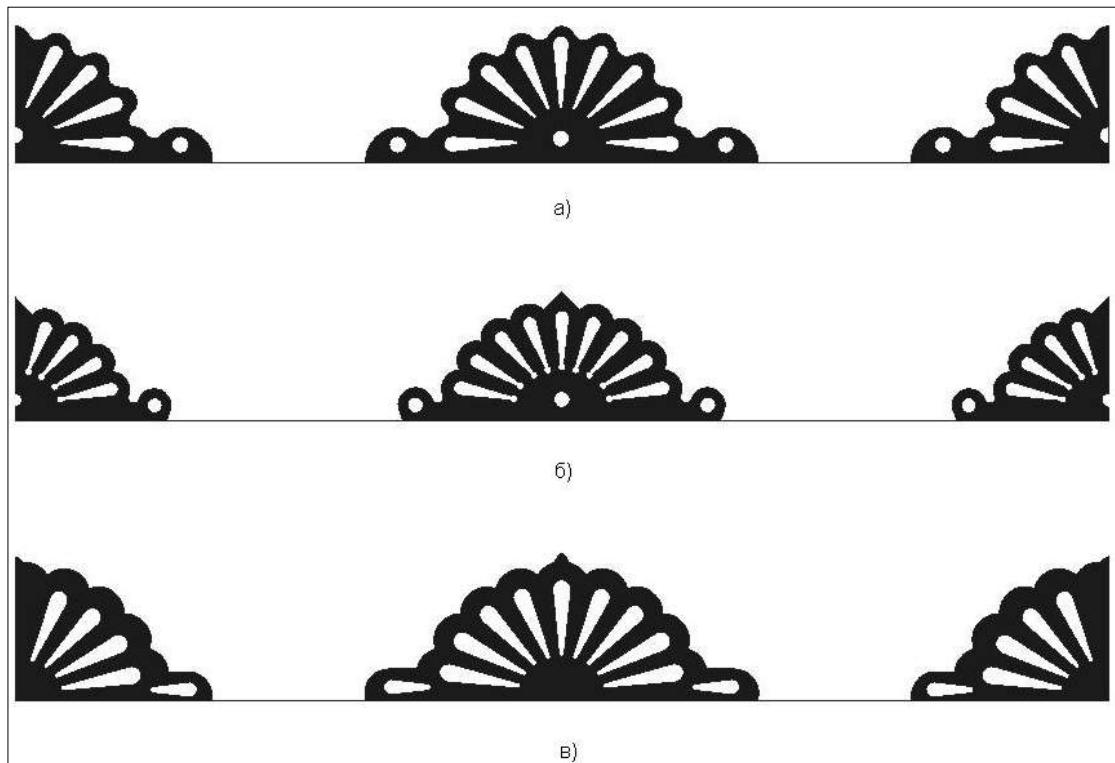

Рис. 25. Отсутствие плечиков у солярных наверший (ул. Провиантская, 29)

Формы плечиков достаточно просты и незамысловаты. Плечики отсутствуют только в 13 % случаев (табл. 4; рис. 19, 25), 38 % плечиков можно охарактеризовать как простые: это незначительной длины выступы по краям оснований солярных наверший, порою необработанные, а порою имеющие слегка подправленные концы (табл. 4; рис. 26). Изредка они имеют круглые или лучевые прорези-пропилы (рис. 1, 27). Немногим сложнее фигурные плечики, имеющие достаточно простые пропилы-округления или пропилы-завихрения в средней или концевой части (рис. 28). Плечики-приставки, напоминающие мебельные ножки, отличаются от фигурных тем, что они как бы приподняты над плоскостью карниза и спускаются к ней от средних частей абриса солярных наверший (рис. 17, 24, 29). В случаях когда центральный полукруг и боковые четверти солярных наверший выполняются на одной доске, а не тремя отдельными частями, мы называем их композицией, не вкладывая в это понятие какого-либо усложнения их пропильного декора (рис. 2).

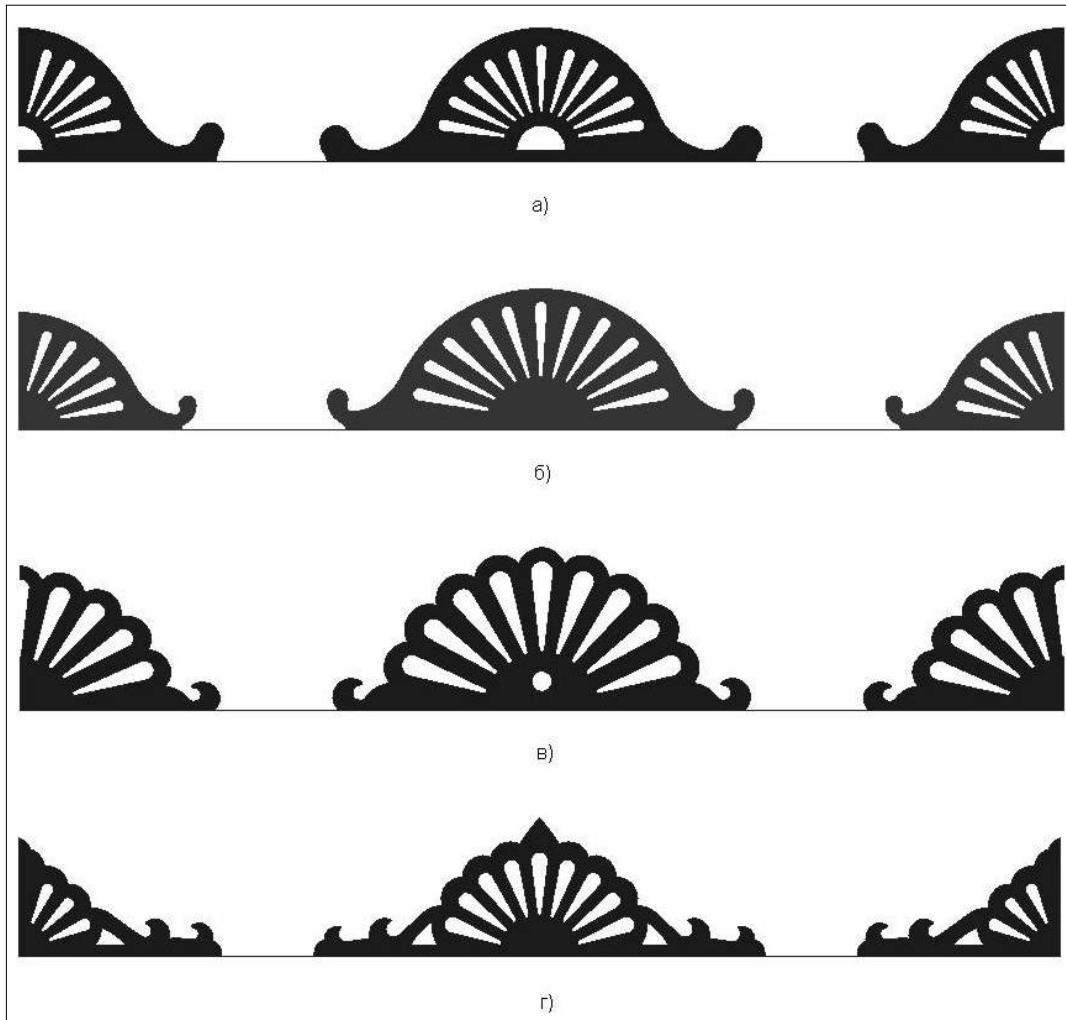
*Рис. 26. Простые плечики солярных наверший
(а – ул. Бограда, 14, дом утрачен в 2006 г.; б – ул. Комсомольская, 18;
в – ул. Красных Мадьяр, 58; г – ул. Рылеева, 2; д – ул. Грибоедова, 36)*

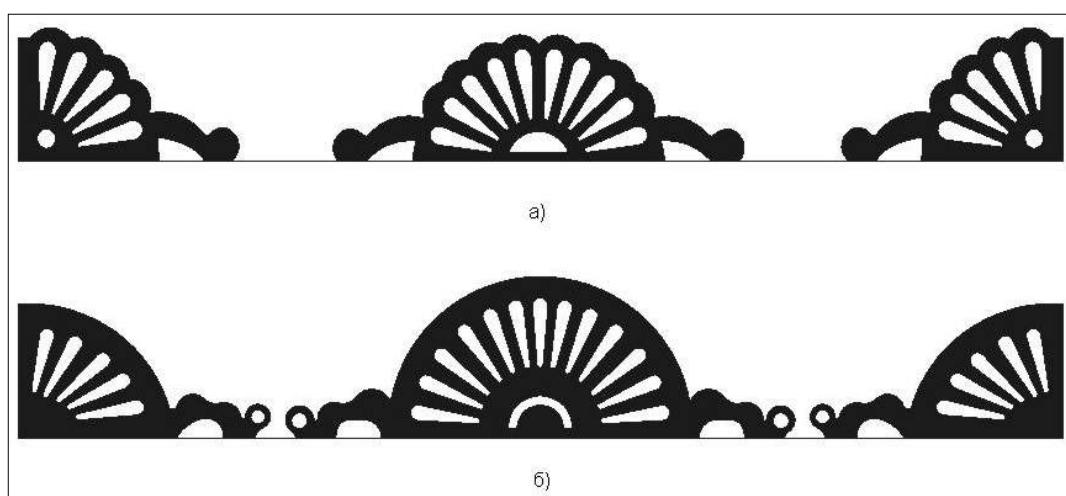
*Рис. 27. Простые плечики солярных наверший с круглыми и лучевыми пропилами
(а – ул. 1-я Советская, 2; б – ул. Киевская, 25; в – ул. К. Либкнехта, 82а)*

Вершины-надставки — тоже достаточно простой и сравнительно нераспространенный элемент солярных наверший: они отсутствуют едва ли не в половине всего обследованного массива (46 %). В основном это острые или приостренные детали пропильного декора: острия (две линии, сходящиеся под острым углом), маковки (весьма напоминающие разрез церковных куполов-маковок), наконечники, ромбы, пятиугольники (с тупоугольным острием), сложные (главным образом те же самые острия-наконечники, только облеченные нимбом-абрисом) (табл. 5; рис. 1, 2, 13, 15, 18, 20, 21, 22, 25, 27, 28). Остальные варианты надставок имеют единичный характер. Дуга и полукруг в качестве таких надставок выделены только за счет увеличения их размеров по сравнению с другими гребнями волны (рис. 1, 2).

Имеется некоторое количество полностью утраченных вершин-надставок, отсутствующих на всех наличниках окон дома. Их восстановление возможно лишь при наличии фотоматериала предыдущего времени. Это, разумеется, нонсенс. Хотя плохая сохранность различных составляющих именно пропильного декора вследствие его легкой ломкости — тема отдельного и весьма серьезного разговора. Полная сохранность деревянного декора — скорее счастливое исключение, поскольку повреждения той или иной степени имеют практически все деревянные здания старого Иркутска. Причем лишь незначительная часть таких повреждений вызвана временем, пожарами и старением древесины. Гораздо чаще это результат небрежности, хулиганства или вандализма. К счастью, в настоящее время большая доля культурного наследия в области деревянного зодчества сохранилась хотя бы частично. И, изучая оставшееся в целости, мы можем получить более-менее полное представление о внешнем облике города прошлого и позапрошлого столетий.

*Рис. 28. Фигурные плечики солярных наверший
(а – ул. А. Невского, 10, дом утрачен в 2010 г.; б – ул. Подгорная, 37;
в – пер. Большаковский, 13; г – ул. К. Либкнехта, 85, дом утрачен в 2011 г.)*

*Рис. 29. Приставные плечики солярных наверший
(а – ул. 2-я Железнодорожная, 62; б – ул. 2-я Железнодорожная, 64)*

Формы вершин-надставок солярных наверший

Вершины	Кол-во	%
Дуга	6	2
Маковка	5	2
Наконечник	19	7
Нет	127	46
Острие	37	14
Полукруг	8	3
Ромб	4	1
Сложное	49	18
Пятиугольник	13	5
Утрачены	3	1
Другое	3	1
Итого	274	100

Подводя итог нашего исследования, мы можем сказать, что наибольшее распространение в конце XIX – первой половине XX в. получили солярные навершия с волнообразной поверхностью абриса, зачастую прорезанной кругами-капельками, соответствующей одному из приемов оформления подзоров и причелин, символизирующей обильные запасы небесных вод, орошение и плодородие. При создании солярных наверший наиболее употребительными были композиции, включавшие нечетное количество лучей-пропилов различной конфигурации (чаще всего семь, девять или одиннадцать), довольно просто оформленный центр и несложную композицию плечиков. Часть солярных наверший имела вершины-надставки в виде остроконечников различной формы. При оформлении некоторых богатых усадеб города внешний абрис солярных наверший приобретал достаточно причудливые очертания.

Рис. 30. Сердечки вместо кругов-капелек между волной абриса и лучами-пропилами солярных наверший

Весьма возможно, что и хозяева, и мастера-изготовители видели в солярных навершиях знаки-обереги, охранявшие жизнь, покой и благополучие семьи от недобрых сил окружающего мира. Но даже если это и не происходило, затейливая вязь деревянного декора, несомненно, радовала глаз, создавала настроение и служила

украшением дома, улицы, города. Честь и хвала безвестным мастерам, создавшим это великолепие, низкий поклон их потомкам, сумевшим его сохранить и донести до нас хотя бы частично высочайшую строительную культуру прошлого и потрясающую эстетику русского деревянного зодчества.

Рис. 31. Сердечки вместо кругов-капелек между волной абриса и лучами-пропилами солярных наверший

Рис. 32. Сложный абрис солярных наверший

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1986. (Глава «Дом в системе языческого мировоззрения»).
2. Там же.
3. Скворцов А.И. Русская народная пропильная резьба. Л., 1984. 226 с.: ил.
4. Там же.
5. Рыбаков Б.А. Указ. соч.

Л.С. Дмитриева, А.Г. Шахнович

**БРАННАЯ ОРНАМЕНТИКА ТЕКСТИЛЬНЫХ ИЗДЕЛИЙ
РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
(РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА)**

Декорирование текстильных изделий браными узорами было широко распространено в определенный исторический период среди крестьянства России. В научной литературе термин «бранный узор» употребляется часто, при этом за ним стоит класс узоров с уникальным стилевым единством. Браным узорам, как показали исследования, присущи такие общие черты: архаичность основных орнаментальных мотивов, их узнаваемость и долголетие, первоначальная монохромность (они были красного цвета на фоне льна), назначение, линейность орнамента, материал, технология исполнения, композиционные решения (ярусность) и др. [1]. Это позволяет говорить о браных узорах как о большом и целостном явлении в народном искусстве.

Цель данной работы — изложение результатов изучения браных узоров, проводимого авторами в период 1993–2008 гг.

Браные узоры относятся к геометрическому орнаменту, который пришел в русскую народную вышивку вместе с системой символьических образов, выражавших конкретные явления природы, религиозные представления, и путем геометризации растительных форм, изображений людей, зверей, птиц. История их существования насчитывает не одну тысячу лет. Декоративному оформлению предметов быта и одежды придавалось заклинательное или обережное значение, содержание декора было воплощением сакрального знания, связанного с космологическими представлениями языческой Руси.

Так сложилось, что вышивание и изготовление простого и узорного полотна являлось в основном женским занятием. Для русской женщины, которая вела достаточно замкнутый образ жизни, рукоделие было почти единственной доступной ей областью творчества; близкие к природе, воспитанные в быту, где почти каждая вещь была произведением искусства, они в своих творениях умели отразить художественные вкусы и высокую культуру своего времени, тонко передать многообразие и звучность красок окружающего их реального мира. Художественное рукоделие являлось определенной практикой эстетического саморазвития в процессе таких занятий и достижения мастерами различных степеней мастерства.

Бытование браных узоров на текстильных изделиях крестьян-старожилов Восточной Сибири связано с заселением этого региона русскими и было распространено до первой половины XX в. Основное ядро старожильческого населения составляли выходцы с Русского Севера, в традициях которых было возделывание и обработка сырья для изготовления тканей для своих нужд. Они владели знаниями и умениями в украшении предметов быта и одежды ткаными браными узорами, вышивкой, кружевом. Естественная потребность и способность сохранения культурно-бытовых традиций существовала у них в течение длительного времени.

Изготовление и декорирование браными узорами предметов крестьянского быта и одежды имело разную степень распространения на территории края и во времени, что определялось географическими, климатическими, экономическими, социальными и другими условиями. Из сохранившейся документации известно, что ткани в регионе, из которых крестьяне изготавливали предметы быта и одежду, производили в своем хозяйстве из шерсти, конопли, поскони и льна. Промыслы с обработкой растительных волокон составляли почти исключительно достояние женского труда, и эта трудоемкая отрасль промышленности сохраняла форму домашнего производства. Данные свидетельствуют о распространении на Ангаре

среди женских домашних занятий тканья из льняной и конопляной пряжи браных скатерей, полотенец и других предметов.

Особое внимание уделялось вопросам украшения народного костюма, местам расположения украс на нем, орнамент народной одежды свидетельствует о его религиозном характере, под узорочьем понимали благо, красоту, декор одежды нес социальную, половозрастную, обережную, эстетическую функции. Таким предметам, как рубаха, пояс, платок и др., отводилась важная роль в обрядах жизненного цикла: родинах, крестьянах, свадьбе, погребении. Широко использовались браные полотенца в свадьбе: со сгвора и запоя до соединительных обрядов в день брака и на заключительных этапах. Подтверждение этому — материалы свадебного фольклора, зафиксированного в исследуемом регионе в конце XIX — начале XX в. (причтания, величания, наговоры). Они являются частью единой художественной традиции, способствующей формированию этических и эстетических критериев личности. Вопросу обучения девочки женскому художественному рукоделию, подготовки ею приданого и подарков жениховой родне придавалось особое значение.

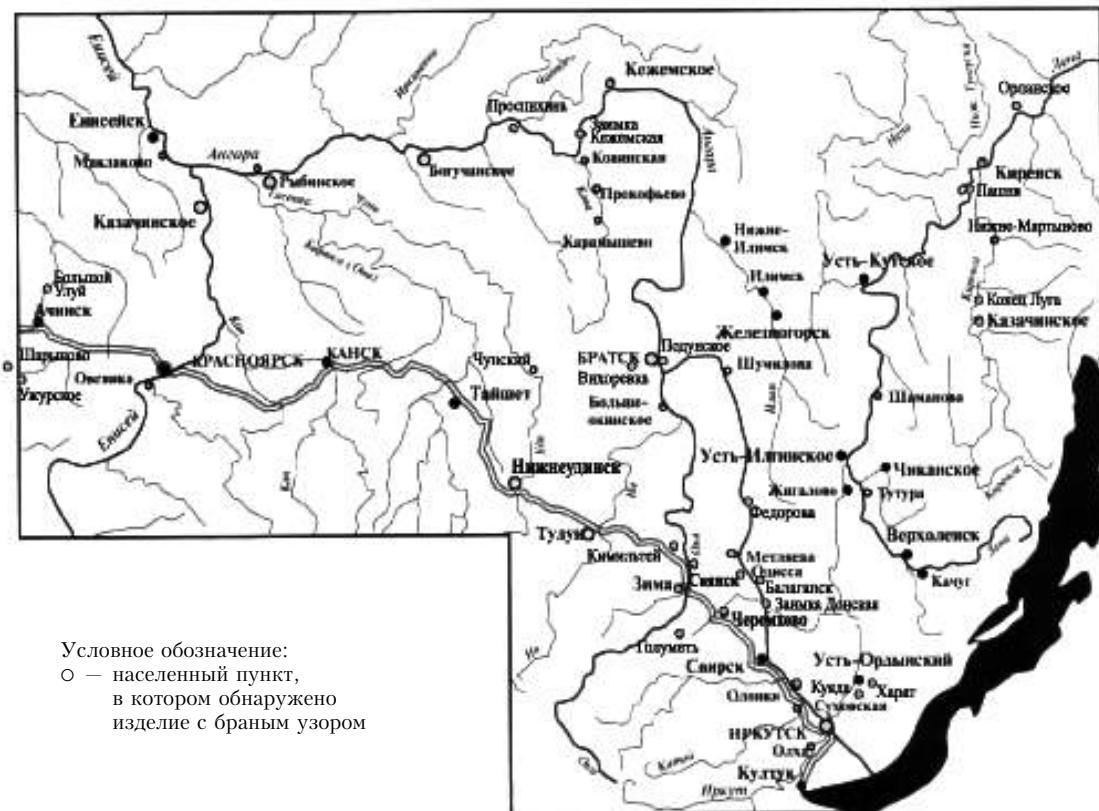
Изложенное указывает на существенную значимость браных узоров в культурно-бытовом укладе русских в определенном историческом периоде. Играя важную роль в материальной и духовной жизни старожилов, изделия с браными узорами, как и сами узоры, были частью их истории, культуры и искусства.

Проведенное исследование позволило собрать воедино неопубликованные и опубликованные данные, информацию этнографических экспедиций о браных узорах, изучить памятники материальной культуры, хранящиеся в музеях страны, и оценить браные узоры русских старожилов Восточной Сибири в контексте реалий крестьянского декоративного искусства. Выявлены четыре периода изучения (в той или иной мере) этого явления в регионе: первый период характеризуется исследованием вопроса политическими ссылками на рубеже XIX–XX вв.; второй — усилиями в основном членов ВСОРГО до 30-х гг. XX в.; третий — деятельностью Института этнографии и Института истории искусств АН СССР в 1957–1962 гг. в зоне затопления Братской ГЭС; четвертый — последние десятилетия, отмеченные повышающимся интересом к истории, культуре и искусству старожилов края.

Источниковую базу составили архивные и литературные данные начиная с самых ранних публикаций искусствоведческого, исторического, этнографического содержания по русской народной вышивке и узорному ткачеству и кончая новейшими материалами; коллекции центральных и местных музеев, частных лиц, полевые материалы авторов, полученные в результате исследований 1995–2008 гг. [2]. Относительно небольшое количество выявленных источников браных узоров (около 200) объясняется несколькими причинами: недостаточной во все времена работой по сбору тканых изделий с браными узорами, их утрачиваемостью в результате износа или иных обстоятельств, например, многие предметы «ушли в землю», поскольку было принято хоронить в свадебной одежде, которая богато украшалась браньем. Собранный материал, однако, представляет особую ценность — он документален, разнообразен по технологическим и изобразительным характеристикам. На сегодня обнаружено свыше 300 местных браных узоров, положенных в основу их банка.

Для подчинения единой методике анализа источников в работе предложена и использована группа признаков, включающая среди паспортных данных на этнографический предмет материально-технологические и декоративные характеристики [3]. География распространения источников представляет собой Енисеево-Ангаро-Ленское междуречье и включает населенные пункты Енисейской и Иркутской губерний. Картографирование мест обнаружения предметов свидетельствует о достаточно равномерном их расположении на указанной территории (илл. 1).

Носителями браных узоров являются: полотенца (рукотерники, утиральники), наквшенники, скатерти (настольники), образцы тканья и вышивки, свадебные попоны, вожжи, подвязи и матрасовки (потники), опояски (пояса), подзоры,

Илл. 1. Карта-схема географического распространения выявленных изделий с браными узорами в Енисео-Ангаро-Ленском междуречье

передники, становины (нижняя часть женской рубахи), воротушки (верхняя часть женской рубахи), платки и др. Одни предметы являются традиционными, появление других, например матрасовок, обусловлено условиями жизни крестьянства в регионе. Назначение предметов утилитарное, обрядовое, ритуальное. Изготовление указанных предметов относят к периоду от середины XIX до середины XX в. Материалами для таких изделий служили конопляные и льняные нити, шерстяная пряжа, бумага, посконь. Варианты использования разных материалов следующие: на льняном полотне узор выполнялся льняными, бумажными или шерстяными нитями; на конопляном полотне — бумажными. Для окрашивания узорных нитей использовались растительные и анилиновые красители. Цветовая гамма в основном традиционная: отбеленное или серое (неотбеленное) простое или узорное полотно и красные или белые нити браного узора. Однако встречаются изделия, на которых узоры выполнены нитями других цветов, например, на потнике № КП 4322-2 ТК 142 из фондов Братского городского объединенного музея истории освоения Ангары узор имеет черный и розово-красный цвет (илл. 2). Цвет обнаруженных нами браных узоров в регионе представлен скромной гаммой, включающей красный, черный, оранжевый, синий, зеленый, розовый, коричневый цвета.

Для большинства рассматриваемых источников характерно браное узорочье, выполненное в технике ткачества. Вышивка набором встречается реже, но на сохранившихся в фондах Российского этнографического музея (г. Санкт-Петербург) изделиях из различных волостей Енисейской губернии двусторонний шов «набор» встречается довольно часто.

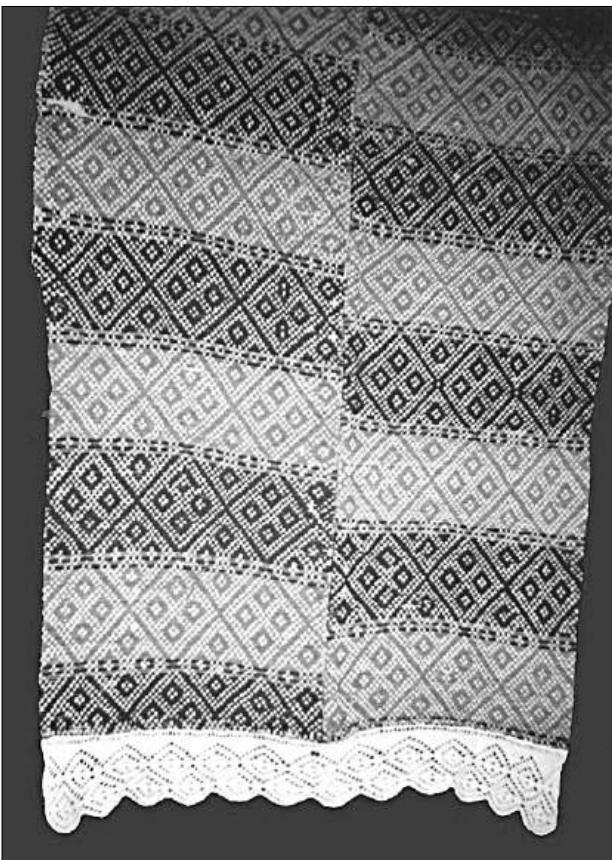
Изученные изделия в основном декорированы браными узорами, исполненными в технике двухуточного, иногда одноуточного белого и многоуточного браного ткачества. Длина минимального стежка браных узоров составляет 1, 2 или 3 мм;

при этом перекрываются участком уточной нити две или три нити основы. Число повторений рядов в узоре — в основном 2 и 3. Другие значения, например 1 или 6, встречаются крайне редко. Переплетение нитей главным образом полотняное, реже — узорное, плотность переплетения в зависимости от толщины нитей составляет 10–16 нитей основы и утка в сантиметре. Длина полотенец колеблется в пределах от 1,5 до 2,5–3 м, наиболее часто встречающаяся ширина от 36 до 41 см, скатерти обычно сшиты из двух, реже из трех полотнищ, имеют длину от 1,2 до 1,5 м, наквашенники, служившие для накрывания квашни с тестом, могут иметь размер, например, 75 × 61 см. Края изделий оформлены бахромой, подгибкой, крючковым или коклюшечным кружевом длиной 7–15 см.

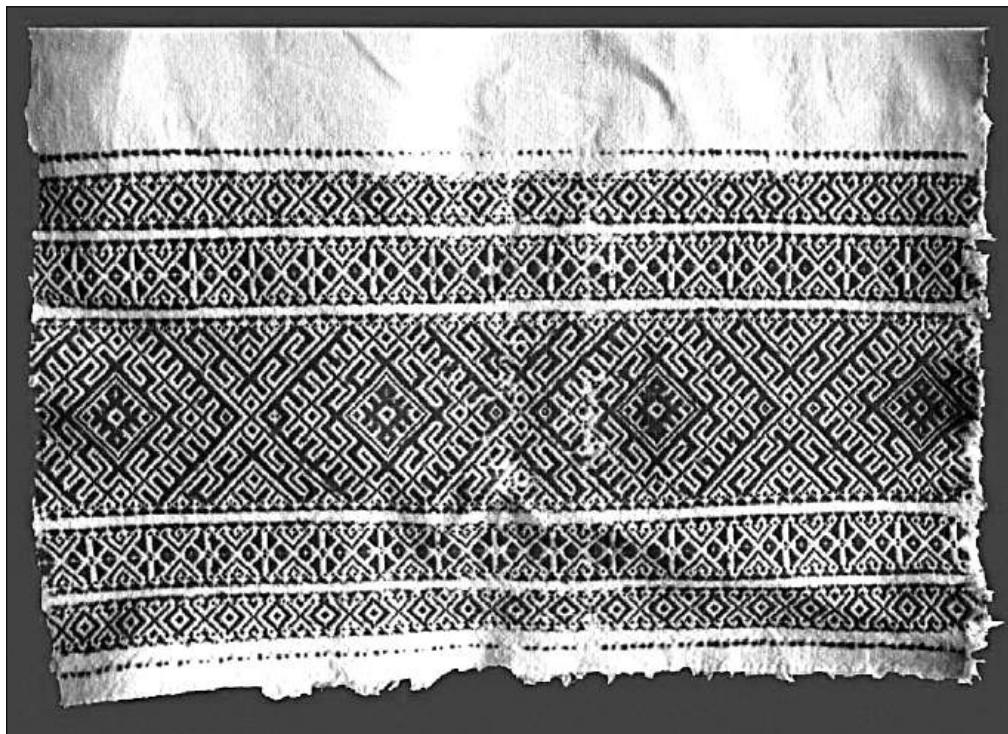
Места расположения украс на изделиях следующие: на полотенцах украшаются их концы, на скатертях украсы располагают вдоль меньших (узких) сторон сшиваемых полотен, узоры на поясах могут располагаться либо на концах или по всей их длине, на рубахах — на оплечьях и по подолу, на сарафанах — по подолу и груди, матрасовки сшиваются, как правило, из двух полностью забранных полос.

Назначение традиционного по своей сути браного узорочья на предметах быта и одежде старожилов региона в рассматриваемый период заключается, по нашему мнению, в обережной функции, которой нашими предками наделялись браные узоры, в сохранении традиций и в необыкновенной декоративности и художественной ценности. Общая ширина декора на концах полотенец (от самого простого до самого сложного) составляет от 9,5 до 62,5 см, встречаются значения: 11,2; 13,5; 15; 23; 36; 43; 49 см. Сложность узора зависит от количества используемых дощечек-бральниц. Узоры на изделиях Восточной Сибири «браны» на 1, 2, 4, 6, 7, 8, 9 дощечках. Однако сложный основной узор, например на полотенце из историко-экологического музея г. Саянска, выбран на 35 дощечках (илл. 3), на конце полотенца из фондов Киренского краеведческого музея — на 55 (илл. 4). Орнаментация столешников более скромная, чем полотенец, — это обычно узкая кайма из «репьев», «полурепьев» или косых крестов, расположенная по краям противоположных узких сторон.

Одними из важных и часто применяемых в браном ткачестве как самостоятельных, так и дополнительных способов декорирования являются перетыки (украшающие полоски, в одну уточную нить). Группируя их, разделяя пробелами ткани, получают

Илл. 2. Потник. 1932–1933 гг. Село Падун, Братский район Иркутской области.
Основа — льняные, уток — черные и красные шерстяные нити. Браное ткачество. 200×80. Исполнила А.П. Дубровина (1915 г. р.) себе в приданое. Братский городской объединенный музей истории освоения Ангары. № КП4322-2. Сборы Е.Н. Гинзбург, 1990 г. Сшит из двух полос шириной 40,5 см каждая, по узкому краю имеются кружева, связанные на спицах и пришитые позже. Полотно выткано сетчатым орнаментом из ромбов с четырьмя вписанными ромбиками, чередующимися широкой и двумя узкими полосками черного и красного цветов. Повтор рядов — 3 раза, длина модульного стежка — 3 нити

Илл. 3. Полотенце. XIX в. Город Саянск, Иркутская область. Льняное полотно, красные бумажные нити. Браное ткачество. Историко-экологический музей г. Саянска. Полотенце подарено О.Э. Никитиной ее свекровью Е.М. Никитиной (1900 г. р.), ранее принадлежало ее матери (имя неизвестно). Фото В.И. Щепина

очень интересные решения в украсах предметов быта. Узорная нить, более толстая, чем фоновая уточная, формирует узор на изделии выпуклым, рельефным. При одновременном использовании нескольких челноков с узорными нитями трудоемкость тканья компенсируется декоративным эффектом, достигаемым за счет применения нитей другого цвета для каждого элемента и определенного композиционного решения орнаментальной полосы. Увеличение числа повторений рядов узора до трех и более деформирует (вытягивает) узор по вертикали, уменьшение — растягивает его по горизонтали.

В результате технологических исследований выявлены различия между браными узорами, получаемыми в результате бранья иглой и браного ткачества: в первом случае узор располагается на поверхности ткани, получается выступающим над ней — барельефным; во втором случае узор образуется внутри ткани, изменяя ее структуру. Исходя из своего практического опыта авторы сформулировали ряд рекомендаций по технологии бранья иглой, особенно по тем вопросам, которые не освещены в публикациях и которые составили основу методических разработок по обучению этому виду художественного рукоделия [4].

Орнаментальные мотивы, характерные для обнаруженных источников браных узоров, существовавших в Енисее-Ангаро-Ленском междуречье в конце XIX – начале XX в., геометрические. Наибольшее распространение получили: квадратики, прямоугольники, треугольники, столбики, прямые и косые кресты, разнообразные ромбы, которых нами насчитано более 30 видов (илл. 5). Это ромбы с продленными сторонами («репьи»), с прямыми и косыми крестами внутри, гребенчатые, решетчато-гребенчатые, сдвоенные, с крюками, вложенные друг в друга, половинчатые («полрепьи») и др. Встречаются мотивы, связанные с продлением жизни: «лягушки» в разных вариантах изображения, ряды чередующихся ромбов с косыми крестами, восьмиконечные звездчатые розетки, столбообразные и крестообразные фигуры.

В настоящее время трудно найти доказательства существования в браных узорах региона антропоморфных, зооморфных, орнитоморфных и иных изображений,

но это не означает, что их не было в декоре предметов быта и одежды русских крестьян-старожилов, поскольку, например, в Приангарье уже в XVII в. поступали китайские ткани, а в XVIII в. и ситец из Европейской России, вытеснившие трудоемкое домашнее производство ткани. При этом многое из ранее создаваемого и носимого просто состарилось и износилось, а умение и мастерство в этом деле предано забвению за ненадобностью.

На наш взгляд, кажется правдоподобным и другое объяснение этому явлению, а именно. Появление русских первопроходцев в Восточную Сибирь относят к XVII в. Отправляясь в неизведанный край, они, полагаем, брали с собой изделия с самой древней — обережной символикой, носителем которой являются геометрические узоры, связанные с культом Солнца. Суровые климатические и географические условия, достаточно обособленный образ жизни старожилов способствовали сохранности традиций в скромном декоре изделий в определенный исторический период. Позднее это ремесло утратило свою необходимость в хозяйственно-бытовом укладе крестьянства.

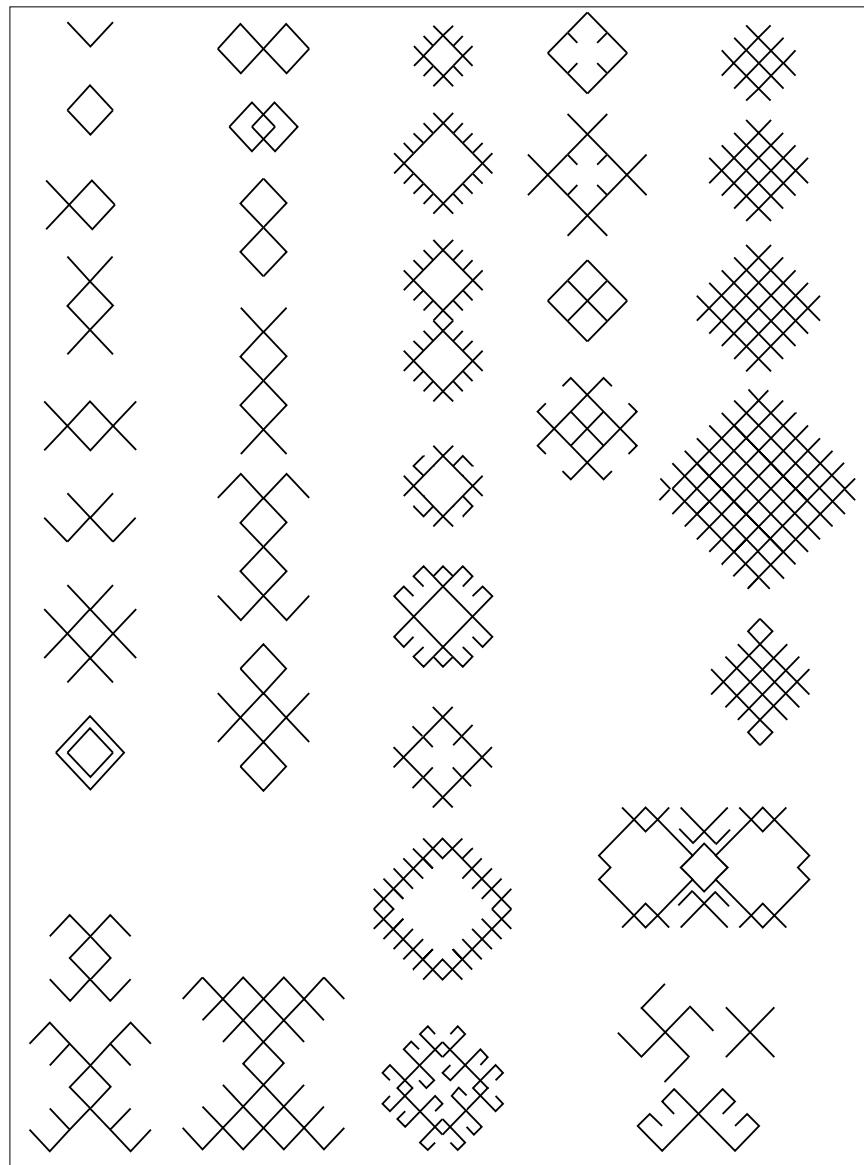
Мотивы несут солнечную символику, выражают идею плодородия и рождения [5]. Богатство орнаментики и ее смысл на изделии определялись его назначением и использованием в определенных ритуалах жизненного цикла, при этом красному цвету узоров придавалось обережное значение. Преобладают линейные, встречаются сетчатые орнаменты и реже розетки, как правило, с зеркальной или осевой 4-го порядка симметрией и используемые в ленточных и сетчатых узорах в качестве разделок внутриромбических пространств. При сравнении орнаментальных мотивов местных браных узоров с мотивами узоров других регионов России между ними обнаружено сходство, которое объясняется общими историческими корнями этого явления.

В работах по теории и практике народного искусства отмечается, что для орнаментального творчества характерна модульная система создания орнаментального целого, основанная на последовательном отсчете и варьировании отдельной неделимой единицы узора-модуля. Авторами впервые для анализа браных узоров в качестве модуля предложена длина минимального стежка α , при этом характерным и обязательным является выполнение условия $\alpha = \beta$, где β — минимальный пробел между стежками [6].

Предложенный модульный способ для установления закономерностей построения браных узоров и их классификации по этим закономерностям оказался универсальным. Самыми многочисленными оказались группы узоров, состоящих из полос с горизонтальной шириной: 3α , $3\alpha-\beta-3\alpha$ и $3\alpha-\beta-\alpha-\beta-3\alpha$ [7]. Зубчатый контур этих полос для восприятия таких узоров принципиального значения не имеет, в них есть более сильные акценты, на которые обращается внимание зрителя. Обнаруженные закономерности в построении браных узоров являются определяющими и составляют существенные отличия от закономерностей построения других

Илл. 4. Конец полотенца. XIX в. Город Киренск, Иркутская область. Полотно, красные бумажные нити. Браное ткачество, стяги. Фото А.Д. Назаркина, 2005 г.

Илл. 5. Основные элементы браных узоров на текстильных изделиях русских старожилов Енисея-Ангаро-Ленского междуречья

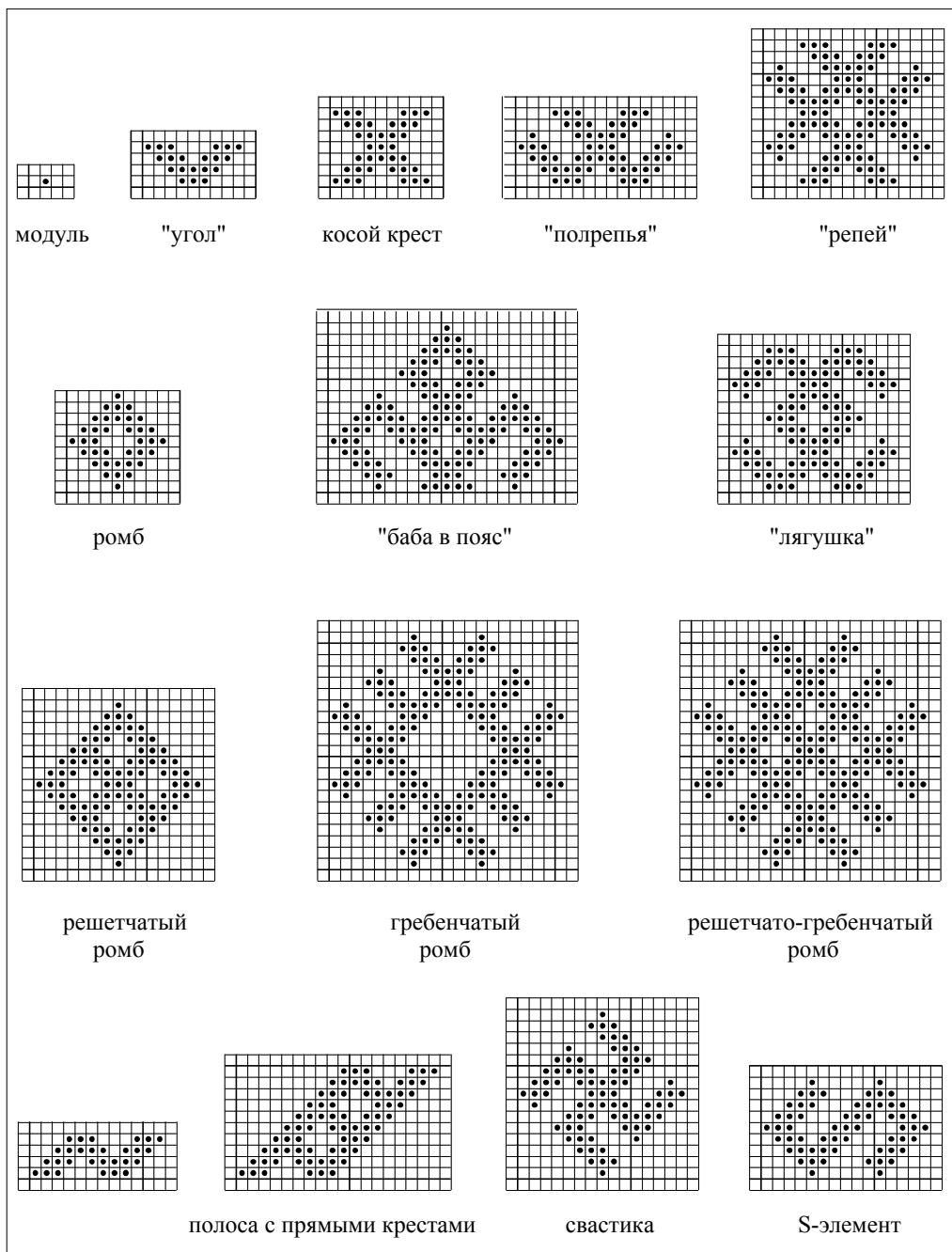
узоров. При этом важным и очевидным является следующее. Браные узоры в основном представляют собой орнаментальную полосу, образованную ритмическим повторением раппорта. Раппорт может состоять из ромбической сетки с заполненными узорами ячейками, отдельных мотивов и мотивов, образующих в полосе непрерывный узор, оставляющий просветы ткани — фон, который представляет собой узор (фоновый узор) [8]. Браный узор создает (порождает) соответствующий ему фоновый узор, браный и фоновый узоры взаимопроникновенны, находятся в определенной связи, вычленяют друг друга, не могут существовать друг без друга. Трудно отдать предпочтение по критерию красоты одному из них, в практике декорирования текстильных изделий используются как браные, так и фоновые узоры.

Введенный для анализа браных узоров модуль позволил воссоздать схемы для исполнения узоров в материале, установить практические приемы геометрической стилизации изображения людей, птиц, животных, растений (илл. 6) [9].

В результате проведенных исследований нами сформулированы существенные отличия браных узоров: глухая счетная, именно браная техника воссоздания узоров в материале (ткани полотняного переплетения); характерная геометрическая стилизация

изображений на основе только присущих браным узорам закономерностей построения; наличие порождаемого браным узором равнозначного по свойствам фонового узора.

Исследования украс предметов домашнего быта и одежды убеждают, что браные узоры составляют основу орнамента для других видов вышивки, ткачества и вязания. Трудоемкость изготовления ткани, прямой край одежды, места сшивания деталей которой плотно покрывались вышивкой с узорами-оберегами, свидетельствуют о том, что первоначально ткань не «решетили» (не продергивали), поэтому использовали глухие счетные швы: «набор», «косую стежку» и т. д.; затем, полагаем, появился шов «роспись» — более скорый по исполнению и экономичный по затратам вышивальных нитей и обеспечивающий уже другой, отличный от первых названных швов декоративный эффект. Позднее ткань стали прорезывать и применять различного цвета вышивальные нити, при этом достигалась совершенно иная

Илл. 6. Схемы основных элементов орнаментальных мотивов, построенных с использованием модульного способа

художественная выразительность все тех же по начертанию геометрических узоров, изначально исполняемых в браной технике. Возможность такого развития техник вышивания подтверждается общеизвестным мнением о том, что материалы и технологии более изменчивы во времени, чем орнаментика. Именно в этом кроется одна из причин долголетия браных узоров, дошедших до наших дней и сохранивших в себе архаические компоненты. Практически без изменения браные узоры исполняются в более поздних по времени техниках (цветная и белая перевить, вышивка крестом, филейное вязание крючком и др.).

Браные по начертанию узоры исполнены в технике стягов, когда рабочую нить обвивают вокруг нитей ткани и плотно затягивают. На месте затягивания образуется дырочка. Из стежков и дырочек складывается ажурный узор. В такой технике красными и белыми нитями на полотенце И.Н. Таюрской исполнен узор из «репьев» в ромбах и полуромбах (илл. 7). Аналогичную технику видим на конце полотенца из фондов Киренского краеведческого музея, с ее помощью вышил наконечник полотенца (илл. 4). Соединенные лучами в одну фигуру четыре свастики помещены в ромб с внутренними и внешними крючьями по его сторонам. Такая техника исполнения позволяет использовать для каждого элемента узора свой цвет.

Разнообразие композиционного решения декора полотенец в основном достигается за счет вариации ширины (высоты) ярусно расположенных орнаментальных полос, их количества, места взаимного расположения, использования разделяющих полосок-перетык, их количества, способа группировки и места расположения. Изделия с различными композиционными решениями декора объединены в несколько групп [10]. Полотенца Енисейской губернии выделены особо, их характерной особенностью является узкая браная полоса, расположенная над наконечником, исполненным в технике белой перевить и содержащим сюжетные или трехчастные композиции.

Использование современных количественных методов для описания, классификации и оценки параметров браных узоров является эффективным способом их изучения, дополняющим и обогащающим зрительно-чувственно-эмоциональный анализ и обладающим конкретной и однозначной аргументацией выводов. В некоторых работах в качестве одной из характеристик текстильных браных узоров используется соотношение площадей узора и фона [11]. Для браных узоров, которые в основной своей массе

Илл. 7. Полотенце. Начало XX в. Село Таюра, Усть-Кутский район Иркутской области.
Холст, красная бумага, конопляная нить.
Вышивка: стяги, крючковое кружево с кистями. 38,5x260. Исполнила А.И. Таюрская (1904 г. р.). Коллекция творческой мастерской «Берестень». Дар ее дочери – И.Н. Таюрской. Примечательным в декоре полотенца являются браные по начертанию узоры, исполненные в отличных от браной техниках, а именно: «репьи» в ромбах вышиты белыми и красными нитями. В результате применения такой техники узор получается легким, со сквозными дырочками. А кружево с кистями, пришитое встык к подгибке (0,5 см), включает гребенчатые ромбы, прямые и косые кресты

представляют рапортно-линейную систему, это особенно важная характеристика. От соотношения площадей узора и фона зависит, какое воздействие оказывает на зрителя орнаментальная тема.

В качестве количественной оценки соотношения площадей браного и фонового узоров нами впервые предложен коэффициент асимметрии K_a [12]. Особая значимость коэффициента асимметрии для браных орнаментов заключается в том, что он является количественной оценкой такой категории красоты, как симметрия. В данном случае под симметрией следует понимать равенство площадей браного и фонового узоров в раппорте. Полагаем, что стремление создать узоры, удовлетворяющие этому принципу, имеет давние традиции.

Изучение браных орнаментов русских старожилов Восточной Сибири позволило установить ряд интереснейших приемов в создании узоров с коэффициентом асимметрии $K_a = 0$. На илл. 8 приведены схемы узких каемок с полотенец региона. Характерным для них является одинаковость очертаний браных и фоновых узоров и, как следствие этого, выполнение условия $K_a = 0$. Рассмотренные узоры представлены двумя видами. К первому виду отнесены узоры с элементами, представляющими собой сплошные фигуры без просветов (треугольник, квадрат, столбик, прямоугольник), ко второму — более сложные по начертанию узоры с элементами, имеющими просветы фона («полрепьи», ромбы, уголки, N - и α -образные фигуры). Приемы построения раппортов каемок обусловлены именно взаиморасположением в них браных и фоновых узоров. Так, узкие каемки с полотенца Балаганского района из коллекции фотографических снимков П.Ф. Требуховского (Музей истории города Иркутска, № 1665/1–31 149ф) [13], приведенные на илл. 8 – 1а, 16, образованы чередующимися одинаковыми по начертанию и ориентации браными и фоновыми узорами в виде квадратиков и прямоугольников. Раппорт каемки с полотенца Е.М. Никитеевой (илл. 3) составлен из одинаковых по очертанию браных и фоновых фигур — треугольников, ориентированных по вертикали навстречу друг другу (илл. 8 – 2).

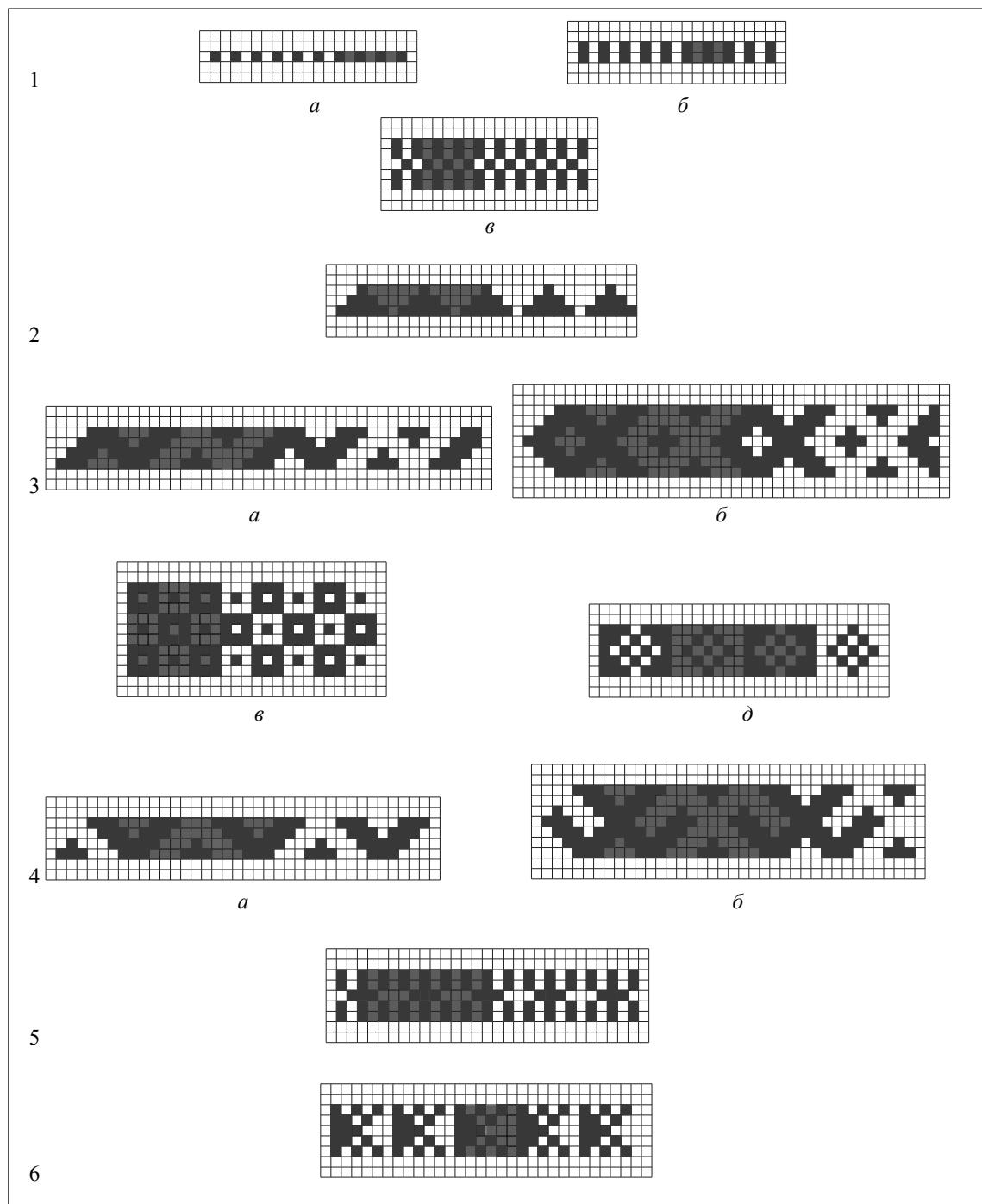
Для построения узоров второго вида рассмотренные выше приемы также используются. Примерами служат каемки с полотенец из фондов Киренского краеведческого музея и музея «Тальцы» (№ 11140-18, ТК512) [14]. Узоры состоят соответственно из N - и α -образных элементов (илл. 8 – 3а, 3б). Такие же закономерности образования каемок из ромбов и столбиков (илл. 8 – 3д) обнаружены на полотенце № 12258-6 [15], на полотенце жительницы г. Иркутска Л.С. Дмитриевой [16] и на полотенце, представленном на илл. 9. Каемки полотенца жительницы г. Иркутска А.Я. Шаяхметовой [17] и полотенца № 14137-2 (музей «Тальцы») [18] образованы из позитивного (браного) и перевернутого по вертикали негативного (фонового) изображений уголков и «полрепьев» соответственно (илл. 8 – 4а, 4б).

Обращают на себя внимание узоры, в которых соседние браные узоры расположены относительно друг друга таким образом, что пространство между ними и в них представляет собой фоновый узор, по начертанию и ориентации одинаковый с браным узором, например верхняя каемка на полотенце из с. Олонки Иркутской области [19] создана использованием фигуры, по начертанию похожей на букву «Ж» (илл. 8 – 5). В результате ритмичного повторения этого элемента через промежуток ткани, по ширине равный длине модульного стежка, образуется негативное изображение элемента «Ж». Элементы нижней каемки этого полотенца напоминают букву «К» (илл. 8 – 6). Орнамент образован ритмичным повторением элемента таким образом, что между двумя соседними элементами получается его негативное изображение, но противоположно ориентированное относительно первого (они направлены навстречу друг другу). Браные и фоновые узоры в этом случае взаимопроникновенны.

Трудно переоценить глубину геометрического воображения мастерниц, создававших рассмотренные каемки — эти маленькие шедевры, обладающие художественной ценностью.

Браное узорочье, зарожденное в недрах неолитического периода, когда формировались базовые мотивы, прошло путь удивительного развития и достижения художественного совершенства, оно различается по видам изображаемых мотивов, имеет разную степень сложности от самых простой до сложнейшей, художественный образный язык его очень разнообразен.

Являясь компонентом, составляющим художественный синтез с вещью, браные орнаменты декорируют ее, повышают эстетические качества, углубляют и расширяют художественный смысл, придают выразительность, выявляют ее архитектонику (будь то женская рубаха, полотенце, пояс или головной убор), придают ей определенные эмоциональные оценки (именно богато орнаментированные браньем свадебные оде-

Илл. 8. Схемы браных каемок с $K_a=0$ на текстильных изделиях русских старожилов Восточной Сибири

Илл. 9. Полотенце. XX в. Зиминский район Иркутской области.

Холст, красные бумажные нити. Браное ткачество.

Народно-историко-краеведческий музей г. Зимы.

Фото В.И. Щепина, 2006 г.

ния оказывают такое воздействие на зрителей, как торжественность и радость). Браные узоры представляют собой стиль, по которому определяется историческая, территориальная, социальная, эстетическая и времененная принадлежность вещи. Они являются специфическим художественным феноменом народного искусства, основу которого составляют полифункциональность, коллективная основа творчества, в результате чего в них ярко проявляется коллективное представление о красоте в содержательном и формальном выражении. Использование браных орнаментов с характерными принципами формообразования делает возможным задать вещи или пространству стилевую окраску (например русские фольклорные костюмы, русская деревенская изба). Обобщенность, абстрагированность, универсальность и выразительность художественного языка делают браные орнаменты проводником стилевых особенностей художественной культуры определенного исторического периода, региона, национального искусства.

Одна из информационных составляющих браных узоров заключается в смысловом содержании изображений космологической, мифологической, религиозной, магической направленности и может трактоваться как аналог благопожелательной молитвы, поскольку орнаментальное искусство по своей сути позитивное и утверждающее, об этом и свидетельствуют мотивы браных узоров, символизирующие небесные светила, землю-кормилицу, живительную влагу и т. д., и изначальный их красный цвет — цвет огня, которому приписывали обережную и очистительную силу, все это особо подчеркивает характерную для художественных образов браных узоров глубину и значительность.

Браным узорам свойственны орнаментальные ленты, розетки и сетки, преимущественно наклонные (мотивы вписаны в ромб); в браных полосах при их построении используются параллельный перенос мотивов-раппортов и плоскости симметрии; ритм повторяющихся мотивов созидает, завораживает, создает ощущение организованности и доставляет удовольствие и наслаждение от созерцания.

Характерным является использование в качестве раппорта трехчастной композиции, например, по сторонам стилизованного дерева, иногда имеющего вид антропоморфной фигуры, могут располагаться олени, кони, гуськи. В традиционном народном искусстве развитие замысла шло от детали к целому, от мотива к композиции, поэтому браным узорам присущи богатейшая выразительная разработка орнаментального рисунка, его детализация. Анализ изобразительной стороны узоров выявил наличие художественных отголосков разных эпох, заключающихся в том, что для достижения наибольшей декоративной выразительности шел процесс усложнения орнаментальных мотивов, связанный с технологическими возможностями бранья и композиционными закономерностями. При использовании приема многократного повторения основообразующих полос достигается эффект соподчинения второстепенных элементов главным.

Выразительность браных орнаментов определяют пропорциональные отношения площадей браного узора и фона, размеров мотивов и их составных частей, достигаемые за счет геометрической стилизации мотивов и счетной техники исполнения, основой которых является модульная система создания орнаментального целого. Теснота и разреженность определяют ритм и плотность узора, насыщенность цветом, наличие цветового контраста и фона, звучание фактуры ткани и технологии набора. Возможны случаи, когда в браном узоре одна и та же линия читается то как мотив узора (слитность), то как граница между мотивами (дискретность). Другие узоры, где линии переплетены и запутаны, один мотив перерастает в другой, границы между ними не выявлены, создают ощущение слитности и связанности.

Браные узоры — результат материального и духовного производства народов России, они имеют глубокое смысловое значение, представляют собой художественную и историческую ценность, являются художественным наследием. Характеристики браных узоров — назначение; художественный синтез с вещью; открытость структуры, обладающей целостностью, достаточной внутренней завершенностью, относительно законченным идеяным и художественным смыслом; используемые закономерности и приемы орнаментальной композиции, ее виды; полифункциональность — относятся и к орнаментам других художественных стилей. Однако такие особенности, как архаичность происхождения; обобщенный эстетический опыт в результате коллективной основы творчества; динамизм в достижении художественного совершенства; долголетие; обладающий гармонией геометрический язык изображения религиозных представлений; технологические особенности; изначальная монохромность; обширная география распространения мотивов, узнаваемость и поэтичность в художественном их прочтении; наличие собственных образов-маркеров; порождение браным узором обладающего этими же свойствами фонового узора; особая энергетика, составляют стилистические особенности браных узоров, выделяют их в отдельный класс, позволяют рассматривать как специфический феномен орнаментального искусства и трактовать их как геометрический классицизм.

Приведенные результаты исследования далеко не исчерпывают всех проблем, возникающих при изучении браных узоров. Например, вне пределов настоящего исследования остались вопросы разработки САПР браных орнаментов, способов их воспроизведения в разных технологиях и материалах. Не освещены данные по декорированию браными узорами текстильных изделий переселенцев — украинцев и белорусов, работы которых характеризуются технологическими особенностями и ярким самобытным колоритом узоров и композиционных решений. Необходимо продолжение работы по дальнейшему сбору, изучению, систематизации браных узоров русских старожилов Восточной Сибири, по формированию банка браных орнаментов.

Утративший свое значение в народной жизни русский орнамент осмысливается заново, используется наукой как полноценный исторический источник. Процесс, когда орнамент теряет свой смысл и над ним довлеет декоративность, был частью

общего заката крестьянского искусства России конца XIX столетия — времени разрушения старых воззрений, обычаев и верований. Но даже с потерей обрядового назначения русский народный орнамент, особенно браные узоры, не утрачивает своей эстетической ценности. Отмеченный ярким национальным характером и вобранный в себя богатые крестьянские трудовые и культурные традиции, он способствует привитию художественного вкуса и играет в наши дни воспитательную роль. Развитие и использование рассмотренного вида декоративно-прикладного искусства в современных условиях может осуществляться на основе художественного синтеза традиций и новаций.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дмитриева Л.С., Шахнович А.Г. Совет да любовь: книга-альбом. Иркутск: Изд-во ОАО «Иркутская областная типография № 1», 2004. С. 53–63.
2. Дмитриева Л.С., Шахнович А.Г. К методике изучения браного узорочья // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Иркутск, 2004. Вып. 3. С. 197; Есипов В.В., Дмитриева Л.С., Шахнович А.Г. Методологические особенности исследования браных узоров // Там же. Иркутск, 2006. Вып. 5. С. 101.
3. Дмитриева Л.С., Никифорова М.Л., Шахнович А.Г. Некоторые результаты анализа тканых изделий с браными узорами // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Иркутск, 2005. Вып. 4. С. 101–106.
4. Дмитриева Л.С., Шахнович А.Г. Совет да любовь: книга-альбом. С. 53–63, 65–102.
5. Дмитриева Л.С., Шахнович А.Г. Шов набор и браные узоры // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Иркутск, 2002. Вып. 1. С. 130.
6. Есипов В.В., Дмитриева Л.С., Шахнович А.Г. Методологические особенности исследования браных узоров. С. 234.
7. Дмитриева Л.С., Никифорова М.Л., Шахнович А.Г. Некоторые результаты анализа тканых изделий с браными узорами. С. 101–106.
8. Дмитриева Л.С., Шахнович А.Г. К методике изучения браного узорочья. С. 233–238.
9. Дмитриева Л.С., Никифорова М.Л., Шахнович А.Г. Опыт сохранения орнаментики браных полотенец // Тальцы. 2004. № 3 (22). С. 17–25.
10. Есипов В.В., Дмитриева Л.С., Шахнович А.Г. Методологические особенности исследования браных узоров. С. 105–106.
11. Кожевникова Л.А. Особенности народного узорного ткачества некоторых районов Севера // Русское народное искусство Севера: сб. ст. Л., 1968. С. 110.
12. Дмитриева Л.С., Шахнович А.Г. К методике изучения браного узорочья. С. 196.
13. Дмитриева Л.С., Шахнович А.Г. Совет да любовь: книга-альбом. С. 53.
14. Там же. С. 164.
15. Там же. С. 162.
16. Там же. С. 111.
17. Там же. С. 148.
18. Там же. С. 160.
19. Маслова Г.С. Русский народный костюм (XIX–XX вв.) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1971. Ч. 1: Приангарье. С. 148, рис. 1.

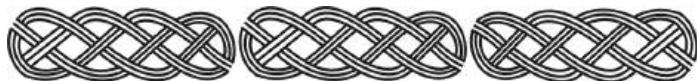

ТОПОНИМИКА

C.A. Гурулёв

НОВЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ БУРЯТСКИХ ТОПОНИМОВ «ЗАЛАРИ», «ИДА», «ОЁК»

Территории расселения бурят в прошлом были гораздо шире современных границ национальных территориальных образований — Республики Бурятия и двух бурятских округов — Усть-Ордынского в составе Иркутской области и Агинского в составе Забайкальского края. После прихода русских в XVII в. в Предбайкалье и Забайкалье взаимодействие между двумя народами — коренными бурятами и пришельцами-русскими — касалось всех сторон жизни этих народов: экономической, социально-демографической, культурной. При этом взаимодействии, носившем не всегда мирный характер и к тому же происходившем в условиях государственных частно-капиталистических порядков, некоторые стороны бурятских кочевых обычаем и традиций претерпевали сильное влияние со стороны русских обычаем и русского менталитета. Если в этой плоскости рассматривать топонимику края, то можно видеть явные искажения бурятской топонимики, приспособления ее к русским обычаям и традициям. Однако нельзя не отметить и того факта, что официальные русские власти стремились сохранить топонимику аборигенов в силу облегчения условий сбора ясака.

Залари. В документах первым называется пос. Залари, образование которого датировано 1750 г. [1]. Позднее в кратком бурятском «Реестре озер, гор, рек, речек и ручьев по Балаганскому и Идинскому бурятским ведомствам» от 1787 г. [2] названа речка Заларей. При переписи 1897 г. выделялась Заларинская волость, входившая в Балаганский округ. В волости насчитывалось 2 185 хозяйств и населения 12 853 чел. (6 755 муж., 6 098 жен.), в том числе русских 11 781 чел. (6 110 муж., 5 671 жен.), бурят 101 чел. (61 муж., 40 жен.), татар 654 чел. (386 муж., 268 жен.), поляков 67 чел. (51 муж., 16 жен.), немцев 8 чел. (7 муж., 1 жен.), цыган 27 чел. (15 муж., 12 жен.), евреев 129 чел. (59 муж., 70 жен.), прочих 86 чел. (66 муж., 20 жен., в том числе лезгин 13 муж., 14 жен., черкесов 31 муж., 2 жен.). В волость входили: Заларинское селение (при речке Залари) с 344 хозяйствами и с населением 2 006 чел. (1 044 муж., 962 жен.), в том числе русских 1 690 чел. (872 муж., 818 жен.), татар 238 чел. (129 муж., 109 жен.), бурят 28 чел. (12 муж., 16 жен.), поляков 22 чел. (18 муж., 4 жен.), немцев 2 чел. (1 муж., 1 жен.), евреев 23 чел. (10 муж., 13 жен.), прочих 3 чел. (2 муж., 1 жен.); селение Кутулик (при речке Кутулик) с 385 хозяйствами и с населением 2 421 чел. (1 399 муж., 1 022 жен.), в том числе русских 1 882 чел. (1 058 муж., 824 жен.), татар 342 чел. (211 муж., 131 жен.), бурят 18 чел. (16 муж., 2 жен.), поляков 18 чел. (15 муж., 3 жен.), немцев 3 чел. (3 муж.), цыган 4 чел. (3 муж., 1 жен.), евреев 112 чел. (46 муж., 56 жен.), прочих 52 чел. (47 муж., 5 жен.); Троицкий винокуренный завод (при речке Залари) с 108 хозяйствами и с населением 547 чел. (293 муж., 254

жен.), в том числе русских 435 чел. (229 муж., 206 жен.), татар 40 чел. (23 муж., 17 жен.), бурят 27 чел. (16 муж., 11 жен.), поляков 7 чел. (5 муж., 2 жен.), немцев 1 чел. (муж.), цыган 4 чел. (3 муж., 1 жен.), прочих 33 чел. (16 муж., 17 жен.). Кроме того, по речке Залари были расположены входившие в Унгинское инородческое ведомство следующие бурятские улусы: Онгоев с 55 хозяйствами и с населением 290 чел. (142 муж., 148 жен.), в том числе бурят 1-го кульметского и онгоева родов 273 чел. (130 муж., 143 жен.), русских 17 чел. (12 муж., 5 жен.); Нукутский (при устье речки Нукуты) с 36 хозяйствами и с населением 196 чел. (102 муж., 94 жен.), в том числе бурят онгоева рода 62 чел. (35 муж., 27 жен.), русских 118 чел. (59 муж., 59 жен.), поляков 9 чел. (5 муж., 4 жен.), прочих 7 чел. (3 муж., 4 жен.); Намарзанский с 14 хозяйствами и с населением 72 чел. (33 муж., 39 жен.), в том числе бурят булутского и 1-го кульметского родов 71 чел. (32 муж., 39 жен.), русских 1 чел. (муж.); Хадальский с 27 хозяйствами и с населением 153 чел. (77 муж., 76 жен.), в том числе бурят 1-го кульметского рода 143 чел. (73 муж., 70 жен.), русских 10 чел. (4 муж., 6 жен.); Шенатский с 21 хозяйством и с населением из бурят 1-го кульметского рода 94 чел. (48 муж., 46 жен.); Верхне-Наймодаевский с 29 хозяйствами и с населением 149 чел. (77 муж., 72 жен.), в том числе бурят 1-го кульметского рода 125 чел. (62 муж., 63 жен.), русских 24 чел. (15 муж., 9 жен.); Нижне-Наймодаевский с 27 хозяйствами и с населением 146 чел. (81 муж., 65 жен.), в том числе бурят 1-го кульметского рода 123 чел. (66 муж., 57 жен.), русских 22 чел. (14 муж., 8 жен.), прочих 1 чел. (муж.); Ханчарский с 26 хозяйствами и с населением 136 чел. (67 муж., 69 жен.), в том числе бурят 1-го кульметского рода 119 чел. (59 муж., 60 жен.), русских 17 чел. (8 муж., 9 жен.); Ункурликский с 28 хозяйствами и с населением 145 чел. (78 муж., 67 жен.). в том числе бурят 1-го кульметского рода 134 чел. (70 муж., 64 жен.), русских 7 чел. (5 муж., 2 жен.), татар 4 чел. (3 муж., 1 жен.); Улаханский с 15 хозяйствами и с населением 72 чел. (38 муж., 34 жен.), в том числе бурят 1-го кульметского рода 68 чел. (35 муж., 33 жен.), русских 4 чел. (3 муж., 1 жен.); Дарготуйский с 19 хозяйствами и с населением 93 чел. (54 муж., 39 жен.), в том числе бурят 2-го икинатского рода 89 чел. (51 муж., 38 жен.), русских 4 чел. (3 муж., 1 жен.); Щербаковский с 7 хозяйствами и с населением из бурят борольдоевского рода 24 чел. (11 муж., 13 жен.). По речке Залари были расположены также входившие в то же Унгинское инородческое ведомство деревни со смешанным населением: Бажирская с 61 хозяйством и с населением 392 чел. (201 муж., 191 жен.), в том числе бурят 1-го кульметского рода 313 чел. (155 муж., 158 жен.), русских 72 чел. (40 муж., 32 жен.), татар 1 чел. (муж.), поляков 3 чел. (2 муж., 1 жен.), прочих 3 чел. (3 муж.); Заблагарская с 31 хозяйством и с населением 218 чел. (109 муж., 109 жен.), в том числе бурят борольдоевского рода 155 чел. (71 муж., 84 жен.), русских 63 чел. (38 муж., 25 жен.) [3].

О происхождении топонима первым высказался М.Н. Мельхеев. Он считал, что топоним «Залари» происходит от русского выражения «[местность] за Аларь». Мельхеев писал: «...от основы а л а р осмысливается название З а л а р и („за аларь“)». А в отношении топонима «Аларь» он писал следующее: «аларские буряты производят „аларь“ от слова а л и р х а — покрываться (порастать) сочной травой, зеленью. Есть указания, что название А л а р ь произошло от основы „алары — сухое, безлесное пространство“... или от слова „алар — лесная роща, колок, лесок среди степи“... Те и другие признаки, заключающиеся в словах „алары“ и „алар“, в природе аларской долины имеются. Однако языковая принадлежность этих слов остается неизвестной» [4].

Однако происхождение топонима «Аларь» легко объяснимо из якутского «алар» — «лесок на открытом месте, молодой сосняк, редкий сосновый лес, молодой сосновый лесок в долине реки» [5].

Версия М.Н. Мельхеева о происхождении топонима «Залари» поддерживается некоторыми современными исследователями. Так, Е.М. Пospelov пишет: «В основе

русск[ого] названия *Залари* видят бурят[ское] *аларь*, одно из значений которого „лесная роща, лесок среди степи“, т. е. селение находится *за аларью* [6].

Иное суждение о происхождении топонима «Залари» высказала Г.Н. Макогон. Основываясь на упоминаниях в бурятских легендах рода залайри, исследовательница предполагает образование топонима от указанного этнонима и при этом ссылается на документы, зафиксировавшие в 1881 г. приход в Иркутскую губернию селенгинских и урульгинских (Урульга — левый приток Онона) монголо-бурят из Забайкалья, у которых были указаны роды, в том числе род *залайри-узон*, и которые считали себя настоящими монголами, ведущими свои родословия от Чингисхана [7].

Версию Г.Н. Макогон подтверждает наличие в недалеком прошлом близких по оформлению топонимов в Баяндаевском районе Усть-Ордынского Бурятского округа. В 1897 г. перепись племенного состава населения Сибири отметила по р. Булге, притоку Катанцы, бурятский улус Зылыринский, расположенный вблизи оз. Зылырай-Нур. В улусе в 26 хозяйствах проживало 120 бурят (59 муж., 60 жен.) 1-го абызаевского рода (1 житель относился к прочим). Улус входил в состав Хоготовского инородческого ведомства [8].

В 1911 г. улус Зылыринский насчитывал 26 дворов, в нем жило 133 чел. (71 муж., 49 жен., 13 детей) [9].

В 1925 г. улус Зылыринский при устье Булги, на ее правом берегу, показан на карте Сибирского Военно-топографического отдела РККА (Рабоче-Крестьянская Красная Армия).

Бурятский род залайри упоминается среди бурят Забайкалья. Так, в бурятском историческом предании «Почему гром щадит хамниганов?» он определяется как хамниганский (хамниганы — обурятившиеся эвенки). В предании говорится:

«В степях Аги живут потомки восьми сыновей Хорёдоя: Ухасай, Бодонгууд, Шаралдай, Хубдууд, Сагаанууд, Харгана и Халзуут. Всего у Хорёдоя было одиннадцать сыновей. Потомки остальных его трех сыновей расселились в хоринских и примыкающих к ним степях: Хори, Кижинге, Еравне, Заиграеве, Мухоршибири и Бичуре. <...>

Среди восьми потомков Хорёдоя у нас расселилось еще пятнадцать хамниганских родов: Залайри, Залтууд, Онход, Бажандари (в Узоне их пять семей), Дагинхан, Гарлууд, Тугшан, Гунээ (на левобережье Онона). <...>

Есть такое предание седой старины. Высоко на небе обитал дракон-громовержец Лу. Как-то раз Лу спустился на землю. Хамниган поймал его за голову и стал называть его тугшаном (знаменосцем. — С. Г.). Другой хамниган схватил его за хвост.

С тех пор хамниганы из рода Залайри не боятся ни грома, ни грозы. Как только сверкнет в тучах грозовых молния и загрохочет гром, хамниганы из рода Залайри громко кричат:

— Хээг! Хээг!

Это они дают знать громовержцу Лу, что хамниганы не боятся ни сверкания молнии, ни грохота грома. Кого же им бояться, когда сам громовержец Лу был пленен предками Хамниганов» [10].

Дальнейшее изучение версии, впервые высказанной Г.Н. Макогон и представляющейся наиболее вероятной, должно включать исследование родовых группировок западных бурят с целью поисков представителей рода *залайри*, исследование истории Зылыринского улуса, расспросы местного населения о происхождении топонимов «Зылыринский» и «Зылырай-Нур» в Баяндаевском районе.

Ида. В Предбайкалье это название до прихода русских носили три реки. Только одна из них сохранила название до наших дней, это р. Ида, правый приток Ангары (ныне приток Братского водохранилища). Две другие сменили названия: одна из них — Голоустная, приток Байкала, другая — Ушаковка, правый приток Ангары, впадающий в нее в черте Иркутска.

Причины смены названий рек различные. Причины появления и, главное, закрепления названия «Голоустная» связаны с русским судоходством на Байкале.

Первоначально русские переправлялись от Листвянки почти прямо через озеро к юго-востоку в направлении устьй рек южного побережья — Перемной, Снежной и др. А далее суда передвигались вдоль восточного берега к устью Селенги. Так перевозили через Байкал в 1675 г., например, посольство Н.Г. Спафария. Позже русские нашли более экономный путь: от Листвянки к северо-востоку вдоль западного побережья озера до устья р. Голоустной и далее через море к устью Селенги. Так перевозили в 1727 г., например, посольство С.Л. Владиславича-Рагузинского. В бассейне реки, называвшейся *Идой*, жили исключительно буряты. Перепись 1897 г. показывает по реке относящиеся к Кудинскому инородческому ведомству Голоусинский улус с 104 хозяйствами и с населением 497 чел. (258 муж., 239 жен.), в том числе бурят 2-го ашехабатского рода 480 чел. (243 муж., 237 жен.), русских 17 чел. (15 муж., 2 жен.), и селение Больше-Голоустное (Голоусинское) с 18 хозяйствами и с населением 127 чел. (84 муж., 43 жен.), в том числе бурят 2-го ашехабатского рода 101 чел. (60 муж., 41 жен.), русских 25 чел. (23 муж., 2 жен.) [11].

Русские реку стали называть *Голоустной* только потому, что в ее устье довольно далеко и заметно выдвинут в море конус выноса (дельта) речных наносов, не покрытых, в отличие от прибрежных горных склонов, лесной растительностью, — «голое устье», откуда и родилось русское название реки.

Река *Ида*, впадавшая в Ангару вблизи Иркутского острога, переменила название в конце XVII в., когда купцы братья Ушаковы, выходцы из Енисейска, сначала старший Иван и позже младший Алексей, построили на ней две мельницы и стали молоть зерно как государево, так и личное у крестьян. Иркутские жители реку, на которой стояли мельницы, стали называть Ушаковкой. Первоначальное название ушло в забвение.

В устье р. *Иды*, правого притока Ангары, русские построили в 1671 г. острог и назвали его Идинским. Бурятское название реки входило в родословные предания бурят и, конечно, является древним. Так, в родословном предании бурят готольского рода, относящегося к племени булагатов, рассказывается:

«Один раз пришли цэгэнуты и ограбили Готола, угнали весь скот, оставив только одну телку. Тут жена его взяла руководство на себя и решила переехать на другое место, но куда переехать, не знала. Она слышала от людей, что в долине реки Иды никто не живет и что места там хорошие. Они погрузили свои пожитки на телку и пошли на реку Иду. Долина реки Иды тогда представляла сплошное болото и топь, кругом росла береза» [12].

Река Ида остается дорогой и уважаемой и у современных бурят, что выразил бурятский поэт Д.Д. Хилтухин в стихотворении «Речке Иде»:

*Светлый луч в моей судьбе
Речка Ида, здравствуй, здравствуй!
Сколько раз в мечтах солдатских
Возвращался я к тебе.
Это ты давала силы
На дороге фронтовой.
Видно, в детстве напоила
Животворною водой.
Ты всегда: зимой ли, летом,
В непогоду или тиши —
Незакатным блещешь светом,
Яркой радугой горишь.
Ты меня встречаешь лаской,
Нежной, мягкою волной.
Здравствуй, речка Ида, здравствуй!
Вот и я пришел домой...*

(перевод И. Дружинина) [13].

У русских была попытка переименовать реку и назвать ее Каменкой. Реку называет Каменкой в 1675 г. Н.Г. Спафарий. И даже острог стали называть Каменским, но это не привилось. Тем не менее название *Каменка* сохранилось за поселением, возникшим вблизи острога и первоначально носившим название *Верхне-Острожное* (ныне это пос. Каменка).

Следует заметить, что в 1726 г. С.Л. Владиславич-Рагузинский острог и реку называл несколько иначе: «...от Балаганского острогу берегом (Ангары. — С. Г.) до Индинского острогу, которой на берегу левой стороны, 60 верст. Река Инда пала в Ангару от левой стороны, река Ангара в правой руке» [14].

Перепись 1897 г. выделяет Идинскую волость с 2 172 хозяйствами и с населением 12 551 чел. (6 429 муж., 6 122 жен.), в том числе русских 12 191 чел. (6 211 муж., 5 980 жен.), татар 149 чел. (83 муж., 66 жен.), бурят 4 чел. (3 муж., 1 жен.), поляков 98 чел. (77 муж., 21 жен.), немцев 9 чел. (2 муж., 7 жен.), цыган 30 чел. (14 муж., 16 жен.), евреев 42 чел. (19 муж., 23 жен.), прочих 28 чел. (20 муж., 8 жен.). В волость входило селение Верхне-Острожное (Каменка) с 113 хозяйствами и с населением 532 чел. (263 муж., 269 жен.), в том числе русских 409 чел. (204 муж., 205 жен.), татар 84 чел. (42 муж., 42 жен.), евреев 33 чел. (15 муж., 18 жен.), прочих 6 чел. (2 муж., 4 жен.). По р. Иде располагались относящиеся к Укырскому инородческому ведомству следующие бурятские (1-го и 2-го шаралдаевых родов) улусы: Дундальский с 82 хозяйствами и с населением 393 чел. (202 муж., 191 жен.), в том числе бурят 383 чел. (194 муж., 189 жен.), русских 10 чел. (8 муж., 2 жен.); Тодобольский с 11 хозяйствами и с населением из бурят 49 чел. (22 муж., 27 жен.); Хонзойский с 26 хозяйствами и с населением 120 чел. (62 муж., 58 жен.), в том числе бурят 119 чел. (61 муж., 58 жен.), русских 1 чел. (муж.); Нашитинский с 17 хозяйствами и с населением 82 чел. (34 муж., 48 жен.), в том числе бурят 79 чел. (31 муж., 48 жен.), русских 2 чел. (2 муж.), поляков 1 чел. (муж.); Башурский с 14 хозяйствами и с населением из бурят 67 чел. (32 муж., 35 жен.); Кяхтинский с 5 хозяйствами и с населением из бурят 25 чел. (11 муж., 14 жен.); Хадальский (Горный) с 30 хозяйствами и с населением 140 чел. (76 муж., 64 жен.), в том числе бурят 116 чел. (62 муж., 54 жен.), русских 24 чел. (14 муж., 10 жен.); Харилокский с 33 хозяйствами и с населением 172 чел. (88 муж., 84 жен.), в том числе бурят 162 чел. (79 муж., 83 жен.), русских 9 чел. (8 муж., 1 жен.), поляков 1 чел. (муж.); Шарагунский с 20 хозяйствами и с населением 113 чел. (56 муж., 57 жен.), в том числе бурят 98 чел. (46 муж., 52 жен.), русских 15 чел. (10 муж., 5 жен.); Хальский с 16 хозяйствами и с населением 87 чел. (44 муж., 43 жен.), в том числе бурят 85 чел. (42 муж., 43 жен.), прочих 2 чел. (2 муж.); Укырский с 38 хозяйствами и с населением 217 чел. (98 муж., 119 жен.), в том числе бурят 201 чел. (90 муж., 111 жен.), русских 15 чел. (7 муж., 8 жен.), поляков 1 чел. (муж.); Хилтыгэйский с 42 хозяйствами и с населением 220 чел. (127 муж., 93 жен.), в том числе бурят 194 чел. (110 муж., 84 жен.), русских 22 чел. (14 муж., 8 жен.), поляков 2 чел. (1 муж., 1 жен.), прочих 2 чел. (2 муж.); Маньковский с 32 хозяйствами и с населением 166 чел. (88 муж., 78 жен.), в том числе бурят 156 чел. (79 муж., 77 жен.), русских 9 чел. (8 муж., 1 жен.), поляков 1 чел. (муж.); Хадартуйский с 25 хозяйствами и с населением 104 чел. (60 муж., 44 жен.), в том числе бурят 95 чел. (55 муж., 40 жен.), русских 8 чел. (4 муж., 4 жен.), поляков 1 чел. (муж.). По реке также располагалась ясачная деревня Тальянская с 8 хозяйствами и с населением из 58 бурят (28 муж., 30 жен.), 1 женщины русской [15].

На происхождение топонима «Ида» не имел определенного ответа М.Н. Мельхеев. То он предполагал связь его с бурятским родовым этнонимом *Идэ* [16], то связывал, по звунию, с бурятским *удэ* с неизвестной этимологией [17], то с самодийским *ид* — «вода» [18]. Последнюю версию отмечали и другие исследователи [19].

Оригинальную точку зрения на происхождение гидронима «Ида» высказал языковед Т.А. Бертагаев. Он утверждал, что «Ида — по-бурятски *идэ* „резвый“, „удалой“, „умелый“ (очевидно, в половодье)». Он отмечал, ссылаясь на мнение М.Н. Мельхеева, что бурятское *удэ* перешло в название «Удэ» и что «возможно,

Удэ как название реки есть позднейшее звуковое переоформление *идэ* „резвый“, „удалой“ (очевидно, в половодье) — лабиальное узкое *у* нередко чередуется с узким нелабиальным *и*. В то же время Бертагаев не соглашался с мнением Мельхеева о связи названия реки с родовым этнонимом «Идэ» и замечал, что «нередко племенное название берет свое начало от названия местности, реки, озера» [20].

С объяснениями Т.А. Бертагаева выразил несогласие топонимист-турколог Э.М. Мурзаев [21], признав их малоубедительными.

На наш взгляд, гидроним «Ида» легко и вполне удовлетворительно объясним из монгольского и бурятского языков. Он происходит от монгольских слов *идээ* — «еда, пища, кушанье», *идэх* — «есть, кушать, съедать» [22].

Весьма близко к монгольским основам бурятское слово *эдээ(н)* — «пища, еда, кушанье», «съестные припасы, продовольствие», «кушанье, блюдо», «ядро, зерно», «мякоть плодов (овощей)» [23], но оно все-таки фонетически отдалено как от монгольских основ, так и от гидронима.

Междуд тем лексика бурятского языка прошлых веков была весьма приближена к лексике собственно монгольского языка. Так, в середине XIX в. М.А. Кастрен отметил, что понятие «еда» выражалось у нижнеудинских бурят словом *идэлгэ*, у селенгинских — *идээлгэ*, *идеэлгэ*, у хоринских — *идеэлгэ*, у тункинских — *идельгэ*, *идээ*, *идеэн*; глаголы «есть» и «кушать» обозначались у нижнеудинских бурят — *идэнэм*, *идэлэнэм*, *идэлнэм*, у селенгинских — *идэлнэм*, *идэлнэп*, *идэнап*, у хоринских — *идэнап*, *идэлнэм*, у тункинских — *идэнап*, *идэлнэм* [24].

Следует отметить, что монгольский этнограф Г. Мэнэс обращает внимание на существование у монголов слова *идуур* и у ойратов слова *идэш* в значении «корыто для кормления собак», а также на обряды, восходящие к культу собаки, вплоть до обычая класть новорожденного в собачье корыто, содержать в нем младенца некоторое время в целях якобы сохранения его жизни, а затем давать ему какое-либо собачье имя, например Идшээ (Собачье корыто) [25].

Однако участие обрядов, связанных с культом собаки, в топонимике весьма проблематично, тем более что культ собаки, как у монголов, так и у бурят, существовал исключительно на бытовом уровне и не поднимался до уровня родового и, тем более, общенационального. Не отмечены и шаманские термины, связанные с культом собаки.

Связь гидронима «Ида» с монгольской основой *идээ* вполне обоснована тем, что бассейны рек Голоустной, Ушаковки и Иды и ныне располагают богатыми охотничими угодьями. Тем более в прошлом они выступали источниками богатой и обильной еды, источниками продовольствия.

Оёк. Речка Оёк впадает справа в Куду, правый приток Ангары (ниже Иркутска). У речки есть правый приток с названием Оёчек. На рубеже XVII и XVIII вв. на речке Оёк, при ее устье и по притоку Оёчек, возникли первые русские поселения. Русские крестьяне стали строить на речке мельницы. Перепись 1897 г. отметила Оёкскую волость, в которой насчитывалось 1 800 хозяйств с населением 10 256 чел. (5 125 муж., 5 131 жен.), в том числе русских 10 116 чел. (5 055 муж., 5 061 жен.), бурят 25 чел. (16 муж., 9 жен.), татар 62 чел. (26 муж., 36 жен.), поляков 20 чел. (12 муж., 8 жен.), цыган 16 чел. (8 муж., 8 жен.), евреев 17 чел. (8 муж., 9 жен.). В состав волости входило поселение Оёк (при устье Оёчека), в котором насчитывалось 283 хозяйства с населением 1 620 чел. (778 муж., 842 жен.), в том числе русских 1 554 чел. (748 муж., 806 жен.), татар 57 чел. (23 муж., 34 жен.), поляков 3 чел. (2 муж., 1 жен.), евреев 6 чел. (5 муж., 1 жен.). По речке Оёк в конце XIX в. размещались входившие в Капсальское инородческое ведомство следующие бурятские (1-го и 2-го буяновских родов) улусы: 2-й Батховский с 38 хозяйствами и с населением 163 чел. (99 муж., 64 жен.), в том числе бурят 162 чел. (98 муж., 64 жен.), русских 1 чел. (муж.); 2-й Шархитский с 27 хозяйствами и с населением 110 чел. (63 муж., 47 жен.), в том числе бурят 109 чел. (62 муж., 47 жен.), русских 1 чел. (муж.); Егоровский с 19 хозяйствами и с населением исключительно из бурят 77 чел. (37 муж., 40 жен.); Молоевский с 41

хозяйством и с населением 182 чел. (92 муж., 90 жен.), в том числе бурят 180 чел. (91 муж., 89 жен.), русских 2 чел. (1 муж., 1 жен.); Бардинский (при устье притока Барда и Оёка) с 22 хозяйствами и с населением 110 чел. (58 муж., 52 жен.), в том числе бурят 108 чел. (57 муж., 51 жен.); 1-й Кудареевский (по притоку Кударейке) с 42 хозяйствами и с населением 218 чел. (118 муж., 100 жен.), в том числе бурят 172 чел. (87 муж., 85 жен.), русских 46 чел. (31 муж., 15 жен.). По притоку Кударейке были расположены земельные участки, образующие в совокупности 2-й Кудареевский улус и населенные бурятами 2-го буйновского рода: Тадай с 21 хозяйством и с населением 117 чел. (63 муж., 54 жен.), в том числе бурят 109 чел. (57 муж., 52 жен.), русских 8 чел. (6 муж., 2 жен.); Дундуктуй с 11 хозяйствами и с населением 48 чел. (29 муж., 19 жен.), в том числе бурят 46 чел. (28 муж., 18 жен.), русских 2 чел. (1 муж., 1 жен.); Умужуй с 5 хозяйствами и с населением из бурят 25 чел. (11 муж., 14 жен.); Дархатуй с 4 хозяйствами и с населением из бурят 24 чел. (10 муж., 14 жен.); Быкун с 7 хозяйствами и с населением из бурят 40 чел. (24 муж., 16 жен.) [26].

Происхождение топонима «Оёк» рассматривал М.Н. Мельхеев, но он, к сожалению, определенного ответа на это не имел, хотя и склонялся к тюркскому происхождению топонима. Он писал следующее:

«Оёк, Ирк[утский] р[айо]н — буряты производят от слова **оёхо** — шить, вышивать, вязать. В бурятской топонимии часто встречаются названия, связанные в своем возникновении с бытовыми и хозяйственными занятиями жителей данной местности (*хэйетэ* — войлочный, *мунгэтэ* — серебряный, *тэргэтэ* — тележный и т. д.). Но среди бурятского и русского населения района существует предание, что название местности появилось от слова **ой**, **ой-ой**, **оёёй** — крика, выражавшего испуг, страдание и боль, которым подвергались буряты при насильственном крещении, когда новокрещеного в знак приобщения к христианской религии зимой раздетого опускали в прорубь р. Куды вблизи местности, ставшей затем называемой Оёком. Эти объяснения сомнительны, явно притянуты. Скорее всего, это слово тюркского происхождения: оёк, оюк — знак, указатель дорог» [27].

Оригинальное объяснение топониму «Оёк» дает якутский исследователь А.И. Кривошапкин. Он считает, что поселение Оёк основал в самом начале XIII в. Джучи, старший сын Чингисхана, когда он в поисках невесты и жены якобы ездил в Прибайкалье и даже участвовал в Ёрдынских играх на Анге, вблизи Байкала. При этом Кривошапкин полагает, что название поселения было произведено от якутского слова ойох — «жена». И он ссылается на предания «иркутских» бурят [27]. Однако на самом деле таковых бурятских преданий просто нет. Участие Джучи в Ёрдынских играх весьма сомнительно, документальных подтверждений этому тоже нет. Измышлениеми на исторические темы можно увлекаться, но не столь же бездоказательно и вопреки известным фактам (Джучи совершил поход с войском в Прибайкалье в чисто карательных целях, а не в поисках жены).

По нашему мнению, топоним «Оёк» происходит из монгольского языка, от слова *өөг* — «питательный, сытный», «сытый», «нежадный, неалчный». От этого слова есть производные: *өөгдөх* — «быть чрезмерно питательным, сытным», *өөгших* — «быть удовлетворенным». Оно входит в довольно широкий круг сочетаний с другими словами: *өөг хоол* — «сытная пища», «питательное блюдо», *өөг байх* — «быть сытым», *өөг явах* — «быть сытым», *өөг тарган* — «полный, толстый», *өөг хун* — «сытый человек», «нежадный человек» [29].

В бурятском языке есть близкое слово *үег* — «питательный, сытный», «сытый». От него тоже существуют производные: *үеггүй* — «несытный, непитательный», *үегжэх* — «пресыщаться хорошей пищей», *үегөөр* — «сытно». Слово входит в сочетания с другими словами: *үег бэши* — «малопитательный», *үег эдеэн* — «питательная пища», *үег ябаха* — «быть сытым» [30].

Наиболее близка фонетически к гидрониму монгольская основа. Она мотивирована тем, что долина р. Оёк изобилует большими лугами с разнообразным

травостоем в летнее время и представляет богатые корма для домашнего скота в зимнее время при содержании его на подножном выпасе.

В Северной Монголии рассматриваемому топониму есть близкий аналог: р. Оик, приток оз. Хубсугул.

Влияние русского языка выразилось в придании топониму «Оёк» окончания (буква *к* вместо первичного *г*), а также в создании от топонима производного Оёчек с применением русского уменьшительного суффикса *-чек* (*-чик*).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пospelов Е.М. Географические названия России: топонимический словарь. М.: АСТ: Астрель, 2008. С. 93.
2. ГАИО. Ф. 534. Оп. 1. Ед. хр. З. Л. 291, 291 об., 292 об., 293, 294, 294 об., 295, 295 об.
3. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, языки и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.) [С. Патканов. Том III. Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская обл. и о. Сахалин] // Записки ИРГО. Общ. по отд. статистики. Т. XI, вып. 3. СПб., 1912. С. 462–464, 487–490, 500.
4. Мельхеев М.Н. Топонимика Бурятии: История, система и происхождение географических названий. Улан-Удэ: Бургиз, 1969. С. 110.
5. Гурулёв С.А. Якутские топонимы юга Восточной Сибири // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Иркутск, 2002. Вып. 1.
6. Пospelов Е.М. Указ. соч. С. 93.
7. Макогон Г.Н. История заселения притрактовой зоны Заларинской волости (конец XIX – начало XX в.) // История, этнография, архитектура подгородно-трактовых сел Предбайкалья. Иркутск, 2002. С. 44.
8. Статистические данные... С. 517.
9. Список населенных мест Иркутской губернии. Иркутск, 1912. С. 172.
10. Небесная дева-лебедь: Бурятские сказки, предания и легенды / сост. И.Е. Тугутов и А.И. Тугутов. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. С. 227.
11. Статистические данные... С. 446, 447, 458.
12. Балдаев С.П. Родословные предания и легенды бурят. Ч. 1: Булагаты и эхириты. Улан-Удэ: Бургиз, 1970. С. 173.
13. Хилтухин Д. Орел с вершин Ольхона. Улан-Удэ: Бургиз, 1974. С. 38–39.
14. Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. 2: 1725–1727. М.: Наука, 1990. С. 201.
15. Там же. С. 462–464, 484, 485, 499.
16. Мельхеев М.Н. Происхождение географических названий Иркутской области. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1964. С. 39.
17. Мельхеев М.Н. Топонимика... С. 129.
18. Мельхеев М.Н. По берегам Байкала: Географические условия побережья. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1977. С. 32.
19. Гурулёв С.А. Реки Байкала (происхождение названий). Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. С. 23.
20. Бертагаев Т.А. О монгольских и бурятских гидронимах // Ономастика Востока. М.: Наука, 1980. С. 128.
21. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. С. 572.
22. Кручин Ю. Большой современный русско-монгольский и монгольско-русский словарь. М., 2005. С. 403.
23. Бурятско-русский словарь / сост. К.М. Черемисов. М.: Советская энциклопедия, 1973. С. 755, 756.
24. Будаев Ц.Б. Бурятские диалекты: Опыт диахронического исследования. Новосибирск: Наука, 1992. С. 163.
25. Мэнэс Г. О соотношении одного погребального обряда хунну и дунху в свете археологических и этнографических данных // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1993. С. 34–40.
26. Статистические данные... С. 438–440, 444, 445, 454–456.
27. Мельхеев М.Н. Топонимика... С. 146, 147.
28. Кривошапкин А.И. Наследие предков. Якутск: Офсет, 2008. С. 269.
29. Кручин Ю. Указ. соч. С. 767.
30. Бурятско-русский словарь... С. 495.

ГЕНЕАЛОГИЯ

Н.С. Пономарёва

ИРКУТСКОЕ ОБЩЕСТВО «РОДОСЛОВИЕ». ИСТОКИ И РАЗВИТИЕ

В настоящее время работа иркутских генеалогов широко известна не только в Иркутске и Иркутской области, но и в разных регионах России, ближнего и дальнего зарубежья. Об этом говорят многочисленные обращения граждан, ищущих свои родовые корни на сибирской земле.

Иркутская городская общественная организация «Родословие» (ИГООР) была основана 16 ноября 2000 г., юридически зарегистрирована 20 марта 2001 г. За прошедшие годы ее деятельность получила большое развитие и стала во многом не соответствовать положениям устава, принятого в 2001 г. Устав, в частности, предусматривал некоторые виды коммерческой деятельности, которыми ИГООР не занималась. Тем не менее как юридическое лицо ИГООР и его председатель С.А. Гурулёв ежегодно обязаны были предоставлять соответствующие документы в различные контрольные органы. Кроме того, рамки городской организации были расширены за счет вступления в нее жителей городов Шелехов и Черемхово, поселков Култук Слюдянского района и Белореченское Усольского района.

14 января 2009 г. собранием членов ИГООР было принято решение о подготовке к его формальной реорганизации, а инициативной группе поручено разработать новый устав — общества, не являющегося юридическим лицом. На собрании 28 января членами ИГООР в количестве 19 человек рассмотрен проект устава, внесены необходимые уточнения, С.А. Гурулёву поручено провести официальную процедуру ликвидации ИГООР.

11 февраля состоялось собрание представителей жителей г. Иркутска и Иркутской области в количестве 14 человек, которое приняло решение об учреждении Иркутского общества «Родословие» в качестве общественной организации без образования юридического лица, утвердило его устав, избрало правление и ревизионную комиссию, утвердило символику — эмблему, вымпел, штамп, формы бланка и членского билета, определило сумму членских взносов и статьи расходов. В соответствии с уставом С.А. Гурулёву присвоено звание почетного члена Иркутского общества «Родословие» с вручением билета № 1. Избрано правление общества — председатель Н.С. Пономарёва, секретарь Л.А. Казанцева, казначай Н.А. Кружков, члены правления Ю.П. Лыхин и Н.Н. Михайлова, а также ревизионная комиссия — В.П. Баранчук, Л.Е. Латышева, А.К. Литвинцев.

Заседания традиционно проводятся во вторую и четвертую среду каждого месяца в отделе краеведческой литературы областной универсальной научной библиотеки им. И.И. Молчанова-Сибирского на правах одного из ее клубов.

Эмблема Иркутского общества «Родословие»

Основными целями общества являются привлечение и объединение граждан, интересующихся родословием, и повышение уровня генеалогических исследований.

Задачи общества следующие: освоение методик генеалогических поисков и исследований; проведение консультаций и семинаров; изучение и популяризация личностей, деятельность которых оказала существенное влияние на развитие и благосостояние общества, повышение его культуры; сбор архивных и литературных материалов о первопоселенцах Сибири, их фамилиях, о переселениях и жизни предков путем генеалогических исследований; работа со школьниками и юношеством по привлечению к изучению истории семьи, участие

в научно-практических конференциях школьников, практическая помощь в родословных исследованиях, методическая помощь педагогам; содействие организации родословных обществ и клубов в других населенных пунктах Иркутской области, оказание методической помощи, проведение выездных заседаний; популяризация генеалогических исследований путем выступлений, публикаций, размещения материалов исследований членов общества в средствах массовой информации и в сети Интернет; помощь иногородним лицам, интересующимся историческими сведениями о предках, проживавших в г. Иркутске и Иркутской губернии.

Членом общества может стать любое физическое лицо, признающее устав общества, разделяющее его цели и желающее участвовать в решении его задач, житель как Иркутска, так и любого другого населенного пункта Иркутской области.

Со дня реорганизации общества, 11 февраля 2009 г., до конца 2010 г. его деятельность была достаточно плодотворной. 27 членов ИГООР переоформили свое членство в обществе и 17 чел. вступили в общество впервые. Таким образом, на 14 февраля 2011 г. численность общества — 44 чел. С 11 февраля до 26 мая 2010 г. было проведено 26 заседаний, на них присутствовало 543 чел., в том числе 110 гостей.

На заседаниях прозвучали доклады членов общества «Об исследовании родословной семей Елизовых и Баранчук» В.П. Баранчука, «Линии жизни, линии судьбы — о семьях иркутян Денисовых и Сидоровых» Л.Н. Лузгиной, «О моей родословной — Крюковы, Черниговские, Мухины и другие, в том числе из Заларинского района» А.В. Крюкова, «Генеалогия иркутских шахмат» Р.А. Мухометзянова, «В поисках своей родословной» А.П. Бабенко, «Архивы ЗАГС и ведомственные архивы как источник генеалогической информации» Н.С. Пономарёвой, «Фонды ГАИО, в которых можно найти сведения о ссылочных в Сибирь» Л.А. Аболиной, «Мой предок генерал-майор И.А. Бароцци де Эльс и его вклад в развитие производительных сил Сибири» В.А. Пархомова, «О результатах поиска родовых гербов Монюшко и Сальковых» Ю.Н. Дилица, творческие отчеты Л.А. Аболиной и Т.Г. Шатун. В многочисленной аудитории членов общества и гостей состоялись презентации книги Ю.П. Лыхина «К истокам родства» (о родословной Ощепковых) и библиографического указателя «Ю.С. Душкин — исследователь, историк, краевед» В.М. Полюха.

Были интересными и выступления гостей: доклад иркутских археологов М.С. Кустова и А.Ю. Исаева «О результатах археологических работ у церкви с. Урик, у церкви Знаменского монастыря и на территории Иерусалимского кладбища», доклад Р.И. Шолоховой о жизни и работе П.И. Медведчикова — в 1930-х гг. директора областной библиотеки, о розыске архивных материалов, доклад А.Е. Амбросовой, члена семьи садовода А.К. Томсона, о его жизни и работе, доклад Н.С. Куршевой, краеведа г. Усть-Кута, о работе поисковых отрядов, в том числе — в военных архивах.

Члены нашего общества — представители разных профессий: инженеры, геологи, химики и физики, преподаватели, и все они — люди творческие, пишущие. Результатом их многолетней исследовательской работы явилась книга «К своим истокам», вышедшая в феврале 2010 г. Она представляет собой сборник статей под редакцией кандидата исторических наук Ю.П. Лыхина. Спонсором издания выступило Восточно-Сибирское аэрогеодезическое предприятие, генеральный директор С.Ф. Мазуров. Кроме того, вышли книги членов общества, посвященные родословным изысканиям, — Г.К. Кирилловой «Родные корни» и Ю.П. Лыхина «К истокам родства», а также несколько статей в периодических изданиях. Значительным явлением стало постоянное представление работы общества на портале «Прибайкалье» его редактором, членом общества Д.В. Ступиным.

Члены общества Г.К. Кириллова, Н.А. Кружков, Л.Е. Латышева и Н.С. Пономарёва в составе жюри участвовали в нескольких школьных научно-практических конференциях: в городской конференции «С Иркутском связанные судьбы» (2009 г.), в Слюдянской районной конференции «Земли моей лицо живое» (2009 г.), в региональной краеведческой конференции (2009 г.), в областной конференции «Никто не забыт, ничто не забыто» (2010 г.), в научно-практическом семинаре Музея истории города Иркутска «Апрельские чтения» для учителей и музейных работников (2010 г.). Н.С. Пономарёва выступила с лекцией «Родословие в школьном музее» на курсах повышения квалификации руководителей школьных музеев в областном Центре детско-юношеского туризма и краеведения.

В историко-краеведческом сообществе Иркутска известно замечательное качество членов общества «Родословие» — так называемая легкость на подъем, поэтому нам часто поступают приглашения из музеев и библиотек на те или иные мероприятия. Нередко иркутские генеалоги совершают коллективные выходы на выставки и презентации, находя в них полезное для родословного поиска. Так, на-

Члены Иркутского общества «Родословие». 17 ноября 2010 г.

пример, состоялись экскурсии в открывшийся в Иркутске музей городского быта, в областной краеведческий музей на выставку «Реликвии Первой и Второй мировых войн», в областной Центр народного творчества на выставку «Вепсы и голендыры Заларинского района», в музей истории города Шелехова. Члены общества приняли участие в открытии памятных знаков садоводу А.К. Томсону (г. Иркутск) и Я.И. Линденау (пос. Залари), в праздновании 110-летия Баклашинской средней школы (Шелеховский район), в презентации книг члена общества Р.Л. Яковец «Униженные да возвысятся» и «В последний путь» (г. Слюдянка).

Осенью 2010 г., в год 65-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне, члены общества и молодежный поисковый отряд «Восточный рубеж» провели совместную акцию. Она заключалась в переносе памятного знака на истинное место захоронения сотрудника слюдянского эвакогоспитая А.П. Воробьёва, похороненного в 1945 г. на Амурском (Лисихинском) кладбище г. Иркутска. Это было сделано по поручению дочери офицера, жительницы Пермского края.

Запомнилось и торжественное заседание, посвященное десятилетию общества. Оно состоялось 17 ноября 2010 г. в Музее истории города Иркутска. В нарядном актовом зале собрались не только именинники — члены общества, но и их многочисленные друзья: сотрудники музеев и библиотек, историки, краеведы, представители национальных обществ, творческая интеллигенция. Кроме членов общества — иркутян в заседании принимали участие жители городов Черемхово, Усть-Кут, поселков Култук и Залари.

Первое слово было предоставлено одному из основателей общества кандидату геолого-минералогических наук, почетному члену Иркутского общества «Родословие» С.А. Гурулёву — председателю общества с 2000 по 2009 г. Затем выступила председатель общества Н.С. Пономарёва. Докладчики рассказали о разнообразной и плодотворной деятельности общества за прошедшее десятилетие.

С приветственными словами обратились директор Музея истории города Иркутска И.И. Терновая, член правления польского общества «Огниво» А.Т. Корольков, член немецкого общества О.В. Долмат, заместитель председателя областного татаро-башкирского культурного центра Ф.Х. Тенчикова, главный библиограф областной библиотеки Е.В. Ожегова, заведующая профсоюзной библиотекой Дворца культуры им. Ю. Гагарина В.И. Коструб, заведующая редким фондом Гуманитарного центра-библиотеки им. семьи Полевых Л.В. Педранова, директор музея истории ИрГТУ О.А. Горощенова и др.

Благодарственные письма за большой вклад в исследование родословных сибиряков были вручены директору Музея истории города Иркутска И.И. Терновой и членам общества «Родословие» директору Иркутского отделения Музея связи Сибири В.Н. Чебыкиной и директору Заларинского районного краеведческого музея Г.Н. Макогон, а также членам общества Г.К. Кирилловой, Л.Е. Латышевой, Л.А. Аболиной, Н.А. Кружкову, В.М. Фоминой, Л.Н. Лузгиной, Н.Н. Михайловой, Д.В. Ступину.

В торжественной обстановке получили членские билеты новые члены общества. Билет почетного члена общества был вручен бессменному секретарю общества, главному библиографу областной библиотеки, заслуженному работнику культуры России Л.А. Казанцевой, удостоенной этого звания решением собрания общества от 10 ноября 2010 г.

Вечер сопровождался показом фотографий о деятельности общества за 10 лет. Были также продемонстрированы компьютерные презентации «Наши книги» (о книгах членов общества, выпущенных за 2000–2010 гг., причем не только генеалогической направленности) и «Судьбы иркутян в книге „К своим истокам“». Последняя сопровождалась тематической программой о книге, подготовленной журналистом областного радио Ларисой Герасимчук.

Юбилейное мероприятие широко освещалось журналистами периодических изданий и телеканалов.

С осени 2010 г. члены общества работают над общественно значимым проектом «Памяти иркутян, похороненных на Иерусалимском кладбище города Иркутска». Обращение к этой теме характеризует гражданскую позицию членов общества, озабоченных проблемой сохранения памяти об ушедших. Некоторые помнят места захоронения своих близких на территории некрополя, превращенного властями в 1950-х гг. в парк «культуры и отдыха». Несколько десятков тысяч горожан — известных деятелей науки, культуры, купцов, общественных деятелей, а более всего простых жителей Иркутска — нашли здесь последний приют, и их имена канули в неизвестность. Узнать хотя бы малую толику, начать в обществе процесс восстановления исторической справедливости — вот некоторые цели проекта. В настоящее время члены общества работают в Государственном архиве Иркутской области, в библиотеках с опубликованными источниками и дореволюционной периодикой, ведут прием граждан по заявлениям. Обнаруженные данные размещаются на Интернет-портале «Прибайкалье». Эта работа приобретает особую актуальность в преддверии 350-летия Иркутска, пригодится при сооружении памятных знаков на Иерусалимском кладбище и, несомненно, будет продолжена и после юбилея.

На каждое заседание общества приходят посетители со своими вопросами, а порой и с достижениями в генеalogических изысканиях. Большинство из них, получив консультации, покидают стены областной библиотеки, чтобы продолжить самостоятельный поиск. Некоторые остаются и в качестве полноправных членов принимают участие в чрезвычайно интересной, плодотворной и полезной деятельности Иркутского общества «Родословие».

B.A. Пархомов

**И.А. БАРОЦЦИ ДЕ ЭЛЬС —
СОЗДАТЕЛЬ ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ
В ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ**

*Моей матери, Ольге Викторовне Пархомовой,
в девичестве Бароцци де Эльс, посвящаю*

Введение

Совершая экскурс в наше недавнее прошлое, вспоминаешь такие названия, как «Завод тяжелого машиностроения им. В.В. Куйбышева», «Завод карданных валов», «Завод полиграфических машин», «Станкостроительный завод», «Завод „Эталон“». Если же пройдешь по тем адресам, где располагались эти заводы, то увидишь заводские корпуса, переделанные в рынки, торговые лавки и бутики.

Как утверждает Е.М. Примаков, «Россия сегодня представляет собой страну, 40 % ВВП которой создавалось за счет экспорта сырья. Наибольший спад производства произошел в обрабатывающей промышленности, особенно в машиностроении. В результате этой политики нового машинного оборудования у нас производится в 80 раз меньше, чем в Японии, в 30 раз меньше, чем в Китае» [1]. Удручающие цифры. Задумываешься над тем, а как же наша страна могла победить в самой кровавой в истории человечества войне, восстановиться после неисчислимых разрушений и первой послать человека в космос? Где истоки былого могущества и кто создавал промышленное величие России? Ответ на этот вопрос и укор современным «эффективным менеджерам», ищущим зарубежные инвестиции, можно найти в нашей истории.

Вернемся на 170 лет назад. Изучим архивы, книги, статьи для понимания истории становления главной отрасли промышленности в Иркутской губернии — металлургической. Важно ответить и на вопрос — а кто эти личности, которые определили будущее России?

Как свидетельствует летопись г. Братска, в 1842 г. в 25 км к юго-западу от Братского острога крестьянином д. Долоново Герасимом Поповым была найдена железная руда [2]. Близость месторождения к транспортному пути — р. Ангаре, обилие лесов как источника для производства древесного угля, потребности развивающейся золотодобывающей отрасли и определили правительственное решение о строительстве здесь железоделательного завода. По распоряжению министра финансов техническим руководителем строительства был назначен крупный специалист горного дела — полковник Корпуса горных инженеров И.А. Бароцци де Эльс [3]. Подчеркну, политика освоения новых территорий и создания новых производств в те времена определялась Министерством финансов, которое и направляло имеющиеся ресурсы на создание новых заводов, а не отправляло их для хранения за рубеж, как это делает нынешнее Министерство финансов.

Иван Антонович Бароцци де Эльс. Корни

Как свидетельствуют документы, Иван Антонович имел итальянские корни. Его дед Иван Степанович Бароцци — отпрыск древнего аристократического венецианского рода, потомков крестоносцев, обосновавшихся на греческом острове Наксос в Эгейском море [4]. В 1789 г. он определен в ведомство Коллегии иностранных дел Российской империи и отправлен в армию к князю Потёмкину для дипломатических переговоров с турками. В 1791 г. в Яссах он принимал участие в переговорах по заключению мира с Турцией.

Князь А.А. Безбородко поручил И.С. Бароцци передать письменные представления для визиря и при этом «учинить внушения на словах». Он исполнил это поручение весьма успешно, повлиял на визиря смелостью своих речей и, воспользовавшись знакомством с влиятельными лицами при дворе султана, добился нужного для России решения о судьбе Крыма. За такое содействие успеху «мирной ногоциации с Оттоманскою Портою», послужившее присоединению к России Крыма, чиновник Коллегии иностранных дел Российской империи Бароцци пожалован чином полковника и награжден пожизненной пенсией, а по прошению от 8 марта 1792 г. пожалован дипломом на потомственное дворянское достоинство (илл. 1). Впоследствии Иван Степанович Бароцци — пограничный комиссар в Каменец-Подольске, в 1800 г. назначен генеральным консулом в Рагузу, а затем в Венецию, где пробыл до 1805 г. [5].

Во время Отечественной войны 1812 г. действительный статский советник И.С. Бароцци, как хорошо зарекомендовавший себя на разведывательной работе во время Русско-турецкой войны 1806–1811 гг., получил назначение в 3-ю Западную армию, но, прибыв на новое место, объявил, что имеет от командования Молдавской армии особое поручение к царю. Он был отправлен в Петербург и больше в 3-й армии не появлялся [6]. Свою деятельность действительный статский советник закончил начальником Аккерманской карантинной таможни [7].

Отец Ивана Антоновича майор Антон Иванович Бароцци был участником Отечественной войны 1812 г., кавалером орденов св. Владимира 4-й степени с бантом и Анны 4-й степени, награжден именной серебряной медалью 1812 г. В 1822 г. служил полицеймейстером в г. Бендерах [8] и встречался с А.С. Пушкиным во время его поездки по Молдавии в 1824 г. Привожу цитату из Интернет-сайта: «Утром Пушкин и братья Липранди прибыли в Бендерах, остановились сначала у городского полицеймейстера, майора Антона Ивановича Бароцци, а затем на квартире письмоводителя, приготовленной для графа М.С. Воронцова» [9].

Иван Антонович Бароцци де Эльс. Учеба и начало карьеры

Иван Антонович Бароцци де Эльс окончил в 1825 г. Горный кадетский корпус. В опубликованном списке всех окончивших корпус он числится под номером 211 [10]. Всем выпускникам выдавались знаки, образцы которых приведены на илл. 2.

Выпускник Горного кадетского корпуса два года проработал ассистентом при корпусе в Санкт-Петербурге, а затем был командирован на Кавказ [11]. Здесь он вначале работал в Грузинской экспедиции, где написал детальную записку о состоянии горного дела в Грузии, составил планы, фасады и чертежи грузинских горных заводов с их землями и всеми устройствами и заведениями.

10 сентября 1829 г. командирован в крепость Баку для присмотра за исправностью нефтяных колодцев (в них добывалась тогда нефть), где занимался их починкою, и по смерти откупщика Якубова принял в свое ведение все минералы и имущество. Сверх того занимался исследованием природных горячих газов как источника энергии для планируемого строительства здесь стекольного завода.

Его деятельность не ограничивалась чисто инженерными задачами. Результаты горно-геологических исследований окрестностей оз. Севан были опубликованы им

Илл. 1. Герб Бароцци

Илл. 2. Знаки, выдаваемые выпускникам Горного кадетского корпуса в Санкт-Петербурге

Боз Тепе недалеко от Баку. Он определил, что в выбросах вулкана в виде глинистых твердых фрагментов содержатся углеводороды как главный компонент и серные включения. И грязевая масса двигалась по склону горы» [14].

После успешной работы на Кавказе И.А. Бароцци попросил перевода и был направлен в 1831 г. на Урал на Златоустовские заводы вначале чиновником разных поручений по Оружейной фабрике [15]. Последующий его карьерный рост описан в служебном списке. В 1832 г. его назначают помощником управляющего чертежной мастерской, где готовились проекты для строившихся на Урале металлургических заводов. Через год, в 1833 г., получает назначение пробирером лаборатории на Екатеринбургских заводах. Пробирер — это лицо, определяющее пробу благородных металлов и накладывающее на золотые и серебряные вещи соответственную метку с цифрой. Эта послужная запись свидетельствует о том, что И.А. Бароцци было доверено работать с драгоценными металлами. В 1836 г. его назначили управляющим Каменским заводом Екатеринбургского округа, где он прослужил до 1844 г., а затем непродолжительное время работал помощником горного начальника Гороблагодатских заводов. В эти годы на заводах Гороблагодатского горного округа шло внедрение новой техники и новых способов металлургического производства. Иван Антонович в полной мере осваивал новые технологии. Вероятно, эти обстоятельства и послужили основанием для его направления в Нижнеудинский округ Иркутской губернии: он был назначен руководителем строительства Николаевского железноделательного завода [16].

Иван Антонович Бароцци де Эльс в Сибири

Вновь обратимся к летописи. За 1845 г. в ней находим такую запись: «На реке Долоновке, притоке Оки, в 23 км южнее села Братского острога начато строительство казенного Николаевского железноделательного и чугунолитейного завода. Техническое руководство осуществлял корпус горных инженеров полковник Бароцци де Эльс. Средства на сооружение завода в размере 137 117 р. были отпущены государственным заемным банком» [17].

Поскольку завод строился на казенные деньги, все основные работы выполнялись ссыльными и каторжанами. Об атмосфере заводской жизни того времени может свидетельствовать найденный мною архивный документ — письмо (донос?), адресованное Ивану Антоновичу, когда он уже исполнял обязанности ревизора по чугунно-железному производству в Иркутске.

«Милостивый государь!

Вчера после долговременного пьянства сгорел от вина секретарь конторы Дронов. Сего числа начальство завода распорядилось приказать выдать фальшивое

в Горном журнале, издаваемом в Санкт-Петербурге, в 1829 г. в статье «Геогностическое описание некоторых стран Армянской области, в особенности лежащих в окрестности озера Гокчи, или Гокчая» [12]. Научные результаты, изложенные в этой статье, были столь фундаментальны, что армянские и французские геологи ссылались на эту работу и более ста лет спустя, в 1962 и 1982 г. [13]. Так, в статье французских геологов говорится: «Месье Бароцци И.А. впервые описал извержение грязевого вулкана в местности

медсвидетельство, будто бы Дронов умер от болезни. Священнику же заводскому дано отношение похоронить Дронова по христианскому обряду, что священник и учинил.

Видя такие бесчестья и противозаконные действия со стороны заводского начальства, я положительно могу думать и имею полное право, что они поступают против совести и, конечно, точно также могут составить фальшивый документ против меня, чтобы меня запугать, ибо контора состоит из каторжных и пьяных урядников, как например Макаров.

Донося о сем вашему высокопревосходительству, я осмеливаюсь почтительнейше просить, обратите особенное внимание на беспечность и превышение власти здешних начальников, так как при настоящем положении дела завод погибнет окончательно. Благоволите послать инкогнито кого-нибудь и тогда узнаете, что я открываю истину, желая пресечь зло, чтобы не страдали напрасно, и воцарилась правда.

С истинным почтением К. Сизорский» [18].

Иркутский писатель Ф.Н. Таурин на основе архивных материалов написал роман «Каторжный завод», в котором реалистично описано его строительство и жизнь заводского, преимущественного уголовного люда. Несмотря на окружение и соответствующие условия работы, И.А. Бароцци де Эльс оставался человечным руководителем. Это писатель подтверждает в письме одному из потомков. Он пишет: «Я уверен, что строитель Николаевского завода инженер-полковник Бароцци де Эльс – ваш предок. Я сохранил его истинную фамилию, так как, по имеющимся в моем распоряжении документам, это был деятельный, умный и честный человек и сохранение его имени в романе не может бросить тень на его потомков» [19].

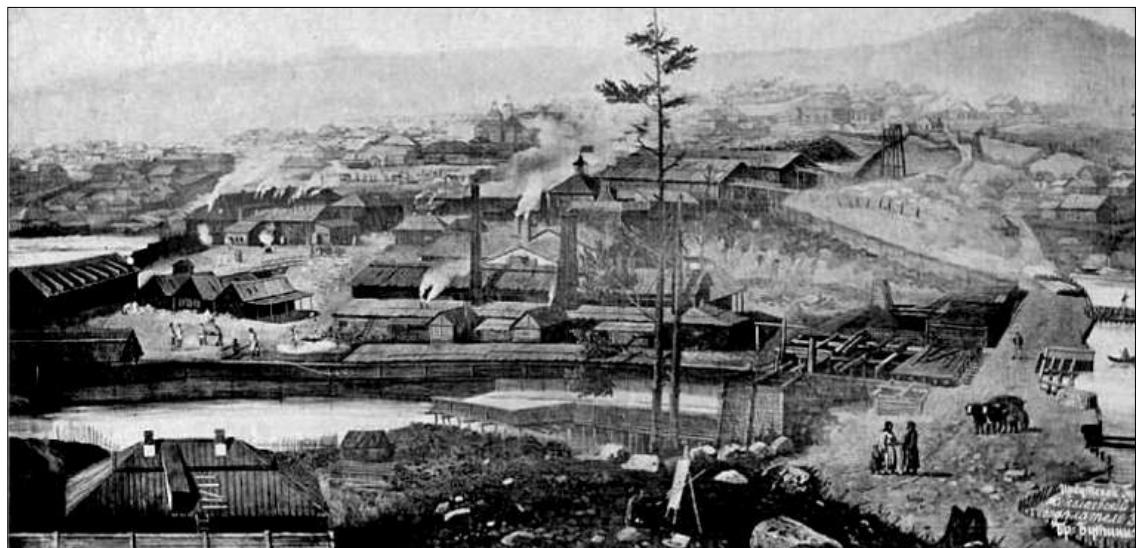
Один из первых снимков завода, заимствованный из работы А.В. Дулова [20], приведен на илл. 3.

Илл. 3. Общий вид Николаевского завода в 1860 г.

Первый металл был получен в 1847 г., а на полную мощность завод вышел в 1854 г. В комплекс заводских сооружений входили крупные постройки: доменный, кричный, плющильный корпуса длиной от 40 до 50 м, шириной от 17 до 40 м каждый. Металл выплавлялся на двух литейных фабриках. Река Долоновка была перегорожена 107-метровой плотиной, образовавшей обширный заводской пруд до 4 верст длины. Посредством воды действовали воздуходувные мехи и кричные механизмы. По берегам Долоновки возник поселок с мастерскими, конторой, складами, казармой для воинской команды, гауптвахтой, церковью, больницей, магазинами, банями, конюшнями. В заводском поселении было 350 хозяйств и около 2 500 жителей.

Гравюра поселка в период его расцвета, созданная неизвестным автором, предоставлена директором Нерчинского краеведческого музея А.Ю. Литвинцевым (илл. 4).

Илл. 4. Общий вид Николаевского завода (около 1875 г.). Виден пруд справа и заводские цеха на укрепленном берегу р. Долоновки

В 1854 г. завод вышел на полную мощность: было добыто 137,6 тыс. пудов руды (2 253,9 т), из которой выплавлено чугуна и чугунных изделий 60,7 тыс. пудов (994,2 т). Продукция завода перевозилась по рекам и расходилась почти по всей Восточной Сибири. В этом же году Иван Антонович приглашается генерал-губернатором Муравьёвым-Амурским в Иркутск и назначается ревизором по чугунно-железному и солеваренному производству при Главном управлении Восточной Сибири с правами Уральского берг-инспектора. В этой должности он контролирует Николаевский и Петровский metallurgical factories, а также Усольский солеваренный завод.

Об этом периоде деятельности Ивана Антоновича можно найти свидетельство в книге Н.П. Матхановой и Н.Н. Петровского о графе Муравьёве-Амурском: «Из главных сотрудников Муравьёва, приглашенных им для содействия в трудном деле по части горнозаводской и золотопромышленной, я должен здесь упомянуть о трех, выдающихся тогда, деятелях: А.Н. Таскине, как начальнике горного отделения Главного управления Восточной Сибири, В.В. Клеймёнове, горном ревизоре золотых промыслов и И.А. Бароцци де Эльс — специалисте железноделательного производства» [21].

Должность ревизора при Главном управлении Восточной Сибири включала широкий круг обязанностей по контролю и испытанию различных паровых машин, активное внедрение которых началось в это время. Об этом свидетельствует следующий правительственный документ (технические детали и формулы, используемые в документе, я опускаю):

«Правительственное распоряжение
С.-Пб. Сенатские Ведомости. 23. 02. 1843

В связи с опасностью использования паровых машин высокого давления повелеть: снести с Управлением путей сообщения для составления подробных правил, которые должны быть соблюдены при устройстве таких машин. Такие правила составлены Главноуправляющим Путями Сообщения и Публичными зданиями и представлены министром финансов в сенат для обнародования и

выполнения, главным местным начальникам строго наблюдать за непременным исполнением их.

Правила

Предосторожности кои должны соблюдаться при введении в употребление паровых машин высокого давления.

[1. Общие соображения. Дано описание принципа действия паровых машин. Говорится о том, что внедрение таких машин может способствовать развитию фабричного дела в России.]

2. Правила, обязательные к исполнению.

Владельцы заводов, в которых употребляются паровые машины высокого давления, обязаны внушить всем зависящим от них людям — машинистам, подмастерьям и особенно рабочим, что их собственная безопасность зависит от точного соблюдения правил.

Для лучшего же удостоверения в их повиновении необходимо приставлять к котлам рабочих трезвого и надежного поведения. Машинистов же подвергать испытаниям *познаний и нравственности* (курсив мой. — В. П.).

Генерал-лейтенант Раковский, управляющий департаментом искусственных дел главного управления путей сообщений» [22].

На документе рукой Н.Н. Муравьёва-Амурского написано «Прошу Г. Бароцци де Эльс исполнить все, что следует».

Признавая Бароцци как специалиста широкого профиля, генерал-губернатор Муравьёв-Амурский поручает ему предписанием за № 1252 от 26 октября 1858 г. проведение испытаний построенного на верфи в пос. Лиственичное первого парохода [23]. Пароход впоследствии был назван в честь генерал-губернатора «Граф Муравьёв-Амурский». На приводимом снимке на палубе парохода предположительно снят испытатель парохода полковник А.И. Бароцци де Эльс (илл. 5).

Илл. 5. И.А. Бароцци де Эльс (?) на палубе парохода «Граф Муравьёв-Амурский». 31 октября 1858 г.

Архивные документы об испытаниях первых пароходов на Байкале, выполненные И.А. Бароцци де Эльс, были уже опубликованы мной [24]. Здесь мы приводим часть рапорта о результатах испытаний.

«Его сиятельству, Генерал-Губернатору Восточной Сибири, Господину Генерал Адъютанту, Генерал от Инфanterии, Графу Муравьёву-Амурскому

ревизора при Главном Управлении Восточной Сибири по железо-чугунному производству Корпуса Горных Инженеров Полковника Бароцци де Эльс рапорт.

Во исполнение предписания Вашего сиятельства от 26 октября за № 1252 честь имею почтительнейше донести о произведенных на Байкале опытах вновь устроенного парохода и о результатах оных.

Произведенные опыты ведут к тому заключению, что когда на пароходе все устройства будут приведены в порядок, а рабочие правильно приучатся ко всем приемам работы, то пароход при полном ходе в 60 % будет проплыть с грузом от 20 до 25 верст в час.

Полковник Бароцци де Эльс.

Октября 31 дня 1858 года, Листвиничная пристань» [25].

Проведенные испытания были столь успешны, что Н.Н. Муравьев-Амурский выдает новое предписание.

«3 ноября 1858 года.

№ 5022, Иркутск.

Об испытании второго парохода на Байкале.

Ревизору по чугунно-железному производству Восточной Сибири Г. Полковнику Бароцци де Эльс.

Прочитав с удовольствием рапорт Вашего В-ва от 31 минувшего октября за № 146 об испытании вновь устроенного парохода на Байкале, я утружаю Вас, Милостивый Государь, еще покорнейшею просьбою, сделать испытание и второго парохода.

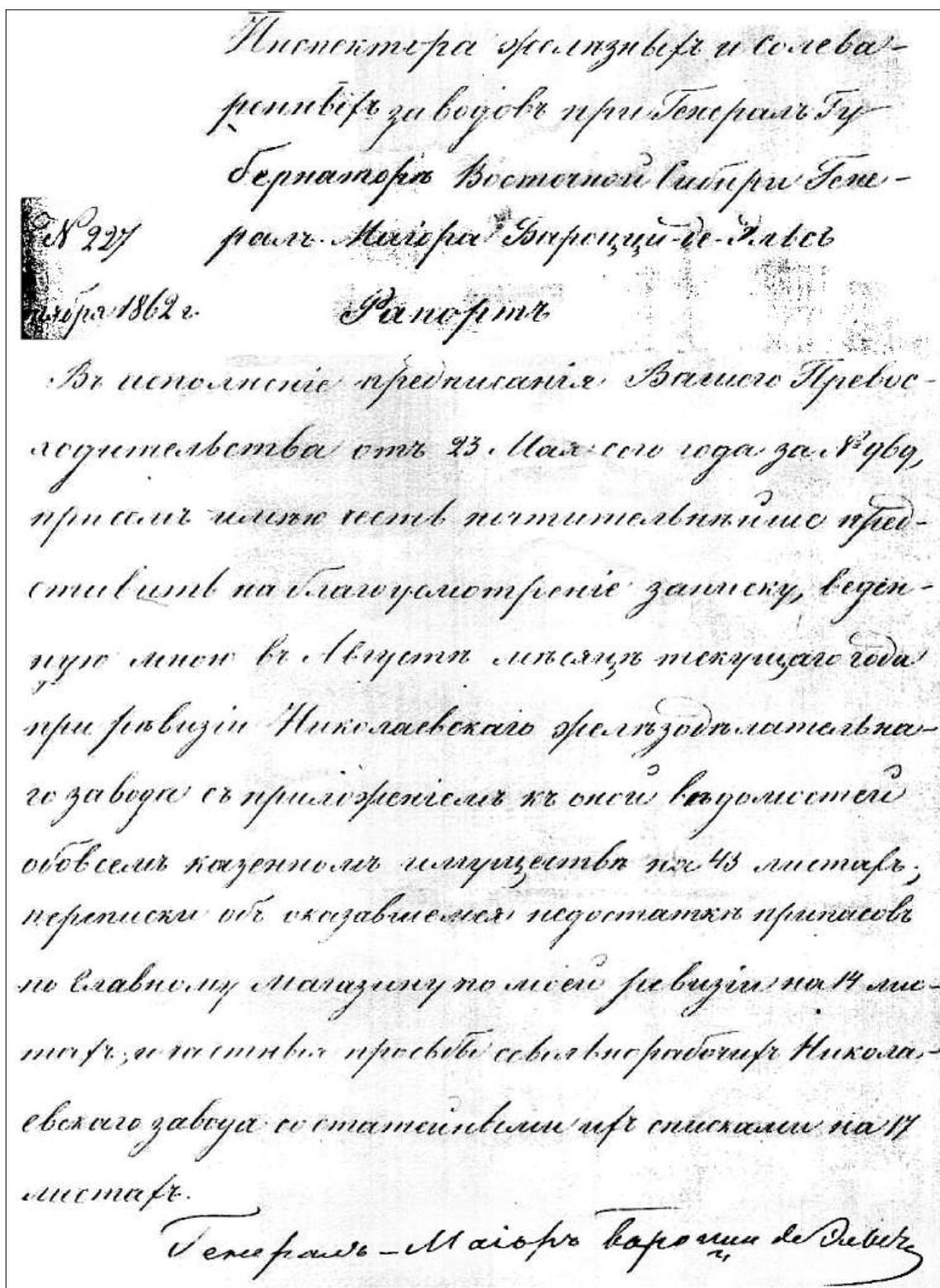
Генерал-Губернатор Восточной Сибири, Генерал-Адъютант, Генерал от Инфanterии, Граф Муравьев-Амурский» [26].

За свою деятельность полковник И.А. Бароцци в 1860 г. был произведен в генерал-майоры Корпуса горных инженеров. Получил он и ряд орденов — Анны 2-й степени с Императорской короной (1856 г.), Станислава 3-й степени (1858 г.) и знак беспорочной службы за 25 лет. Кроме того, он был представлен к званию члена-корреспондента Российской академии наук по Горному отделению.

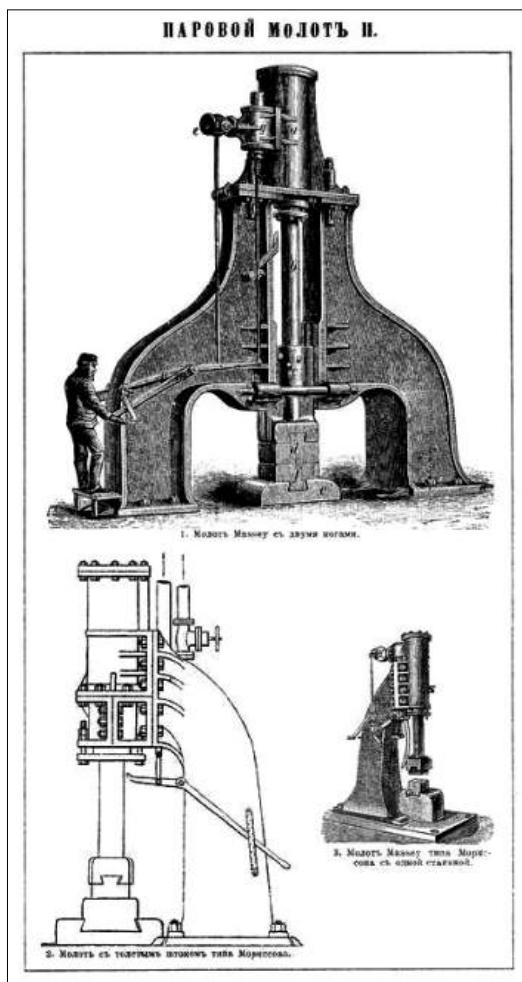
Таким образом, полковник Бароцци де Эльс не только руководил строительством и долгое время был директором Николаевского железоделательного завода. На посту ревизора Главного управления Восточной Сибири по чугунно-железному и солеваренному производству он много сделал для развития металлургического производства, контролируя Николаевский и Петровск-Забайкальский металлургические заводы. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в ГАИО многочисленные акты ревизий, распоряжений и предписаний, исполненные каллиграфическим почерком писарей и подписанные собственноручной подписью генерал-майора (илл. 6). Кроме этого он был испытателем, давшим путевку в жизнь вновь построенным пароходам на Байкале. Его деятельность послужила началу регулярного судоходства на Байкале и способствовала созданию и модернизации транспорта. Создание новых транспортных путей позволило доставлять продукцию Николаевского завода во многие пункты Восточной Сибири и направлять во вновь осваиваемые территории Дальнего Востока, которые отошли к России благодаря подписанному Н.Н. Муравьевым-Амурским Айгунскому договору.

Николаевский завод после И.А. Бароцци де Эльс

После отъезда Ивана Антоновича в Иркутск завод успешно развивался. В 1859 г. выплавка чугуна достигла 34 853 пудов, а в 1868 г., после реконструкции, — 65 482 пудов, в 1892 г. — уже 200 000 пудов. По описанию Всеволода Ивановича Вагина, известного сибирского историка и публициста, который совершил поездку на завод

Илл. 6. Рапорт ревизора по чугунно-железному и солеваренному производству
о проведенной ревизии на Николаевском заводе

Илл. 7. Паровые молоты, установленные на Николаевском заводе

диалог из романа между военным губернатором генерал-лейтенантом Густавом Карловичем Венцелем и генерал-майором Бароцци де Эльс о продаже завода.

«В сидевшем напротив генерал-майоре Иване Антоновиче Бароцци де Эльсе сказывалась южная кровь: роста он был ниже среднего, склонный к полноте, черноволосый и смуглый.

— Мне думается, Густав Карлович, — говорил Бароцци де Эльс резким, слегка гортанным голосом, — вы превратно истолковываете письмо министра финансов. Он предоставляет окончательное решение вопроса на благоусмотрение местного начальства.

— Однако же мнение министра выражено вполне определенно, — возразил Венцель. Он и флегматичностью своей являл полную противоположность порывистому Бароцци де Эльс.

— Справедливо, но все же министр не отвергает наших доводов. Извольте выслушать, Густав Карлович, и вы признаете, что они достаточно весомы. Завод сей нужен казне. В высочайше утвержденных „Правилах об управлении заводом“ указано, что целью его учреждения является снабжение края железом, чугунными и железными изделиями. В интересах казны всемерное развитие края Сибирского, изобилующего столь величими богатствами. Именно по недостатку железа сдерживается добыча золота и серебра, развитие судоходства на великих сибирских реках. А если взять во внимание нужды присоединенного вновь к державе Российской Амурского края, то важность сего завода еще возрастает. И осмелюсь заметить,

из Иркутска в 1863 г. (в год смерти И.А. Бароцци де Эльс), предприятие имело две доменные печи, 50-сильную паровую машину для дутья, две вагранки, фабрику для получения железа. Котлов было четыре, молотов два по 50 пудов, имелись гидравлические двигатели, две турбины и новые паровые машины в 80 и 100 лошадиных сил [27]. Вид паровых молотов, установленных на заводе, приведен на илл. 7.

Завод выпускал чугун, железо, отливал чугунную посуду, изготавлял железные инструменты, печные плиты и другие изделия.

Однако содержание завода обходилось казне дорого. Себестоимость его продукции была примерно в два раза выше, чем на уральских заводах с их огромными домнами. Производством руководили мастеровые, временно направленные с Урала и работавшие здесь, пока им выплачивали льготное жалованье. Рабочие-каторжане, как правило, покидали завод, едва заканчивался срок каторжных работ. Училище при заводе на 12 чел. не успевало готовить новых мастеровых. Поэтому возник вопрос о продаже завода. Однако его создатель, как человек мыслящий категориями пользы для государства, был категорически против этого. Самая мысль о продаже завода в частные руки казалась ему кощунственной.

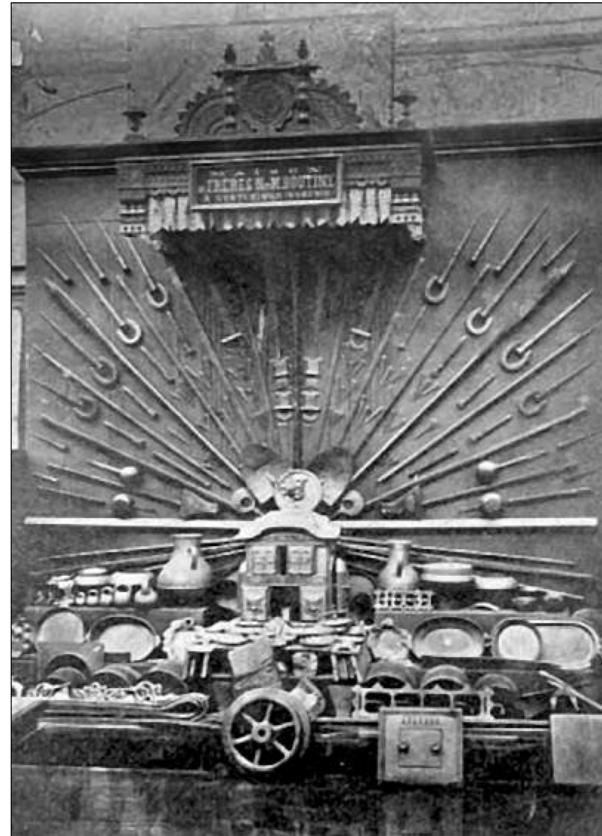
Этот заводской период хорошо освещен в романе Ф.Н. Таурина. Приведу

что прибыли или убытки самого завода ничтожное имеют значение против пользы конечной, от деятельности завода проистекающей» [28]. Как все это напоминает сегодняшний день.

Однако несмотря на возражения создателя, завод был в 1864 г. продан с торгов купцу С.К. Трапезникову. Он затратил немало средств на техническое переоснащение завода. Но Трапезников в 1870 г. продал завод иркутскому купцу Н.П. Лаврентьеву, однако и он недолго был его владельцем из-за того, что забастовали рабочие, недовольные условиями труда и зарплатой.

В 1872 г. владельцем завода стал известный сибирский купец М.Д. Бутин, а совладельцем его брат Н.Д. Бутин. Они вложили много средств и усилий в модернизацию завода, приобрели современное оборудование. Как следствие, завод добился заметных успехов. В 1878 г. изделия завода, представленные на международной выставке в Париже (илл. 8), получили серебряную медаль.

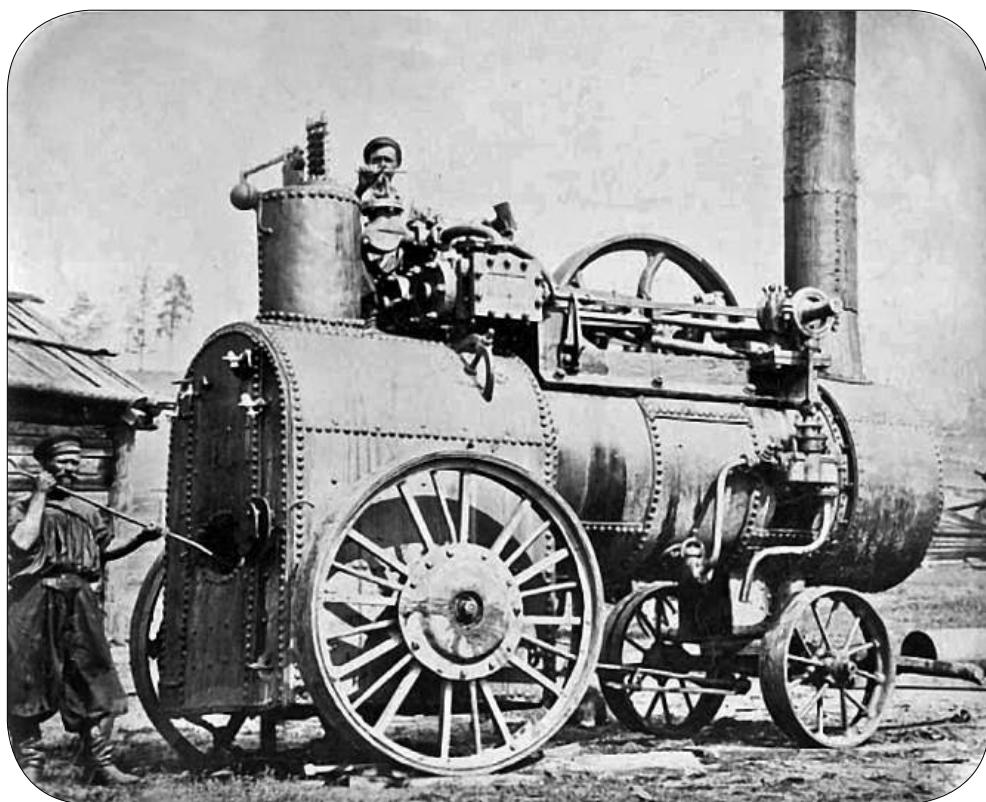
В 1880 г. на завод поступило тяжелое обрабатывающее оборудование — прессы, а к 1883 г. была завершена его реконструкция, и завод превратился в передовое по тем временам техническое предприятие. На нем было 19 печей различного назначения, а две доменные печи были оснащены горячим дутьем. Действовало три прокатных стана, пять паровых молотов, более 40 токарных, сверлильных, винторезных, долбежных станков. Энергию заводу давали девять паровых машин суммарной мощностью 256 л. с., два водяных колеса общей мощностью в 100 л. с. и 16 паровых котлов. Это позволило расширить ассортимент производимых изделий и приступить к выпуску технически сложных устройств. По оценкам многих специалистов, в конце XIX в. завод по своей мощности и оснащению входил в число лучших заводов России. За его достижения на промышленной выставке в Москве (илл. 9) металлургическому предприятию был вручен государственный герб.

Илл. 8. Стенд продукции Николаевского завода на международной выставке в Париже (1878 г.)

Илл. 9. Витрина изделий Николаевского завода на Московской промышленной выставке 1882 г.

Илл. 10. Локомобиль «Муромец», сделанный на Николаевском заводе

Илл. 11. Пароход «Кучум», построенный на Николаевском заводе

Крупным достижением завода после его реконструкции стал выпуск технически сложных устройств, соответствовавших самому передовому инженерному мышлению. На заводе был изготовлен локомобиль, в силу своей уникальности получивший собственное имя — «Муромец» (илл. 10).

Кроме того, как сообщил директор краеведческого музея в г. Нерчинске А.Ю. Литвинцев, на заводе началось строительство пароходов и был построен пароход «Кучум» (илл. 11).

За время своей производственной деятельности Николаевский завод и его филиал — Ново-Николаевский завод выплавили более 100 тыс. т чугуна, переработав при этом около 200 тыс. т железной руды, добытой на Долоновском, Ермаковском, Краснояровском и Кежемском рудниках. Однако уже в 1899 г. наступил кризис производства, вызванный сначала неожиданным банкротством Бутиных (по причине засушливого лета их пароходство потерпело огромные убытки), а затем и поступлением в регион по только что построенной железной дороге более дешевого уральского металла. Заводы пришлось закрыть. После окончания Гражданской войны в 1921 г. предпринималась попытка восстановить их. заново построили мартеновский цех. Но предприятие оказалось нерентабельным и в 1924 г. было закрыто окончательно, а после заполнения водохранилища Братской ГЭС оказалось на его дне [29].

На этой грустной ноте и приходится заканчивать рассказ о заводе — первенце тяжелой индустрии в Иркутской области и его создателе Иване Антоновиче Бароцци де Эльс. Полагаем, что создание и деятельность завода коренным образом изменили облик нашего края и послужили прекрасной платформой для будущих свершений, которые и определяли его индустриальное лицо в советский период и служат надеждой на восстановление былого могущества России. Память о создателе завода сохранилась только в архивных документах и публикациях.

Потомки Ивана Антоновича стояли на более низких ступенях социальной лестницы, но и они достойно выполняли свой долг. Их жизни посвящается отдельное исследование, результаты которого скоро и будут представлены.

В заключение выражаю глубокую признательность кандидату геолого-минералогических наук Е.М. Заблоцкому — исследователю жизни и деятельности выпускников Корпуса горных инженеров, директору краеведческого музея в г. Нерчинске А.Ю. Литвинцеву — исследователю и хранителю дел купцов Бутиных, который предоставил возможность публикации снимков (илл. 4, 7–11), заведующей информационным отделом Государственного архива Иркутской области Е.В. Ильиной, кандидату исторических наук Е.И. Румянцеву, выполнившему поиск документов в архивах Республики Молдова, писателям Евгению Иванову и Джуллии Коронелли за полезные консультации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Примаков Е.М. Россия на перепутье // Аргументы недели. 2011. № 5 (246). С. 12.
2. URL: <http://today.babr.ru/index.php?yr=1845>.
3. Комогорцев И.И. Очерки истории черной металлургии Восточной Сибири, дооктябрьский период. Новосибирск: РИО Сиб. отд-ния АН СССР, 1965. С. 101–103.
4. Сборник Императорского Исторического общества. СПб., 1881. С. 208.
5. URL: http://www.biografija.ru/show_bio.aspx?ID=8124.
6. Документы русской военной контрразведки в 1812 г. / публ., [вступ. ст. и примеч.] В.М. Безотосного // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. архив, 1992. [Т.] II–III. С. 50–68.
7. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1822. СПб., 1822. Ч. 2. С. 422.
8. Там же.
9. Пушкин в Молдавии. 1824, 18 января (пятница) [Электронный ресурс]. URL: http://www.pushkin.md/events/assets/1824/01_18.html.
10. Список лиц, окончивших курс в Горном институте с 1773 по 1923 годы // Горный журнал. 1923. № 14. С. 747.

11. Заблоцкий Е.М. Горное профессиональное общество дореволюционной России [Электронный ресурс]. URL: <http://russmin.narod.ru/index.html>.
12. Бароцци де Эльс И.А. Геогностическое описание некоторых стран Армянской области, в особенности лежащих в окрестности озера Гокчи, или Гокчая// Горный журнал. 1829. № 12. С. 23–31.
13. Sarkisian S.G., Erkrabananakan G. Petrografo-mineralogicheskie issledovaniia basseina ozera Sevan // Ереван: Изд-во Акад. наук Армянской ССР, 1962. С. 152; Société géologique de France: Bulletin de la Société géologique de France. Paris, 1982. V. 2. P. 167.
14. Société géologique de France: Bulletin de la Société géologique de France. V. 2. P. 167.
15. Заблоцкий Е.М. Указ. соч.; Плещеева Г.А. С готовальней и эспадроном: (Горные офицеры. Жизнь и судьба) // Архивные ведомости (Екатеринбург). 2005. № 2 (38). С. 4.
16. Комогорцев И.И. Указ. соч. С. 101–103; Заблоцкий Е.М. Указ. соч.
17. URL: <http://today.babr.ru/index.php?yr=1845>.
18. ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Д. 175. Л. 43.
19. Таурин Ф.Н. Каторжный завод. М.: Сов. Россия, 1968. С. 11.
20. Дулов А.В. Николаевский железноделательный завод [Электронный ресурс] // Сибирское наследие. 2004. № 4. URL: <http://www.irklib.ru/nasled/index.htm>.
21. Матханова Н.П., Петровский Н.Н. Граф Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников. Иркутск: Сибирский хронограф, 1998. С. 53.
22. ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Д. 251. Л. 64.
23. ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Д. 101. Л. 3.
24. Пархомов В.А. О вкладе И.А. Бароцци де Эльс в становление производительных сил Восточной Сибири // Научный вестник Байкальского государственного университета экономики и права. 2010. № 16. С. 100–108.
25. ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Д. 101. Л. 3.
26. Там же. Л. 12.
27. Вагин В.И. Николаевский железноделательный завод// Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1887. Т. 18. С. 92–149.
28. Таурин Ф.Н. Указ. соч. С. 46.
29. URL: <http://www.bratsk.xost.ru/index/history/zavod.htm>.

МАТЕРИАЛЫ

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ИРКУТСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ

ВООПИИК

A.B. Дулов

НИКОЛАЙ ФРАНЦЕВИЧ САЛАЦКИЙ

За четыре десятилетия деятельности Иркутского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в нем работали десятки энтузиастов, умевших своим стремлением, энергией и настойчивостью достичь весомых результатов в сохранении, реставрации и изучении памятников прошлого в Приангарье. Н.Ф. Салацкий принадлежит к числу наиболее заметных из этой когорты.

Этот незаурядный человек был прирожденным организатором и почти полвека (с 1945-го по день смерти 6 мая 1993 г.) являлся видным руководителем, неизменно добивавшимся хороших результатов.

Родился Николай Францевич 20 апреля 1919 г. в д. Владимировск ныне Усольского района Иркутской области, затерявшейся в тайге у подножья Саян. Отец его был поляком по национальности, родился в Тернопольской области, участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах. В мирное время служил в охотничьей команде в Иркутске, затем — лесообъездчиком в Ангарском лесничестве. Николай Францевич с детских лет помогал родителям по хозяйству, выполнял посильные поручения в леспромхозе. Большое трудолюбие уже тогда сочеталось в характере Н.Ф. Салацкого с желанием учиться, познавать мир. Хотя учиться было непросто, так как во Владимировске школы не было, он получил начальное образование.

В 14 лет Николай Францевич становится рабочим леспромхоза. Желание продолжать учебу приводит его в 1935 г. в Иркутск. Устроившись на работу, он упорно занимался и в результате был принят на вечерний автодорожный рабфак.

В 1938 г. Н.Ф. Салацкого призвали в армию. Он намеревался стать кадровым офицером. Успешно окончив курсы младших командиров, Салацкий в январе 1941 г. становится политруком одной из пограничных застав на Амуре. После двух заявлений с просьбой направить его на фронт в ноябре 1942 г. его переводят в действующую армию. Нерчинский 236-й стрелковый полк, в котором Николай Францевич занимал должность политрука роты, был сформирован в Иркутске.

Зимой 1942/43 г. 106-я Забайкальская стрелковая дивизия, в состав которой вошел этот полк, совершила тяжелый пеший марш от Ельца до района Курской дуги. Начались упорные оборонительные бои. Весной из-за плохого снабжения части обмундированием и продовольствием началась эпидемия тифа. Заболел тифом и Николай Францевич. Лишь в мае он вернулся из госпиталя в свою роту. К этому времени было сменено руководство дивизии, не заботившееся о снабжении воинов

всем необходимым. Шли оборонительные бои, войска все глубже зарывались в землю, чтобы сдержать натиск противника.

В конце мая 1943 г. Николай Францевич был назначен парторгом батальона. На передовой такая должность была очень опасной: политрук должен быть всегда впереди, вместе с командиром части вести бойцов в атаку.

В июле началась битва на Орловско-Курской дуге, исход которой окончательно передал инициативу в войне Красной Армии. Николай Францевич много раз был на волоске от гибели. Пришлось лежать в заваленной немецким снарядом землянке командного пункта, ходить в атаки, видеть гибель товарищей. 21 июля, ведя в бой резервную группу батальона, Салацкий был тяжело ранен разорвавшимся недалеко снарядом. Десятки мелких осколков врезались в тело. Пять месяцев пролежал Николай Францевич в госпиталях, перенес несколько операций. Фронтовые раны зажили не полностью, и после госпиталя он перенес еще пять операций. Часть осколков была извлечена, но и в последние годы жизни Николай Францевич носил в теле 35 мелких осколков. Получив документы инвалида второй группы, Салацкий приехал в Усолье и устроился на работу, хотя время от времени приходилось лечиться, чтобы сохранить трудоспособность. В 1944 г. его избрают первым секретарем Усольского горкома ВЛКСМ. Энергичный и ответственный работник быстро стал заметен в областной комсомольской организации. Уже в 1945 г. его выдвинули на должность секретаря обкома ВЛКСМ. А с марта 1947 по август 1952 г. Салацкий — первый секретарь обкома комсомола, хорошо зарекомендовавший себя и на таком ответственном посту.

Несмотря на большую нагрузку и последствия фронтовых ран, Николай Францевич продолжает учиться. В 1945 г. он закончил экстерном среднюю школу, а в 1953 г. — заочно высшую партийную школу. В сентябре того же 1953 года Николай Францевич получил новое ответственное назначение — должность заместителя парторга ЦК на строительстве Иркутской ГЭС. Строительство это, начатое в 1950 г., первые годы шло очень медленно. Лишь с июля 1953 г., когда его возглавил талантливый инженер А.Е. Бочкин, положение начало меняться к лучшему. Спустя два года Николаю Францевичу доверяют должность парторга ЦК на этом строительстве. Эти четыре года были важным периодом в жизни Салацкого. Опыт руководства многотысячным коллективом, строившим уникальное сложное гидротехническое сооружение, оказался очень полезным, и Салацкий писал позднее: «Здесь, в гуще рабочих и близости с крупными талантливыми организаторами большого строительного производства, я, как и многие мои товарищи, получил отличную закалку, прошел хорошую жизненную школу. И буду откровенен, не пройдя этой школы, я бы никогда не был председателем горисполкома. „Ангарстрой“ был главным моим трамплином» [1].

Затем Н.Ф. Салацкий возглавляет партийные организации Свердловского (с ноября 1957 г.) и Сталинского (с ноября 1960 г.), переименованного вскоре в Октябрьский, городских районов. И на этой работе Салацкий демонстрирует свои лучшие качества — организаторские способности, трудолюбие, умение работать с людьми. Наконец, в апреле 1962 г. он достигает своего зенита, заняв должность председателя горисполкома Иркутска. Уже сам длительный (18 лет) срок его пребывания на этом посту свидетельствует о том, что и здесь он оказался на высоте, сделав немало полезного для горожан. В данной статье нет смысла анализировать деятельность Салацкого в этой должности. Но следует подробнее остановиться на той стороне усилий председателя горисполкома, которая была направлена на сохранение памятников истории и культуры.

Партийно-советский аппарат вплоть до 1960-х гг. смотрел на памятники истории и культуры как на объекты, с которыми администрация могла поступать по собственному произволу. Ценились только памятники, связанные с Октябрьской революцией и советским периодом. Церкви, за исключением тех, которые относились

к выдающимся по архитектурным достоинствам, можно было сносить или перестраивать. Памятниками дореволюционной истории почти не интересовались, кладбища превращались в парки или застраивались. И следует отметить, что Салацкий, хотя и получил партийное образование и пришел к власти из числа партийных работников, даже на посту председателя горисполкома допускал подчас существенные «идеологические вольности», принимал активное участие в сохранении и реставрации таких памятников прошлого, которые казались ничего не значащими для многих партийных функционеров. Не отклоняясь в целом от тогдашней идеологии, он, очевидно интуитивно, понимал их ценность для Иркутска.

Стоит привести пример, характеризующий отношение официальных идеологов того времени к проблемам памятников. В 1974 г. в областных газетах появились статьи с предложениями «доработать» обелиск на берегу Ангары, образовавшийся после установки в 1964 г. на постаменте памятника Александру III бетонного шпиля, и дать ему название «Благодарная Сибирь». Автор данной статьи, бывший в то время председателем президиума городского отделения ВООПИиК, подготовил письмо городским властям по этому вопросу и явился к секретарю ГК КПСС по идеологии В.И. Шиверской, чтобы согласовать с ней свои предложения. В них говорилось, в частности, что следует поместить около памятника табличку с текстом об истории его создания, отметив, что он был сооружен в память об Александре III. Такие намерения ее просто ужаснули: «Как? Разве можно писать о том, что это был памятник царю?»

В своих воспоминаниях Николай Францевич рассказывает о таком же недовольстве заботой председателя горисполкома о домах декабристов, Спасской церкви, костеле со стороны более высокопоставленного «идеолога» — первого секретаря обкома КПСС Н.В. Банникова.

Очень удачным было стремление горисполкома, несмотря на требования форсировать застройку центра, не вести здесь массового строительства, чтобы сохранить его архитектурный облик, планировочную структуру. И хотя не обошлось без серьезных вторжений (в самом центре было построено несколько девяти- и десятиэтажных домов, нарушающих характер исторической застройки), центральная часть города в значительной степени сохранила свой облик, сформировавшийся под влиянием ряда талантливых архитекторов в XVIII – начале XX в.

Когда в Иркутске в 1966 г. было создано отделение ВООПИиК, Н.Ф. Салацкий активно участвовал в ряде его начинаний. Так, Центральный совет ВООПИиК выделил средства на реставрацию Спасской и Богоявленской церквей. Однако без большой помощи горисполкома при отсутствии в то время в Иркутске специалистов-реставраторов эти памятники архитектуры не приняли бы свой нынешний облик. Освободить здания церквей от разместившихся там организаций, получить необходимые стройматериалы, в том числе специальный крупномерный кирпич, который стали выпускать на Лисихинском кирпичном заводе, — всего этого без руководства города добиться было невозможно. Возникали сложности и с партийными властями: если первый секретарь обкома С.Н. Щетинин поддерживал реставрационные работы, то сменивший его Н.В. Банников был недоволен тем, что рядом с обкомом идет возрождение церквей, находившихся в полуразрушенном состоянии. Он считал, что эти церкви следует снести. Реставрация церквей растянулась на длительный срок и была закончена в 1980 г. (Спасская церковь) и в 1983 г. (собор Богоявления). На их возрождение ВООПИиК затратило 1 247 тыс. р. Особое недовольство партийных властей вызвали золочение куполов и установка крестов; председателя горисполкома, по его выражению, «опять воспитывали в обкоме». Лишь помощь Министерства культуры РСФСР и ВООПИиК помогла довести дело до конца.

В 1974–1978 гг. была проведена реставрация римско-католического костела (по проекту и под руководством Г.А. Вязуновой). На долю Н.Ф. Салацкого выпа-

ла большая нагрузка: горисполком обеспечил финансирование работ. Но в обкоме окончательно решили, что реставрация костела «вредна», и снова вставляли палки в колеса. Однажды Салацкий вынужден был действовать партизанскими методами, чтобы не допустить в костел после выселения из него студии кинохроники другую организацию. За ночь по распоряжению городского главы были сломаны все перегородки и перекрытия, построенные для использования этого здания в нерелигиозных целях. На следующий день непослушный председатель получил в обкоме новую «выволочку», но дело было сделано: в заваленном строительным мусором помещении нового постояльца разместить было невозможно. Пришлось начать реставрацию. Затем Салацкий принял активное участие в устройстве в костеле органа, заказанного в ГДР. И здесь не обошлось без окриков со стороны партийных властей. Но инструмент был все же установлен, и органный зал стал одним из притягательных мест в городе.

Много хлопот было у Н.Ф. Салацкого в связи с реставрацией домов декабристов С.П. Трубецкого и С.Г. Волконского. Из дома Трубецких надо было выселить жильцов, провести большие работы по реставрации здания, находившегося в аварийном состоянии, а затем еще ликвидировать магазин, располагавшийся в нескольких метрах от дома-памятника. В 1972 г. реставрация была закончена. Вскоре начались работы по реставрации более крупной усадьбы Волконских. Они продолжались длительное время и были закончены значительно позднее, в 1985 г.

За время пребывания Н.Ф. Салацкого в горисполкоме была проведена также реставрация таких зданий-памятников, как Дворец пионеров, особняки купцов Бутина и Бревнова, в которых разместились потом Дом актера и Дом литератора. Много усилий требовалось для реставрации здания бывшей мужской гимназии, построенного в начале XX в., когда в 1972 г. его освободил Восточно-Сибирский филиал СО АН СССР. Здание было приспособлено под залы художественного музея, имевшего до этого очень ограниченные площади. Большую роль Салацкого в этом деле отметил в своих воспоминаниях бывший директор музея А.Д. Фатьянов.

При участии председателя горисполкома в 1962 г. была приведена в порядок и обнесена оградой могила-перезахоронение красногвардейцев — участников боев декабря 1917 г. в Иркутске. В 1964 г. в результате просьб участников защиты Белого дома по решению горисполкома на месте первого захоронения красногвардейцев у Белого дома были установлены гранитная мемориальная плита и памятник. Правда, следует заметить, что памятник оказался весьма невыразительным. Еще будучи парт-оргом ЦК на строительстве ГЭС, Н.Ф. Салацкий организовал установку обелиска у могилы шести большевиков во главе с председателем губчека И.С. Посталовским, казненных белыми 3 августа 1918 г. Могила была заброшена. Однако, поскольку сестра Посталовского Ксения была репрессирована в 1930-х гг., обелиск оказался безымянным: в 1957 г. Ксения еще не была реабилитирована, поэтому фамилии погибших указывать не разрешили.

Председатель горисполкома многое сделал для сооружения в Иркутске двух важнейших памятников, посвященных Великой Отечественной войне: Вечного огня и Мемориала воинам, умершим в госпиталях Иркутска (на Лисихинском кладбище). В своих воспоминаниях Н.Ф. Салацкий подробно рассказывает, как в конце 1974 – начале 1975 г., когда по всей стране готовились к празднованию 30-летия Победы, областные и городские власти быстро разработали проект, осуществленный затем за зданием облисполкома и обкома партии. Авторы проекта — главный архитектор Иркутска В.Н. Федорин и главный художник В.Г. Смагин. В организации работ ведущую роль играл Салацкий, проект обсуждали и принимали на заседаниях ГК КПСС и горисполкома, а затем на бюро ОК КПСС. С января 1975 г. начались работы, в которых участвовали не только профессиональные строители, но и воинские подразделения. Были привлечены также многие трудовые коллективы города, студенты вузов и техникумов, старшеклассники. Трудились с 8 утра до 12 часов

ночи. Работы не прекращались даже в субботние и воскресные дни. Когда шел монтаж блоков самого памятника, работы велись круглые сутки. Были проявлены и трудовой энтузиазм, и трудовой героизм, и вечером 8 мая все работы были закончены. Строительство мемориала с Вечным огнем длилось четыре месяца. Конечно, и председателем горисполкома, и другими участниками строительства был вложен огромный труд, но жаль, что сооружение памятника велось авральными методами, характерными для того времени.

Хотелось бы немного дополнить рассказ о строительстве этого памятника. Автор статьи в начале 1972 г. был избран председателем президиума городского отделения ВООПИиК. Еще до этого поступали предложения писателей, ветеранов войны о сооружении памятника иркутянам, погибшим в годы войны. Зная об этом, городское отделение ВООПИиК в том же году обратилось к властям Иркутска с предложением начать подготовку к строительству памятника и предусмотреть, чтобы на его плоскостях были выбиты имена иркутян, погибших на войне. Подобные памятники были сооружены в Новосибирске и Барнауле, и, конечно же, такие памятники информативны и близки населению, так как каждый может прочесть там имена погибшего отца или деда.

Автор статьи выступал с таким предложением на заседании горисполкома. Н.Ф. Салацкий выслушал эту идею благожелательно, проявил заинтересованность, но сказал, что надо ждать разрешения на строительство памятника от Совета Министров РСФСР. Несколько раз автор статьи заходил в горисполком, но ему отвечали, что разрешения еще нет. В кулуарах же говорили, что Н.В. Банников не желает строительства мемориала и поэтому ничего нельзя сделать. Эта версия кажется вполне правдоподобной. Очевидно, когда по всей стране началась подготовка к юбилею Победы, сопротивление первого секретаря было сломлено, и развернулось «скоростное» строительство памятника, проект которого утверждала небольшая группа людей. Конечно, Салацкий сделал все возможное для строительства памятника, и остается лишь пожалеть, что сопротивление «высокой инстанции» не дало возможность нашему городу получить мемориал такого типа, где «никто не забыт...».

Вместе с тем в пору своего руководства горисполкомом Н.Ф. Салацкий предпринимал и такие действия, которые отнюдь не способствовали сохранению памятников. Велось массовое уничтожение заборов в Иркутске, в числе которых были и интересные в архитектурно-историческом отношении ограды, принимались проекты архитекторов В.А. Павлова и В.Ф. Буха, диссонировавшие с исторической застройкой, сносились интересные старые постройки, шел упрощенный ремонт дереволюционных домов, при котором уничтожались «ненужные» украшения (лепной декор, архитектурные тяги, ступеньки, козырьки, кронштейны, резные двери). Продолжали ставиться без совета с общественностью невыразительные памятники (серый бетонный памятник борцам за власть Советов у Белого дома, скульптурный портрет Ю.А. Гагарина). Продолжалась и практика волонтеристского переименования улиц. Так, в связи с установлением бюста Гагарина вместо вполне оправданного названия «Вузовская набережная» появилось название «бульвар Гагарина».

Будучи избранным в начале 1980 г. на должность заместителя председателя президиума областного Совета ВООПИиК, Н.Ф. Салацкий оказался в сложном положении. Он не обладал достаточной гуманитарной подготовкой, да и по складу своей личности был больше организатором и хозяйственником, чем специалистом в области истории или искусствознания. Диплом высшей партийной школы, который давал право на занятие партийных должностей, едва ли можно считать гуманитарным, так как партийное образование было насквозь политизировано и догматизировано. Правда, обладая трудолюбием и цепкой памятью, Салацкий довольно быстро уяснил основные особенности новой работы.

Занимавшая эту же должность до своего отъезда в Москву Н.М. Полунина прекрасно знала историю, успешно вела самостоятельную исследовательскую работу в сфере памятниковедения, выступала по областному телевидению с циклом интересных передач о памятниках Иркутска и области. Опираясь на небольшой штат освобожденных работников, общественность области, обращаясь при необходимости к председателю президиума, заместителю председателя облисполкома Л.Г. Пынько, Полунина немало сделала для развития отделения ВООПИиК.

Большой авторитет Н.Ф. Салацкого как крупного руководителя, его обширные знакомства и связи, навыки организатора давали ему преимущества в привлечении в общество новых коллективных членов (что позволило получить большие средства для реставрации памятников), а также в решении строительно-реставрационных проблем.

Многое было сделано для роста численности членов общества. Хотя большинство из них лишь формально участвовали в деятельности по охране памятников, однако в городах и районах области было немало и весьма активных членов общества. Кроме того, рост их численности все же свидетельствовал о значительной организационной работе. Если в 1979 г. их насчитывалось 172 тыс., то в 1985–1988 гг. уже 278–281 тыс., что составляло более 11 % жителей области [2]. Затем начался спад, вызванный новой социально-политической обстановкой в стране, переменами в идеологии общества.

В первые годы быстро увеличивалось количество коллективных членов (предприятий), дававших ВООПИиК значительные средства для реставрации памятников. Однако в 1983 г. в «Известиях» появилась статья «Пассы возле кассы», в которой правившей тогда верхушкой наносился удар по обществу, которое мешало властям своим влиянием и авторитетом. Обвинив руководителей одного из отделений ВООПИиК в злоупотреблениях, российские правители отменили уплату коллективными членами взносов, ограничили материальные возможности общества, лишив его права иметь собственные предприятия. В частности, созданный Иркутским отделением завод «Сибирский сувенир» вышел из его подчинения. Несмотря на усложнившуюся обстановку, отделение ВООПИиК при поддержке нового председателя президиума, заместителя председателя облисполкома В.В. Игнатова сумело активизировать свою деятельность.

Отметим те дела, в которых роль Н.Ф. Салацкого особенно значительна. Отделением ВООПИиК в 1980-х гг. была начата паспортизация памятников области, для этого были выделены необходимые средства. Большое значение для сохранения исторического облика Иркутска имело создание опорного плана исторической застройки центра города, выполненного под руководством историка архитектуры В.Т. Щербина. Средства на эти работы были выделены отделением ВООПИиК. По предложению Салацкого архитекторы ЦНИИ градостроения разработали охранные зоны и зоны регулирования застройки центра Иркутска, одобренные и утвержденные в 1983 г. горисполкомом.

Понимая необходимость создания мощного государственного органа охраны памятников, Н.Ф. Салацкий и остальные члены президиума областного отделения много раз ставили вопрос о создании специализированного органа в Иркутске. В областном управлении культуры, правда, имелся инспектор по охране памятников, но обычно это была малозначащая фигура, которую к тому же нередко «нагружали» посторонними поручениями. В 1983 г. группу по охране и паспортизации памятников возглавила Н.Н. Красная, она и два других сотрудника группы — А.К. Чертилов и М.Я. Скляревский — были энтузиастами, получавшими мизерную зарплату, но много и упорно работавшими.

Центрю были выделены комнаты в доме № 2 по улице 5-й Армии, отреставрированном по распоряжению Н.Ф. Салацкого еще до ухода его с поста председателя горисполкома и переданном на баланс отделению ВООПИиК. Несколько лет

эта группа и отделение ВООПИиК работали в тесном сотрудничестве. Активисты общества участвовали в работе группы, помогали своими советами, готовили кадры для ее расширения. Все важнейшие вопросы решались на заседаниях президиума или Совета отделения. Группа постепенно росла и в 1989 г. была преобразована в Центр по сохранению историко-культурного наследия области — первый в России.

Отделение ВООПИиК и Центральный совет неоднократно выделяли средства и организовывали работы по реставрации Спасской церкви и собора Богоявления, развитию Архитектурно-этнографического музея на 47-м км Байкальского тракта, созданию музея «Ангарская деревня», ремонту острожной башни в с. Бельск. Были отреставрированы памятники Г.И. Шелихову и А.П. Щапову в Иркутске.

Значительное развитие получила издательская деятельность. Активистами общества были подготовлены два сборника статей: «Иркутск: из прошлого в будущее» и «Памятники истории и культуры Приангарья». Кроме того, было напечатано около 30 буклетов и брошюр об историко-культурном наследии. Члены общества постоянно выступали по радио и телевидению, в областных и центральных газетах. Особенno следует отметить постоянную рубрику «Память Сибири» в «Восточно-Сибирской правде», трижды получавшую премии (первую и вторые) на всероссийском конкурсе прессы. Выступал в прессе и сам Николай Францевич [3].

Много сил вложил Н.Ф. Салацкий в реставрацию ледокола «Ангара», замечательного памятника техники, древнейшего из сохранившихся в стране судов ледокольного типа. Этот корабль, почти отреставрированный в 1970-х гг., а затем затонувший, был весной 1985 г. поднят специалистами из Хабаровска, осмотрен представителями отделения ВООПИиК и Восточно-Сибирского пароходства. Комиссию возглавлял Салацкий, автор этих строк был одним из ее членов. Комиссия приняла решение восстановить корабль для организации в нем музея. Однако областные руководители не желали «возиться» с трудным объектом. После публикации большой статьи в защиту ледокола автора данной статьи [4] заместитель редактора «Восточно-Сибирской правды» Г.М. Бутаков имел неприятные объяснения в обкоме КПСС. Сам же ледокол по распоряжению областных начальников был отведен подальше от города, где вскоре вновь затонул — был опрокинут штормом. Салацкий и другие активисты общества долго добивались восстановления судна. Так, автор статьи, который в 1986 г. выполнял на общественных началах функции второго заместителя председателя президиума Совета отделения и председателя его исторической секции, собирая в Москве подписи под обращением в Министерство культуры РСФСР о восстановлении ледокола.

Это письмо с подписями академика-секретаря отделения истории АН СССР И.Д. Ковалченко, ряда московских докторов наук и представителей центральных ведомств было затем передано представителю министерства, обещавшему помочь. Лишь в 1988 г., уже при новых областных руководителях, удалось начать реставрационные работы. Для восстановления ледокола было проведено много воскресников, иркутяне собрали для этой цели 300 тыс. р. Еще 115 тыс. дала благотворительная лотерея, проведенная отделением ВООПИиК. 300 тыс. р. выделил из средств Советского фонда мира его председатель гроссмейстер А.Е. Карпов. Главным организатором всех этих действий и работ был Салацкий, у которого нашлось немало помощников.

Автор статьи был свидетелем участия Н.Ф. Салацкого в строительстве Мемориала жертвам сталинских репрессий, открытого в ноябре 1989 г. Сам Салацкий в своих воспоминаниях об этом не упоминает, возможно, считая эту работу не столь существенной. Но автор текста, бывший в те месяцы также одним из сопредседателей «Мемориала», организации, занимавшейся изучением сталинских репрессий и помощью пострадавшим от них, был свидетелем того, как Салацкий выступил в качестве прораба на строительстве памятного знака. В течение нескольких дней,

когда возводился этот объект, он постоянно присутствовал на строительстве, служа своеобразным диспетчером и, вероятно, вспоминая годы руководства городом.

В 1988 г. начались работы по реставрации Богородице-Казанской церкви, построенной в Иркутске в 90-х гг. XIX в. Это подлинная лебединая песнь Н.Ф. Салацкого: реставрацию церкви, несмотря на огромные усилия, закончить он не смог. Для реставрации церкви собирались средства иркутян, вносила свою долю городская администрация, проводились благотворительные лотереи, устраивались субботники, на которых иркутяне очищали храм, выносили из него мусор. Отделением общества для восстановления церкви были созданы творческо-производственное объединение «Лад» и артель «Храм» при нем для непосредственного ведения работ. Этому делу Николай Францевич отдал много энергии, неоднократно бывая на объекте, наблюдая за ходом работ. Несомненно, при этом он не раз вспоминал свои молодые годы, когда в 1935 г. работал на строительстве школы рядом с этой церковью и однажды, неся кирпичи, поскользнулся на мокрой от дождя лестнице и упал вместе со своей ношкой со второго этажа.

Для восстановления «Ангары» и Казанской церкви требовалось много денег, собранных средств (от трудовых коллективов и граждан в 1987–1990 гг. получено 580,6 тыс. р.) не хватало, и отделение общества первым в России решилось на проведение благотворительных денежно-вещевых лотерей. Четыре первых тиража, проведенных в 1990–1992 гг., и тираж лотереи под названием «Наследие» в 1993–1994 гг. дали по 2 млн р., а аукцион квартир в 1993 г. — еще 12 млн р. Все эти средства были вложены в реставрацию Богородице-Казанской церкви [5].

Н.Ф. Салацкий вместе с другими членами президиума ВООПИиК несколько раз выступал в защиту исторической застройки города. Так, при попытке руководства института «Иркутскгражданпроект» возвести комплекс зданий Монгольского консульства в историческом центре города он активно поддержал позицию общественности, и этот проект был похоронен. Непростая ситуация сложилась при проектировании здания областной библиотеки вблизи Крестовоздвиженской церкви. Если бы проект осуществили, серьезно пострадало бы восприятие церкви. За этот проект высказались в печати даже некоторые авторитетные члены президиума общества (М.Д. Сергеев, Г.И. Медведев). Однако после тщательного обсуждения на расширенных заседаниях архитектурной и исторической секций отделения с привлечением общественности был высказан протест против такого вторжения новой архитектуры в среду памятника общероссийского значения. Проект утвержден не был.

Н.Ф. Салацкий вел выездное заседание президиума отделения на месте предполагаемого строительства большого склада бумаги на территории бывшего Вознесенского монастыря. Было принято решение протестовать против этого строительства, изменявшего облик сохранившихся зданий монастыря. Однако здесь ВООПИиК потерпело неудачу, и склад все-таки был построен.

Любопытен такой эпизод. Весной 1986 г. в «Восточно-Сибирской правде» появилась заметка о том, что в городе будет сооружен памятник декабристам. Сама идея о создании этого памятника именно в Иркутске, который был крупнейшим центром пребывания декабристов в ссылке, была, конечно, закономерной. Но оказалось, что иркутские администраторы уже выбрали авторов из Москвы и считали проект фактически утвержденным. Однако он был крайне неудачным, и это вызвало недовольство многих активистов ВООПИиК.

Как раз в это время, 27–29 марта 1986 г., состоялась большая научно-практическая конференция «Иркутск — исторический город», посвященная 300-летию присвоения Иркутску статуса города. Мы решили воспользоваться этим, и, выступая с докладом на пленарном заседании, автор статьи при переполненном зале, в котором было много партийных и советских администраторов, заявил, что проект памятника декабристам неудачен, что он должен быть изменен. Затем примерно

так же выступил доцент С.Ф. Коваль, и руководимые нами секции, а затем и вся конференция приняли соответствующие решения.

Руководство было раздосадовано, и в газетах конференцию «замолчали». Но начиналась «перестройка», и административными мерами раздавить протестантов было уже нельзя. Власти вынуждены были пойти на серию обсуждений проекта памятника, почти все участники которых требовали его пересмотра. Для Н.Ф. Салацкого такое резкое выступление против местных начальников было, конечно, неожиданным. Надо сказать, что он не стал высказываться против «ослушников», придерживался вначале нейтралитета, а затем также стал говорить о необходимости изменить проект. В итоге проект москвичей был забракован и был проведен конкурс на новый проект памятника.

Конечно, Н.Ф. Салацкий работал не один. Из штатных сотрудников Совета особенно успешно труждались ответственный секретарь С.А. Утмелидзе, консультант Н.Г. Торшина, ответственный секретарь Куйбышевского районного совета В.В. Бурдукова. Из членов президиума большую роль играли его председатель В.В. Игнатов, М.Д. Сергеев, Н.Н. Красная, Э.Г. Павлюченкова, С.Ф. Коваль.

Николай Францевич Салацкий запомнился как яркая своеобразная личность. Привлекали к себе его увлеченность, энтузиазм. Если он загорался идеей, то способен был сделать многое для ее осуществления. Его искренность, честность, доброжелательное отношение к окружающим, стремление бескорыстно помочь людям, содействовать решению дел — все это производило сильное впечатление. Несмотря на болезни (он ходил с тросточкой, и последние годы жизни ходьба стала для него весьма затруднительной), Николай Францевич успевал делать многое. Его романтически настроенная натура настойчиво требовала энергичной, осмысленной деятельности.

Не следует умалчивать и о слабостях, многие из которых были отпечатками эпохи, а также среды, в которой Салацкий вращался в зрелые годы. Некоторая склонность к администрированию, единоличному решению сложных вопросов, требовавших коллективного обсуждения, у него была. Ощущалось и большое честолюбие. Нередко на заседаниях он бывал многословным и часто любил, иной раз сильно затягивая время, вспоминать о тех годах, когда он возглавлял горисполком. Особенно запомнился случай, произошедший в конце 1980-х гг. Было объявлено, что в зале ВООПИиК состоится дискуссия по вопросам охраны и использования памятников. Собралось около ста человек. Большинство пришли, чтобы послушать выступление писателя Распутина. Однако Салацкий, председательствовавший на заседании, так затянул свою вступительную речь (говорил около часа), что В.Г. Распутин ушел, не дождавшись, когда ему дадут выступить. По существу, диспут был сорван.

Бывали случаи, когда Н.Ф. Салацкий выступал не совсем конкретно и удачно, «растекался мыслью по древу». В отношениях с рядовыми работниками общества он иногда срывался и допускал откровенную грубость.

Во второй половине 1980-х гг., увлекшись более близкими и понятными ему вопросами реставрации ледокола «Ангара» и Казанской церкви, Н.Ф. Салацкий несколько упустил другие стороны деятельности общества — памятники районов области, состояние районных организаций, вопросы пропаганды и изучения памятников. В духе «большевистских традиций» он мало интересовался юридическими вопросами, что привело к тому, что здание областного Совета ВООПИиК, стоявшее на балансе общества, затем перешло во владение Центра по сохранению историко-культурного наследия. Как отмечалось, незадолго до своего ухода из горисполкома Н.Ф. Салацкий отдал распоряжение о ремонте дома № 2 по ул. 5-й Армии для размещения там Совета отделения ВООПИиК. Однако в дальнейшем расширявшийся ЦСН постепенно отбирал у общества его помещения, опираясь на полученные по недосмотру бывшего хозяина дома документы. Дело

дошло до того, что новый начальник ЦСН Б.М. Бахарев, начисто забывший, что ВООПИиК выгнало его организацию, пытался вытеснить отделение общества из оставшихся комнат, а в статье о ЦСН ни словом не обмолвился о том, что целых 20 лет отделение ВООПИиК фактически в одиночку вело работу по охране и использованию памятников.

Хотя Н.Ф. Салацкий и понимал, что многие из прежних большевистских представлений и дел оказались ошибочными, он до конца жизни оставался сторонником коммунистических идей. Он выступил одним из инициаторов восстановления иркутской коммунистической организации. Однажды, в начале ноября 1992 г., он звонил и автору статьи, предлагая вступить в эту партию. Поддержки, правда, Салацкий здесь не получил. Скорее всего, он разговаривал об этом и с другими. На заседании президиума примерно в те же дни он предложил принять решение об участии членов ВООПИиК в праздновании дня 7 Ноября, но поддержки большинства также не получил.

Это упорное стремление Н.Ф. Салацкого вернуться к прежним, говоря абстрактно, гуманным и возвышенным идеям, тоже дает дополнительный штрих к облику этого энтузиаста, романтика, человека увлеченного, стремившегося сохранить верность прежней идеологии, несмотря на факты и реалии, во многом противоречившие ей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Салацкий Н.Ф. О былом как было: Записки председателя горисполкома. Иркутск, 1992. С. 61.
2. Текущий архив Иркутского отделения ВООПИиК. Отчеты правления за 1980–1991 гг.
3. Публикации Н.Ф. Салацкого: Памятники героев-иркутян // Восточно-Сибирская правда. 1975. 15 февр.; Где жили декабристы // Там же. 1981. 23 сент.; Времен связующая нить // Там же. 22 окт.; Памяти декабристов // Там же. 1982. 12 янв.; Времен связующая нить // Советская молодежь. 1983. 24 дек.
4. Дулов А.В. Пока «Ангара» на плаву // Восточно-Сибирская правда. 1985. 4 июля.
5. Выражаю благодарность В.В. Иссерсу, возглавлявшему в Совете ВООПИиК эту работу, за сообщенные сведения.

A.В. Дулов

ОТЧЕТНЫЙ ДОКЛАД

**СОВЕТА РЕГИОНАЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ (ИЮНЬ 2002 Г.)
НА ХIII ОТЧЕТНО-ПЕРЕВЫБОРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

Сегодня мы подводим итоги деятельности нашего отделения за последние пять лет. Предыдущая отчетно-перевыборная конференция состоялась в апреле 1997 г.

Эти пять лет были очень непростыми для нашей страны. Лишь в последние два года наметилось некоторое улучшение экономического положения, внутри- и внешнеполитической обстановки.

Тяжелыми были эти годы и для нашей организации ВООПИиК. Очень сложным было финансовое положение отделения, много сил пришлось затратить на сохранение и поддержание в порядке переданного нам в распоряжение очень хлопотного объекта — ледокола «Ангара», на владение которым в течение ряда лет претендовали разнообразные «пираты». Существовали также лица, обладавшие властными полномочиями и стремившиеся ликвидировать наше отделение ВООПИиК. Лишь в последнее время благодаря помощи общественности, областной и городской администрации наше положение несколько стабилизировалось. В том, что нам удалось выстоять, особенно велики заслуги нашего многолетнего председателя Б.Г. Алексеева, недавно избранного мэром Нижнеилимского района и переехавшего туда на постоянное жительство, ответственного секретаря С.А. Утмелидзе и писателя В.Г. Распутина, не раз помогавшего нам выйти из критических ситуаций.

Отчетный доклад состоит из двух частей. Первая часть посвящена деятельности самого отделения ВООПИиК, во второй части дается оценка общего состояния дел, связанных с охраной и использованием памятников истории и культуры, и предложены меры для их улучшения.

За время между конференциями были проведены следующие крупные мероприятия:

18 апреля 2000 г. состоялся «круглый стол» «Как сохранить исторический облик Иркутска» в Доме литераторов им. П.П. Петрова. В обсуждении приняли участие художники, писатели, ученые, представители административных органов г. Иркутска, ЦСН. По материалам «круглого стола» в эфире прозвучала радиопрограмма «Отчий дом».

В мае 2001 г. состоялся пленум Совета с повесткой «Наследие и градостроительная политика в историческом центре Иркутска».

Члены президиума весной 2000 г. приняли участие в конференции «Образование и православие», выступали также на конференциях ведомственных музеев Иркутска и на конференции, посвященной 150-летию ВСОРГО.

В декабре 2001 г. обществом была организована и проведена научно-практическая конференция «Историко-культурное наследие Восточной Сибири XXI века. Проблемы. Поиски. Решения», которая проходила в Иркутске три дня. Было заслушано 17 докладов. Обсуждались теоретические вопросы памятникования, проблемы состояния и развития музеев в Восточной Сибири, развития туризма и охраны культурно-природного наследия. Активное участие в конференции приняли преподаватели и аспиранты вузов, научные сотрудники музеев и библиотек. На конференции были подняты проблемы сохранения народной культуры тофов, формирования музеев под открытым небом.

Обществом было организовано общественное обсуждение проекта строительства второй очереди дома по ул. Чкалова. Было рекомендовано ЦСН направить проект на согласование в Центральный совет ВООПИиК.

За отчетный период проведено 20 заседаний президиума, на которых рассматривались основные вопросы деятельности регионального отделения.

Под пристальным вниманием президиума находились состояние и ход реставрации памятников федерального значения — усадьбы Сукачева, дома Кузнецова (и вопросы, связанные с пожаром на нем), драмтеатра, вопросы музеефикации Глазковского некрополя, восстановления Московских ворот и памятника Александру III.

Много сил и времени было потрачено на то, чтобы отстоять свои права на использование ледокола «Ангара». Теперь у нас подписан договор бессрочного безвозмездного пользования с Комитетом по имуществу областной администрации.

Как только был подписан договор с КУГИ на ледокол, на нем был создан культурно-досуговый центр, разработана долговременная культурно-просветительская программа. В мае 2001 г. на ледоколе был открыт морской клуб «Встреча поколений». Проведено уже восемь заседаний клуба. В заседаниях принимают участие также историки, художники, писатели, поэты, ветераны войны, воспитанники детского дома № 5, школы музыкантских воспитанников, учащиеся школы № 25. На ледоколе работает подростковая студия архитектуры и дизайна «Байкаленок» под руководством члена президиума Л.И. Шарыгиной, которая принимала участие в выставках «Зодчество-2002» и «Дизайн-2002» и отмечена дипломами и грамотами.

Уже 12 лет ВООПИиК содержит ледокол. Ни разу мы не получали финансовой поддержки из бюджета. Надеемся, что в этом году областная администрация и Законодательное собрание включат в бюджет выделение средств на ремонт ледокола и на оплату электроэнергии.

Не удалось отстоять служебные помещения на ул. 5-й Армии, хотя и было в 1997 г. подписано при судебном исполнителе мировое соглашение между ВООПИиК и ЦСН, по которому за обществом оставалось два кабинета, а третий в совместном пользовании. Теперь у ВООПИиК только один кабинет. Но мы надеемся, что ЦСН при перепланировке выделит помещение под конференц-зал и даст возможность обществу организовать в нем культурно-просветительский лекторий и проводить другие просветительские мероприятия.

Обществом разработано десять проектов. В прошлом году проект «Наследие и наследники» был поддержан Комитетом по молодежной политике, а проект «Иркутск с нами» — губернским собранием общественности.

Средства, выделенные на реализацию проектов, направлены на приобретение фотоаппарата, расходных материалов, на оплату транспортных расходов для проведения автобусных школьных экскурсий, которые начнутся с сентября. В этом году на конкурс общественно значимых проектов губернского собрания общественности нами было представлено восемь заявок. Главная цель этих проектов — развитие культурно-досугового центра для детей и молодежи на ледоколе, просветительская и издательская деятельность. Надеемся, что наши проекты будут поддержаны.

В период с 1997 по 2002 г. в адрес ВООПИиК часто раздавалась критика, что оно не занимается сохранением памятников. Отчасти это справедливо, ведь если в конце 1980-х гг. у нас было до 20 штатных сотрудников, то теперь лишь один — ответственный секретарь, который к тому же не имеет постоянной зарплаты.

Кроме того, ВООПИиК приходилось в этот период бороться за свои права на служебные помещения с ЦСН, а за ледокол «Ангара» — с дирекцией областного краеведческого музея, что отнимало много сил и времени, а также искать средства на ремонт и содержание ледокола. Хотя вопреки действующей ст. 40 «Закона об охране и использовании памятников», согласно которой мы должны согласовывать проекты,

нас почему-то лишили этого права, мы не вышли из сферы сохранения культурного наследия. Общество продолжает участвовать в рассмотрении вопросов, касающихся культурного наследия. В числе этих вопросов выбор трассы нового мостового перехода через Ангару, обсуждение транспортной схемы Иркутска, генерального плана Иркутска, охранных зон, зонирования нового историко-опорного плана Иркутска, судьбы Московских ворот и восстановления памятника Александру III. Четыре года потребовалось, чтобы убедить городскую думу принять решение (2002 г.) о восстановлении статуи Александра III. Благодаря усилиям ВООПИиК, привлечению внимания общественности и органов исполнительной власти к состоянию объектов усадьбы Сукачева удалось избежать утраты памятников, где не было ни телефона, ни водоснабжения, ни противопожарных устройств. Восстановление объектов усадьбы было возобновлено. Во время реставрации драмтеатра ВООПИиК забило тревогу о том, что фундаменты могут сильно пострадать от осадков, если не будет закрыт купол.

Хотя активных членов общества стало меньше, поскольку почти вся интеллигенция вынуждена искать дополнительные заработки, за отчетные пять лет было более ста выступлений членов общества в газетах, на телевидении и радио. С помощью актива в исправном техническом состоянии содержится ледокол, дважды произведена покраска его бортов и надстроек, в 2000 г. отмечен 100-летний юбилей, проведены День города у ледокола, посвященный 340-летию Иркутска (2001 г.), благотворительный бал (декабрь 1999 г.). Мы благодарны С.А. Верещагиной, Н. Вильке, Л.Б. Гимову, С.Ф. Ковалю, А.Г. Костовскому, Г.В. Майоровой, В.А. Палиеву, Э.Г. Павлюченковой, И.Г. Симутиной, Л.И. Шарыгиной, В.Т. Щербину, Е.А. Яченеву и многим другим, которые были с нами в это трудное время. Отделению ВООПИиК активно помогает администрация г. Иркутска, особенно администрация Октябрьского округа. Мы благодарны нашим спонсорам — рекламному агентству «Ремадор» (директор господин Дорошенко), ЗАО «Труд», депутату Госдумы Ю.М. Тену, генеральному директору «Иркутскмебели» господину Макарову, банку «Братскгэсстрой», фирме «Байкальский источник», руководству «Иркутскэнерго» и судоремонтного завода, Д.М. Кокоурову. Постоянно приносит свои пожертвования Н.М. Мурай.

Из-за слабого финансового состояния областное отделение не смогло сдержать штатных сотрудников в Нижнеудинске, Тайшете, Тулуне, Черемхово и других городах области; с самофинансированием они не справились и большинство ответсекретарей уволилось.

В настоящее время у нас действует три городских отделения: в Братске, Усолье-Сибирском, Ангарске.

Наиболее успешно работа ведется в Братске. Этому городу определенно везет на энтузиастов-руководителей отделений ВООПИиК. В 1970-х гг. там прославился крупными начинаниями председатель отделения О.М. Леонов, в честь которого в Братске недавно была установлена мемориальная доска. В последние годы это отделение возглавлял Петр Яковлевич Рыков. Ему недавно было присвоено звание почетного члена ВООПИиК с вручением знака и грамоты Центрального совета.

Братское отделение активно участвовало в проведении мероприятий, связанных с юбилейными датами крупных исторических событий как страны в целом, так и местного характера. Успешно прошли научно-практические конференции, посвященные 370-летию Братского острога и 30-летию Братского отделения ВООПИиК. В публикациях через СМИ прививалось чувство глубокого уважения к истории и культуре России, области, Братска. Отделение многое сделало для развития краеведческой работы в школах города и района: были организованы многочисленные встречи населения с ветеранами войны и труда, почетными гражданами Братска. Установлено более десяти памятников и мемориальных досок, в том числе мемориальный камень в честь строителей Братской ГЭС, бюсты или мемориальные

доски предводителю казаков и промышленнику XVII в. Е.П. Хабарову, полному кавалеру орденов боевой славы Е.Р. Тарасенко, Героям Социалистического Труда В.И. Ревтову и П.Н. Самусенко.

Отделение тесно сотрудничало с администрацией города, Братского района, Советами ветеранов, школьными учреждениями, оно получает помощь от спонсоров. Ему удалось добиться строительства асфальтированной дороги до музея «Ангарская деревня».

Положительно оценивая деятельность Братского отделения, Центральный совет общества наградил значком ВООПИиК, Почетной грамотой или дипломом девять активистов отделения: С.С. Мельникова, И.В. Орлова, Г.Е. Ступак, С.М. Арбатского, С.М. Савчук, В.И. Смирнова, Л.И. Жилину, В.В. Черноусову, А.Г. Мольгину.

С 2001 г. возобновило работу Ангарское городское отделение. Им руководит О.А. Гизатулина, опытный работник ВООПИиК. Главной своей целью отделение считает просветительскую работу. Оно проводит лекции и экскурсии для школьников. Постепенно налаживаются контакты с различными организациями, создаются первичные организации. Надеемся, что администрация Ангарска по примеру Братска найдет средства для оплаты штатной единицы отделения общества.

Также организационно стablyно работало Усольское отделение ВООПИиК. Проводились президиумы, объезды памятников, велась координация краеведческой работы. К сожалению, со смертью ответственного секретаря Л.А. Стерховой (2000 г.) работа остановилась. Администрация не может подобрать на эту должность такого же активного работника.

Иркутская область обладает богатейшим комплексом ценных историко-культурных памятников. К настоящему времени выявлены тысячи объектов историко-культурного наследия — недвижимых памятников истории, архитектуры, археологии, монументального искусства. Основную роль в координации работ по изучению, охране, использованию этого богатства играет областной Центр по сохранению историко-культурного наследия, созданный в 1989 г. В настоящее время в нем трудится более 50 специалистов. ЦСН в целом успешно справляется со своими задачами, главные из которых — выявление и изучение памятников и осуществление контроля за их сохранением, использованием, реставрацией.

Отмечая, что в результате деятельности ЦСН, отделения ВООПИиК, местных органов власти, общественных организаций, краеведов выявлено значительное число ценных историко-культурных объектов, увеличилось количество отреставрированных памятников, приходится вместе с тем говорить и о многих негативных сторонах.

Даже в областном центре, где изучение памятников и реставрационные работы ведутся наиболее активно, состояние многих памятников аварийное. Особенно сильно страдают деревянные дома-памятники. Ежегодно гибнет от пожаров несколько деревянных домов. Усадебная планировка разрушается. Памятники деревянной архитектуры, в основном жилые дома без канализации и с печным отоплением, находятся в аварийном состоянии.

Приведем выдержку из статьи Б.Т. Литвинова «Проект ЮНЕСКО в Иркутске» (Земля Иркутская. № 1/18. С. 16):

«...Мы должны сегодня четко осознавать, что исторический центр, чудом уцелевший в годы массовых реконструкций, может с течением времени погибнуть от ветхости. Эта угроза становится все более ощутимой. Сегодня большая часть жилого и нежилого фонда здесь находится в неудовлетворительном состоянии. Через десять лет, если темпы реабилитации не увеличатся, то, по оценкам специалистов, основная часть жилого деревянного фонда придет в полную негодность и будет потеряна... Городу необходимы инвестиции для того, чтобы быть способным реально обслужить тех туристов, которые хотели бы его посетить. Если по числу исторических памятников мы находимся в числе российских лидеров, то по обеспе-

ченности гостиницами, магазинами и ресторанами сильно отстаем. Без комплексной стратегии привлечения инвестиций развиваться будет трудно».

Думаю, что вполне справедливы и слова архитектора А.В. Яковлева (Яковлев А.В. Любовь к родному пепелищу // Земля Иркутская. № 1/18. С. 19):

«Не менее глобальная, почти неразрешимая проблема — сохранение городского деревянного зодчества. Количество уникальных памятников, именно то, чем ценен Иркутск во всем мире, сокращается катастрофически. „Штучная“ реставрация в стопроцентном новоделе — вряд ли это выход. Нужна методическая постоянная консервация еще сохранившихся построек... Для решения этой проблемы необходимы: создание временного жилого фонда для отселения людей на период реставрации строений, подводка магистральных инженерных коммуникаций, разумное приспособление и желание вложить деньги в аварийную недвижимость...»

В тяжелом состоянии находятся и многие ценные каменные здания. Проблемы в законодательстве, безнаказанность многих «новых русских», часто игнорирующих существующие законы, либеральное отношение управления архитектуры и строительства Иркутска, а иногда и ЦСН приводят к строительству крупных зданий, морально подавляющих стоящие рядом памятники, вырубке капитальных стен, самовольному сооружению балконов и лоджий, изменению исторически существовавших оконных и дверных проемов. Может быть, наиболее вопиющим примером подобного строительства является возведение многоэтажного общежития педуниверситета рядом с подлежащим реставрации замечательным памятником XVIII в. Владимирской церковью и местом, где по решению городской администрации будут восстановлены Московские ворота.

В центре города за последние годы появилось много высотных сооружений — архитектура, которая чужда традициям Иркутска. Так, писатель В.Г. Распутин в последнем издании книги «Сибирь, Сибирь...» (Иркутск, 2000. С. 126) отмечает, что вызов старинному Иркутску «двинулся и в центр в виде стилизованных под европейское средневековье, с башенками, ярусами и шпилями, частных построек, которые, возможно, и смотрелись бы где-то в ином месте, но в Иркутске кажутся нелепыми, портящими общую картину, как острая соринка в глазу». Почти то же самое говорит зав. кафедрой архитектуры Иркутского технического университета А.В. Корзун (Корзун А.В. Архитектура Иркутска на рубеже столетий // Земля Иркутская. № 15. С. 10): «Отовсюду появляются назойливые, игривые башенки и другие абстрактные „исторические“ венчания современных сооружений, чужды архитектурной традиции города».

Отчасти возможность такого строительства, вступающего в диссонанс с памятниками прошлого, связана с тем, что вопреки действующему Закону о памятниках РФ отделение ВООПИиК лишено права согласования важнейших объектов нового строительства в историческом центре Иркутска.

Что же касается других городов и сельских поселений, то там положение еще более удручающее. Даже такие ценные памятники, как старые церкви, в большинстве находятся в аварийном состоянии. Часть старых церковных зданий, которые раньше занимали клубы, теперь пустует; находясь в бесхозном состоянии, они быстро разрушаются.

Памятники нередко страдают еще и из-за того, что до сих пор многие из них не разделены по юридической принадлежности.

Критическая ситуация сложилась в связи с распоряжением и управлением памятниками истории и культуры на территории Иркутской области.

До настоящего времени, несмотря на то что распоряжением губернатора была создана согласительная комиссия по разграничению собственности на памятники истории и культуры, а также на неоднократные обращения Комитета по культуре и

ЦСН, процедура завершения начатой работы Комитетом по управлению имуществом Иркутской области не доведена до конца.

В области отсутствуют правовые основания отнесения объектов-памятников к областной собственности. Собственниками практически являются федеральные и муниципальные органы власти. По памятникам археологии вопрос об отнесении к видам собственности вообще не рассматривался.

В связи с выходом нового законодательства о земле встал вопрос и о разграничении собственности на землю, в основу которого положены критерии определения собственности на недвижимость. Памятники археологии являются одним из видов недвижимого имущества и занимают значительные земельные участки на территории области.

Отсутствие областной имущественной политики в отношении памятников истории и культуры приводит к тому, что Территориальное управление имущественных отношений по Иркутской области формирует реестры памятников, относящихся к федеральной собственности, прорабатывает вопросы создания федеральных органов по управлению этим видом имущества на базе созданного Министерством культуры и Министерством имущественных отношений Российской Федерации Агентства по управлению и использованию памятников истории и культуры. В ряде субъектов Федерации уже образованы филиалы агентства, что привело к судебным разбирательствам и невозможности проведения мероприятий по сохранению памятников истории и культуры.

Выстраиваемая федеральная структура власти приводит к оттоку средств из области и формированию федеральных государственных органов по контролю, управлению и распоряжению памятниками истории и культуры.

Начата процедура разграничения полномочий органов государственной власти в указанной сфере, в связи с чем подготовлено и подписано губернатором области Соглашение о разграничении полномочий с Министерством культуры РФ. Продолжается работа по разграничению государственной собственности на объекты историко-культурного наследия и их территорий. Данная процедура ведется в отсутствие федерального закона «О разграничении государственной собственности на объекты недвижимости» и сдерживает отнесение земель историко-культурного назначения к видам собственности. В настоящее время формируется градостроительный и земельный кадастры, которые должны содержать информацию об объектах историко-культурного наследия и их территориях, ограничениях и обременениях в использовании. Для этого необходимо выполнить работы по определению границ памятников, инвентаризации земельных участков, зон охраны памятников с установлением режимов и регламентов их использования.

Министерство культуры РФ и Министерство имущественных отношений приступили к формированию федеральных органов по управлению данным видом имущества в виде созданного государственного учреждения Агентство по управлению и использованию памятников истории и культуры.

В настоящее время источниками финансирования мероприятий по охране памятников являются средства федерального бюджета, поступаемые по федеральной целевой программе «Культура России (2001–2002 гг.)», и областного бюджета, формируемые за счет средств от аренды памятников областной собственности. Средства, получаемые от использования памятников федеральной собственности Территориальным управлением имущественных отношений по Иркутской области направляются в федеральный бюджет, муниципальными образованиями — в муниципальный бюджет и на восстановительные работы по целевой программе не направляются.

На территории Иркутской области функции государственного управления и контроля, а также осуществление охранных мероприятий по памятникам выполняет государственное учреждение культуры Центр по сохранению историко-культурного

наследия. Статус государственного учреждения не позволяет осуществлять функции управления и контроля, которые являются исключительно полномочиями исполнительного органа государственной власти.

В ближайшее время необходимо:

1. Принять Положение Иркутской области «Об охране и использовании памятников истории и культуры».

2. Осуществить передачу федеральных полномочий по управлению и распоряжению памятниками Иркутской области путем подписания соглашения с Министерством имущественных отношений и Министерством культуры Российской Федерации.

3. Завершить процедуру передачи объектов культурного наследия в областную собственность.

4. Провести реорганизацию органа охраны памятников истории и культуры, образовав Комитет по охране культурного наследия администрации Иркутской области и переподчинив ему государственное учреждение Центр по сохранению историко-культурного наследия.

5. Определить категории охраны вновь выявленных памятников истории и культуры (1990–2002 гг.), приняв постановления губернатора области о постановке на госохрану.

6. Принять областную целевую программу по охране и использованию памятников истории и культуры, предусмотрев отдельную статью расходов в бюджете Иркутской области на ее реализацию.

К сожалению, приходится говорить не только о недостаточном качестве реставрационно-строительных работ, но и об архитектурной стороне реставрации, когда формы и детали элементов не соответствуют образцам. Примеры: дома по ул. Тимирязева, 6; Свердлова, 18; Энгельса, 21 и т. д.

Для того чтобы поднять качественный уровень реставрационного процесса, надо изменить само отношение к нему. Нужна подготовка рабочих-реставраторов, инженеров-реставраторов и проектировщиков-реставраторов. Нужен центр по подготовке кадров нижнего звена, куда бы приходила учиться молодежь. Отделение ВООПИиК подготовило Положение о таком центре. Надеемся на поддержку Комитета по молодежной политике областной администрации в создании данного образовательного центра.

Общественная инспекция за отчетный период провела ряд инспекционных проверок на объектах реставрации: усадьбе Сукачева; в домах по ул. Грязнова, 11 и 22; Тимирязева, 6; доме Кузнецова; по ул. Сурикова, 9; Энгельса, 21. Результаты этих проверок обсуждались на заседаниях президиума и доводились до сведения ЦСН. Нельзя замалчивать факт противоправных действий со стороны генерального директора реставрационной фирмы «Контакт-регион» В.В. Куликова, который в 1999 г. хулиганскими действиями воспрепятствовал проведению инспекционной проверки представителями ВООПИиК в усадьбе Сукачева. Было возбуждено уголовное дело, факт преступления был установлен, но дело прекращено из-за амнистии (2000 г.). К сожалению, со стороны руководства ЦСН этот факт не только был проигнорирован, но «Контакт-регион» даже получил наиболее благоприятную возможность по реставрации памятников, несмотря на то что во флигеле «А» в усадьбе Сукачева было возгорание, а на 90 % восстановленный дом Кузнецова практически весь сгорел. Подрядчиком на реставрационные работы является фирма «Контакт-регион».

Поскольку Куликов не только препятствовал проведению инспекции, но и избивал ее членов, некачественно ведет реставрацию, президиум предлагает областной администрации расторгнуть с ним контракт и просить Министерство культуры РФ аннулировать его лицензию на право проведения реставрационных работ.

Необходимо возобновить практику ежемесячных совместных с ЦСН инспекционных проверок на объектах реставрации. Надо принципиально решить, кто будет выступать заказчиком на реставрацию памятников федерального областного значения. Так как в ЦСН создан отдел службы заказчиков, то и исполнять функции заказчика на объекты реставрации, финансируемые из федерального и областного бюджетов, должен государственный орган охраны памятников либо сам Комитет по культуре. Это даст возможность уйти от посредника в лице коммерческой фирмы «Три века» и сэкономить значительные бюджетные средства, отказавшись от посреднических услуг.

Вместе с тем имеются и организации, качественно выполняющие работы, связанные с экспертизой состояния памятников: фирмы «Иркут-Инвест», «Артефакт», «Промстройпроект».

Итак, мы предлагаем:

- Вернуть, в соответствии с законом РФ, право ВООПИиК согласовывать проекты строительства в исторической части Иркутска.
- Просить администрацию области финансировать деятельность отделения ВООПИиК, обратиться к мэрам городов и районов с рекомендацией содействовать восстановлению местных отделений ВООПИиК с оплатой штатных единиц или на общественных началах.
- Восстановить памятник Александру III в Иркутске.
- В ближайшем будущем поставить памятник военно-морской славы в Иркутске (об этом давно ходатайствуют наши моряки-ветераны).
- В дальнейшем соорудить памятники замечательным людям, чьи судьбы связаны с Иркутском: архитектору, картографу, краеведу А.И. Лосеву; выдающемуся миссионеру, ученому, общественному деятелю митрополиту Иннокентию Вениаминову; адмиралу А.В. Колчаку, расстрелянному в Иркутске.
- Восстановить дооктябрьские названия 10–15 старинных улиц в центре Иркутска.
- Создать мемориальный комплекс на Иерусалимском кладбище.
- Просить администрацию области решить вопрос о выделении из доходов туристических организаций и гостиниц небольшой доли на реставрацию памятников.
- Обязать владельцев частных фирм, использующих в качестве символов гербы области и ее городов, уплачивать налог, средства от которого направлять на реставрацию памятников.
- Просить администрацию области разорвать контракт с В.В. Куликовым, а Министерство культуры — лишить его лицензии на право проведения реставрационных работ.

A.B. Дулов

**ОТЧЕТНЫЙ ДОКЛАД
ПРЕЗИДИУМА СОВЕТА ИРО ВООПИИК
ЗА ИЮНЬ 2002 – МАЙ 2007 ГОДА**

1. Оргработка

На конференции 20 июня 2002 г. были избраны Совет ИРО в составе 53 чел. и президиум Совета в составе 15 чел. Председателем избрали профессора А.В. Дулова, ответственным секретарем — С.А. Утмелидзе. Позже, в конце 2002 г., решением президиума была избрана заместителем председателя Л.И. Шарыгина. В июне 2006 г. Шарыгина была отстранена от этой должности и выведена из состава президиума за деятельность, наносящую вред ИРО ВООПИИК. В декабре 2006 г. президиум избрал заместителем председателя Е.А. Ячменева, директора Музея декабристов. В июле 2002 г. А.В. Дулов и В.Т. Щербин участвовали в VIII съезде ВООПИИК в г. Москве. Щербин выступил в прениях на съезде, а Дулов был избран членом Центрального совета.

Заседания президиума проводились регулярно, три-четыре раза в год. Текущие вопросы обсуждались обычно «тройкой» (председатель, заместитель, ответственный секретарь). За отчетный период ушли из жизни члены президиума Виктор Александрович Палиев, много лет возглавлявший Комиссию по качеству реставрационных работ, и старейший активист ИРО декабристов Семен Федорович Коваль. Предлагаю почтить их память минутой молчания.

Хотя уже давно мы не имеем ни одной штатной ставки, президиум и Совет ведут значительную работу, выполняя главную свою уставную задачу: «сохранять, возрождать и популяризовать национальное историческое и культурное наследие и формировать у граждан и молодого поколения чувства патриотизма и ответственности за сбережение памятников истории и культуры». К сожалению, из районных отделений активно действуют лишь Братское, благодаря тому что город выделил средства на содержание штатной единицы, и Ангарское.

В 2003 г. состоялось организационное собрание секции истории. Председателем был избран профессор университета путей сообщения В.Г. Третьяков. На нескольких заседаниях секции рассматривались вопросы, связанные с историей ВСЖД и ее памятниками. Секция архитектуры, к сожалению, не работала, и нам необходимо ее воссоздать.

Активисты отделения действуют в ряде общественных советов и комиссий. Так, А.В. Дулов является председателем Комиссии по городской топонимике иувековечению памяти известных иркутян при администрации г. Иркутска, а С.А. Утмелидзе и Е.А. Ячменев — ее членами. За эти годы комиссия собиралась 12 раз, рассматривая вопросы, связанные с наименованием или переименованием улиц, остановок транспорта, памятников города, текстами мемориальных досок. Члены президиума входят также в Совет при Комитете (с 2006 г. — Службе) по охране культурного наследия областной администрации, в консультативный совет общественных организаций при региональном политсовете партии «Единая Россия». В пользовании ИРО находится старейшее из сохранившихся в России судов ледокольного типа — «Ангара». Большую работу на нем проводит культурно-досуговый центр под руководством С.А. Утмелидзе.

За прошедшие пять лет ИРО играло активную роль в деятельности по охране, использованию и изучению объектов культурного наследия. При нашей активной поддержке после целого ряда выступлений в печати, совещаний и собраний удалось убедить городскую администрацию согласиться на возвращение на «родной» пьедестал скульптуры императора Александра III, установку памятника адмиралу А.В. Колчаку. Долгое время руководство Иркутска возражало против этих проектов, и лишь в 2003 и 2004 гг. они были осуществлены.

Кроме того, президиумом отделения были внесены многочисленные предложения администрации области и города, связанные с памятниками прошлого. Так, в октябре 2008 г. активисты ИРО потребовали «при обсуждении концепции Генплана Иркутска рассмотреть проблемы охраны памятников», о чем в концепции первоначально ничего не было сказано. В марте–мае 2007 г. до десяти активистов общества участвовали в рассмотрении проекта Зон охраны памятников Генерального плана и в его доработке. Нами неоднократно вносились также предложения по сохранению и реставрации объектов культурного наследия, созданию новых памятников. Проект создания памятника военно-морской славы земли Иркутской нашел поддержку городской администрации. В Комиссии по городской топонимике Иркутска при активном участии членов ВООПИиК были одобрены проекты, связанные с культурным наследием города, и по нашей рекомендации отклонены проекты явно неоправданные, например трафаретный космополитический проект статуи «Доброго ангела», прославлявший меценатов, которых у нас еще мало, или полуанекдотический проект установки памятника государственному деятелю России начала XX в. С.Ю. Витте — но только как инициатору государственной винной монополии.

Наши предложения по созданию мемориала на бывшем Иерусалимском кладбище, где покоится более 100 тыс. иркутян, памятного знака на месте бывшего Лютеранского кладбища, где похоронен первый иркутский губернатор К.Л. Фраундорф, реставрации древнейшего памятника деревянного зодчества дома Шубиных (ул. Лапина, 23), находящегося в аварийном состоянии, воссозданию Московских ворот начала XIX в., установке памятника на месте расстрела польских повстанцев (1866 г.), восстановлению наиболее ценных исторических названий улиц, к сожалению, не нашли пока поддержки администрации. Руководство города планирует поставить памятник основателям Иркутска, что тоже предусматривалось нами, но прежде необходимо провести на месте его предполагаемой установки раскопки следов острога, что уже три десятка лет предлагает ИРО ВООПИиК.

Из проектов, подготовленных и одобренных самим президиумом, к сожалению, удалось воплотить тоже не все. Так, нами был одобрен проект под названием «Крылья» — о создании Музея авиационной техники. В июне 2006 г. на заседании «круглого стола» в присутствии до 50 чел. было предложено создать «Фонд спасения старого Иркутска» с участием предпринимателей для реставрации памятников деревянного зодчества. Этот замысел пока также не реализован.

Следует отметить, что длительное время администрация города и области уделяла проблемам памятников недостаточное внимание. В феврале 2007 г. А.В. Дуловым было внесено предложение обсудить эти вопросы на заседании консультативного совета при политсовете отделения партии «Единая Россия». Оно было принято, и 12 апреля впервые за последние 15 лет состоялось данное рассмотрение при участии представителей администрации и общественности области и города. Президиум выдвинул объемные предложения по данной проблеме (они приводятся в конце доклада). Предложения были встречены присутствующими с пониманием. Некоторые из них уже учтены руководством области и города, и мы надеемся, что это будет способствовать улучшению ситуации с памятниками прошлого.

По традиции мы стремимся вести свою работу в сотрудничестве с государственными органами охраны культурного наследия. Не всегда удавалось это, когда соответствующий комитет возглавляла Н.Н. Красная, улучшилось взаимодействие с 2006 г., когда Комитет (ныне — Службу) возглавил В.П. Шахеров. Тем не менее единственную комнату в здании службы, которую мы по договору 1997 г. бесплатно арендует на 49 лет, нам пришлось оставить. Руководство Службы по сохранению историко-культурного наследия объясняет это крайней нехваткой помещений и обещает при запланированном возведении пристроя комнату для ИРО выделить.

Основные средства для содержания ледокола и проведения различных мероприятий дают нам благотворительные взносы. Членские взносы собираются только в Братском и Ангарском отделениях. Коллективных членов мы в настоящее время не имеем.

2. Музей-ледокол «Ангара»

В 2001 г. Комитет по управлению госимуществом областной администрации передал ледокол, восстановленный в 1990 г. под руководством и на средства отделения ВООПИиК, в пользование нашему отделению. Президиум отделения учредил некоммерческую организацию — фонд «Культурно-досуговый центр „ледокол „Ангара“» — для обеспечения содержания и использования ледокола. Председатель фонда С.А. Утмелидзе подготовила целый ряд программ и проектов. Первая финансовая поддержка в 10 тыс. р. была получена в результате участия в конкурсе вариативных программ в 2001 г. Комитета по делам молодежной политики с программой «Наследие и наследники». ИРО и фонд ледокола ежегодно участвовали в конкурсе общественно значимых проектов «Губернское собрание общественности». В 2001 г. культурно-просветительская программа «Иркутск с нами» способствовала проведению экскурсий и лекций. Проект «Создание детской морской школы» (2002 г.) дал возможность приобрести компьютер, что облегчило организационную работу. Проект «Подростковая историко-культурная экспедиция» получил финансовую поддержку в 20 700 р. На средства, выделенные по проекту «Создание общественного музея на ледоколе „Ангара“» (2004 г., 29 800 р.), были закуплены для музея витрины, пластик для оформления стендов и макетов.

Кроме того, губернатором были выделены субвенции на оформление выставки «Военно-морская слава земли Иркутской» (13 100 р.) и проведение тематического вечера «Завещанное заветное» (17 248 р.). Основную часть денежных средств давали благотворительные взносы, поступавшие по договорам коммерческих организаций, расположенных поблизости от ледокола. Это дало возможность содержать постоянный штат вахтеров (4 чел.), производить ежегодную покраску и текущий ремонт помещений ледокола, оплату коммунальных услуг, оформление экспозиции музея, а также проводить культурно-массовые мероприятия. Президиум с благодарностью отмечает отличную работу В.П. Алешина, Ю.П. Никитина, В.П. Софьина, А.М. Мухомеджанова, обеспечивавших жизнедеятельность ледокола.

6 мая 2001 г. на ледоколе был открыт морской клуб «Встреча поколений». С этого времени было проведено 42 встречи. В мероприятиях принимали участие ветераны-моряки, историки, художники, писатели, учащиеся школ № 22, 25, 75 г. Иркутска. Заседания клуба посвящались военно-морским историческим событиям, а также памяти адмиралов П.С. Нахимова, Ф.Ф. Ушакова, С.О. Макарова, А.В. Колчака, Н.Г. Кузнецова и др. Сложилась традиция встреч моряков, служивших в разные годы на кораблях, носивших имя «Варяг». На этих встречах присутствует не менее 40 школьников, которые с интересом слушают рассказы бывальных моряков. Кроме того, на каждом заседании моряки знакомят ребят с морскими профессиями. Работа клуба «Встреча поколений» была одобрена областным Советом ветеранов Великой Отечественной войны.

В феврале 2004 г. была открыта детская морская школа на ледоколе. На общественных началах занятия по истории русского флота и устройству кораблей вели Виктор Васильевич Вертянкин и Валентин Дмитриевич Казанцев. Учащиеся занимаются поиском краеведческих материалов, связанных с жизнью моряков, служивших на «Варяге» и «Корейце», а также адмиралов, судьба которых была связана с иркутской землей. Была проведена областная викторина «Путешественники и исследователи Сибири и Дальнего Востока», определившая круг краеведов, которые собирают материалы и экспонаты для пополнения музея на ледоколе. Член Городского совета моряков Иван Петрович Господинов помог приобрести морскую

форму для ребят. Теперь они принимают участие в торжественном шествии в День военно-морского флота. К сожалению, пока нам не удается получить ставку, и вся работа в школе ведется на общественных началах.

Традиционно проводятся торжественные заседания морского клуба, посвященные Дню Победы. Учащиеся иркутских школ выступают перед ветеранами Великой Отечественной войны с концертной программой. Устраиваются выставки «Военно-морская слава земли Иркутской», «Дети – герои Великой Отечественной войны». Продолжается реализация подростковой программы «Наследие и наследники».

С декабря 2001 до лета 2004 г. работала подростковая студия архитектуры и дизайна «Байкаленок» под руководством Л.И. Шарыгиной. Студия принимала участие в выставках «Зодчество-2002», «Зодчество-2004», «Дизайн-2002», в Байкальском региональном фестивале флористов и была отмечена дипломами и грамотами. Студия провела областной мультимедийный конкурс «Золотой монитор» по теме «Мой город». На конкурс было прислано 100 работ. Лучшие из них экспонировались в помещении студии. Силами студийцев в 2003 и 2004 гг. проведены две историко-культурные экспедиции «В поисках утраченного». Их участники искали на острове Ольхон на Байкале места, где стояли православные часовни.

В каютах ледокола экспонировались фотовыставка «Край многоликий» и живописные работы молодых художников, а также творческие работы детей и педагогов дошкольных учреждений Иркутска «Мир растительной фантазии».

Реализован первый этап проекта «Создание общественного музея на ледоколе „Ангара“». 28 августа 2005 г. ИРО ВООПИиК открыло на ледоколе музейную экспозицию, посвященную 105-летию ледокола и 100-летию Кругобайкальской железной дороги. Событие широко освещалось в СМИ. Открытие музея состоялось благодаря усилиям общественности и благотворителей. Иркутяне принесли экспонаты, связанные с ледоколом, ценные экспонаты подарило руководство музея «Тальцы» (директор В.В. Тихонов), студенты ИрГТУ изготовили макет паромной переправы, который украсил экспозицию музея. Активное участие в оформлении музея принимал В.В. Вертянкин – член совета морского клуба «Встреча поколений». К открытию музея были выпущены пригласительные билеты, афиши, открытки, значки и ручки с символикой ледокола и ВООПИиК, проведена областная краеведческая викторина, посвященная 100-летию КБЖД.

Культурно-досуговый центр ИРО ВООПИиК координирует с администрацией Октябрьского округа г. Иркутска и территориальным общественным советом самоуправления микрорайона Солнечный проведение культурно-массовых мероприятий у ледокола. Ежегодно устраивались празднования в марте – Масленицы, 1 июня – Дня защиты детей, в первое воскресенье июня – Дня города, в четвертое воскресенье августа – Дня Байкала. Эти мероприятия получили поддержку жителей микрорайона Солнечный и административных органов.

Недавно, в апреле 2007 г., предприниматель Д.Е. Кинозеров проявил необычную инициативу, приступив к изготовлению и продаже комплекта «Штучка». Это квадратик с текстом «40 лет ИРО ВООПИиК» и приглашением посетить корабль-музей. В коробочке находится шоколадная конфета «Морская», пакетик чая, два кусочка сахара.

С июня 2006 г. в деятельности ВООПИиК на ледоколе возникли трудности, связанные с попыткой Л.И. Шарыгиной вместе с двумя предпринимателями дисcredитировать работу нашего отделения и фонда ледокола. Во время командировки С.А. Утмелидзе по вызову ЦС ВООПИиК, оставшись в качестве руководителя на ледоколе, Шарыгина передала учредительные документы ИРО ВООПИиК, чертежи ледокола Д.А. Воронову, который составил «справку», где подвергались сомнению и учредительные документы отделения, и право его пользоваться ледоколом. Более того, она от имени председателя президиума А.В. Дулова составила письмо на имя председателя ЦС Г.И. Маланичевой, предлагая фактически передать ледокол в

руки предпринимателей. Воронов приехал в Москву, явился в Центральный совет ВООПИиК и передал его руководству, приняв тем самым участие в подлоге. В связи с этим президиум ИРО 11 июля 2006 г. рассмотрел докладную записку С.А. Утмелидзе по этому поводу, выслушал объяснения Шарыгиной и постановил: за ущерб, нанесенный ИРО, отстранить Л.И. Шарыгину от обязанностей заместителя председателя и вывести из состава президиума. Решение было принято единогласно.

К сожалению, Шарыгина до этого успела навредить фонду ледокола: своими некорректными действиями она расстроила отношения с благотворителями, занимающими территорию вблизи ледокола. Они отказались помогать фонду и, более того, написали заявления в городскую администрацию, обвиняя фонд и ИРО ВООПИиК в «незаконном обогащении». Вице-мэр города Л.А. Ощерин пошел у них на поводу и даже подал соответствующий иск в арбитражный суд, выступив тем самым против ВООПИиК. Однако суд ему фактически отказал.

Последнее десятилетие ледокол почти постоянно находится «на осадном положении». На него покушаются всевозможные «пираты», как частные предприниматели, так и различные официальные органы. Мы вынуждены составлять десятки документов, доказывая свое право пользоваться ледоколом как основной базой ИРО. Из-за такой ситуации и неопределенности статуса территории рядом с ледоколом фонд оказался в положении должника. Президиум добивается закрепления площадки рядом с «Ангарой» за отделением ВООПИиК. В личном разговоре с А.В. Дуловым и С.А. Утмелидзе мэр Иркутска В.В. Якубовский обещал свою помочь в этом вопросе. Поэтому мы уверены, что рядом с ледоколом нам удастся создать историко-культурный комплекс и рекреационную зону охраны уникального объекта культурного наследия и туризма.

3. Пропаганда объектов культурного наследия и историко-краеведческих знаний

Активисты ИРО ВООПИиК ведут большую работу по пропаганде, выявлению и изучению памятников истории и культуры.

С 2003 г. началось чтение бесплатных публичных лекций (в Доме дружбы, Доме архитекторов, на ледоколе «Ангара»). Они читались раз в один-два месяца, кроме летнего периода. На них присутствовало от 20 до 60 чел. О лекциях сообщалось заранее в газетах или по радио, а также телефонными звонками постоянным слушателям. Лекторы — видные историки, архитекторы, краеведы. Особенно большой интерес вызвали лекции археолога, профессора Г.И. Медведева (60 присутствовавших), архитектора И.В. Калининой (50 чел.). Весьма содержательными были также лекции члена президиума Г.В. Майоровой, профессоров Б.С. Шостаковича, В.Г. Третьякова, А.В. Дулова, кандидатов наук В.П. Шахерова, М.И. Литвин, Т.А. Крючковой, П.А. Новикова, зам. директора музея «Тальцы» А.К. Нефедьевой.

Как уже говорилось, большая просветительская работа велась на «Ангаре» — вечера, лекции, экскурсии по ледоколу. До десяти лекций по подобной тематике было прочитано в различных организациях.

По давно сложившейся традиции ИРО ВООПИиК проводит дни охраны памятников и исторических мест с 1 по 18 апреля. В эти дни активисты выступают по радио, на телевидении. В газетах «Восточно-Сибирская правда», «Байкальские вести», «Мои годы», «Иркутск», «Копейка», «Пятница» печатаются публикации о деятельности отделения. В первую декаду октября в рамках областного фестиваля «Сияние России» проводятся тематические вечера под названием «Завещанное заветное». Член президиума Г.В. Майорова разработала автобусную экскурсию «Адмирал А.В. Колчак в Иркутске». Была организована презентация экскурсии для средств массовой информации.

Члены ИРО ВООПИиК постоянно выступают в газетах, на телевидении, радио. За весь отчетный период было не менее 100 выступлений в СМИ. Среди авторов — А.В. Дулов, Е.А. Ячменев, С.А. Утмелидзе, Т.А. Крючкова, А.В. Хобта,

В.Г. Третьяков, Г.В. Майорова, И.В. Калинина, В.П. Шахеров, И.И. Козлов и др. Особенno ценным является сотрудничество с газетой «Восточно-Сибирская правда» члена президиума ИРО Н.Ф. Дьяченко, постоянно информирующей читателей о делах и проблемах отделения ВООПИиК.

В декабре 2006 г. несколько активистов ВООПИиК выступили с докладами на научно-практической конференции «Сооружение Кругобайкальской железной дороги и развитие международных связей».

Десятки членов ВООПИиК публикуют статьи или книги научного и научно-популярного характера о памятниках истории и культуры. Среди них – А.Н. Гарашенко, Е.Б. Шободоев, Б.С. Шостакович, Н.Н. Красная, Е.Р. Ладейщикова, Ю.П. Колмаков, С.И. Медведев и многие другие. Только что вышел «Справочник-путеводитель по г. Иркутску», основными авторами которого являются А.В. Дулов и Э.Г. Павлюченкова. К сожалению, до сих пор не удалось издать сборник материалов конференции «Историко-культурное наследие Восточной Сибири. Использование и охрана», составленный в 2002 г.

Как уже говорилось, 12 апреля 2007 г. на заседании консультативного совета при политсовете Иркутского отделения партии «Единая Россия» президиумом ИРО была внесена развернутая программа, призванная улучшить ситуацию с охраной культурного наследия, сложившуюся в области.

Приводим текст этих предложений.

Предложения для консультативного совета при политсовете Иркутского отделения партии «Единая Россия» по вопросу о состоянии памятников истории и культуры Иркутской области

К сожалению, следует признать, что администрация Иркутской области и особенно г. Иркутска уделяет недостаточное внимание указанной проблеме. В связи с этим президиум ИРО ВООПИиК считает полезным:

1. Выделить охранную зону для ледокола «Ангара», закрепив ее за фондом «Историко-культурный центр „ледокол Ангара“», действующим под контролем президиума ИРО ВООПИиК.

2. Включить в бюджет области 2008 г. средства на ремонтные работы на ледоколе. С начала его работы как музея прошло 17 лет, и «Ангара» нуждается в серьезном ремонте и модернизации.

3. Помочь ИРО ВООПИиК вернуть комнату в здании по ул. 5-й Армии.

4. Выделить средства на содержание хотя бы одной штатной единицы для ИРО ВООПИиК.

5. Отказаться от проектов уменьшения количества находящихся в Иркутске деревянных памятников, как предлагает городская администрация, хотя бы потому, что деревянные памятники – наиболее интересный объект показа для иностранных туристов.

6. Принять срочные меры по спасению дома Шубиных (ул. Лапина, 23) – старейшего деревянного дома Иркутска (конец XVIII в.), памятника архитектуры. Дом не имеет хозяина, находится в аварийном состоянии, в любой момент может сгореть.

7. Скверу Кирова вернуть не название «Тихвинская площадь», как предлагают депутаты городской думы, а «Площадь графа Сперанского». Такое название этой площади дала городская дума в 1880-х гг. в память о выдающемся государственном деятеле России XIX в., жившем в 1819–1820-х гг. в Иркутске.

8. Считаем не очень удачным предложение об установке единого памятника авиакатастроф в Иркутске. Лучше в таких случаях ставить памятник на месте печального события или недалеко от него.

9. Принять постановление о развитии историко-мемориального комплекса «Декабристы в Иркутске».

10. Поддержать идею реализации межрегионального туристического мегапроекта «Декабристское кольцо Сибири» (первый этап – Иркутская область).

11. Установить к 350-летию Иркутска:

– памятник декабристам (решение об этом принято еще в 1980-х гг.);
– памятный знак на месте бывшего Лютеранского кладбища, особенно отметив похороненного там и вполне достойного первого иркутского губернатора К.Л. фон Фрауендорфа (1765–1767 гг.);
– мемориал в память об Иерусалимском кладбище, превращенном в 1957 г. в ЦПКиО. Там было похоронено 100–120 тыс. иркутян;

– памятник военно-морской славы;
– памятник «Основателям города» на месте Иркутского острога, предварительно проведя там раскопки;
– памятник замечательному геодезисту, архитектору, краеведу А.И. Лосеву (родился и умер в Иркутске);

– памятник на месте захоронения казаков, юнкеров и прaporщиков, погибших в Иркутске во время декабрьских боев 1917 г. (площадь Декабристов, было похоронено 63 чел.);

– памятник выдающемуся российскому журналисту Н.А. Полевому (уроженец Иркутска);
– памятник выдающемуся миссионеру и общественному деятелю, митрополиту Московскому Иннокентию Вениаминову (уроженец Иркутской области).

Необходимо:

– восстановить Московские ворота (1811–1813 гг.) в начале ул. Декабрьских Событий;

– создать музей-заповедник «Глазковский могильник». Археологами выявлены десятки интереснейших захоронений неолитического периода. Памятник имеет мировую известность.

12. Необходимо отреставрировать прежде всего следующие памятники:

– памятник Борцам революции (у ЦПКиО);
– памятник железнодорожникам, погибшим в боях декабря 1917 г. на ул. Профсоюзной;
– стелу в честь 50-летия СССР на одноименной площади;
– здание пожарной части на ул. Тимирязева;
– здание мастерской иконописцев Старцевых и два смежных дома, ул. Ангарская;
– завершить реставрацию усадьбы Сукачева;
– провести реставрацию тех деревянных зданий, где это требуется, в заповедных зонах города: Декабристской, по ул. Желябова, Б. Хмельницкого, Грязнова;
– памятник красногвардейцам, погибшим в боях декабря 1917 г., перенести туда, где их перезахоронили на Лисихинском кладбище. Там на их братской могиле отсутствует памятник.

Предложения по организации мероприятий по сохранению культурного наследия Иркутска исторического

1. Разработка и утверждение в установленном законодательством порядке градостроительной документации, том числе:

– проект охранных зон, зон регулирования застройки и хозяйственной деятельности, охраняемого природного ландшафта (режимы использования земель, градостроительные регламенты, границы территорий объектов культурного наследия);
– правила застройки.

2. Разработка и представление в Правительство Российской Федерации (возможно, как национального проекта) к 350-летию города программы «Деревянное зодчество Иркутска – исторического, культурного, туристического центра Восточной Сибири, 2007–2011 гг.» (название условное).

3. Разработка и утверждение областной целевой программы «Сохранение культурного многонационального наследия Иркутска» к 350-летнему юбилею города.

Комплексная программа, аккумулирующая источники финансирования, определяет доли областного и муниципального бюджетов по объектам областной и муниципальной собственности, а также включает внебюджетные источники по объектам частной собственности.

4. Разработка и утверждение муниципальной целевой программы «Мероприятия по сохранению культурного наследия Иркутска, 2006–2010 гг.», включающей как самостоятельные подпрограммы:

- создание инженерных коммуникаций (тепло-, водо-, электроснабжение, канализация);
- отселение жильцов;
- аукционы по продаже инвесторам объектов культурного наследия;
- аукционы по передаче в долгосрочную аренду объектов культурного наследия;
- организацию школы реставраторов.

5. К 350-летию Иркутска, как символ его возрождения, проведение инвестиционного аукциона «Воссоздание Московских ворот».

Необходимы также: Правила застройки Иркутска; Проекты детальной планировки административных округов г. Иркутска с поквартальной разработкой регламентов в зонах регулирования застройки; Комплексные проекты застройки, регенерации и реконструкции в зонах охраны.

В 2005 г. муниципальному образованию г. Иркутску как областному центру было выделено 250 млн р. на отселение жителей из ветхого жилья.

Однако неготовность города (отсутствие заранее полученных исходных данных, определенности в выборе площадок, фрагментарность объектов расселения) не дает возможности получить ожидаемый результат — комплексную застройку. Затрачивая областные средства на расселение жителей, город фактически освобождает площадки под новое строительство (однако это функция застройщика), но не проводит расселение из объектов, являющихся памятниками культуры. В итоге состояние исторических объектов продолжает оставаться аварийным.

Кроме того, политика КУМИ по передаче памятников культуры в краткосрочную аренду приводит к незаинтересованности арендатора производить капитальные вложения (уникальный памятник регионального значения дом по ул. Сурикова, 9, переданный под реабилитационный противораковый центр более пяти лет назад, доведен до полного разрушения из-за неплатежеспособности арендатора).

Такие крупные объекты культурного наследия, как Курбатовские бани (на Цессовской набережной), целесообразно было выставить на продажу как коммерчески выгодный объект недвижимости и территориально, и функционально, но он разбит на части и передан в аренду (фактически разобран на кирпичи).

Целесообразно было бы разработать целевую программу комплексной реставрации и реконструкции отдельных кварталов как заповедных зон, так и зон нового строительства в историческом центре города.

Для этого предлагается:

- передать из муниципальной в областную собственность объекты культурного наследия регионального и федерального значений (в т. ч. жилые памятники деревянного зодчества), что корреспондируется с функциями области в сфере распоряжения земельными участками;
- принять в установленном порядке федеральную и областную целевые программы (в т. ч. предусматривая средства на отселение, проведение конкурсов-торгов на право аренды либо передачи в частную собственность инвесторам с условием обременения реставрационными работами и функциональным использованием, тем самым предполагая возвратный механизм и включение объектов культурного наследия в хозяйственный оборот области).

Предложения о мероприятиях по сохранению и пропаганде культурного наследия Иркутской области

Законодательные инициативы по введению:

- областного налогообложения туристических организаций, принимающих туристов на территории Иркутской области;
- областных льгот и компенсаций частным инвесторам и пользователям объектов культурного наследия при проведении ремонтно-реставрационных работ;
- налога на частные предприятия, использующие как символы гербы области или Иркутска, с использованием этих средств для реставрации объектов культурного наследия.

Разработка областной целевой программы «Туристические маршруты Иркутской области» с технико-экономическими обоснованиями и этапами очередности освоения.

Создание информационной сети (реклама, СМИ, Интернет-сайт) с информацией об объектах культурного наследия, находящихся под угрозой исчезновения, неэксплуатируемых, выставляемых на продажу с условием восстановления (пос. Каучуг — мельничный комплекс; с. Верхоленск — жилые и общественные постройки; г. Усолье-Сибирское — Дом Рассушина и т. д.).

Разработка муниципальных программ по организации музеино-туристических комплексов, отражающих архитектурно-этнографическую самобытную культуру районов области и финансируемых как из бюджетных, так и из внебюджетных средств (областной, муниципальный бюджеты, частные инвесторы): пос. Пихтинск, пос. Казачинск, с. Бельск, с. Невон, пос. Верхоленск — Шишкинские писаницы и пр.

Спонсорское финансирование «реставрационных летних лагерей» студентов и школьников старших классов для проведения ремонтно-консервационных работ на объектах культурного наследия в регионе (дом Фрунзе — пос. Манзурка Каучугского района).

Разработка целевой программы восстановления православных храмов Иркутской епархии.

Обратиться к федеральному органу — Восточно-Сибирскому управлению Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия (А.Н. Войтович) с просьбой возбудить судебное дело по изъятию из частной собственности объектов культурного наследия федерального значения — дома Шубиных (ул. Лапина, 3), домов по ул. К. Либкнехта, 31 и ул. Борцов Революции, 6.

Подводя итог нашей работы за истекшие пять лет, считаем, что ИРО действовало довольно активно. Недаром Комитет по связям с общественностью при администрации области предложил трем нашим активистам (А.В. Дулову, Г.И. Медведеву, Е.А. Ячменеву) войти в состав Общественной палаты. Правда, мы не всегда добивались желаемых результатов.

Основными задачами в настоящее время считаем: воссоздание районных отделений общества, обеспечение охранной зоны вокруг ледокола «Ангара», рост числа активистов и коллективных членов, постоянное воздействие на администрацию с целью добиться улучшения работы по сохранению и оптимальному использованию памятников истории и культуры, формированию лучших исторических, эстетических, патриотических традиций у молодежи и всего населения области.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР	– Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
БНЦ СО РАН	– Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук
ВВП	– валовой внутренний продукт
ВЛКСМ	– Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи
ВООПИиК	– Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ВПИ	– Ведомство православного вероисповедания
ВСЖД	– Восточно-Сибирская железная дорога
ВСОРГО	– Восточно-Сибирский отдел Русского Географического общества
ВСОИРГО	– Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского Географического общества
ГАИО	– Государственный архив Иркутской области
ГАЧО	– Государственный архив Читинской области
ГДР	– Германская Демократическая Республика
ГК КПСС	– Городской комитет Коммунистической партии Советского Союза
ГСЭИ	– Государственное словарно-энциклопедическое издательство
ГЭС	– гидроэлектростанция
ЕЕВ	– Енисейские епархиальные ведомости
ИГООР	– Иркутская городская общественная организация «Родословие»
ИГУ	– Иркутский государственный университет
ИЕВ	– Иркутские епархиальные ведомости
ИРГО	– Императорское Русское Географическое общество
ИРО ВООПИиК	– Иркутское региональное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры
ИрГТУ	– Иркутский государственный технический университет
ИТЛ	– исправительно-трудовой лагерь
КБЖД	– Кругобайкальская железная дорога
КПСС	– Коммунистическая партия Советского Союза
КУГИ	– Комитет по управлению городским имуществом

КУМИ ЛОИА АН СССР	<ul style="list-style-type: none"> – Комитет по управлению муниципальным имуществом – Ленинградское отделение Института археологии Союза Советских Социалистических Республик
МАЭ МНП НБ ИГУ	<ul style="list-style-type: none"> – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого – Министерство народного просвещения – Научная библиотека Иркутского государственного университета
НГПИ НКВД ОГПУ ОК КПСС	<ul style="list-style-type: none"> – Новосибирский государственный проектный институт – Народный комиссариат внутренних дел – Объединенное государственное политическое управление – окружной комитет Коммунистической партии Советского Союза
ПФА РАН	<ul style="list-style-type: none"> – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
РАН	<ul style="list-style-type: none"> – Российская академия наук
РГАДА	<ul style="list-style-type: none"> – Российский государственный архив древних актов
РГВИА	<ul style="list-style-type: none"> – Российский государственный военно-исторический архив
РИО	<ul style="list-style-type: none"> – редакционно-издательский отдел
РПЦ	<ul style="list-style-type: none"> – Русская Православная Церковь
РСФСР	<ul style="list-style-type: none"> – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РС (Я)	<ul style="list-style-type: none"> – Республика Саха (Якутия)
САПР	<ul style="list-style-type: none"> – Система автоматизированного проектирования
СДРПЦ	<ul style="list-style-type: none"> – Совет по делам Русской Православной Церкви
СО АН СССР	<ul style="list-style-type: none"> – Сибирское отделение Академии наук Союза Советских Социалистических Республик
СО РАН	<ul style="list-style-type: none"> – Сибирское отделение Российской академии наук
СССР	<ul style="list-style-type: none"> – Союз Советских Социалистических Республик
ТКО ПО ИРГО	<ul style="list-style-type: none"> – Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества
УК РСФСР	<ul style="list-style-type: none"> – Уголовный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики
УНКВД	<ul style="list-style-type: none"> – Управление Народного комиссариата внутренних дел
ЧО ПО ИРГО	<ul style="list-style-type: none"> – Читинское отделение Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества
ЦК КПСС	<ul style="list-style-type: none"> – Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза
ЦНИИ	<ul style="list-style-type: none"> – Центральный научно-исследовательский институт
ЦПКиО	<ul style="list-style-type: none"> – Центральный парк культуры и отдыха
ЦС ВООПиИК	<ul style="list-style-type: none"> – Центральный совет Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры
ЦСН	<ul style="list-style-type: none"> – Центр по сохранению историко-культурного наследия
ЯГУ	<ul style="list-style-type: none"> – Якутский государственный университет

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аболина Лариса Александровна — преподаватель Детской художественной школы № 4 (г. Иркутск).

Гурулёв Станислав Андреевич — кандидат геолого-минералогических наук, заслуженный деятель науки Республики Бурятия (г. Иркутск).

Дмитриева Любовь Сергеевна — руководитель творческой мастерской «Берестень» (г. Иркутск).

Дулов Александр Всеволодович — доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (г. Иркутск).

Игумнова Надежда Дмитриевна — заведующая отделом книговедения Научной библиотеки Иркутского государственного университета (г. Иркутск).

Исаев Андрей Юрьевич — историк, археолог, краевед (г. Иркутск).

Константина Наталья Николаевна — кандидат исторических наук, научный секретарь Забайкальского краевого краеведческого музея им. А.К. Кузнецова (г. Чита).

Красноштанов Георгий Борисович — исследователь (г. Москва).

Лыхин Юрий Петрович — кандидат исторических наук, научный секретарь Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (г. Иркутск).

Медведев Виктор Николаевич — начальник научно-методического отдела Государственного историко-этнографического музея-заповедника «Старая Сарепта» (г. Волгоград).

Наумова Надежда Николаевна — кандидат исторических наук, доцент Братского государственного университета (г. Братск, Иркутская область).

Павлов Александр Анатольевич — заместитель директора по научной работе Братского городского объединенного музея истории освоения Ангары (г. Братск, Иркутская область).

Пархомов Владимир Александрович — доктор физико-математических наук, профессор Байкальского государственного университета экономики и права, член Иркутского общества «Родословие» (г. Иркутск).

Пономарёва Наталия Сергеевна — заведующая архивом Службы по охране объектов культурного наследия, председатель Иркутского общества «Родословие» (г. Иркутск).

Похабов Юрий Павлович — инженер-механик, начальник инженерно-инновационного центра Специального конструкторско-технологического бюро «Наука» Красноярского научного центра СО РАН (г. Железногорск, Красноярский край).

Смолина Ирина Владимировна — кандидат исторических наук, преподаватель Иркутского государственного университета (г. Иркутск).

Ушицкий Василий Васильевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора археологии и этнографии Института гуманитарных исследова-

ний и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (г. Якутск).

Шахнович Алефтина Геннадьевна — кандидат искусствоведения, зав. сектором справочно-библиографического обслуживания Научной библиотеки Иркутского государственного университета, член творческой мастерской «Берестень» (г. Иркутск).

Шинковой Анатолий Иванович — кандидат исторических наук, главный специалист Иркутского областного краеведческого музея (г. Иркутск).

Ярков Александр Павлович — доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором Института гуманитарных исследований Тюменского государственного университета, заместитель председателя Международного Стеллеровского комитета (г. Тюмень).

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Красноштанов Г.Б. В поисках родины Ерофея Хабарова	7
Похабов Ю.П. Яков Иванович Похабов, енисейский сын боярский	23
Павлов А.А. Братский острог в XVII веке (из истории трех крепостей)	29
Ярков А.П. Полиэтническое пространство Сибири в представлении немецких исследователей	36
Игумнова Н.Д. Записи на книгах как исторический источник	42
Константинова Н.Н. М.А. Кроль — исследователь этнографии бурят	47
Наумова Н.Н. Школы духовного ведомства Нижнеудинского уезда на рубеже XIX–XX веков	52
Смолина И.В. Архиепископ Иркутский Палладий (Шерстенников) — строитель церковной жизни	58

ЭТНОЛОГИЯ

Ушицкий В.В. Хоро и боотулу в составе саха	81
Шинковой А.И. Мондаргой, или Саяны	92
Медведев В.Н. Традиционная усадьба гернгутера Сарепты второй половины XVIII – середины XIX века (Особенности формирования усадебного комплекса)	105
Лыхин Ю.П., Аболина Л.А. Печи и печное отопление в Восточной Сибири в XVIII – середине XIX века	118
Исаев А.Ю. Солярные навершия прямоугольных наличников Иркутска, выполненные в технике пропильной резьбы	128
Дмитриева Л.С., Шахнович А.Г. Браная орнаментика текстильных изделий русских старожилов Восточной Сибири (результаты анализа)	152

ТОПОНИМИКА

Гурулёв С.А. Новые объяснения бурятских топонимов «Залари», «Ида», «Оёк»	169
---	-----

ГЕНЕАЛОГИЯ

Пономарёва Н.С. Иркутское общество «Родословие». Истоки и развитие ...	179
Пархомов В.А. И.А. Бароцци де Эльс — создатель черной металлургии в Иркутской губернии	184

МАТЕРИАЛЫ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИРКУТСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ВООПИиК

Дулов А.В. Николай Францевич Салацкий	199
Дулов А.В. Отчетный доклад Совета регионального отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (июнь 2002 г.) на XIII отчетно-перевыборной конференции	209
Дулов А.В. Отчетный доклад президиума Совета ИРО ВООПИиК за июнь 2002 – май 2007 года	217
Список сокращений	226
Сведения об авторах	228

CONTENTS

HISTORY

Krasnoshtanov G.B. In Search of the Native Land of Erofei Khabarov	7
Pokhabov Ju.P. Jacov Ivanovich Pokhabov, Yenisei Seigniorial Son	23
Pavlov A.A. Bratskiy Ostrog in XVII century (from the history of the three fortresses)	29
Yarkov A.P. Polyethnic Area of Siberia in Representation of German Researchers	36
Igumnova N.D. Notes on the Books as a Historical Source	42
Konstantinova N.N. M.A. Krol' as a Researcher of Buryat Ethnography	47
Naumova N.N. The Schools of Spiritual Department of Nizhneudinsk District at the Edges of XIX–XX centuries	52
Smolina I.V. Palladiy (Sherstennikov) as Irkutsk Archbishop and the Founder of Church Life	58

ETHNOLOGY

Ushnitsky V.V. Horoh and Bootuloo in Sakha Structure	81
Shinkovoi A.I. Mondargoi, or the Sayan Mountains	92
Medvedev V.N. Traditional Farmstead of Gernguter of Sarepta at the second half of XVIII – the middle of XIX century (Some features of formation of a farmstead complex)	105
Lykhin Yu.P., Abolina L.A. Furnace and Oven Heating in Eastern Siberia in XVIII – the middle of XIX century	118
Isaev A.Yu. Irkutsk Solar Tops of Rectangular Platbands, Made in the Saw-Carvings Technique	128
Dmitrieva L.S., Shakhnovich A.G. Braniy Ornaments on Textile Products of Old Russian Residents of Eastern Siberia (the results of the observation)	152

TOPOONYMICS

Gurulyev S.A. New Explanation of Buryat Toponymics «Zalari», «Ida», «Oyok»	169
--	-----

GENEALOGY

Ponomaryeva N.S. Irkutsk Society «Rodoslovie». Its Sources and Development	179
Parkhomov V.A. I.A. Barocci de Els – the Founder of Ferrous Metallurgy in Irkutsk Province	184

ARTICLES about the ACTIVITY of IRKUTSK BRANCH of ALL-RUSSIAN SOCIETY for the PROTECTION of HISTORICAL and CULTURAL MONUMENTS

Dulov A.V. Nikolay Frantsevich Salatskiy	199
Dulov A.V. Report of the Council of the Regional Branch of All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments (June, 2002) at XIII Review and re-Election Conference	209
Dulov A.V. Report of Irkutsk Regional Branch Presidium of All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments for June 2002 – May 2007	217
The list of the reductions	226
Data on authors	228

Научное издание

**ИЗВЕСТИЯ
АРХИТЕКТУРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО
МУЗЕЯ «ТАЛЬЦЫ»**

Выпуск 6

Редактор и корректор: Г.Д. Лопатовская

Верстка: С.Г. Червякова

Подписано в печать 11.03.2013 г. Формат 60x90 ¼. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 29,0. Тираж 900 экз.
Заказ № 21701. Цена свободная.

Отпечатано в ООО «Репроцентр А1»,
г. Иркутск, ул. Александра Невского, 99/2,
тел.: 540-940.